

И Т.
8
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

Н. В. Новиков

ОБРАЗЫ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ
ВОЛШЕБНОЙ
СКАЗКИ

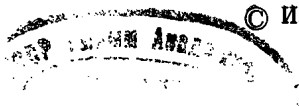

Издательство « НАУКА »
Ленинградское отделение
Ленинград
1974

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Ответственный редактор
В. Е. ГУСЕВ

И $\frac{0722-1051}{042(01)-74}$ 275-74

© Издательство «Наука» 1974

За последние годы наблюдается некоторое оживление в изучении народной прозы и, в частности, сказки. К исследованиям 1920—1930-х годов (Б. М. и Ю. М. Соколовы, В. Я. Пропп, А. И. Никифоров, Н. П. Андреев, М. К. Азадовский и др.) и к фундаментальному труду В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (1946) прибавились книги Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки» (1958), В. П. Аникина «Русская народная сказка» (1959), Э. В. Померанцевой «Судьбы русской сказки» (1965), Л. Г. Барага «Беларуская казка» (1969), опубликован ряд ценных статей и обзоров в специальных изданиях, а также предисловий к отдельным фольклорным сборникам на русском, украинском и белорусском языках (Л. Н. Пушкарев, Е. А. Тудоровская, К. П. Кабашников, А. С. Федосик, П. В. Линтур, Н. И. Савушкина, Г. С. Сухобрус и др.). И все-таки этот жанр советскими фольклористами изучен недостаточно полно и разносторонне. Речь идет не только об отсутствии вспомогательных работ, связанных с учетом, систематизацией и каталогизацией массы сказочных материалов (печатных и рукописных), что самым отрицательным образом сказывается на исследованиях, но и о слабой разработанности некоторых специальных проблем фольклористики.

Отечественное сказковедение, истоки которого относятся к первой половине XIX в., накопило немалый опыт в области собирания и издания сказочных текстов. Классические сборники русских, украинских и белорусских сказок, созданные в большинстве своем собирателями-энтузиастами, заняли достойное место в культурном наследии трех братских народов. Наряду с другими фольклорными собраниями они способствовали раскрытию мирозерцания народа, его художественных вкусов и идеалов.

Вместе с тем восточнославянские сказки, за редким исключением, не подвергались специальному сравнительному исследованию. Сказки русские, украинские и белорусские рассматривались, как правило, изолированно, что нередко порождало ошибки, когда те или иные идейно-художественные особенности, свойственные восточнославянской сказке вообще, приписывались исключительно сказкам одного народа, а это в свою очередь затрудняло выясне-

ние и национальной специфики сказок каждого из братских народов.

Учитывая все это и вместе с тем стремясь к конкретности анализа, основанного на широком привлечении фактических данных, мы, естественно, вынуждены были сознательно ограничить предмет своего исследования одним, правда, наиболее типичным сказочным жанром — волшебной-фантастической сказкой, сосредоточив главное внимание на важнейшем и менее всего изученном ее компоненте — образе-персонаже.

К образам-персонажам восточнославянской волшебной-фантастической сказки неоднократно обращались сказковеды как у нас в стране, так и за рубежом (А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, А. М. Смирнов-Кутачевский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Ю. Поливка и др.). Однако эти образы привлекали внимание исследователей постольку, поскольку они были необходимы для изучения иных проблем сказковедения — генезиса, исторического развития, формы сказки и т. п. Даже в книге Е. М. Мелетинского, специально посвященной героям волшебной сказки, персонажи восточнославянской сказки использовались автором эпизодически, так как перед ним стояла другая задача. Формально-сравнительной характеристике некоторых героев немецкой и русской сказки (в том числе волшебной-фантастической) посвящено исследование Лёвиста оф Менара.¹ Книга на такую тему — редкое явление в западноевропейской фольклористике, которую, как справедливо отмечает Е. М. Мелетинский, «привлекала прежде всего проблема сюжета, а образ героя сказки — носителя ее идеи — обычно оставался в тени».²

В учебных пособиях и популярных изданиях по русскому, украинскому и белорусскому фольклору обращение к сказочным образам-персонажам, как правило, ограничивалось беглыми, далеко не полными, а подчас и неверными характеристиками, которые к тому же нередко заслонялись и отодвигались на задний план описаниями других компонентов сказки.

Основные задачи, которые мы ставили перед собой в связи с изучением персонажа, могут быть сформулированы следующим образом. Что конкретно представляет собой образ-персонаж восточнославянской волшебной-фантастической сказки по сборникам XIX—первой половины XX в.? С помощью каких поэтических средств и приемов он создается? Что преобладает в том или ином образе — общие межнациональные или специфически национальные черты? Наконец, есть ли связь между тем или иным образом-персонажем и сказочным сюжетом, и если есть, то насколько

¹ Lövist of Menar. Der Held im deutschen und russischen Märchen. Leipzig, 1912.

² Е. М. Мелетинский Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958, стр. 4.

прочно и последовательно осуществляется она в восточнославянской сказочной традиции?

Восточнославянская волшеббно-фантастическая сказка нас прежде всего интересовала как художественное произведение народного словесного искусства в границах ее бытования, отраженных в изданиях XIX—первой половины XX в. Проблема генезиса сказки и ее ранних форм остается за пределами настоящего исследования.

Естественно, возникает вопрос, можно ли в сферу исследования включать на равных, по сути дела, правах сказочные тексты, записанные в разное время на протяжении более чем полутора-ста лет? Закономерность фольклорного процесса дает все основания ответить на этот вопрос положительно. Как установлено наукой, с XVIII в. сказка вступает в период своего непродуктивного существования. Проследив судьбы русской сказки за два столетия, Э. В. Померанцева пришла к следующему твердому и вполне обоснованному заключению, которое приложимо не только к русской, но и к сказке украинской и белорусской.

«Русская фольклорная сказка в XVIII—XX вв. всецело живет своим старым богатством, запасом традиционных схем, сюжетов, мотивов, образов, лишь приспосабливаясь к новой действительности, но в корне не изменяясь и продуктивно не развиваясь. Новая действительность, воздействуя на характер ее интерпретации, на ее роль в жизни и быту народа, отражается, однако в ней лишь в деталях, изменяющих традиционную основу, но не создает новых фольклорных сюжетов и образов».³

Сопоставляя варианты сюжетов сказок, зафиксированных в XVIII—XX вв., исследовательница устанавливает, что «между ними намного больше совпадений, чем различий, причем совпадений, гораздо более весомых, чем расхождения. Традиция оказывается сильнее тех новаций, которые приводит в сказку новая действительность».⁴

Этот важный вывод опровергает сложившиеся еще в 1930-е годы среди советских фольклористов ошибочные представления о будто бы чрезвычайной подвижности и изменчивости сказки и открывает широкие перспективы ее подлинно научного изучения в самых разнообразных аспектах и направлениях.

Один из таких аспектов мы пытаемся осветить в настоящей работе. При этом мы стремились к тому, чтобы охарактеризовать основные образы-персонажи максимально полно, полагая, что представление о том или ином сказочном герое и его национальной специфике тем полнее, чем шире произведен учет вариантов сказок трех братских народов. Этим объясняется особенность из-

³ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 203.

⁴ Там же.

ложения материала в предлагаемой вниманию читателей книге. Автор надеется, что произведенная систематизация специфических деталей, характеризующих тот или иной персонаж в совокупности его отдельных черт, принесет пользу специалисту-сказковеду в дальнейшем изучении системы образов восточнославянской сказки, а также даст необходимый материал для более конкретного анализа других проблем фольклористики.

В качестве основного сюжетного указателя сказок используется «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева (сокр.: Андреев).⁵

Список принятых сокращений названий фольклорных сборников помещается в конце книги; при ссылках на сказки называются их порядковый номер в сборнике или же страницы.

⁵ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. — Дополнительная литература по русской сказке, изданная после выхода в свет книги Н. П. Андреева: В. Я. Пропп. Указатель сюжетов. В кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 3. М., 1957, стр. 454—502. Сравнительная таблица разночтений отдельных номеров сюжетов (типов) указателя Н. П. Андреева, упоминаемых в нашей работе, с номерами указателя: *The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and Enlarged by Stith Thompson (Helsinki, 1961)*, приводится перед списком сокращений.

Как известно, само название «сказка» (укр. и белор. «казка») применительно к определенному виду устного народно-поэтического творчества возникло не сразу. Тем более не сразу были выделены и обособлены в отдельную группу так называемые волшебнo-фантастические, или, как их принято чаще называть, «волшебные», «чудесные», «фантастические» сказки, которые по своему значению и объему материала занимают одно из первых мест в восточнославянском сказочном репертуаре.

Судя по литературным источникам, в древней Руси разнообразные устные рассказы, в том числе и сказки, именовались «байками» (от слова «баять» — говорить). В термин же «сказка» вкладывалось понятие, не имеющее ничего общего с нашими представлениями: «сказками» назывались документы, различного рода показания, основанные на фактах и пр. «Самыми древними и наиболее распространенными названиями сказки являются „басня, байка“», — утверждает П. В. Владимиров.¹ Об этом же говорят С. В. Савченко, Е. Ф. Карский, Б. М. и Ю. М. Соколовы и другие исследователи.

Употребление термина «сказка» в современном значении слова относят к XVII в., точнее к 1649 г. — времени датировки грамоты Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского, где подвергаются осуждению те люди, которые «сказки сказывают небывалые».² Можно указать еще на один не упоминавшийся в научной литературе факт: повесть XVII в. «Притча о старом муже» имеет не только сказочную концовку, но и само слово «сказка» употреблено в прямом его значении: «Младому девица честь и слава, а старому мужу корова <й> сала. А хто слушал, тому сто рублей, а кто не слушал тому ожег... четцу калачик мягкой. Сей сказке конец».³

Однако такое приурочивание неточно, поскольку термин «казка» как басня, байка впервые фактически появился уже

¹ П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 138.

² С. В. Савченко. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914, стр. 8. См. также толкование басни как казки, байки, вымысла в кн.: Памва Берында. Лексикон славеноросский, и имен тлькование. [Киев], 1627, стр. 2.

³ Х. Лопарев. Сказание о молодце и девице. СПб., 1894, стр. 28.

в 1596 г. в грамматике Лаврентия Зизания.⁴ Но, отодвинув эту дату несколько в глубь истории, мы все же думаем, что и в более раннюю эпоху наряду с термином «байка» употреблялся другой термин — «сказка», имевший, по всей видимости, большее распространение не в книжной, а в живой разговорной речи. Одним из доказательств этого могут служить те многочисленные устойчивые и хорошо отшлифованные поэтические формулы, входящие в саму сказку, в которых сказка называется сказкой. Например, «Скоро сказка сказывается да не скоро дело делается», «Ни в сказке сказать, ни пером описать», «Начинается сказка от Сивки, от Бурки, от вещей каурки», «Это присказка, сказка будет впереди» и др. Подобные формулы, представленные уже в сказочных текстах XVIII в.,⁵ вряд ли могли получить широкое бытование в народе за какие-нибудь сто пятьдесят лет. Возникновение их, а следовательно, и употребление термина «сказка» в его настоящем значении, очевидно, следует относить к гораздо более раннему времени, чем даже XVI в.

Данное предположение подтверждается и другим чрезвычайно устойчивым видом фольклора — пословицами и поговорками, среди которых издавна весьма популярной является такая, как «Сказка складка, а песня быль».⁶

В общественно-литературном обиходе XVIII в., особенно во второй его половине, сказка как один из видов устного народного творчества все более и более завоевывает прочное место, отесняя на задний план понятие «сказки» как документа. Процесс этот, по всей видимости, заканчивается к середине XIX в. К этому же времени свое современное название получает былина, которая ранее (XVIII в.) также часто именовалась сказкой («богатырской сказкой» или «богатырской повестью»).

Установление разграничительной линии между эпической песней (былиной), с одной стороны, и сказкой, — с другой, во многом способствовала дискуссия, развернувшаяся на страницах периодической печати между Д. О. Шеппингом и К. С. Аксаковым.⁷ Возражая против отождествления Шеппингом сказки и

⁴ Лаврентий Зизаний. Грамматика словенска. Вильно, 1596 (раздел «Лексис, сиреч речения»).

⁵ См., например: Сказки русские Тимофеева. — Некоторые из этих традиционных формул с незначительными изменениями перешли в литературу. См., например, Г. Р. Державин:

Ни в сказке складно рассказать,
Ни написать пером красиво.
(«Добрыня»)

⁶ Н. Курганов. Российская универсальная грамматика. СПб., 1769, стр. 120.

⁷ Д. О. Шеппинг. Иван царевич — народный русский богатырь. «Москвитянин», 1852, т. VI, отд. III, стр. 15—38; К. С. Аксаков. О раз-

песни, Аксаков утверждал, что «сказка и песня различны изначально», что в песне описываются действительные события, тогда как сказка — вымысел; что отсутствие географического приурочения в песне идет от незнания, а в сказке оно сознательно. Сказка отличается также от былины характером проявления чудесного и своим языком («сказка сказывалась говорком или даже скороговоркой, а не пелась»). В противоположность Шеппину Аксаков видел также коренное различие между сказочным Иваном и песенными богатырями (Иван — это только один из русских образов, в то время как былинный Илья Муромец — представитель русского народа).

Интенсивное накопление и обнародование сказочных материалов, а также их изучение в 60-е и последующие годы⁸ выдвинуло перед учеными ряд проблем, в том числе и проблему классификации сказок.

Впервые этого вопроса коснулся еще в начале 30-х годов И. И. Срезневский.⁹ Он предложил делить сказки на три основных отдела: мифические, былевые и фантастическо-юмористические. Собственно волшебнo-фантастические сказки включались им в третий отдел («самый многочисленный»), куда также входили сказки о животных и частично бытовые.

Вслед за И. И. Срезневским в 60-е годы со своим классификационными схемами сказок выступили И. М. Снегирев, П. А. Бессонов, О. Ф. Миллер, Г. И. Успенский; в дальнейшем эту работу продолжили М. Е. Халанский, В. Ф. Миллер, Б. М. и Ю. М. Соколовы и многие другие как дореволюционные, так и советские исследователи и собиратели фольклора.

Разрабатывая различные по своему составу и характеру классификационные сказочные схемы, авторы тем не менее постоянно обращали внимание на волшебнo-фантастические сказки, выделяя их в особо обозначаемые отделы. Само название этих отделов и порядок расположения в схемах во многом зависел от того, кто эти схемы предлагал, его научных взглядов и ориентации.

У И. М. Снегирева волшебнo-фантастические сказки располагались в первых двух отделах с названиями: 1) «Сказки мифические и волшебные» (в них действуют низшие мифические существа, темные духи, например, Баба-Яга, Кащей Бессмертный,

личии между сказками и песнями русскими. «Московские ведомости», 1852. № 153; Д. О. Шеппинг. [Ответ К. С. Аксакову]. «Москвитянин», 1853, т. I, отд. VIII, стр. 50—54.

⁸ См.: С. В. Савченко. Русская народная сказка, стр. 34 и сл.; Н. В. Новиков. О собирании и сравнительном изучении восточнославянской сказки. В сб.: Русский фольклор. VIII. Народная поэзия славян, Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 81—97.

⁹ И. И. Срезневский. Взгляд на памятники украинской народной словесности. Письмо к проф. И. М. Снегиреву. «Ученые записки Московского университета», ч. VI, 1834, октябрь, IV, стр. 146.

Горыня, Дубыня, Леший, Домовой и пр.) и 2) «Богатырские» (имеется в виду былины и сказки на былинные сюжеты). По происхождению и содержанию произведения, составляющие первый отдел, Снегирев относил к древнейшим, доисторическим, и полагал, что они являются выражением языческих верований и преданий и источниками «чудесного в поэтических складках». В то же время он утверждал, что, сохраняя коренную основу древнего мифа, эти произведения с течением длительного времени сильно изменились, приняли иную окраску, так что из мира мифологического в них остались одни только отрывки, «кои трудно связать в целое, как звук в гармонию».¹⁰

Подобно И. М. Снегиреву, П. А. Бессонов также ставил волшебство-фантастические сказки на первое место как произведения, которые, по его словам, «более или менее интересны по отношению к былинам», и делил их на три рода. Это прежде всего в собственном смысле сказки былевые, или богатырские, рассказывающие «про тех же богатырей и почти то же, что и в былинах». Здесь сказка, по словам автора, лишь повторяет былинку и есть «не что иное, как былина, только разложившаяся и перешедшая в сказку». Второй род сказок — это также сказки былевые, но не богатырские, возникшие независимо от былил, «хотя нередко и обмениваются с ними некоторыми чертами и даже героями». Главным героем таких сказок является Иван-богатырь, который в разных видах своих сближается с былинными богатырями — Микулой, Ильей Муромцем, Добрыней и др. Вместе с тем в собственном «сказочном виде своем» он дробится на тысячу лиц под именами «Крестьянского сына», «Купеческого», «Царевича», «Дурачка» и т. д. При подобном герое нередко встречаются «лица и имена чисто богатырские, только в сказочной обстановке». Сказки такого рода П. А. Бессонов считал крайне важными для изучения былинного творчества, ибо они, представляя собой «изнанку или перелицовку» этого эпоса, пополняют его образы, «давая возможность при типах русского народа, обособленных былинами, усматривать черты русского человека, черты мимолетные, легкие, расплывчатые, иногда с трудом уловимые, обиходные, житейские, но, тем не менее, порою весьма глубокие, внутренние и даже древние. Сказки эти преимущественно устные и обыкновенно чисто народные; в лубочных изданиях нередки, в рукописях же встречаются мало, ибо записываться стали не так давно». Третий род сказок — лубочные. Из них Бессонов называет две — о Еруслане Лазаревиче и Бове Королевиче.¹¹

¹⁰ И. М. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1881, стр. 81—82.

¹¹ П. А. Бессонов. Заметка в сб.: Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4, М., 1862, стр. СLI—СLII, СLXXXIII.

Собственно разработку классификации сказок с позиции так называемой мифологической школы впервые в России осуществил О. Ф. Миллер.¹² Намечаемые им отделы и порядок размещения их должны были, по мысли автора, соответствовать ступеням исторического развития сказки. Вполне естественно, что на первый план он выдвинул сказки, названные им мифическими, разделив их на два подотдела: а) сказки с «чисто физическим мифом» (древнейшие)¹³ и б) сказки нравственно-мифические, или «нравоописательные» (позднейшие);¹⁴ на третье место (после сказок о животных) поставил «сказки из былин» (в том числе произведения о Никите Кожемяке и сказки-пародии на богатырей).

Воспользовавшись при распределении материалов во втором издании сборника «Народные русские сказки» классификационной схемой О. Ф. Миллера, А. Н. Афанасьев тем не менее воздержался от того, чтобы следовать за ней в наименовании отделов (последние вообще остались без наименований).

Миллеровское название «Сказки мифические» (или мифологические) было сохранено в сборниках Е. Р. Ромапова, П. В. Шейна, В. Н. Добровольского, П. П. Чубинского, отчасти М. А. Федеровского¹⁵ и некоторых других работах (преимущественно учебно-методического характера) на протяжении всей второй половины XIX и даже начале XX в.¹⁶ Однако наряду с этим существовали и другие названия этой группы сказок.

¹² См.: О. Ф. Миллер. Разбор сборника русских сказок А. Н. Афанасьева. В кн.: 34-е присуждение Демидовских наград. СПб., 1866, стр. 93—106.

¹³ Сказки, относящиеся к этой подгруппе, выражают, по Миллеру, одну и ту же борьбу света и тьмы и не выходят за пределы девяти основных сюжетов: 1) добывание белого света, отнятого змеем, или же воды, задержанной также враждебным началом; 2) добывание различных диковинок для царя, а с ними иногда и невесты — царю или самому себе; 3) спасение девы от змея или молодца из плена у морского царя; 4) возвращение от змея, или Кощея, матери, жены, сестры или дочери; возвращение женою мужа из плена; 5) спасение уснувшей, окаменелой или превращенной девы и, наоборот, спасение превращенного царевича; 6) погубление сестрами брата или оклеветывание из зависти замужней сестры; брат — жертва зависти братьев; 7) оклеветывание перед мужем любимой его сестры и далее оклеветывание ее, по выходе замуж, перед ее мужем; 8) преследование падчерицы мачехою-ведьмою; преследование пасынка или младшего сына; 9) подмена у мужа жены дочерью ведьмы.

¹⁴ В этот подраздел входят сказки о судьбе (злойной, своенравной и пр.), сказки о правде и кривде, которые «с еще большей нравственной глубиной развивают идею судьбы».

¹⁵ В сборнике М. А. Федеровского «Lud Bialoruski na Rusi litewskij» (т. II, III) первая группа сказок именуется «фантастическо-мифические» с последующим членением на сказки «мира фантастического» (говорящие звери, мифические существа, богатыри).

¹⁶ См., например: И. Порфирьев. История русской словесности. Казань, 1870; П. В. Владимиров. Введение в историю русской словес-

Уже в 1867 г. Г. И. Успенский в сочинении «О народных сказках», представленном при экзамене в Петербургском университете на звание учителя русского языка в уездных училищах, делит русские народные сказки на два больших отдела, из которых к первому относит «сказки преимущественно фантастического (разрядка моя, — Н. Н.) характера, сказки, в которых действуют жар-птицы, бабы-яги, животные, говорящие человеческим языком, и пр.».

К другому роду сказок Успенский причисляет сатирические, «выражающие — по его словам, — народные верования, народную философию».¹⁷

В 70—90-е годы сомнения в правомерности называть волшебнo-фантастические сказки мифологическими высказывались в ряде работ.¹⁸ Окончательный же приговор термину «мифологические сказки» вынес М. Е. Халанский, один из видных представителей «школы» заимствования в России, который полагал абсолютно неприемлемым называть какие бы то ни было сказки мифическими.

Опираясь на слова Н. Ф. Сумцова, что «границы мифологии висят в воздухе, ничего прочного и устойчивого здесь никогда не было, и ныне, при современном состоянии фольклора, мифология не имеет определенного содержания», он писал: «... в так называемых мифических сказках очень много позднейшего и заимствованного и мало действительно мифического».¹⁹ Подобного рода сказки исследователь предлагал именовать «чудесно-волшебными».

Таким образом, к началу XX в. постепенно определяется та основная номенклатура названий волшебнo-фантастической сказки, которая в дальнейшем при всем различии во взглядах на сказку (ее происхождение, назначение и пр.) отдельных ученых, твердо войдет в научный оборот.

Эту сказку будут называть: «чудесная» (В. Ф. Миллер), «фантастическая» (П. Н. Сакулин, Д. Д. Нагишкин), «волшебная» или «чудесная» (Б. М. и Ю. М. Соколовы, В. И. Чичеров), «волшебная» (В. Я. Пропп, Н. П. Андреев, А. И. Никифоров, М. К. Азадовский, Т. М. Акимова, Н. Д. Комовская, С. Ф. Баранов, Е. А. Тудоровская, Э. В. Померанцева, В. П. Аникин), «вол-

ности. Киев, 1896; А. Филонов. История русской словесности. СПб., 1903; Д. И. Нивинский. Народная словесность. СПб., 1914; И. И. Замотин. Русская народная словесность. Ростов-на-Дону, 1919.

¹⁷ Глеб Успенский. Материалы и исследования. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 529.

¹⁸ См., например: И. Порфирьев. История русской словесности. Казань, 1870; П. О. Морозов. Сказки. В кн.: А. Галахов. История русской словесности. СПб., 1880.

¹⁹ М. Халанский. Сказка. В кн.: История русской литературы. I. Под ред. Е. В. Аничкова, I, М., 1908, стр. 145.

шебно-фантастическая» (И. М. Колесницкая), «волшебно-фантастическая и богатырская» (В. А. Василенко), «богатырская и чародейная» (В. К. Бондарчик), «фантастико-героическая» (Г. С. Сухобрус).

Выделение волшеббно-фантастической сказки (под разными названиями) в отдельные группы происходило в классификационных схемах, основанных, по сути дела, на ее жанровых признаках. Такая классификация являлась магистральной в русской фольклористике, но были и другие, которые по тем или иным причинам (главным образом из-за сложности и громоздкости) распространения не получили.²⁰

Из всех перечисленных наименований сказки (волшебная, чудесная и т. п.) наиболее отвечающим ее жанровой специфике будет термин «волшебно-фантастическая». Этот термин, несмотря на свою условность, раскрывает два начала в сказке — волшебное и фантастическое, на которых собственно и покоится ее поэтический вымысел. Начало волшебное включает так называемые пережиточные моменты и прежде всего религиозно-мифологические воззрения первобытного человека, одухотворение им вещей и явлений природы, приписывание этим вещам и явлениям магических свойств, различные религиозные культы, обычаи, обряды и т. п. Сказка полна мотивов, содержащих в себе веру в существование «потустороннего мира» и возможность возвращения оттуда; представление о смерти, заключенной в какой-либо материальный предмет (яйцо, ящик, цветок), о чудесном рождении (от съеденной рыбы, вышитой воды и т. п.), о превращении людей в животных, птиц, рыб, насекомых, о возможности браков девушек с животными и т. д.

Фантастическое же начало сказки вырастает на стихийно-материалистической основе, замечательно верно улавливает закономерности развития объективной действительности и в свою очередь способствует развитию этой действительности. Это то, что М. Горький называл «поучительной выдумкой» — изумительной способностью «человеческой мысли заглядывать вперед факта».²¹ В ней, в этой фантастике, говорил писатель, заключается вековая мечта человека о возможности летать по воздуху («ковер-самолет»), об ускорении движения по земле («сапоги-скороходы»), об интенсификации труда (за одну ночь изготавливать огромное количество пряжи, возводить великолепные мосты,

²⁰ Например, деление сказок «сообразно естественным разделениям мирозерцания, жизни человеческой и употребление слова» (Драгоманов, стр. XIX) или с учетом их социальной роли или функции (А. И. Никифоров. Мотив, функция, стиль и классовый рефлекс в сказке. Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 287—293).

²¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 25, М., 1953, стр. 86.

дворцы и т. п.).²² Именно сказочное творчество, по словам М. Горького, облагораживало и «освежало» труд, фантазировало о «полной власти над веществом и силами природы», считая «возможным изменять это вещество, взнуздывать эти силы в интересах людей».²³

Волшебное и фантастическое в сказке органически спаяны между собой и взаимопроницаемы; при известных условиях одно может переходить в другое.

Выделение вымысла в качестве основного признака сказки производилось многими авторами теоретических трудов и учебных пособий по народной словесности — А. Н. Цертелевым, А. Н. Веселовским, И. Я. Порфирьевым, П. О. Морозовым, П. Н. Сакулиным, Ю. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, Э. В. Померанцевой и др.

Но поэтический вымысел, о котором пишут исследователи, присущ, конечно, не только сказке, но и многим другим произведениям народного творчества, не говоря уже о произведениях художественной литературы. К тому же, как резонно заметил В. П. Аникин, «еще в середине XIX века у многих сказок не было „установки на вымысел“», как не было, добавим мы, этой «установки» у многих сказок во второй половине XIX и даже в начале XX в., что и подтверждается конкретными фольклорно-этнографическими наблюдениями.

Сказка по отношению к действительности изначально остается сказкой, т. е. произведением, объективно основанным на художественной фантастике, независимо от того, верят или не верят рассказчик и его слушатели в реальную возможность всего того, о чем в ней рассказывается.

Что же в таком случае можно выделить как главное в сказке, к какой бы классификационной группе (животной, волшебнo-фантастической, новеллистической или легендарной) она ни относилась?

«Основным жанровым признаком сказки, — справедливо указывает В. Е. Гусев, — является отражение некоторых существенных коллизий и конфликтов в сфере социальных и семейных отношений, разрешение которых в конкретно-исторической действительности оказывалось невозможным, в силу чего оно и приобрело характер фантастического вымысла».²⁴

²² М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, стр. 693.

²³ М. Горький. О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних. Собрание сочинений в 30 томах, с. 27, стр. 495. О значении труда в формировании сказки см.: Л. Н. Пушкирев. Труд как основа социальных идеалов в традиционной волшебной сказке. В сб.: Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 127—150.

²⁴ В. Е. Гусев. Эстетика фольклора. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 124—125.

Специфика этого «фантастического вымысла» в сказке составляет, на наш взгляд, то, что не вмещается в обыденные рамки реальной действительности — будь то событие или поступок, либо одушевленный и неодушевленный предмет и т. п.

Необыкновенное в сказке может иметь и вполне реальное, жизненное содержание и основываться на фактах прошлого, воспринимаемых, однако, за давностью лет как выдумка, небыль, фантазия (например, мотивы людоедства и т. п.).

Необыкновенное в различных сказочных жанрах, естественно, проявляется по-разному. Если, например, в новеллистических сказках (бытовых, авантурных, сатирических) оно дается почти без привнесения элемента чудесного (более того, в некоторых из них «чудесное» разоблачается и высмеивается), то в сказках волшебного-фантастического необыкновенное постоянно представляется в виде чудесного, но достижимого или потенциально возможного: герой скачет на Сивке-Бурке «выше леса стоячего, ниже облачка ходячего» — это необычно и в то же время чудесно; чудесно и необычно воскрешать живой и мертвой водой умерших, выдувать золотые, серебряные и медные «токи», воздвигать за одну ночь прекрасные мосты, дворцы, сады и многое другое. Но нет ничего чудесного в том, например, что кучер умудряется на привале накормить голодного барина-скрягу сеном; ловкий царень — надуть легковерную барышню и выпросить у нее свинью с поросятами под предлогом, что-де барская свинья его свинье «двоюродной теткой приходится»; хитрый мужичок — продать паdkим на дармовщину попам пляпу «все заплачено»; прохожему солдату — с помощью «чудесной», а на самом деле самой обыкновенной птицы (вороны) указать хозяину, где у его жены-прелюбодейницы припрятаны выпивка и закуска, и т. п.

Подобно волшебного-фантастическим сказкам, необыкновенное в виде чудесного выступает также в сказках о животных и легендарных, но масштабы проявления чудесного в них значительно сужены: в сказках о животных оно сводится главным образом к наделению животных (и растений) человеческими свойствами (антропоморфизм), а в легендарных сказках — что уже свидетельствует также об изменении характера чудесного — к деятельности представителей христианской мифологии (Иисуса Христа, святых, сатаны и т. п.).

Что касается других жанров пародного творчества, например, былины, то необыкновенное в виде чудесного здесь проявляется совсем в иной сфере, в которой — в отличие от сказки — национально-патриотические, общественные мотивы превалируют над всеми остальными и где время и место действия имеют историческое приурочение.

Для того чтобы точнее определить, к какому жанру относится та или иная сказка, следует, помимо отмеченного нами основного

ее признака, принимать во внимание и другие существенные моменты, которые в том или ином качестве обнажаются в характере ее образов, сюжете и стиле.²⁵

2

Несомненно для подавляющего большинства современных рассказчиков и слушателей (за исключением, возможно, детей) сказка есть не что иное, как поэтический вымысел или, выражаясь народным языком, складка, ложь. О сказке как о складке (лжи) говорят такие пословицы, как «Сказка складка, а песня былъ» (вариант: «Сказка — ложь, а песня былъ»), «Сказка складом, а песня ладом красна», «Не за былью и сказка гоняется», «Всякая баутка в сказке хороша», и заключительная стереотипная формула некоторых сказок: «Сказка вся — больше (боле) врать нельзя». Однако, как далеко в глубь истории уходит такое понимание сказки и как широко оно было распространено в народе, мы сказать не можем. Во всяком случае в древнерусской письменности, насколько нам известно, представление о сказке как лишь о поэтическом вымысле не отражено и встречается только в сборниках пословиц и поговорок XVII—XIX вв.²⁶ и сказках XIX—XX вв.

Как бы то ни было, но еще для Н. А. Добролюбова, которому, конечно, никак нельзя отказать в глубоком знании народной жизни, было далеко не ясным, в каком отношении находится народ к рассказываемым сказкам, и он призывал собирателей не только фиксировать тексты, но и вести пристальные наблюдения за живой жизнью сказки, стремясь дать ответы на вопросы: «Верят ли, напр., в народе в ту разумность отношений между зверями, какая высказывается во многих сказках? Или же подобные сказки принимаются в народе таким же образом, как мы читаем поэмы Гомера? Думают ли сказочники и их слушатели о действительном существовании чудного тридесятого царства, с его жемчужными дворцами, кисельными берегами и пр.? Считают ли действительностью войну царя Гороха с грибами, могущество разного рода знахарей, колдунов, ведьм и пр., помощь доброго волшебника, защищающего невинность и т. д.? Или же, напротив, все это у них не проходит в глубину сердца, не овладевает воображением и рассудком, а так себе, говорится для

²⁵ Об отличительных жанровых признаках сказок см.: А. И. Никифоров. Сказка, ее бытование и носители. В сб.: Русские народные сказки. М.—Л., 1930, стр. 15—17; Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки, стр. 5—10; В. Е. Гусев. Эстетика фольклора, стр. 123—127.

²⁶ См., например: И. М. Снегирев. Русские народные пословицы. М., 1848 (на стр. 369 приводится пословица: «Сказка складка, а песня былъ», указывается на ее почти дословное совпадение с пословицей из рукописного сборника XVII в.).

красы слова и пропускается мимо ушей... Подобные вопросы тысячами рождаются в голове при чтении народных сказок, и только живой ответ на них дает возможность принять народные сказания за одно из средств для определения той степени развития, на которой находится народ». Ставя вопросы перед собирателями, Добролюбов не сомневался, что ответы на них будут весьма разнообразны. «Здесь, — писал он, — верят в одно и не верят в другое; тут рассуждают больше, там — меньше; в одном месте верование тускло и холоднее, чем в другом; для одних уже превращается в забаву то, что для других служит предметом серьезного любопытства и даже уважения или страха».²⁷

Наблюдения собирателей, прямо или косвенно вызванные статьей Добролюбова, подтверждают сложность отношения народа к сказке.

Одно из ранних свидетельств на этот счет, относящееся к концу 50-х — началу 60-х годов XIX в., оставил И. А. Худяков. Среди сказочников дер. Жолчино (Рязанской губ.), кто «вполне верит всему, что рассказывает», он называет отставного унтер-офицера Парфения Антоновича Антонова («Антоныч»). «Вера в языческое чудесное, — добавляет собиратель, — еще в высшей степени распространена в народе».²⁸

О вере украинцев во многое из того, что есть в волшебных («мифических») сказках свидетельствует П. П. Чубинский: «Народ всегда слушает эти сказки серьезно, спокойно, и если завязывается после рассказа разговор, то чаще высказывается слушателями удивление к рассказанным событиям или лицам и замечания о том, что все это могло быть, да и теперь может быть».²⁹

Е. Р. Ромалов утверждал, что мифические (волшебнo-фантастические) сказки для народной массы являются не сказками, а «сказаниями о чем-то совершившемся или даже совершающемся», что в существование осилков и летающих змеев она верит.³⁰

«Если рассказам про лепших, водяных, ведьм, оборотней и проч., — писал, например, Н. Е. Ончуков, — верят несомненно, то настоящим сказкам, можно сказать, полуверят».³¹ По словам собирателя, к сказкам с чудесным, волшебным содержанием и рассказчики и слушатели относятся совершенно так же, как к былинам, — двойко: и верят им и не верят. «Конечно, — продол-

²⁷ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах, т. I, М., 1950, стр. 590—591.

²⁸ Худяков, стр. 284 (примечание к «Рассказу о ведьме», № 59). Как известно, мотив посещения змеем женщины весьма распространен в сказочном эпосе восточных славян.

²⁹ Чубинский, стр. 4.

³⁰ Романов, III, стр. XVII.

³¹ Ончуков, стр. XXXIV. См. там же характеристики сказочников Г. М. и Г. П. Кашиных, стр. 503, 509.

жает он, — всегда находятся сказочники, которые усумнятся в особенности невероятных событий, излагаемых в сказке, но всегда же находятся слушатели, относящиеся с огромным участием к развитию драматизма сказок. Большинство сказок ведь немногим чудеснее былины и несколько не чудеснее большинства бывальщин про оборотней, ведьм, мертвецов, лепших и другую нечисть; я уже не говорю про различные столкновения с представителями духовного и загробного мира, так сказать из собственной практики. Тем больше, что большинство сказок с необычным содержанием относится к неведомым царствам, с неведомыми порядками и нравами, но представлению сказочников, может быть, и совсем особыми условиями самого существования». ³²

Ончуков ссылается на сказочника Мопнакова, грамотного человека из посада Уна, который, рассказав сказку о князе Барсукове (доставание короны в Вавилонском царстве), полную невероятностей, «безусловно верил» включенному в нее рассказу о том, как нарисованного на стене змея раздули и он ожил, верил в то, что Барсуков — это действительно существовавшая историческая личность и пр. Что касается сказок про богатырей (Елинки, Горыньки, Усыньки и др.), то их, утверждает собиратель, народ воспринимает как легенды про богатырей, которые когда-то были и которые до сих пор поражают его ум величием своей силы. ³³

В числе некогда существовавших силачей Чубинскому называли Ивана-Верны-Гора и Кати-Горошка, из которых первый, будучи всего лишь семи лет от роду, одним мизинцем переворачивал горы. ³⁴ Тот же собиратель приводит и другое народное предание о вельтиях (великанах): «„Вельтни“ или великаны существовали только до потопа. Когда начали появляться настоящие люди, то допотопный человек, нашедши однажды на поле плуг с шестью вилами и „плугатором“, забрал все это на свою ладонь, принес к отцу и просил его объяснить, что это за червячки? Отец объявил ему, что после них (т. е. отца с сыном) будет на земле такие точно люди». ³⁵

П. А. Кулиш приводит рассказ стариков-украинцев, утверждавших, «что некогда были люди совсем не такие, как теперь: были, сказывают, и огромные и быстрые, так что одна нога доходила нам до плеча, а наши хаты теперь были бы для житья им не по размеру». ³⁶

³² Там же, стр. XXXV.

³³ Там же.

³⁴ П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. I, вып. 1, СПб., 1872, стр. 216 (Ср.: Яворский, 2, «Великаны и маленькие люди»).

³⁵ Там же.

³⁶ П. А. Кулиш, Записки о Южной Руси, т. I. 1856, стр. 172—173.

Демонстрируя свою исполинскую силу, богатыри (великаны) народных преданий с корнем вырывают громадные сосны;³⁷ втаскивают на гору многопудовый мельничный жернов; плечом поднимают угол дома и кладут под него шапку обидчика; бросают «колоду» да так, что она на сажень уходит в землю; вместе с копей, которого табунщики капатом удержать не могут, бьются со змеем и т. п.³⁸

«Действительные события, — пишет А. К. Сержпутовский, — смешиваются в рассказах белоруса вместе с чудовищным вымыслом. Зачастую сам рассказчик не сознает, где оканчивается действительность и где начинается вымысел. Таковы, например, рассказы о страхах, хождении мертвецов, о проделках колдунов и т. п. Народ смотрит на сказочные эпизоды, как на действительно бывшие события».³⁹ Тот же собиратель указывает на одного из своих талантливых сказочников — Леона Лебеда, который «любіў слухаць казкі і вырыў, што яму кажуць прауду. — „Багі яго святые ведаюць, — казаў ён, — мог гэта калі была і прауда“».⁴⁰

На вопрос, который ставил перед собой Д. К. Зеленин, верят ли его пермские сказочники в действительность описываемых ими в сказках событий, он должен был отвечать «скорее утвердительно, чем отрицательно».⁴¹

Вера в сказочных богатырей вообще живуча в народе. Отголосок этой устойчивой веры мы находим даже у некоторых современных сказочников. Так, Ф. П. Господарев при изложении сказки «Портупей-прапорщик» с самым серьезным видом утверждал: «Богатыри были, раньше богатырями воевали. Богатыри были люди такие. У другого богатыря не было предмета волшебного. Большой богатырь сам себя в деревне не выказывал. Как только узнают, что он сильный, его забирают в государство, и он что

³⁷ Federowski, I, 783.

³⁸ Манжура, стр. 8—9. В записи того же собирателя см.: Поверья о богатырях. «Живая старина», вып. I, 1892, стр. 80.

³⁹ Сержпутовский, стр. III—IV.

⁴⁰ Сержпутовский, Слуцк., стр. IV. Ср. с искренним восклицанием: «не знаю только, правда это или нет!», которым изредка прерывал свой рассказ известный пермский сказочник А. Д. Ломтев (Зеленин, Пермск., стр. XLII).

⁴¹ Зеленин, Пермск., стр. XLII. Ср.: Зеленин, Вятск., стр. XXIV: «У Верхорубова, самого лучшего и вместе с тем самого интеллигентного из числа моих сказочников, иногда проскальзывает критическое отношение, недоверие к рассказываемой сказке, но самые восклицания, вырывающиеся у него в таких случаях, лучше всего доказывают, что, как общее правило, наш сказочник вполне верит в действительность описываемых им в сказках событий».

Не верой ли в достоверность сказочного повествования объясняется то, что сказки на русском Севере иногда именуют побывальщинами. Так, сказочник Я. В. Паташов с Мезени сказку «Вод Водович и Иван Водович» заключил словами: «Ну, вот тебе одну побывальщину сказал» (Никифоров, Ск., 99).

хочет, там пьет и ест, его и кормят и поят там».⁴² Не сомневался в существовании сказочных богатырей и Ф. И. Зыков. «Были же, значит, этакі люди, — говорил он, — ведь не напрасно пади это все сказываютца».⁴³ Веру в жизненную реальность сказочных персонажей выражала и А. Л. Зайцева. «А то как же, — говорила она собирателю, — в старину все было. Ужли старые люди станут брехать?! Какая им корысть! И змеи были, и богатыри были, и колдуны-волшебники. А ведьмох я сама видала».⁴⁴

Как проявление древнейшего пережитка веры в магическую силу сказок на Украине в XIX в. отмечен обычай, по которому строжайше запрещалось сказывание сказок летом; считалось, что нарушение этого обычая неминуемо должно пагубно отразиться на поголовье овец.⁴⁵

Пословица «Сказка складка, а песня быль» не может быть принята как нечто постоянное во взгляде народа на сказку и песню, на характер их отношения к действительности. Судя по данным фольклора, сказка иногда именуется народом былью, а песня воспринимается как небыль.

Прямо противоположный смысл приведенной поговорки заложен и в ряде сказок на тему «Спор о песне и сказке».⁴⁶

Нет никаких доказательств того, что народ проводит твердое и постоянное различие между песней и сказкой по упоминавшейся поговорке «Сказка складка, а песня быль». Более того, на севере России бытует поговорка, содержание которой прямо противоположно только что приведенной: «Сказка бухтинка (здесь: правда, быль) песня — ложь».⁴⁷ Даже былинку («старину»), самую что ни на есть «правдошную» песню с четко выраженной исторической канвой или саму историческую песню народ может именовать сказкой.⁴⁸

Волшебно-фантастическая сказка полна всевозможных чудес-

⁴² Господарев, стр. 289. Ср. предания о богатырях: Драгоманов, 4, стр. 251—254; Добровольский, 3, 4, стр. 402—404.

⁴³ Азадовский, Сиб., стр. 54.

⁴⁴ Тумилевич, Ск., стр. 226, ср. стр. 35—36.

⁴⁵ «В летнее время простолюдин сказок не говорит, от поверья, что овцы у того, кто их говорит, перестанут ягниться» (Н. Арандаренко. Записки о Полтавской губернии в 3 частях, ч. II. Полтава, 1849, стр. 209); «Нельзя казок казать, як начнут ягнятя плодиться» (Драгоманов, стр. 20, «Примеры и поверья»). О том же упоминает в описании быта чумаков Гр. Данилевский: «Летом нельзя говорить сказок, по поверью, что от этого падают овцы» (Гр. Данилевский. Правы и обычаи украинских чумаков. «Библиотека для чтения», 1857, т. 143, стр. 23). Ср.: Романов, III, стр. 52.

⁴⁶ «Этнографическое обозрение», 1896, кн. X, № 3 («Смесь»); Романов, IV, 61а, б, в.

⁴⁷ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, кол. 224 (Материалы фольклорной экспедиции 1962 г. в Вологодскую область).

⁴⁸ См., например, Гильфердинг, III, 215 («Добрыня и Алеша») и 317 («Кострюк»).

ных превращений. Это сближает ее со многими другими произведениями восточнославянского фольклора — обрядовой песней, в частности, песней заживной, величальной, былинной, балладой. Вера в возможность чудесных превращений сохранилась от глубокой древности⁴⁹ до самого позднего времени. Как свидетельствует В. Н. Татищев (XVIII в.), эта вера в превращения человека в медведя, сороку, дым твердо удерживалась не только «между подлостью» (т. е. простым народом), но и «нерассудными» дворянами.⁵⁰ Н. А. Иваницкий (90-е годы XIX в.) констатировал, что «случаи обращения людей в животных и в деревья до сих пор считаются у вологодского народа вполне возможными и нередкими. Лягушки повсюду признаются обращенными людьми; во многих местах и медведи. Всего же чаще люди обращаются в волков».⁵¹

По наблюдениям собирателей и высказываний самих сказочников можно судить, что не ко всем сказкам народ подходит одинаково. Одни сказки пользуются у него вниманием, уважением и доверием; к другим же он относится с пренебрежением, отказываясь даже от их исполнения, а если и берется все же исполнить, то с большой неохотой. Так, например, взрослые современные сказочники «редко снисходят» до исполнения «ребячьей» сказки или сказки о животных, называя ее пустяком.⁵² Отдельные сказочники ценят только «красивые старинные» сказки, а все остальное презрительно называют враньем. «Это я тебе красивые, старинные все сказываю, — заявляла Анна Антоновна Слепая собирательнице, — и другие есть, да те врак — не так хороши».⁵³

Среди дореволюционных рассказчиков, конечно, были и такие, которые сказку воспринимали как чистый вымысел, игру фантазии. К ним, например, относится Е. М. Кокорин (Чима). «У Ефима Максимовича, — пишет собиратель А. А. Макаренко, — представление о сказке было самое реалистически-прозаическое.

⁴⁹ См., например: И. П. Хрущев. О древне-русских исторических повестях и сказаниях XI—XII столетия. Киев, 1878. Ср. также о чаровнике у Иоанна Экзарха: «се же есть первое, тело свое хранит мертво, и летает орлом и ястребом, и вороном и дятлем, рыщут лютым зверем и вопрем диким, волком, летают змием, летают рысью и медведем» (К. К а л а й д о в и ч. Иоанн, ексарх болгарский. М., 1824, стр. 211). Наивная вера в чудесные превращения с большой художественной силой запечатлена в классическом памятнике древнерусской литературы XII века «Слове о полку Игореве».

⁵⁰ История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная Татищевым. Книга первая. Часть первая. М., 1768, стр. 110—111.

⁵¹ Н. Иваницкий. Замечка о народных верованиях в Вологодской губ. «Этнографическое обозрение», 1891, кн. X № 3, стр. 226—228. См. также: П. П. Чубинский. Труды Этнографическо-статистической экспедиции. . . , стр. 223—224.

⁵² Карнаухова, стр. 383.

⁵³ Там же, стр. 373.

Свое отношение к ней он выразил однажды в стильной поговорке: „Песня — быль, сказка — врач“. (Так!)».⁵⁴

У современных же сказочников убежденность в достоверности сказочного повествования почти полностью снимается. Так, Антон Чирюшник, рассказывающий сказку «О трех богатырях — Вечернике, Полуношнике и Световике», в заключение без обиняков отметил, что «это — ерунда ребячья».⁵⁵ О сказке, как о болтовне, говорили многие хорошие сказочники и рядовые колхозники участникам фольклорной экспедиции, проводившей свою работу в 1935 и 1936 гг. в Саратовской области («Сказки! Да ведь это все болтовня одна»)⁵⁶ А. Ф. Дворецкова все свои сказки вообще называет «болтушками»⁵⁷ В. А. Калинин сказку «Леший» заключает такими словами: «В прежно время верили, а теперь не верят ничему».⁵⁸

Таким образом, не вызывает сомнения, что взгляд восточнославянских народов на сказку в XIX—начале XX в. отличается противоречивостью: ей верят и не верят. Несомненно, чем дальше в прошлое, тем вера в сказку и ее героев была распространеннее и устойчивее. И это вполне закономерно, поскольку основу сказки составляют языческие представления, которые лишь с течением длительного времени изживаются в сознании народных масс.⁵⁹ Одновременно с ослаблением веры в сказку усиливается ее эстетическое содержание и ее герои все более воспринимаются как художественные образы.

3

Одним из постоянных и устойчивых компонентов сказки является ее сюжет. Сюжет не создается народными сказочниками-исполнителями. Он переходит к ним по традиции. Импровизационно-художественная разработка сюжета, при бережном сохранении главнейших его особенностей, составляет то, что мы называем искусством рассказывания сказки.

Сюжетное разнообразие является важным показателем богат-

⁵⁴ А. А. Макаренко. Две сказки русского населения Енисейской губернии. «Живая старина», 1912, вып. II—IV, стр. 354. Ср. отношение к сказке как к забаве, «пустому делу» у С. К. Чалкова (Ончуков, стр. 153).

⁵⁵ Азадовский, Сиб., стр. 83—113.

⁵⁶ Ск. Сар. обл., стр. 7—8.

⁵⁷ Чернышев, стр. 293. Ср. также у Ф. А. Бобрецова: «Сказка — враль» (Никифоров, 6).

⁵⁸ Рождественская, стр. 156.

⁵⁹ Насколько пережитки язычества с его обрядами и верованиями в колдовские чары, чудесные превращения и пр. были живучи во всех без исключения классах древней и средневековой Руси, свидетельствуют многочисленные материалы, вошедшие в книгу А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (т. III, М., 1869, стр. 596—658, гл. XXVII «Процессы о колдунах и ведьмах»).

ства сказочной традиции того или иного народа. В этом отношении восточнославянская волшебнo-фантастическая сказка представляет несомненный интерес.

Достаточно сказать, что если отдел «Волшебные сказки» в известном «Указателе сказочных сюжетов» Аарне включает 192 типа, то в русском репертуаре их насчитывается 144, в украинском — 187, а в белорусском — 230. Небезынтересно отметить, что именно восточнославянская волшебнo-фантастическая сказка больше, чем сказки других видов, имеет общие сюжеты с западноевропейской, что, как не без основания указывал Ю. М. Соколов, «говорит за их значительную древность».⁶⁰ Так, например, из 192 типов каталога Аарне в русском репертуаре их имеется 106, а в украинском — 115.⁶¹

Учитывая не только количественную, но и качественную сторону опубликованных сказочных текстов (их разработанность, традиционную выдержанность, устойчивость), можно сказать, что основной сюжетный костяк волшебнo-фантастических сказок в равной степени популярен как у русских, так и украинцев и белорусов. Наибольшей же известностью среди трех братских народов пользуются сюжеты: «Победитель змея» (Андреев, 300 А), «Бой на калиновом мосту» (300 *В), «Три царства» (301), «Два брата» (303), «Девушка, встающая из гроба» (307), «Чудесное бегство» (313), «Звериное молоко» (315 А), «Неверная жена» (315 *В), «Хитрая наука» (325), «Ивашка (Жихарка и пр.) и ведьма» (327 С), «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (400 А), «Марко Богатый» (461), «Мачеха и падчерица» (480 *В), «Шесть чудесных товарищей» (513 А), «Сивко-Бурко» (530 А), «Конек-Горбунок» (531), «Волшебное кольцо» (560), «Чудесная птица» (567); «Правда и Кривда» (613), «Иван-Медвежье Ушко» (650 А), «Безручка» (706), «Чудесные дети» (707), «Мертвая царевна» (709).

Однако имеются отдельные сказочные сюжеты, которые не являются общими для трех братских народов. Так, сюжеты «Царевич-рак» (440) и «Братья-вороны» (451), бытующие на Украине и в Белоруссии, в русском материале не зарегистрированы, и, на-

⁶⁰ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1941, стр. 304.

⁶¹ См.: Н. П. Андреев. 1) К обзору русских сказочных сюжетов. В сб.: Художественный фольклор, вып. II—III, М., 1927, стр. 59—70; 2) К характеристике украинского сказочного материала. В сб.: С. Ф. Ольденбургу, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 59—72; Л. Г. Баранг. Белорусские пародные сказки. «Ученые записки Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября», вып. 9, Серия филол. наук, № 3, Уфа, 1962, стр. 381—382. — Содержащиеся в этих статьях цифровые данные, часть из которых мы приводили, носят, конечно, условный характер, поскольку получены в результате обследования преимущественно печатных сборников. Впрочем, Н. П. Андреев не без основания полагал, что в характере самих сборников «отражается (хотя и не вполне точно) характер самого репертуара».

оборот, сюжет «Глиняный Иванушка» (333, В), представленный в русском репертуаре восемью записями, в украинской, белорусской и западноевропейской традиции отсутствует. Только в России и Белоруссии зарегистрированы сказки «Окаменелое царство» (*410 I), «Морока» (*664), «Борма-ярыжка» (*485 А) и т. д.⁶²

Уже при самом беглом ознакомлении с восточнославянской сказкой невольно обращаешь внимание на волшебнo-фантастическую как самую значительную по своим размерам. В этом отношении особенно выделяются (в своей основной массе, конечно) тексты севернорусские и белорусские. На размер сказки большое влияние оказывают национальная (местная) поэтическая традиция и конкретные условия ее (сказки) бытования (склад сказочника, наличие у него и его слушателей свободного времени и т. д.). Вообще для опытного сказочника, свободно владеющего материалом, укоротить или удлинить сказку, смотря по обстоятельствам, не составляет особого труда. «Сказка — гармошка, — образно говорил Ф. П. Господарев, — ее можно растянуть, сделать долгой, а можно и короткой, как придется».⁶³

Возможность сужения и расширения сказочного полотна заложена и в самой архитектонике волшебнo-фантастической сказки. «Долгая» волшебнo-фантастическая сказка обычно покоится на контаминации нескольких традиционных сюжетов. Не выходя за пределы готового сюжетного «фонда», сказочники могут опускать или, наоборот, вводить тот или иной сюжет и таким образом регулировать размер сказки. Прием этого — один из основных и наиболее распространенных в творческой практике восточнославянских сказочников. Здесь стоит лишь оговорить, что сам процесс исключения или ввода сюжетов, последовательность их сплетения в сказке находится не только в зависимости от личного желания рассказчика, как это было принято полагать в нашей науке 1930-х годов, но и, пожалуй, в большей степени от установившейся национальной традиции.

Из зафиксированных «Указателем» сказочных сюжетов наиболее свободно и чаще всего вступает в контакт с другими сюжет «Победитель змея» (Андреев, 300), за которым, однако, А. И. Никифоров считал «неправомерно-сохранять... наименование особой сказки», а «более правильно видеть в нем только подвижный эпизод, вовлекаемый в связь с другими по мере надобности».⁶⁴ Этот «подвижный эпизод», например, в русском материале входит в сочетание более чем с 20 сюжетами.⁶⁵ Контаминация других сюжетов волшебных сказок носит сравнительно ограниченный ха-

⁶² Более подробно о сходстве и различии в сюжетном составе сказок русских, украинских и белорусских см. указанные работы Н. П. Андреева и Л. Г. Барага.

⁶³ Господарев, стр. 41.

⁶⁴ Никифоров, стр. 141.

⁶⁵ Там же.

рактически. Так, продолжением сказки о «Царевне-лягушке» (402) обычно служит сюжет «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (400 А), который в свою очередь может соединяться также с сюжетами «Елена Премудрая» (329) и «Животные зятя» (552); сказка «Чудесная птица» (567) разрабатывается или самостоятельно, или в сочетании с сюжетом «Рога» (566) и т. д.

Существуют определенные сказочные разряды, внутри которых только и возможна контаминация тех или иных сюжетов. Сюжеты, выходящие за пределы этих разрядов, не могут быть практически соединены между собой, что и подтверждается всем опытом сказочников, независимо от того, в какой степени каждый из них обладает даром импровизации.

Наглядным примером того, как национальная традиция воздействует на характер контаминации сюжетов, может служить сказка об Иване-Медвежьем Ушке (Андреев, 650 А). В русской традиции эта сказка чаще всего заключается сюжетом «Три царства» (301) и не вступает в соединение с сюжетом «Звериное молоко» (315 А), тогда как для карельской традиции, напротив, такое соединение не исключается.⁶⁶

Отбор сюжетов и их комбинирование в сказке оказывают существенное влияние не только на ее форму, но и на содержание, на развитие образов-персонажей сказки. В дальнейшем, в ходе исследования мы и постараемся проследить на конкретном материале зависимость характера образа от сюжета.

Мир персонажей восточнославянской волшебной-фантастической сказки необычайно многообразен. Эти персонажи в своей совокупности составляют определенную систему образов. Центральное место в ней занимают положительные герои, наделяемые силой, мужеством, смелостью, упорством в достижении цели, красотой, подкупающей прямоотой, честностью и многими другими идеальными физическими и моральными качествами, представляющими в глазах трудового народа наивысшую ценность в человеке. Это как бы персонажи первого ряда. Они в свою очередь разделяются на две большие группы — герои-богатыри (Покатигорошек, Медвежье Ушко, Иван Сучич и т. п.) и «иронические удачники» (Незнайка, Иванушка-дурачок, Емеля-дурачок). Во втором ряду располагаются помощники героя. Без них не обходится ни одна волшебная-фантастическая сказка. В числе помощников его могут быть люди, животные, фантастические существа, чудесные предметы (волшебный конь, Невидимка, дубинка). Наконец, в третьем ряду находятся противники героя — коварные, завистливые, жестокие и неблагодарные. Ими могут быть люди или фантастические существа (Змей, Кащей Бессмертный, царские зятя и т. п.).

⁶⁶ См.: У. С. Конкка. Карельская сатирическая сказка. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 62. — Сюжетный ход, свойственный карельской сказке, встречается также в одной из сказок М. М. Коргуева, которую, как отмечает автор книги, сам сказочник называл не русской, а финской.

В отличие от литературного образа с его неповторимым индивидуальным характером сказочный образ в силу специфики фольклорного обобщения обладает, если можно так выразиться, чертами «групповой индивидуализации», являясь в самом прямом смысле слова типом. И какие бы нюансы ни приобретал образ в устах отдельных сказочников, он всегда остается определенным типом, сохраняя весьма устойчивые, обязательные, характерные для него признаки, по которым мы безошибочно узнаем данный персонаж, независимо от того, под каким именем он выступает в сказках. В настоящем исследовании мы и попытаемся определить «ядро» каждого из таких типов восточнославянской волшебной-фантастической сказки. Конечно, на характеристику сказочного типа влияет ряд обстоятельств: эпоха и социальная среда, в которой бытует сказка, местная традиция, наконец, индивидуальность сказочника. Некоторые вариации в разработке того или иного персонажа будут раскрыты в отдельных разделах книги. Но раскрыть все возможные модификации типа — дело специальных исследований, нас же интересовала совокупность тех черт, которые составляют сущность данного типа.

В своей основной массе сказочные образы-персонажи статичны: положительный сказочный герой от начала и до конца повествования остается положительным, а отрицательный — отрицательным. Об этом неоднократно говорилось в нашей литературе. Однако это общепринятое положение все же нуждается по крайней мере в двух оговорках. Во-первых, нельзя не заметить, что, например, в ряду помощников героя не все изображаются только в одном раз данным качестве (положительном). Качество это может развиваться и переходить в свою прямую противоположность, что прекрасно раскрывается на поведении братьев или встречных богатырей — помощников героя в сказке на сюжет «Три царства» (Андреев, 301 А, В), которые сначала искренне благоволят и бескорыстно служат ему, а затем изменяют. Во-вторых, следует иметь в виду, что сам положительный сказочный герой часто представляется как бы в двух аспектах: для слушателей и для окружающих его действующих лиц. В глазах первых он всегда идеален и сущность его не подлежит сомнению и разгадке, в какие бы одежды он ни рядился и какие бы действия и поступки ни совершал. Для вторых — личность героя эволюционирует, поскольку до поры до времени видимое в нем ошибочно принимают за действительное.

Все это свидетельствует о том, что сказочные образы-персонажи не так просты, как это кажется с первого взгляда, и традиционная характеристика многих из них, закрепленная в нашей науке, нуждается в известных коррективах.

ГЕРОИ-БОГАТЫРИ

Восточнославянская волшебнo-фантастическая сказка знает несколько типов положительных героев. Нас будут интересовать преимущественно два из них — это тип богатыря (белор. — асилка), наделенного титанической сверхъестественной физической силой, и тип «иронического удачника» (М. Горький). Различие их в облике и способах действий не исключает, однако, тех общих целей, которые они перед собой ставят, и главную из них — победить коварного и могущественного противника, освободить из-под его власти свою невесту (жену), сестру или мать, жениться на прекрасной царевне-королевне.

Герой восточнославянской сказки обычно носит имя Иван. Это имя нарицательное и традиционное. Вместе с тем, как всякое имя в сказке, оно может употребляться сказочником, а может и не употребляться, заменяться другим и пр.¹

Совершенно по-иному обстоит дело со многими сказочными прозвищами, которые, несомненно, намного архаичнее имен, заимствованных Русью у Византии в X в. вместе с принятием христианства. Устойчивость и постоянство этих прозвищ может быть объяснено не только древностью образования многих из них, но и тем, что они непосредственно связаны с характером самих образов и, следовательно, с содержанием сказки, ее поэтической структурой, с чем обязан считаться и считается сказочник. Поэтому, если герой по имени Иван может действовать почти в любой из сказок, то уже Иван Сучич или Ивашко-Медвежье Ушко — лишь в сказках с определенным сюжетом и в определенных ситуациях, причем однотипных или сходных для сказок русских, украинских и белорусских.

¹ Тенденция разнообразить имена сказочных героев заметнее всего проявляется в сказках позднейшей записи, например, у Винокуровой, где место обычного Ивана замещают Микита, Василий, Дмитрий (см.: Азадовский, Верхн., 3, 4, 7, 9, 14). О своем безразличном отношении к имени героя свидетельствуют подчас и некоторые сказочники. См., например: Никифоров, Ск., 106: «Почему ты плачешь, скажем, Иван (Ну хоть пускай Иван)». Напротив, М. М. Коргуев имя Иван старается сохранить в силу традиции: «а уж меньшей, как всегда рассказываетца, был Иван» и мотивирует это тем, что «без Ивана сказка редко уже живет» (Коргуев, 7).

Основные герои, как, впрочем, и многие другие персонажи волшеббно-фантастической сказки, получают прозвища в зависимости от: а) обстоятельства рождения, в том числе чудесного зачатия, б) своих — внутренних и внешних личных — качеств, в) социального положения, условий (образа) жизни и поведения.

Среди основных героев восточнославянской сказки чаще всего фигурируют:

а) по обстоятельствам рождения — Покатигорошек, Медвежье Ушко, Иван Зорькин, Иван Сучич, Иван-кобылин сын, Иван Волович (Быкович), Иван Водыч, Иван Ветрович;

б) по личным качествам — Иван-дурак, Емеля-дурак;

в) по социальному положению, условиям жизни и поведению — Иван-царевич, Иван-крестьянский (мужицкий, солдатский) сын, Стрелец (Андрей Стрелец), Незнайка, Иван Запечный, Трем-сын, Найден (Найден Попович).²

Как правило, сказочные богатыри происходят от чудесного зачатия, с рождения наделяются непомерной физической силой: действия каждого из них (в пределах восточнославянской сказочной традиции) ограничиваются определенным сюжетом или группой сюжетов. Таковы, например, Покатигорошек, Медвежье Ушко и некоторые другие, к характеристике которых мы и переходим.

ПОКАТИГОРОШЕК

Имя «сильно-могучего богатыря» Покатигорошка³ связывается обычно с сюжетом «Брат спасает от змея (и т. п.) сестру и братьев» (Андреев, *312 I): сестра похищена змеем (редко: чертом, дьяволом, проклятым); старшие братья ищут ее; змей (и пр.) убивает их; младший брат (Покатигорошек) спасает сестру и оживляет братьев (Афанасьев, 133; ⁴ Сказки XIX в., 20; ⁵ Данилевский, стр. 187—196; Драгоманов, 3; Rokossowska, 5; Малинка, 25; Чмыхало, 30; Левченко, 514; Добровольский, 37; Шейн,

² Двучленные имена героев, широко представленные в восточнославянской сказочной традиции, Лёвис оф Менар относил к одной из самобытных ее черт.

³ Богатырь может также именоваться: у русских — Иван-Горох, Иван Горошко (Карнаухов, 89; Сказки XIX в., 20), Кати-Горошек (Ковалев, 8), Иван-Покати-Горох (Смирнов, 11), Перекати-Горошинка, Горошинка (Жив. ст., стр. 300—301), Окати-Горошка (Карнаухова, 41), Горошина, Горошинка (Чернышев, 23); у украинцев: Горішок (Кравченко, 125), Коты-і-горошо-єк (Максимович, стр. 100—101; Данилевский, стр. 187—196; Чубинский, 61; Чмыхало, 30; Роздольский, VII, 33; Малинка, 25; Сухобрус, стр. 95—106); у белорусов: Горошок (Шейн, 83), Каці-горошык (Шейн, 45; Federowski, I, 338, 339; II, 62), Катигорошинка, Катигорошка (Добровольский, 37).

⁴ Украинский текст, зап. М. Максимовичем.

⁵ Это самая ранняя запись, впервые опубликованная в сборнике Б. Бронницына «Русские народные сказки» (СПб., 1838).

46, 83; Federowski, I, 338, 339; II, 62).⁶ Продолжением этого сюжета может быть «Три царства: золотое, серебряное и медное» (Андреев, 301 А, В): Покатигорошек отправляется «в свет», встречает силачей — Вернидуба, Вернигору у пр.; берет их к себе в товарищи; поочередно варят обед; Покатигорошек спускается под землю, спасает царевен от змея (чудовища и т. п.); товарищи не вытаскивают его из ямы, но он спасается с помощью чудесной птицы (Смирнов, 11; ⁷ Карнаухова, 89; Данилевский, стр. 187—196; Чубинский, 63; Роздольский, VII, 33; Малинка, 24; ⁸ Левченко, 513; Сухобрус, стр. 95—106).

В одном из ранних белорусских текстов, записанных М. Дмитриевым (Афанасьев, 134), окончанием сказки служит сюжет «Бой на калиновом мосту!» (Андреев, 300 В).

Сюжет «Три царства» с участием Покатигорошка разрабатывается и самостоятельно (Жив. ст., стр. 300—301; Карнаухова, 41; Ковалев, 8; Чубинский, 61,⁹ 62; Moszyńska, 7; Левченко, 471; Шейн, 45).¹⁰

В сказке «Богатырь Горошина» (Чернышев, 23) контаминируются сюжеты: «Иван-Медвежье Ушко» (Андреев, 650 А) и «Победитель змея» (Андреев, 300 А). Своеобразно разрабатываются сказки с участием: Катигорошка — у Максимовича (стр. 100—101) и Горішко — у Кравченко (125). Собственно, Катигорошек в кратком пересказе сказки Максимовичем только своим рождением (от горошины) связан с этим героем; в остальном он подменяет собой Трем-сына (Трех-сына), который выступает в роли исполнителя трудных задач (царя, царевны и пр.) (см., например: Садовников, 12; Чубинский, 76; Ромапов, III, 41). У Кравченко Горішок — это хитрый и оборотистый трехлетний «хлопец», сын бедного мужика, ловко проводящий глупого барина, чумаков и своего богатого дядю. Как видно, характер и образ действия этого персонажа уже всецело принадлежат новеллистической сказке.

В эпизодических ролях силачи с именами Горох и Гороховик нам встретились в двух текстах (Ск. Сар. обл., стр. 124 и Рома-

⁶ Тот же сюжет разрабатывается с некоторыми изменениями: вместо Покатигорошка действуют: безымянный герой (царский сын) — Смирнов, 279 (без оживления братьев) и 323; Ларокопей-царевич — Зеленин, Пермск., 27; противником богатырей выступает Ворон Воронович.

⁷ Вместо чудесных товарищей-силачей действуют братья Покатигорошка.

⁸ Как у Смирнова, 11, вместо силачей действуют братья.

⁹ В сказке необычна концовка: после борьбы с «Сам на корок», из которой Покатигорошек выходит победителем, он отправляется по свету, встречает глупых людей и учит их уму-разуму: как, не загоняя стадо коров и пр. на крышу, получить для них выросшую там траву (Андреев, 1210), как истребить мышей (1281), как угадать наступленья дня (по петуху) — все эпизоды из цикла рассказов о пошехонцах.

¹⁰ В очень лаконичной записи у Роздольского, VII, 27; Катигорошек соревнуется и борется с «дидком», побеждает его и освобождает панну.

нов, III, 12). И здесь и там они выполняют функции чудесных спутников героя: в первом — Ивана-Медвежье Ушко, во втором — царского внука «лыцаря» Давидоновича.

Обратимся к сказкам на сюжете «Брат спасает от змея (и т. п.) сестру и братьев», разрабатываемый отдельно и в соединении с сюжетами «Три царства» и «Бой на калиновом мосту», как выражающим с наибольшей рельефностью типичные черты образа Покатигорошка.

Рождению героя сказка обычно предпосылает краткое описание его семьи и той драмы, которая в ней разыгрывается. Почти во всех вариантах семья Покатигорошка состоит из отца и матери (исключения: матери-вдовы — Карнаухова, 89; Роздольский, VII, 33; Rokossowska, 5; Малишка, 24), двух братьев (исключения: три брата — Шейн, 46; четыре брата — Federowski, I, 338; шесть братьев — Драгоманов, 3; Сухобрус, стр. 95—106; семь братьев — Federowski, I, 339; восемь братьев — Чмыхало, 30; двенадцать братьев — Чубинский, 63; Малинка, 24) и одной сестры (исключения: две сестры — Малинка, 25).

В социальном отношении семья Покатигорошка преимущественно крестьянская, «хлопская» (Драгоманов, 3) и лишь в двух вариантах — царская (Смирнов, 11; Сказки XIX в., 20) и в одном — купеческая (Добровольский, 37). Это обстоятельство накладывает известный отпечаток на завязку большинства сказок о Покатигорошке и на его облик, как небыкновенного крестьянского сына-богатыря. «Був собі чоловік да жінка, а у них було два сина і дочка. От батько посилає сині орати; вони кажуть: „А хто нам обідать принесе?“. Батько каже „Дівка“ А Дівка каже: „Я дороги не знаю“. От брати кажуть: „Як зійдеш на гору, так буде три дороги; на которой дорозі стружки будуть лежать, то ти по тій і йди“. Так починається сказка «Покатигорошек» в сборнике Афанасьева (133). Зачин этот в сказках варьируется главным образом за счет привнесения некоторых бытовых подробностей: сыновья отправляются пахать (орать), после того, как лишившись отца-кормильца, «дуже бідували і ни мали звідки жити» (Левченко, 514); сыновей гонит работать на пашню семейное горе и они, изготовив плуг и ярма, «сами запряглись и поехали орати» (Чмыхало, 30); сыновья также отправляются «порабковаць», но в другое царство (Шейн, 83) или уходят «ў чужое панство на хлебопашество» (Афанасьев, 134). Как исключение вместо братьев из дома отлучается их отец (Federowski, II, 62).

Дорога, по которой должна пойти сестра, чтобы принести братьям (отцу) пищу (обед, полуденник, харчей, хлеба, еду), может быть обозначена: разбросанными стружками (Афанасьев, 133, ср.: Чмыхало, 30; Левченко, 514, — брат говорит сестре: «возьму вырублю грабок і буду іти за плугом, і буду тисать, а на полю кіл заб'ю»), «шелухой» от съеденных раков (Данилевский, 187—196), бобами (Rokossowska, 5), растрясенной соломой (Афа-

насьев, 134; Шейн, 83; Federowski, I, 338), проведенной бороздой или «скибой» (Драгоманов, 3; Роздольский, VII, 33; Сухобрус, стр. 95—106). Змей (злой дух и пр.) переставляют метки, указывающая ими путь к своему логову (норе, хате, полацу) и девушка невольно становится его жертвой.¹¹ Лишь в некоторых вариантах сказки это «трудовое начало» опускается, и тогда девушку просто похищает Змей (и пр.), главным образом во время ее прогулки в саду, по лугу или в лесу (Смирнов, 11; Карнаухова, 89; Сказки XIX в., 20; Малинка, 24, 25; Добровольский, 37; Шейн, 46; Federowski, I, 339). Отправившись на выручку своей сестры, братья или погибают, не выдержав козней, чинимых необыкновенным похитителем, или оказываются у него в заточении.

Таковы драматические коллизии, предшествующие появлению на свет Покатигорошка. Рождается Покатигорошек всегда чудесным образом — от съеденной горошины.¹² Поэтому производить имя Катигорошка от Котиг-гора, сближая его с именами богатырей Верни-гора, Россунь-гора, как это пытается делать М. Плисецкий,¹³ нет абсолютно никаких оснований.

Горошину случайно находит и съедает женщина, направляясь на речку (к колодцу) за водой (Афанасьев, 133, 134; Данилевский, стр. 187—193;¹⁴ Малинка, 24, 25; Левченко, 513; Добровольский, 37;¹⁵ Шейн, 46, 83) или прать (стирать) белье (Чубинский, 63; Чмыхало, 30;¹⁶ Сухобрус, стр. 95—106), подметая сени или хату (Драгоманов, 3; Левченко, 514), идя по дороге в поисках детей и пр. (Карнаухова, 89; Rokossowska, 5; Роздольский, VII, 33). В одной из сказок горошину нечаянно проглатывает царица вместе с водой (Сказки XIX в., 20).

Время от зачатия Покатигорошка (момента съедения горошины) до его рождения в некоторых сказках фантастически сокращено: он рождается сразу же, как только женщина проглатывает горошину (Чубинский, 63; Малинка, 24; ср.: Rokossowska, 5; Federowski, I, 339), на следующий день (Малинка, 24), через одну, две, три недели (Шейн, 83).¹⁷

¹¹ Змей едет по дороге в «железной ступе», встречает девушку с обедом, разбивает обед, а ее забирает с собой (Левченко, 513).

¹² Смирнов, 11; Federowski, I, 338 — причина рождения не указывается.

¹³ М. Плисецкий. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963, стр. 386.

¹⁴ Своеобразие варианта: сестра моет окровавленные рубашки убитых Змеем-чертом братьев, роляет в речку слезу; слеза, смешавшись с кровью, превращается в горошину, которую и съедает мать.

¹⁵ Своеобразие варианта: мать съедает необычную горошину, образовавшуюся из ее слезы, капнувшей в ведро.

¹⁶ Своеобразие варианта: мать съедает стручок гороха, пущенный в речку ее похищенной дочкой (ср.: Federowski, I, 339; II, 62 — стручок горошины мать находит на воде).

¹⁷ Роздольский, VII, 33 — срок беременности — 9 месяцев; в других вариантах о нем говорится неопределенно: съела баба (и пр.) горошину, забеременела и родила хлопца (и пр.).

Свои необыкновенные способности ребенок проявляет чрезвычайно рано. Так, он начинает говорить и разумно рассуждать, еще находясь в утробе матери. «Вот палягли спаць, і ў самыме паўночнае время на ўтэхомірыі гласіць у яё <матери> брuxe чалавечаскім голасам: „Не сподзевайсе мяне, маманька, ў скорae время, бо я зашытнік буду вам і добрым людзям“» (Афанасьев, 134) или: «Як яна <мать> йшла до дому, дак маленькій с середзины хлопчик сказаў ей: „матко, гэто бог даў мане табе, штоп я помох табе жиць на свеце. Идзи скорей, бу (ибо) я зарас роджўся. Назовеця мяне идак: Покаци-Горошек, бу я быў горохом“» (Шейн, 46).¹⁸

После рождения Покатигорошек растет «не по годам, а по часам» (Афанасьев, 134; Сказки XIX в., 20; Данилевский, стр. 187—196); «не по рокам, а по годинам» (Левченко, 513); «не по годам, а по часам и по минутам» (Смирнов, 11); «не по дням, а по часам, даже минутам» (Добровольский, 37); «не по годам да по часам, а по минутам» (Чубинский, 63); «не по часам, а по минутам» (Афанасьев, 133; Чмыхало, 30); «хлопец сробился великий» в течение дня (Левченко, 514); «пока за попом ходили», он вырастает на целые семнадцать лет (Карнаухова, 89); «Jak anіó paradzіsіe, tak і polіez na piecz» (Federowski, II, 62). Чтобы еще нагляднее представить необычный рост героя, сказочники иногда прибегают к сравнениям: «і расдѣц не па гадам, а по часам, як пшоннае цесто па дрожджах» (Афанасьев, 134); «Стаў росьци сын, як раз, як на масли» (Шейн, 46); «Такій хлопец, такі росте як з води, и такі дужій» (Драгоманов, 3; ср.: Сухобрус, стр. 95—106).

Наряду с быстрым физическим ростом Покатигорошка сказочники стремятся подчеркнуть и его необычайные умственные способности. Вот, например, как об этом говорится в белорусской сказке (Афанасьев, 134): «і даюць яго ў школу: каторые учылісе гадов по тры-чатыры, а ён узнаў ў адзін год, і не стало яму граматы. Прыходзіць ён з учыліща к апцу і мацярі: „Ну, татанька і маманька, благатворыце маіх учытелей, бо уж мне хадзіць в учыліще поўно. Я, благадара бога, знаю больше іх“».

Покатигорошек характеризуется также как лучший из учеников (Драгоманов, 3; ср.: Роздольский, VII, 33). Он обгоняет в знаниях даже своих учителей: «учіўся ж <Катигорошинка> харашо, и скоро писать и читать стаў ня тольки, што луччи за мальцыў, — луччи самых учытиліў» (Добровольский, 37; ср.: Афанасьев, 134).

В домашней же обстановке, в кругу родителей и односельчан, Покатигорошек выказывает и свою исполинскую силу и сверхчеловеческую выносливость. Этот мотив демонстрации силы и вы-

¹⁸ Мотив разговора ребенка во чреве матери характерен также для сказок о царе Соломоне (Андреев, 920).

носливости героя входит почти во все сказки рассматриваемой группы.¹⁹ Сам, а иногда через мать или отца Покатигорошек заказывает кузнецу (ковалю) сковать себе булаву.²⁰ Как правило, заказ повторяется два-три раза, так как ни одна из булав, кроме последней, испытания не выдерживает.

Среди предметов быта, которые по приказанию богатыря должны быть чудесным образом перекованы в многопудовые булавы, в вариантах называются: та же обыкновенная игла (Добровольский, 37; Federowski, I, 332; II, 62), шпилька (Чубинский, 63; Афанасьев, 134), гүзичка (пуговичка) (Шейн, 46),²¹ шпулька (булавка) (Шейн, 83). Приказание сделать из иглы или какой-либо другой незначительной и маленькой бытовой вещицы грозное оружие, естественно, воспринимается окружающими как невыполнимая, нелепая затея и вызывает с их стороны недоверие, насмешку и даже осуждение: «От той Горбшек и кажэ бацьком: „Наце вам бацьки шпульку (булавку), идзице к ковалю: няхай ён вўкуе з іе булаву ў сем пудоў“». Бацько и думаю собіе: „ото дурный екій, з шпульки, што паны собіе пришпуляюць кветки, альбо устбнжкі, хоче зробиць доўбашку ў 7 пудоў!“» (Шейн, 83).

Сработанные не из заданного материала булавы (или булава) разбиваются (Афанасьев, 134; Левченко, 513; Шейн, 83; Federowski, I, 339) или размокают, как глина под дождем (Rokosowska, 5), а сохраняется в целости только та, что изготовлена точно по указанию Покатигорошка.²² Однако во многих текстах изготовление булав не связывается с отмеченными обстоятельствами: они выковываются из настоящего железа, которое часто покупается самим героем или его родителями на базаре.

Вес каждой булавы может быть выражен в пудах²³ и градирован от первой и до третьей булавы — соответственно 25, 35, 50 пудов (Малинка, 25), 50, 100, 150 пудов (Карнаухова, 89). Но градирование веса булав (и пр.) не всегда выдерживается. Так, две булавы (Афанасьев, 134) и три булавы (Шейн, 83) весят по 7 пудов каждая; вес первой булавы — 50 пудов, двух других — по 60 пудов (Малинка, 24); вес первой трости — 25 пудов (Добровольский, 37) и вес первой «пули» — 3 пуда (Чмыхало, 30), а вес двух других не указывается.

¹⁹ Исключения: Смирнов, 11; Сказки XIX в., 20; Драгомапов, 3.

²⁰ Трость (Карнаухова, 89; Добровольский, 37), «міцну пулю» (Чмыхало, 30), палицу (Роздольский, VII, 33). Булаву по просьбе Покатигорошка кует его отец (Federowski, I, 338).

²¹ В отличие от других вариантов «гүзочку» находит и делает из нее булаву отец Покатигорошка.

²² Данилевский, стр. 187—196 — две первые булавы разбиваются потому, что вопреки строгому запрету Катигорошка отец каждый раз приветствует кузнеца словами: «Помогай бог!».

²³ Реже в других мерах измерений: «Иди к кузнецу, — наказывает Катигорошек отцу, — и пусть выковывает из этого железа семипуденную булаву» (Данилевский, стр. 187—189); единственная булава куется из купленного «сгымдэсьят штаб зельіза» (Роздольский, VII, 33).

В ряде вариантов вес булавы не называется, о них лишь говорится: сковать такую булаву, «штоб ни адзин чалавек, которы живе на землі, ни подняў яго» (Шейн, 46), или: коваль сковал «великую булаву» (Афанасьев, 133); сковал коваль такую булаву, что «не можно и с кузнi вынести» (Чубинский 63), что «с кузнi сто чоловіків не выкатило» (Левченко, 513), «насилу з кузнi вынесли» (Сухобрус, стр. 95—106).

Непомерно велика булава, но она велика только для простых смертных, а не для таких исполинов, как Покатигорошек. И там, где десятки людей не могут даже поднять булаву, он легко поднимает ее одной рукой. И не только поднимает, но и забрасывает ввысь так далеко, что время возвращения ее на землю исчисляется многими часами и даже сутками. В период между забрасыванием булавы и ее возвращением мать Покатигорошка успеваеt поискать у него в голове вшей (Афанасьев, 134), сам герой — зайти в дом и «поснедовать» (Шейн, 83), напиться квасу (Карнаухова, 89), выспаться (Чмыхало, 30), проспаться 12 суток или 12 діб (Чубинский, 63; Сухобрус, стр. 96—106), проспаться 7 суток и встать, «как будет дождь накрапáть, да ветер повеваť» (Данилевский, стр. 187—197) или, когда «буде досчик накрапати, а хмарка вставати» (Левченко, 513).

Проверяя прочность булавы, стремительно, с шумом и ревом взмывающих под облака, а затем падающих вниз,²⁴ Покатигорошек обычно подставляет под них свой палец, колено, голову. Если при этом действие ограничивается всего-навсего одной булавой, то при ударе она с первого же раза выдерживает испытание (Шейн, 46); если же количество булавы увеличивается до двух (Афанасьев, 134; Чубинский, 63; Сухобрус, стр. 95—106; Шейн, 83; Federowski, I, 339) или трех (Карнаухова, 89; Данилевский, III, стр. 187—196; Малинка, 24, 25; Чмыхало, 30; Левченко, 513, 514; Добровольский, 37; Federowski, I, 338), то самой прочной и пригодной оказывается последняя. Она, правда, «трошки гнется» (Чубинский, 63; Левченко, 514; Сухобрус, стр. 95—106; Шейн, 46), но удара герой почти не ощущает: «только волосы на ёй <голове> дрогнули», говорится, например, о падении многопудовой трости на голову богатыря (Добровольский, 37) или, когда стопятидесятипудовая трость обрушивается на его ладонь, «рука немного почувствовала» (Карнаухова, 89). Зато все предыдущие булавы легко разламываются пополам или на три части, сплющиваются, рассыпаются «в трібні куски» (Лев-

²⁴ «Так гуде тая булава», что будит героя от крешкого двенадцатисуточного сна (Чубинский, 63); «летит <«пуля» і реве, горшки, миски з полоді попадають, хата движеть ця» (Чмыхало, 30); «реве — аж земля дрыжить» (Сухобрус, стр. 95—106); «От прійшли яны на погной, дак сын и кажэ: „Отож бачь, тато, уньто штось чарнее ў неби, то моя булава ляциць“. Не паспеў бацько зирнуць, ажно булава ужэ так и загула коле их» (Шейн, 83; ср. также: Добровольский, 37).

ченко, 513) подчас от одного лишь соприкосновения с мизинцем Покатигорошка, при этом «не то, что рука» мизинец его не дрогнет (Карнаухова, 89) или он воспринимает удар булавы о колено не более, как укус мухи (Малинка, 25).

О похищении сестры и пропавших без вести братьях Покатигорошек узнает от своего отца или матери, которые охотно сообщают о постигшем их горе и благословляют его на поиски детей.²⁵

Предварительным условием победы Покатигорошка над своим противником²⁶ иногда является выполнение им в пути трудных задач, с которыми в свое время не могли справиться его братья. Подобно братьям, эти задачи он получает поочередно от трех встречных пастухов, пасущих стада змея (и пр.). Они предлагают ему съесть, иногда в сыром виде и самых больших в стаде, вола, барана, кабана (Афанасьев, 133; Малинка, 25; ср.: Данилевский, стр. 187—196); бугая-третьяка, барана-третьяка (Чмыхало, 30), 100 баранов, 100 поросят, 200 быков (Карнаухова, 89) и при том выпить (впрочем, не всегда по заданию) 20 ведер и «десятеро» воды (Чмыхало, 30), 40, 100 и 150 бочек вина-водки (Карнаухова, 89). Однако и эта более чем обильная пища и питье не всегда удовлетворяют Покатигорошка. Так, съев у первого пастуха 100 баранов и выпив 40 бочек водки, он заявляет: «Если б еще столько, я бы хорошо пообедал» (Карнаухова, 89; см. там же при встрече с третьим пастухом: «еще бы немножко <съел> и сыт был»). Ср. Чмыхало, 30: «Не наивься, а перекуску зробив, як би ще один <баран-третьяк>, та як раз в волю би було»).

²⁵ Чмыхало, 30: напротив, мать поначалу не признается, что у нее были дети. «Разнедужав» Покатигорошек, этот трехгодовалый ребенок в «три обіймища» с головою «як з котел у більшки», пускается на хитрость и просит у нее пососать грудь хотя бы через стену («так я одужаю»): «Я, каже, зайду на город, на той бік, стіну подійму кілком, ви нахилитесь і я нахилюсь». Мать соглашается. Покатигорошек поднимает стену, сосет протянутую грудь, а затем, ощутив стену, придавливает ее (грудь) деревом и вынуждает мать признаться. Federowski, I, 339: Покатигорошку снится сон, что у него есть семь братьев и одна сестра. Мать подтверждает это, но при этом с печалью заявляет, что от них, вероятно, остались одни косточки. Герой отправляется на поиски своих братьев и сестер. Данилевский, стр. 187—196: Катигорошек каким-то образом догадывается по состоянию третьей булавы, что у него было два брата и сестра: «Сын <Катигорошек> подбросил булаву и, как она летела, подставил лоб; она ударилась да вдрот опять и улетела на семь суток; а как вернулась — упала на землю и ушла по самой рукояти. Тогда он выхватил ее и говорит: „Теперь я знаю, что у меня было два брата и сестра; братьев уже нет на свете, а сестра в неволе; пойду я их искать“».

²⁶ Змеем (Афанасьев, 133, 134; Карнаухова, 89; Чубинский, 63; Малинка, 24, 25; Чмыхало, 30; Левченко, 513; Сухобрус, стр. 95—106; Добровольский, 37; Шейн, 83), Змеем Шкурупеем (Federowski, I, 338; II, 62), Ворон Вороновичем (Смирнов, 11), Проклятым (Драгоманов, 3), дьяволом (Роздольский, VII, 33), чёртом (Левченко, 514; Шейн, 46).

В некоторых сказках к двум задачам о еде и питье прибавляется третья: запалить жменью, три раза обежать ее с тем, чтобы и половина жмени не сгорела (Чмыхало, 30), перескочить через двенадцать лошадей (Данилевский, стр. 187—196).

Иные по характеру задачи выполняет Покатигорошек в украинском и белорусском текстах (Чубинский, 63; Добровольский, 37). В первом из них он ловит жеребца и пытается на него забраться, «да тильки заклав ногу щоб сісты, а спина у того жеребца и зломилась»; во втором — расправляется с жеребцом («схватаў за хвост, да аб землі ударіў і шкуру стаціў»), «облупляет» «быка-будуна» и «барана-будуна».

Покатигорошек еще находится в пути, а противник Змей уже чувствует приближение «силы великой», волнуется, вскакивает, выбегает ему навстречу. Повстречавшись, говорится в сказке, «зирнули яны одно на другэе да и моўчат, так як бы попужалиса одно другою... Чи доўго яны так стояли, чи не, але змей и каже сыну <т. е. Горошку>: „Ходзем, браце, з'едзім, трохи бобу“» (Шейн, 83).

Обстановка встречи Покатигорошка с противником варьируется: чаще всего вначале он попадает к своей сестре, ставшей женой Змея (змея-черта, дьявола и пр.), которая в ряде случаев прячет его (за подушки, в хлев, под печь и т. п.), предупреждая при этом: «Мій чоловік <дьявол> йак прійде, то тьї йак муху зість» (Роздольский, VII, 33). Однако змей или сам обнаруживает пришельца по запаху («прісна душа смердит» — Левченко, 514; «людський дух пахне» — Сухобрус, стр. 95—106), или узнает от своей жены, что у нее в гостях находится ее младший брат.

По отношению к своему грозному и самонадеянному противнику Змею Покатигорошек держит себя достойно, без тени боязни, отвечая на его дерзость дерзостью, на силу — силой. Стремлением сказочников еще и еще раз подчеркнуть силу, бесстрашие, удаливость своего героя можно объяснить то, как свободно и непринужденно он чувствует себя во владениях своего противника: «Идет по тропинке, видит каменно строение. Он посмотрел, ногой толкнул, все строение повалилося. Он с другой стороны и вновь стало. Зашел в горницу — сидит девица: „Здрастуй, сестра“. — „Я вам не сестра, мои братья здесь убиты“. Запумело вдруг, загудело. Он и спрашивает: „Это что гудит, как комар пищит?“. Она и говорит: „Это не шум-шумит, не гроза идет, это мой хозяин летит, полезайте под печку“. — „Нет, — говорит, — я и здесь посижу“» (Карнаухова, 89).

А вот какую вызывающе дерзкую позу принимает герой в ожидании дьявола: «Файку закуриў, перекинуў нбгу на йідён бік за вікнб, а другу на другій бік ф середины» (Роздольский, VII, 33).

Необыкновенные качества героя-богатыря очень четко выступают в кульминационной сцене сказки — сцене состязания и борьбы его с противником. Предчувствуя «великую силу» в Покатигорошке, Змей на какое-то время сомневается в том, что перед ним именно тот, от которого зависит его участь. И потому совсем не случайно на приветствие Покатигорошка «Здрастуй, швагер!» он с надменной улыбкой отвечает: «Але ты шчэ млад, бо ў цябе мацярыно малако на губах не засохло! Калі б цябе маць вынасіла (шчэ) дзевяць дзён, дзевяць часоў і дзевяць мінут, то б ты мой супратіўнік быў; але пагасти. . .» (Афанасьев, 134).

Но, повторяем, сомнения Змея носят временный характер и очень скоро рассеиваются под впечатлением действий и поступков героя. Прежде всего Змей убеждается в колоссальном весе своего «гостя»: под ним даже железные кресла (столки) не выдерживают — они или рассыпаются или трещат и гнутся: «От яны <Змей и Покатигорошек> и пошли — посяда́ли на залезные столкі. Як толькі сеў Горошек, дак той столók так и посыпаўса, а змей ажно здзівіўса і даў ёму другі́й столók гэж залезні, але моцнейшы́й. Горошок сеў, а столók той ўсё такі трохі согну́са» (Шейн, 83).²⁷

В другом варианте (Афанасьев, 134) поломка кресла сопровождается обидным упреком Покатигорошка в адрес хозяина-змея и вынужденным признанием последнего своего незавидного положения: «Ј становіць <Змей> яму <Покатигорошку> жалезнае крэсла. Як ён на крэсле сеў, крэсла і трэснуло. „А што, швагер, ў лясу жывёш, а ў цябе крэсла худые; ай лі нет ў цябе плотнікаў харошых, штоб крэсла здзелалі пакарпчэ?“ Змей думаець сабе: „Верно я папаўся ў добрыя клещы!“» (Афанасьев, 134).²⁸

Явно уступая Покатигорошку в силе, противник пытается опередить его в еде. Еда противника как по составу, так и по количеству необычна. Это — железные бобы (Шейн, 46, 83; ср.: Rokossowska, 5) железные бобы, горох и хлеб (Афанасьев, 134; Federowski, I, 338), медный горох (Чубинский, 63; Federowski, I, 339), оловянные, медные и чугунные орехи (Добровольский, 37), «железный груз» (Драгоманов, 3), «цебер угля и цебер смолы» (Левченко, 514), «вороха» ковриг, бочек поросят (Карнаухова, 89), полтора ведра вина, полтора пуда закуски (Смирнов, 11), сорокаведерная бочка воды (Чмыхало, 30), целый баран

²⁷ То же: первый стул «под Иваном <Горохом> ломается, в куски разлетается», другой («весь железом окованный») «затрещал и погнулся», с дополнительными подробностями: «Ах, братец, — вскричала царевна, — это стул Змея Лютого». — «Ну, видно, я потяжеле», — сказал Горох, усмехнувшись; встал и пошел на улицу» (Сказки XIX в., 20).

²⁸ Ср.: «Подаў чорт крэсла. Покоци-Горох, як сеў, дык крэсла изломалася. „Ух, шурин, шурин! Нима у цябе навят (даже) добрых кресел для меня“. Чорт подаў яму другое крэсла, но жалезное, штоб ні зломалася. Покоци-Горошек, як сеў дык і гето крэсла зломалася. Спалохаўся чорт, што Покаци-Горошек вельмі дужы» (Шейн, 46).

(Данилевский, стр. 187—196), 12 волов, 12 баранов, 12 кабанов (Афанасьев, 133).²⁹

Необычную еду противник или поглощает сам с целью напугать гостя (Добровольский, 37), или предлагает ее гостю и тот ее всю поедает (Афанасьев, 133), да еще остается неудовлетворенным: «Подала яму уже сестра жалезнаго бобу, тольки одну шклянку. Покази-Горошек зараз ўсе и ўсыпаў ў рот и крычыць: „Алёпка, што ты шкодуешь чертоўскаго бобу? Подавай больш“. Принесла яна целое решето бобу, а Покази-Горошек ўсе есьць ды есьць» (Шейн, 46).

Но гость может категорически отказаться от еды (Драгоманов, 3;³⁰ Левченко, 514) или, наоборот, поест ее такое же количество, что и противник (Смирнов, 11; Чмыхало, 30; Шейн, 83), и даже намного опередить его. Так, если противник сразу съедает по куску железного хлеба (Афанасьев, 134; ср.: Federowski, I, 338), по ковриге и поросенку (Карнаухова, 89), по две медные горошины (Чубинский, 63), по два пирога (Роздольский, VII, 33), то Показигорошек соответственно — по два куска железного хлеба, по две ковриги и по два поросенка, по четыре медных горошины, по три пирога и т. д.

Состязание противников в еде может быть дополнено следующими мотивами.

1. Кто сильнее: а) Ворон Воронóвич предлагает Ивану-Покази-Горох поздороваться: «Стали здораваться, друг дружку руку дали, из ногот только кровь пошла у того и у другого» (Смирнов, 11); б) Змей вызывает Показигорошка на борьбу, но последний говорит: «„Дай руку, я подержу, — папробуемсе так: хто сильнее!“ А змей говорыць: „Гдзе табе, малакасосу, за руку мяне браць!“ Ён кажэ: „Усё единственно нам пабiцца“. — „Ну, — говорыць змей, — на табе руку“. І схвацiлiсе яны за рукi і як здавiлi дружка дружку, Показiгарошкава рука толькi пасiнела, а змеiная рука за всемi пальцамi осталася у Паказiгарошка» (Афанасьев, 134).

2. Кто богаче: а) Змей ведет Показигорошка осматривать свое богатство и спрашивает, каково оно, на что герой отвечает: «Я не багат, але і ў цябе няма нiчаго!». Оскорбленный таким грубым ответом Змей приводит Показигорошка к колоде, «каторая чатыры сажнi талшыны, а дванаццать сажон длiны. „Когда ты яну без тапара парубаеш, а без агню спалiш, так пайдзеш дамой, а не так — будзеш там, гдзе і браты!“.³¹ — „Не

²⁹ Левченко, 513; Малинка, 24, 25; Сухобрус, стр. 95—106 — мотив угощения отсутствует и еда не упоминается; Сказки XIX в. — Иван Горох выпивает одно за другим («одним духом») два ведра меду сладкого, поднесенные по распоряжению сестры до встречи героя со змеем; Роздольский, VII, 33 — съедает пироги.

³⁰ Показигорошек не ест «железный груз» потому, объясняет сказка, что он «звычайне чоловiк».

³¹ Братья отказываются порубить колоду, Змей их убивает.

сердзісь, дай мне дзело кончыцы!“, — сказаў Пакацігарошак і ўзяў мізінным пальцом таркануў сію калоду, так яна ў мелкіе друзгі паляцела, а як дмухнуў — попел стаў, аж не было!» (Афанасьев, 134; ср.: Federowski, II, 62); б) черт берет Покатигорошка за руку и ведет показывать свое богатство: «Привеў ўперот ў хлеў, гдзе стояло дванатцаць жерабцоў і каждый жерабец привязан за дванатцаць ланцугоў. Чорт начаў хвалицьца, а Пакаці-Горошек сказаў: „Коники, коники, зробецся тресками“. Яны зробилися. Посьля чорт привеў к колодзе жалезной и сказаў: „Коли ты зрубишь без сякеры и спалиш без огню гэту колоду, то будзем бицца, а коли не, то я тебе убью“, — „Не, чортовы ты хара, не быць табе на свеце“. Взяў медзаным пальцам дочапіўся к колодзе и яна зробилася ў пясок» (Шейн, 46).

3. Кто кого обгонит: «Ну, еще, шурище, — обращается Змей-чорт к Катигорошку, — ты иди в двери прямо, а я пойду кругом, через четыре комнаты: кто прежде на крыльцо выскочит?» (Данилевский, 187—196).

Эти мирные состязания Покатигорошка с противником заканчиваются ожесточенной, не на жизнь, а на смерть, борьбой между ними, которая ведется, как правило, в традиционном для сказки духе: противники «выдувают» ток (он может быть чугунным, медным, серебряным, золотым) или просто отправляются на уже готовый железный, оловянный и другой ток, там сходятся один на один, и Покатигорошек с одного или двух-трех ударов (булавою и пр.) убивает своего врага.³²

Показательным примером описания такого боя может служить отрывок из белорусской сказки (Афанасьев, 134): «І як дмухнуў <Змей> — зрабіў медны ток. А Пакацігарошак як дмухнуў — зрабіў сярэбраны ток... І схвацілісе яны бароцца. Як дмухнуў змей — ўбіў Пакацігарошка ў сярэбраны ток, а Пакацігарошак як дмухнуў — убіў змяе ў медны ток адразу па калена. Змей як дмухнуў другой раз — ўбіў Пакацігарошка па калена, а Пакацігарошак як дмухнуў другой раз — так ўбіў змяе па пояс. Змей гаворыць: „Пастой, швагер, аддыхнём!“ — „Шчэ ні очень патамілісь, — кажэ Пакацігарошак, — я з паходу, да і то не ўмарыўся“. Змей да яго гаворыць: „Відно, швагер, я ў цябе пагіб!“.

³² Левченко, 513 — состязания и борьбы нет: Покати-горошек проникает в нору Змея и освобождает сестру; Смирнов, 11 — в период между состязанием и расправой с Ворон Вороновичем Иван-Покати-Горох: 1) нарушает его запрет, в результате чего две девицы-пленницы улетают; 2) выпрашивает у матери Ворон Вороновича и его самого прощение и вместе с ним отправляется на войну с татарами; 3) на чудесном коне бьется с Ворон Вороновичем, но безрезультатно; 4) освобождает кузнецов и швей, изготавливающих на войну солдат и офицеров; 5) убивает Ворон Вороновича, который катается «на чистом поле» один «все равно, как сениная куча». Данилевский, стр. 187—186 — Катигорошек сует в открытую пасть Змея горячую булаву и, выведав от него местонахождение своих братьев, убивает его.

Пакацігарошак кажэ: „Бо я за тым прышоў“. — „Астаў мне сколькі-нябуць жызнi, — просіць яго змей, — і бярі сабе залатую, сярэбраную і бумажную маю казну, сколькі ўгодна“. — „Я бы аставіў табе жызнi на сколькі-нябуць, але ты мяне для первага случаю абезцэсіў, назваў малакасасам: то мне очень цяжало внясці. Нет табе працэнія! Больш з табою і гаворыць не хачу“. Змей, ўпаўшы ў вяліку злобу, распусціў сваю кроў по усем сваім жылам, даў прастор сваім рыцывым плячам і ўдаріў Пакацігарошка і ўбіў яго па пояс. — „Ну што, нацешыўся, швагер? — гаворыць Пакацігарошак. — Да поўно мне з табою шуткі шудіць! Бо я дурак перад табою, доўго балую; даўно бы нада цябе прыбраць“. Як ударіў яго Пакацігарошак трэцій раз, ўбіў яго па самаю шыю ў медни ток і бяроць ён сваю булаву сяміпудаву і кончыў яму жызнь да, ўзяўшы змея, замазаў яго завсем ў медны ток».

Мотив борьбы, однако, может быть осложнен тем, например, что герой, прежде чем расправиться со своим противником, силой принуждает последнего указать, где находятся его братья и получить от него чудесный напиток для их исцеления (Драгоманов, 3; Добровольский, 37).

В ряде вариантов напиток в виде живой и мертвой воды Покатигорошек или достает сам (Federowski, I, 338), или ему приносят главным образом птицы и прежде всего вещий ворон (крук), детеныша которого он ловит, забравшись в шкуру убитого вола или лошади.³³

Нельзя не отметить, что в сказках о Покатигорошке, ограниченных разработкой одного сюжета (Андреев, *312 I), только в четырех (Rokossowska, 5; Малинка, 25; Добровольский, 37; Federowski, II, 62), нам встретился мотив о «неблагодарных братьях»; в остальных герой без каких-либо осложнений благополучно возвращается домой. Зато этот мотив представлен почти во всех сказках,³⁴ в которых, как мы ранее указывали, контаминируются два сюжета (Андреев, *312 I+301 A, B и *312 I+300 *B), являясь как бы связующим звеном повествования, переходной ступенью от одного сюжета к другому.

В чем же выражается неблагодарность родных братьев к Покатигорошку? Завистливые и эгоистичные, они, чтобы присвоить себе славу и добро, добытые Покатигорошком, крепко привязывают (чаще сонного и усталого) цепью, канатом, постромками к дереву (толстому дубу, огромной березе, липе, груше, сосне или «целому лесу») и оставляют одного на голодную смерть.³⁵ Но По-

³³ Смирнов, 11 — живую и мертвую воду Покатигорошек добывает обманом у матери Ворон Вороновича; Левченко, 514 — живую и мертвую воду доставляет «вучень» черта; Rokossowska, 5 — журавль.

³⁴ Исключение: Смирнов, 11; Чубинский, 63.

³⁵ Данилевский, стр. 187—196 — поступок братьев мотивируется тем, что они-де не верили, что Катигорошек их брат.

катигорошек, проснувшись (иногда через несколько суток), вновь проявляет свою богатырскую силу — с корнем вырывает дерево (Малинка, 24 — «целый лес»),³⁶ к которому был привязан, и, волоча его за собой или неся на себе, является в деревню к родителям: «Прашнуўся Катигорошка и гаворить: — „Ах, как я спаў доўга!“ Чутно яму, што привязан; пуцяўся, патыгнуўся, — дуб задрыжэў; як выпраміўся — дуб вырваў и пашоў так к матери, а за сабою дрэва тащить» (Добровольский, 37). Или: «А Катигорошко спит і не чуэ того <что привязан>. Слав день, слав ніч, прокидаэцца, — прив'язаний. Він як рвонувся, — так того дубка й вивернув з корінням. От узяв тоді того дубка на плечі та й пішов до дому... Катигорошка як пошпурить тим дубком у хату, — за малим хати не розвалив» (Сухобрус, стр. 95—105).

Случается, что свое возвращение в родительский дом Катигорошек обставляет веселой шуткой, юмористической репликой, сквозь которые невольно просвечивают его жизнедеятельная натура, его уверенность в себе, в своей силе и правоте: «Он <Катигорошек> проснулся; повернулся сюда, туда, дуб зашатался, он рванул и поволочил его с корнем за собой. Пришел к отцу и говорит: „Братья веры пеймут, что я их брат; вон к какой палке привязали; не пригодится ли кому на воз, или вытопить печь? Возьмите!“» (Данилевский, стр. 187—196).

Именно замена братьев, невозможность жить с ними под одной крышей заставляет Покатигорошка вновь отправиться «в свет», «куда глаза глядят»,³⁷ а сказочникам — продолжить цепь его удивительных приключений за счет подключения нового сюжета.³⁸ Таким образом, для Покатигорошка автоматически открывается новая сфера деятельности, обычно связанная с именем другого сказочного персонажа.

³⁶ Демонстрация силы богатыря посредством вырывания (выкорчевывания, вырубания) деревьев (леса) — мотив, весьма распространенный в восточнославянских сказках; встречается он и в былинах. Например, об Илье Муромце говорится:

Захватил Илейко лесу кусту в пясть,
Отрубил лесы дремучии по кбрешку,
Бросил на место на пристойное.

Гильфердинг, II, 120
(«Первые подвиги Ильи Муромца»)

³⁷ Данилевский, стр. 187—196 — Катигорошке уходит из дома и нанимается к попу в работники, чтобы обеспечить семью хлебом.

³⁸ Малинка, 25; Добровольский, 37; Federowski, II, 62 — сюжет Андреев *312 I, как мы отмечали, продолжение не имеет и оставление героя дома мотивируется: в первом случае — его полной безопасностью (братья хотели его убить, да им булавы не поднять), в двух других — прощением братьев, их «первой и последней» вины. В сказке «Horošbwoje žérniatko» (Rokossowska, 5) окончание оригинально: «Ne potrybna meni wasza rodnia, — заявляет герой братьям и матери, — ne potrybna i bahastwo, jak buw horochom, tak i budu, i pokotylosia žérniatko».

Существование отдельной сказки на сюжет (Андреев, 301 А, В), где главным действующим лицом выступает Покатигорошек, по всей видимости, обязано составной сказке, о которой только что шла речь, и есть результат отделения от нее второй части. Возможно, конечно, что данная сказка могла сложиться и независимо от этого ввиду большой популярности в народе (особенно среди украинцев и белорусов) Покатигорошка, как сказочного богатыря.

Для того чтобы надежно привязать имя героя к сюжету, разрабатываемому на самостоятельных началах, сказочники в качестве завязки нередко используют мотив его чудесного зачатия от горошины (Жив. ст., стр. 300—301; Moszyńska, 7; Левченко, 471; Шейн, 45).³⁹

Подобно рассмотренным уже сказкам, здесь также рассказывается о чудесном зачатии, росте необыкновенного ребенка, его небывалой силе, о заказывании им булавы («палычки», кия, «бомбы», «рушницы») и ее опробовании, об уходе из дома.⁴⁰

Уход Покатигорошка из дома, однако, нигде не мотивируется пропажей сестры и гибелью братьев. Он просто «уходит в свет» (Чубинский, 61; Moszyńska, 7; Левченко, 471; Шейн, 45), уходит, чтобы «счастья искать» (Чубанский, 62), задумывает «поблукаться» по свету, «себя показать и людей поглядеть» (Жив. ст., стр. 300—301), отправляется на поиски трех царских дочерей (Карнаухова, 41), сбивается в лесу с дороги и вынужден скитаться (Раздольский, VII, 27).

Дальнейшее же повествование сказки движется в русле сюжета «Три царства» (Андреев, 301 А, В), разрабатывающего тему о трех братьях-богатырях.

Итак, Покатигорошек — сказочный исполин, подвиги которого зиждятся на его необыкновенной силе и чудесных способностях. И, хотя сказка изображает его крестьянским сыном, он, несомненно, восходит к одному из очень архаических типов героев восточнославянского сказочного эпоса. Титаническая сила Пока-

³⁹ В остальных вариантах (Карнаухова, 41; Ковалев, 8; Чубинский, 61, 62; Раздольский, VII, 27) о причине рождения богатыря не говорится. Жив. ст., стр. 300—301 — начало сказки излагается своеобразно: у деда и бабы была девка такая «нехлюшшавая, што как глянешь, так с души бливать муть». Пошла она однажды в лес и возвратилась оттуда беременная. Мать ее ругать да ремнем хлестать, а она стала оправдываться: «Ходила я по лесу, сустрекла гороховинку, а на той на гороховинке один стручек, а в том стручке анно зернышко, а я взяла, да и съела то зернышко». И вот, говорится далее, «роился человек — и поглядеть по на што». Прозвали того человека Горошинкой.

⁴⁰ Так, Катигорошык просит батьку купить кий в 50 пудов. Подбросив его, богатырь закуривает «люльку», а потом подставляет лоб и кий разбивается на четыре части; вновь заказывается кий в 80 пудов, но этот не разбивается, а только гнется (Шейн, 45; ср.: Чубинский, 61; Левченко, 471; см.: Раздольский, VII, 27 — «палычка» отливается, но не испытывается).

тигорошка, проявляющаяся в забрасывании многопудовой булавы, вырывании с корнем деревьев, борьбе со Змеем и т. п., дополняется другими примечательными его свойствами. Он поглощает пенноверно большое количество пищи и питья, а в состязании с противником ест железные бобы, чугунные орехи и пр.; обладает таким лесом, что под ним гнутся и ломаются железные кресла; наделяется чудесными умственными способностями — черта безусловно позднего происхождения.

В далеком прошлом в образе Покатигорошка вряд ли сочеталась могучая сила с его огромным ростом, как это мы видим почти во всех сказочных текстах позднейшей записи. Всего скорее изображение этого героя строилось на подчеркнутой контрастности: при малом росте он наделялся нечеловеческой мощью. Сочетание того и другого качества в образе Покатигорошка пришло, очевидно, со временем по аналогии с другими богатырями, которые действительно «росли не по дням, а по часам», превращаясь в гигантов. Нам представляется, что уже в самом прозвище Покатигорошка содержится достаточно прозрачный намек на его малый рост. Впрочем, на малый рост героя и его огромную физическую силу указывают и некоторые сказки на тот же сюжет: «Брат спасает от змея (и пр.) сестру и братьев», где, однако, «роль Покатигорошка играет мальчик с пальчик, что, — как утверждает А. Н. Афанасьев, — вполне согласуется с содержанием древнего предания, развиваемого сказкою».⁴¹

Говоря о популярности сказок о Покатигорошке, Н. Ф. Сумцов писал: «Самое название сказки „Покатыгорошок“ как-то окрепло в Малороссии, и большая часть малорусских сказок на тему о чудесном зачатии в сборниках отмечена под таким заглавием».⁴²

Для своего времени заключение Н. Ф. Сумцова было верным. И не случайно, что Г. П. Данилевский величал Покатигорошка не иначе, как «украинским Геркулесом».⁴³ Последующие же записи и публикации сказок показали, что богатырь с таким (или близким ему) именем пользовался популярностью не только на Украине, но и в России и Белоруссии.

МЕДВЕЖЬЕ УШКО

Богатыря по имени Иван, Ивашко и пр. (реже по другому имени) и прозвищу Медвежье Ушко (Андреев, 650 А) знает русская, украинская и белорусская сказка.⁴⁴ [Началом сказки

⁴¹ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I. Изд. 3. Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1897, стр. 148.

⁴² Н. Сумцов. Малорусские сказки по сборникам Кольберга и Машиной. «Этнографическое обозрение», 1894, № 3, стр. 123.

⁴³ Данилевский, стр. 175.

⁴⁴ Иван-Медвежье Ушко (Ончуков, 34; Ск. Сар. обл., стр. 124—138; Бардин, 203), Ивашка-Медвежье Ушко (Старая погудка, I, 10), Иванушко-

о Медвежьем Ушке обычно служит рассказ о чудесном рождении героя. Родается он в результате сожительства человека с медведем или медведицей.⁴⁵

[Медведь] (медведица) [встречает] (обнаруживает) [женщину] (мужчину) [в лесу] (во время сбора грибов, ягод, орехов, заготовки дров, моха и пр.), [на лугу или в поле, на огороде и уводит ее (ее) к себе в берлогу] (яму, кубло).⁴⁶ Страдательным лицом при этом в одних вариантах могут быть простые деревенские люди: баба или мужик, жена мужика и пр. — неопределенного возраста и положения (Зеленин, Пермск., 43; Ск. Сар. обл., стр. 124—138; Гринченко, I, 165; Романов, VI, 36), старуха (Смирнов, 247),⁴⁷ молодуха (Шейн, 19), дивчина (Сухобрус, стр. 107—117); в других — жена богатого мужика (Афанасьев, 152), панна (Яворский, 25) и особенно поп (Леонтьев, 68; Никифоров, Ск., 109; Левченко, 472, 473; Шейн, 54) или попадьа (Коргуев, 14; Тамб., 20; Драгоманов, 1; Kolberg, 35).

[В результате сожительства человека с медведем или медведицей рождается мальчик] (хлопец, дитина) — [«совсем человек, только уши медвежьи»] (Леонтьев, 68),⁴⁸ «до пояса человек, а от пояса медведь» (Афанасьев, 152),⁴⁹ «кожа медвежья, лицо чело-вечье» (Зеленин, Пермск., 43).

Родители дают ему имя Медвежье Ушко (Иван-Медвежье Ушко и пр.).⁵⁰ Подобно Покатигорошку и другим сказочным ге-

Медвежье Ушко (Тамб., 20); Иванко Медведко (Афанасьев, 152), Иван Медведица (Коргуев, 14), Иван Медвед (Ончуков, 79), Ивашко-ведмеже вушко (Гринченко, I, 165), Ведмидь-Иванко (Сухобрус, стр. 107—117). Ивашка Медведьджия Вушка (Романов, VI, 36), Ивашка Барашка, мяд-вежья вушка (Шейн, 54), Медвежье Ухо (Василенко, 9), Медвэжэ-ушко (Яворский, 25), Ведмеже вухо (Драгоманов, 1), Медведюк (Левченко, 472, 473), Миша (Шейн, 19), Евлашка-Медвежье Ушко (Леонтьев, 68), Палфил-Медвежий сын (Никифоров, Ск., 109), Кожа медвежья, лицо чело-вечье (Зеленин, Пермск., 43).

⁴⁵ Старая погудка, I, 10 — герой с медвежьим ухом рождается в семье крестьянина; Драгоманов, 1 — Ведмеже вухо лишь воспитывается у медведя в берлоге; Ончуков, 34 и Василенко, 9 — о рождении героя не говорится.

⁴⁶ Афанасьев, 152; Гринченко, I, 165 — баба идет в лес за груздями (опенками), случайно забредает в медвежье берлогу.

⁴⁷ Эпизод встречи старухи с медведем в этой сказке (записано в бывш. Тамбовской губ.) разрабатывается весьма оригинально и в других текстах нами не обнаружен: старик и старуха отправляются в лес за грибами. «Кустик за кустик» и они «раздружаются». Аукаются, но сойтись не могут. Тогда старуха поет: «Солнышко-ведрышко, на закат пошло, а я, млада, одна в лесу». Медведь повторяет песню, они сходятся и медведь уносит старуху к себе в берлогу.

⁴⁸ Ср.: Бардин, 203: «Сам весь на человека похожий, только ухо у него медвежье»; Гринченко, I, 165 — «у його та булы видмидячи уши».

⁴⁹ Ср.: Левченко, 473: «Той хлопец — половина медвiдiа, а половина чоловіка».

⁵⁰ Никифоров, Ск., 109: «Конешно, он как поп сам, искупал и дал имя ему — Палфил Попович».

роям, [Медвежье Ушко растет «не по годам да по часам, не по часам да по минутах»] (Романов, VI, 36), так что вскоре (в возрасте не более трех лет) ⁵¹ [становится «крепким, сильным и умным»] (Тамб., 20). Подмечая некоторые странности в своей семье, он обращается к отцу-попу с вопросом: «Що то такого, тату, значится, що ви-такі, а мама <т. е. медведица> ни така?», и тот дает ответ: «То-тоє се значит, що я вийшов до проса, та й заснув-им, а вона <медведица> прийшла та й взяла мене сонлячого» (Левченко, 472).⁵²

[Готовясь к побегу из берлоги, Медвежье Ушко проявляет свою силу ⁵³ и хитрость.] Вслед за медведицей-матерью [герой незаметно проскальзывает на волю] прячется за «корч» и, когда та, забросав яму, удаляется, он откидывает «пеньки», освобождает отца и вместе с ним совершает побег (Левченко, 472).⁵⁴

В другой украинской сказке мать Медвежьего Ушка дважды отсылает своего мужа-медведя за водой, чтобы, как заявляет она, выкупать ребенка, и вместо ведра дает ему решето.⁵⁵ [За времени отсутствия отца Медвежье Ушко пробует свою силу. Первый раз (в возрасте трех лет) он трясет дуб, с которого только «~~силы~~» ^{силы} 115169 ~~опадает~~, что означает, что силы у него еще недостаточно и побег совершить рано. Во второй раз (в шестилетнем возрасте) герой трясет дуб, выворачивает его с корнем из земли, ^{побег} ~~побег~~ ^{удается}.⁵⁶

Близкий к этому эпизод мы находим и в сказке «Ведмідь-Іванко» (Сухобрус, стр. 107—117), где «дитина», родившийся у дивчины и медведя, два года кормится молоком матери и на третьем году пробует свою силу: «ишов та потрусив одну грушу, що росла тут недалеко біля барлогу. Як труснув він її, то у неї зразу попадали додолу половина всіх груш». Не удовлетворившись таким результатом, Іванко просит мать еще погодовать его своим молоком: «щоб я був ще дужчий». Через год он возвращается к груше и трясет ее да так, что с нее уже слетают все плоды до единого, которые он тут же поедает («Він сів, поїв усі струшені груші»).

⁵¹ Бардин, 203: «Сравнялось ему пятнадцать минут, а на вид он пятнадцатилетний».

⁵² В сильно модернизированном сказочном тексте (Тамб., 20) мать Медвежьего Ушка, рассказывая о своем прошлом, даже пытается узнать имя сына («со всякими общественными явлениями жизни»).

⁵³ У Медвежьего Ушка, говорится в сказке, две силы — человечья и медвежья (Зеленин, Пермск., 43).

⁵⁴ Иван-Медвежье Ушко разбегается «по избе», ударяет кулаком в стену, выбивает два бревна и вместе с матерью убегает от отца-медведя (Бардин, 203).

⁵⁵ Мотив «Медведь таскает воду в решете» см. также: Андреев, 1180, где указана лишь одна украинская сказка (Гринченко, II, 63).

⁵⁶ См. пробу сил в белорусской сказке (Шейн, 54): первый раз (в полугодовалом возрасте) Медвежье Ушко «ухопил дуба за вершок и выварнул из зямлі»; второй раз (через полмесяца после первой попытки) он «дуба выварнув, гилля обломив, на плечи поклав».

Но как бы тщательно ни был подготовлен побег, беглецов все же настигает преследователь, (медведь или медведица) с которым, однако, Медвежье Ушко расправляется, и подчас весьма жестоко.⁵⁷ «возьмет его <медведя> за задние ноги, дак как об лисину ударит и кряду всё мясо разлетелось, осталась у ёго в руках одна шкура» (Коргуев, 14); «Хватил <Евлашка> медведицу за уши, хлопнул о землю, она из своей кожи вылетела» (Леонтьев, 68); «взял яго <медведя> за вуши, кости струхнув, кожу на плечи и пошли» (Шейн, 54).⁵⁸

С момента освобождения Медвежьего Ушка из-под власти медведя (медведицы) сказка развивается в двух направлениях: одно представляется сюжетом «Три царства: золотое, серебряное и медное» (Андреев, 301 А, В), другое — сюжетами из цикла сказок о глупом черте (1000—1199).⁵⁹

Переход к сюжету «Три царства» может совершаться сразу же, как только герой покидает медвежье логово (Гринченко, I, 165; Сухобрус, стр. 107—117; Романов, VI, 36) или возвращается в деревню (Тамб., 20);⁶⁰ в большинстве же вариантов этот переход осложняется дополнительными ситуациями и мотивами, в значительной степени почерпнутыми из цикла сказок о глупом черте. Прежде чем отправиться на совершение богатырских подвигов, ~~он~~ ^{Медвежье Ушко} заказывает себе булаву да такую, «щоб пара кони насилу ўдвор ўвяз'ли» (Шейн, 54), «щоб, її триста чоловік зсадили на горбу і чотырыста коней везлі в ліс» (Драгоманов, 1), чтоб мог «обертати її <палицу> на своєму мизинці» (Сухобрус, стр. 107—117), забрасывает ее высоко «в гору», а потом подставляет под нее свой мизинный палец голову и т. п.⁶¹

⁵⁷ В ряде вариантов мотив погони и расправы над медведем (медведицей) отсутствует: Старая погудка, 10; Афанасьев, 152; Ончуков, 34; Василенко, 9; Никифоров, Ск., 109; Гринченко, I, 165; Сухобрус, стр. 107—117; Романов, VI, 36. Поэтому не совсем точно для доказательства преодоления тотемистических верований в сюжете «Иван-Медвежье Ушко» дополнительно ссылаться на такую «существенную деталь»: «герой-силач всегда (разрядка моя, — Н. Н.) убивает своего отца-медведя (или мать-медведицу) и уходит к людям с родителем-человеком» (У. С. Конкка. Карельская сатирическая сказка, стр. 56).

⁵⁸ Отрывает медведю (медведице) голову (Ск. Вар. обл., стр. 124—138), убивает дубом, кленом и пр. (Зеленин, Пермск., 43; Смирнов, 247; Тамб., 20; Драгоманов, 1; Яворский, 25; Левченко, 472, 473; Шейн, 19).

⁵⁹ Из этого ряда выпадает лишь сказка Коргуева (Коргуев, 14), изложенная в характерной для этого сказочника манере — чрезвычайно расширенной и усложненной форме, где сюжет Андреев, 650 А контаминируется с 315 А («Звериное молоко»), 300 А («Победитель змея», приблизительно), 301 А («Три царства»), 302 («Кощеева смерть в яйце»). Эта сказка, как мы отмечали, заимствована Коргуевым из финского репертуара.

⁶⁰ Сказка, записанная в Омской обл. (Василенко, 9), вообще начинается со встречи Медвежьего Ушка со странствующими силачами Пересыпи-Гора и Переверни-Гора.

⁶¹ Ср. изготовление и испытание прочности: меча (Ончуков, 34), трехпудовой дубинки (Смирнов, 247), дубинки в полтора пудов (Ск.

Однако до встречи со своими чудесными спутниками (Верни-Дубом, Верни-Горой и пр.) он живет в особой атмосфере, в атмосфере, если можно так сказать, «земного бытия», не отлучаясь особо далеко от своей деревенской околицы и ее обитателей. Он вступает во взаимоотношения как с реальными общественными силами, так и силами ирреальными, например, чертом.

Медвежье Ушко отличается большим аппетитом, но аппетит его намного умереннее аппетита Покатигорошка. «Ни богато яму треба ести, — не без тени иронии замечает по этому поводу один из белорусских сказочников: — бохан хлеба, бязмен соли, вядро воды на'дин рас» (Шейн, 54). О том же примерно говорится и в сказке «Палфил-медвежий сын»: «был человек крупнейший, он хлебов много ел» (Никифоров, Ск., 109). Впрочем, подавляющее большинство сказочников задерживают внимание не на еде Медвежьего Ушка, а на его силе, способной с поразительной быстротой выполнять невиданные по своему объему и характеру крестьянские работы. Так, на глазах у косцов мальчик-богатырь раньше всех скашивает отведенный ему участок ржи («начал после всех, а кончил прежде всех»), а затем тащит на себе столько снопов, «что лошадь не смогла бы увезти» (Ск. Сар. обл., стр. 124—138). Нанявшись к пану в «молотники» с условием, что за свой труд он получит столько, сколько унесет, Медвежье Ушко, работая за десятерых, обмолачивает и провеивает за день все, что было сжато, и этим удивляет пана (Шейн, 54). Весной во время толока он советует односельчанам забить волов, сшить из их шкур мех, чтобы можно было ему одному забрать и вынести на поле «всій гній» (Яворский, 25). В той же сказке на советование родителей, «чем будем вэснуваты?», герой отвечает: продайте коней, «а я ся запряжу́ у плуг и буду орати».

Сила Медвежьего Ушка также наглядно выступает при рытье колодца, когда «как ни копнет он, так аршин, как ни копнет он, так другой» (Ск. Сар. обл., стр. 124—138); при оказании помощи обозным, кони которых никак не могли вытянуть двенадцать застрявших возов «хури зализа», а вот Медвежье Ушко, повыпрягав коней и связав шнурами все возы, «зачепив один мотузок за мизинец і відразу вытят усі вози на дорогу» (Сухобрус, стр. 107—117).

Натура Медвежьего Ушка — буйная, озорная, беспокойная. Как и многие богатыри, он «шутит шутки немилые»: играя на улице с деревенскими ребятами («він якого ухвате за руку — руки нема, за голову — головы нема, за ногу — то й ноги нема» (Драгоманов, 1; ср.: Старая погудка, I, 10; Зеленин, Пермск., 43; Бардин, 203). Забив таким образом одного хлопца за насмешки, Медвежье Ушко попадает к пану. Пан уже приготовился его

Сар. обл., стр. 124—138), палки (Левченко, 473). См.: Бардин, 208 — трость в двести пудов изготавливается, но не испытывается.

бить, «а Медвідюк, як вдарив ногами в покою, то вікна вилитіли» (Левченко, 473).

Озорные проделки Медвежьего Ушка, его сила, удаль, смелка, которые он демонстрирует перед своими недругами, повергает последних в уныние и ужас и они пускаются на всевозможные ухищрения, чтобы «извести», сжить его со света или в крайнем случае чем-нибудь досадить ему. По приказу барина (~~пана~~) вырывается глубокий колодець или «дужэа гллубока» креница, и, когда там находится Медвежье Ушко, на него сбрасывают ~~либо~~ камень весом в полтораста пудов (Ск. Сар. обл., стр. 124—138), либо «вэлыкій дэвин зэліза» (Яворский, 25). Пан, поп или мужик дают Медвежьему Ушку трудные задания: отправиться на паре волов в лес, «богатый волками», и нарубить дров; съездить на «млін», где «куці черти» табаку мелют и смолоть три мешка «полови» (мякины) (Левченко, 473); пойти в лес, где медведь скот поедает, и попасти коров; поехать к царю и получить с него «дань» за 25 лет поповской службы (Никифоров, Ск., 109); привести черта и медведя, которые жили у отца в работниках; поехать к царю и получить с него долг 12 мешков золота (Зеленин, Пармск., 43).⁶²

Но в какие бы трудные ситуации ни попадал Медвежье Ушко, он постоянно выходит из них целым и невредимым, нередко наказывая и посрамляя при этом своих недоброжелателей и врагов. Когда, например, на него в колодце обрушивается стопятидесятипудовый камень, он, думая, что с ним кто-то играет, берет «осколок камня» пудов в двадцать пять и бросает его в воздух: „Что вы, — говорит, — черти, бросаетесь там песком, глаза все засыпали“. После этого отправляется в дом барина, куда, однако, его не пускают. Тогда, рассердившись, богатырь «ударяет кулаком в стену и она вылетает прочь», входит в покои, а барин уже стоит перед ним на коленях и просит прощения (Ск. Сар. обл., стр. 124—138). Находясь в кренице и, видя, что на него низвергается глыба железа, Медвежье Ушко «тільки подуў в гору, а дэвин ся навэрнуў назад до-горы» и там еще забил двух из тех четырех «хлопов», коим с превеликим трудом удалось столкнуть в «креницу» это железо (Яворский, 25).

Медвежье Ушко бесстрашно запрягает в ярмо волков; ловит за хвост медведя и, взвалив его к себе на плечо, несет до дома, где, к ужасу попа и поповны, запускает его в хлев к коровам; бесстрашно отправляется к чертям на мельницу и, обманув их, привозит обратно не смолотую полову, а пшеничную муку, и т. п.

⁶² Опчуков, 34 — Медвежье Ушко по собственной инициативе достает медведя, соревнуется с чертом: кто кого поборет (Андреев, 1071), кто кого перегонит (1072); выигрывает «беадонную» шапку золота (1130).

Достаточно выразительной выглядит поездка Медвежьего Ушка к царю за «долгами» («данью») (Никифоров, Ск., 109; Зеленин, Пермск., 43). И там и здесь он едет на медведе, но в первом случае его сопровождают два мужика-силача, из которых один «горы сводит», другой «дубы вырывает»; во втором — сам черт. Завидев странный поезд с чертом и узнав причину его прибытия, царь приказал «на всех церквах звонить в колокола: „што такая неvěжа приехала, — говорит: — я никому не дѣлжен!“». Тогда черт, восседая на козлах и выполняя волю своего хозяина, так заорал песни, что ни пушек, ни звону, «ничего не слыхатъ стало». Как в том, так и в другом варианте сказки, напуганный царь немедленно выбрасывает Медвежьему Ушку затребованные им мешки с золотом, и тот благополучно возвращается к себе домой.

Итак, мы постарались воссоздать образ Медвежьего Ушка таким, каким он рисуется сказками, оканчивающимися каноническим сюжетом «Три царства».⁶³

Имеются несколько сказок, где этот сюжет опускается, но сохраняется начальный эпизод рождения героя от медведя (медведицы), продолжением которого становятся сказки типа пушкинского Балды.⁶⁴

В этом отношении типичной является сказка, записанная в бывш. Оренбургской губ. (Афанасьев, 152), в которой богатый

⁶³ Левченко, 473 — рассказчик путанно излагает лишь начало этого сюжета, а затем по незнанию обрывает сказку.

Весьма оригинально сюжет «Три царства» разрабатывается в сказке «Как старуха замуж выходила» (Смирнов, 247): Медвежье Ушко отправляется в лес на охоту; играет на скрипке, под которую пляшут встречающиеся заяц, лиса, волк и медведь. Всех их герой берет к себе в товарищи. Остановившись в избушке близ озера, они насыщают последнее медом, принесенным медведем, а затем начинают замечать, что вода в озере пропадает. Выставляют караул. Сначала его песет заяц, затем лиса, волк, медведь и, наконец, Медвежье Ушко. Воду ворует Баба-Яга, которая своим толкачом поочередно избивает караульчиков-животных, но с Медвежьим Ушком справиться не может; он так избивает ее, что она «чуть жива осталась». Ср.: Жив. ст., стр. 269—270 («Веселой»). Сюжетом «Три царства» оканчивается и сказка о Медвежьем Ушке, изложенная со многими изменениями и отступлениями от народного текста М. П. Шпилевским в его очерках «Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках» («Пантеон», 1853, т. IX, кн. 6, стр. 1—18). Так, например, традиционное рождение героя от медведя (медведицы) в «Очерках» заменено на чудесно-неожиданное его появление в лесу перед стариком и старухой в виде «мальчика с пальчика», а наличие у него медвежьего уха и «какой-то щетины» на голове приписывается злой чаровнице, которая хотела, но так окончательно не смогла превратить его в медведя.

⁶⁴ К таким сказкам относятся: Афанасьев, 152; Леонтьев, 68; Шейн, 19; Kolberg, 35 и отчасти Левченко, 472 (вариант явно скамкан и неполон; к тому же его концовка необычна: Медвежье Ушко погибает в «креннице» от удара камнем, который на него по приказанию пана сбрасывает «громада»).

мужик — муж женщины, родившей Медведку, — дает последнему задания: 1) зарезать овцу, которая на тебя посмотрит (Андреев, *1006 I); 2) караулить дверь амбара (1009); 3) идти на озеро вить веревки, где герой: а) угрожает чертям морщить озеро веревкой: «хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить» (1045), б) соревнуется с чертом: кто кого перегонит (1072), кто дальше бросит костыль (1063), кто большее число раз обнесет кругом озера лошадь (1082), в) получает с чертей шапку золота: в шапке — дыра, под шапкой — яма (1130).

В сказке «Про попа и Евлашку (Леонтьев, 68) бросается в глаза такая деталь: когда поп приводит из леса Евлашку-Медвежье Ушко, он представляет его попадье не как сына, а как своего работника, на положении которого Евлашка в дальнейшем и пребывает в поповской семье. Он много ест (за один присест съедает 12 чашек щей и шесть караваев хлеба) и много работает. Поехал поп вместе с ним пахать, лошадь устала, Евлашка сам «стал соху таскать, а поп — за сохой ходить. Спахали поповскую полосу. Поп уже утомился, а Евлашка — хоть бы что. „Давай, — говорит, — заодно и дьяконову вспашем“. Вспахали. У попа ноги дрожат, руки трясутся, чуть-чуть за соху держится, а Евлашка спрашивает: „А рядом-то чья земля?“ — „Дьячкова“. — „Ну, давай, заодно и эту вспашем“. Поп взмолился, а Евлашка таскает да таскает соху, не останавливается. — „А это чья земля, за межой-то?“ — „Крестьянская“. — „Ну, заодно и эту вспашем“. Поп чуть-чуть на ногах держится. Домой просится, а Евлашка таскает да таскает соху. У крестьян, — замечает мимоходом сказочник, — земли немного было, быстро перепали».

Поп жалуется на Евлашку попадье, и они решают сгубить его. Выполняя их опасные поручения, Евлашка ловит медведя, потом — черта на мельнице; первого запускает к поповским коровам, второго — к овцам («медведь коров дерет, а черт овец гоняет»). Убив медведя и черта, он попадает к царю во дворец, проводит ночь с «взбесившейся» царской дочерью; играет с чертом в карты (договор: кто проиграет — «в бок — щипок, в лоб — щелчок»), обыгрывает его и расправляется с ним (молотком по лбу — глаза выскочили, в бок щипнул щипцами — кишки вытащил), освобождает царевну, за что получает полцарства, а затем и все царство.

Главным действующим лицом второй сказки «Осилок — работник и поп» (Шейн, 19) является уже настоящий наймит попа — Миша, сын медведя и молодухи, которую при ее возвращении в деревню бросил муж. Мальчик Миша — сильный и грузный. Стоит ему, двухлетку, только пихнуть рукой кого-либо из ребят, так тот «отвалицца и ударилца крепко об землю»; а уж если он на поповскую подводку взберется, — быть коню под пеной. В наймы он идет при условии: отработает год — поп и попадья

получают по удару в спину (хребет). На глазах у попа он без топора колет дрова: подымет толстое полено, бросит его на землю, оно и расколется на несколько частей; пашет, а конь несколько не утомляется, потому что Миша больше сам соху тянет; хлопает ладонью по «крыжу» (крестцу) коня, и конь валится на землю. Что это конь повалился, спрашивает поп, а Миша отвечает: «Ето ён качацца захоцеў». Наконец, вместе с попом он пашет: «Поп узяў соху, а Миша стаў ў хомут, и стали ораць. Орали покуля сонце зайшло». Напуганные непомерной силой своего работника, поп и попадья решают известить его посылкой на выполнение трудных заданий. 1) Выгнать из овса корову. Вместо коровы Миша ловит медведя. Миша «уловіў <медведя>, да вероўкой зачапіў и ведзэць к попу. Привьёў и кажиць: „Оччинице, бацюшка!“». Поп не оччиняець — боицца. Тогда ён як стукнуў ногою у ворота, — ворота оччинилися и як стаў цягнуць ў двор, а медведзь як упьерся лапамі ў шулы <столб с пазами в строении или в огороде>, аш шулы вывернулись и забор зарыўся, а у бацюшки з матушкой аш гниды подохли. Яны думали, што ён з мядзведзем увесь двор зарыцець». Затем Миша пускает медведя на кухню и с явной насмешкой обращается к попадье: «Матушка, ци доилиш вы корову? — Идзице доиць!». 2) Пойти на мельницу к чертям за деньгами. Миша ловит чертенка и запускает его в пуню к медведю. 3) Отправиться к государю за жалованьем. Миша берет «старыя колёсы, што навоз возили», запрягает медведя в корень, а черта в пристяжку и катит к царю. Царь живехонько отдает ему деньги — только бы поскорей он уехал. Заключается сказка традиционным эпизодом — «Бегство от работника» (Андреев, 1132).

Таков Медвежье Ушко — силач и шутник, в образе которого, как видно, сливаются героические и сатирико-юмористические черты, что роднит его, с одной стороны, с классическими богатырями сказочного эпоса, такими, как Покатигорошек, с другой — героями типа Балды, изобретательными на выдумку, хитроумными и никогда не унывающими малыми.

Сказка о Медвежьем Ушке, по всей видимости, зародилась в древнейшую пору, когда еще жива была вера в происхождение человека от животного, в частности от медведя.⁶⁵ Можно предполагать, что первоначально все внимание в сказке концентрировалось на неумной силе чудесно рожденного героя-богатыря и его приключениях, связанных прежде всего с классическим сюжетом «Три царства». Что касается юмористических и тем более сати-

⁶⁵ О существовании культа медведя у восточных славян и — шире — у финских племен и ряда народов лесной полосы Евразии см.: Н. Н. Ворониц. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. «Краеведческие записки» (Государственный Ярославско-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник), вып. IV, Ярославль, 1960, стр. 25—93.

рических элементов, то они проникли и развились в ней в сравнительно позднее время.

Скептицизм и предосудительность, с которыми народ в процессе преодоления тотемистических воззрений стал относиться к возможности сожительства человека с медведем, привели к тому, что страдательным лицом в сказках стал часто изображаться не просто человек (дед, старуха, дивчина), а представитель чуждой народу социальной среды — поп (попадья), пан (панна). Ввод в сказку этих персонажей, естественно, наложил определенный колорит на все повествование: в нем явственно стали обозначаться элементы кощунства, издевки, насмешки. Так, например, в явно насмешливо неприглядном свете изображается пан, который, встретив в лесу медведя, «утикает», оставляя на произвол судьбы свою панну (Яворский, 25), или — беспечный поп, которого в сонном виде вместе с «книжицей» (очевидно, евангелием) выволакивает из овса и относит в свою берлогу медведица (Левченко, 473; ср.: там же, 472). А разве не тем же игривым настроением пронизывается сцена зимовья духовного отца в берлоге, когда, по словам сказочника, «медведица лапу сосет и попу дает» (Леонтьев, 68). Вообще уже сам факт сожительства попа или его супруги со зверем, о котором говорит сказка, включает в себе злую издевку над духовенством и может вполне рассматриваться как одно из многочисленных проявлений антицерковных настроений народных масс.

Изображение же Медвежьего Ушка в качестве антагониста попа позволяет некоторым сказочникам эпизод с его чудесным рождением использовать как начало новеллистического цикла сказок о поповом наймите — Балде.⁶⁶

ТРИ БРАТА-БОГАТЫРЯ

Из трех чудесно рожденных братьев богатырей один, как наиболее сильный, становится во главе других. Им может быть Иван Зорькин, рожденный на зорьке (Красноженова, 18),⁶⁷ Иван Сучич (Записки, I, 34),⁶⁸ Иван Быкович (Афанасьев,

⁶⁶ Об эволюции сюжета о сыне-медведе с переходом его из сказок волшебных в бытовые сатирические см.: У. С. Конкка. Карельская сатирическая сказка, стр. 54—74.

⁶⁷ Зорька богатырь (Афанасьев, 140), Зоранка (Романов, III, 13), Иван утренней зори (Худяков, 61), Иван Зорьковый (Кравченко, 122), Зорька-молодец (Коргуев, 12), Иван Зарявой (Романов, VI, 37), Светозор (Эрленвейн, 4), Световик (Азадовский, Спб., 14; Роздольский, VII, 38), Светлана (Азадовский, Сиб., 17).

⁶⁸ Сучченко (Чубинский, 69), Иван Сученко (Афанасьев, 139), Иване Сучин сини (он же Сучченко, Сучин сын — Чубинский, 68), Марко Сучченко (Манжура, стр. 24—26), Сучий сын (Карнаухова, 43), Сукин сын (Господарев, 18), Иван Сучин сын (Коргуев, 13), Василий Сукин сын (Соколовы, 37), Сукин сын Парамоха (Никифоров, Ск., 51, 68), Иван Сучкин сын — золотые пуговицы (Романов, III, 15), Сучий сын (Романов,

137),⁶⁹ Иван-коровий сын (Афанасьев, 136),⁷⁰ Иван-кобылин сын (Смирнов, 183),⁷¹ Иван-кошкин сын (Худяков, 6).

Братья Ивана Зорькина являются богатырями, рожденными один вечером, другой в полночь, и соответственно прозываются Иван Вечерник (Иван Вячорка, Вячорка, Вечерник, Вечер-молодец, Иван-вечерней зори) и Иван Полуношник (Повношник, Північник, Полночь-богатырь, Иван-Полуночной зори).⁷²

В числе двух братьев Ивана Сучича, Ивана Быковича и других упомянутых богатырей находится: сын дворцовой прислуги, главным образом кухарки (поварихи), реже девки-служанки, няньки и пр., и соответственно прозываются Иван-кухаркин сын (кухаркин или кухарыхин сын, Кухаревич, Куховарыч, Кухоренко, Иван Поваренко), Иван-девичий или девкин, девий сын, Иван Девич, Иван-служанкин или служебкин сын, Иван-нянькин сын, Иван Лакевич и сын царицы (Царенко, Иван-паревич, царский сын).⁷³

Действие сказок о трех братьях-богатырях почти полностью развивается в рамках сюжетов типа «Победитель змея» (Андреев, 300 А, *В) и «Три царства» (Андреев, 301).

ИВАН ЗОРЬКИН

Рождение Ивана Зорькина и его братьев сказка не обуславливает определенной социальной средой. Однако в большинстве вариантов они — сыны простых родителей (старика и старухи, вдовы, царской прислуги и пр.).⁷⁴ Само чудесное зачатие братьев может быть от съеденных трех «струковых» горошин (Романов, III, 13), трех ягод (Азадовский, Сиб., 7), «чудной рыбки», у которой «перышки червонцова золота, чешуйка серебряна, а глаза, как огоньки горят» (Азадовский, Сиб., 14).

Рождает женщина сыновей обычно в уединенном месте, вне дома и в течение одной ночи; она же придумывает для них имена

VI, 28), Сучье рождение (Иваницкий, 623), Иван-сучкин-плошкин (Чернышев, 2), Сучкин сын (он же Собачонё, Собачанетка — Шейн, 53), Таратурок-собачий сын (Романов, VI, 29).

⁶⁹ Иван Быкович (Ончуков, 27; Карнаухова, 163; Никифоров, 14).

⁷⁰ Коровий сын (Добровольский, 5).

⁷¹ Кобылин сын (Романов, VI, 27), Федь кобылячий сын (Роздольский, VII, 70). Иван-Кобылин сын см. также в сказках: Худяков, 5 и Добровольский, 6, но здесь спутниками его являются богатыри Дубыня, Горыня, Салыня.

⁷² Азадовский, Сиб., 17 — вечером (Вечерник), утром (Заутренник), днем (Светланя).

⁷³ В отдельных сказках царского сына замещает: сын барыни (Смирнов, 183), панский сын (Шейн, 53), купеческий сын (Романов, VI, 27). У Господарева, 18 вместо двух братьев действуют три — кухаркин сын, кошкин сын и царский сын.

⁷⁴ Исключения: Худяков, 61; Коргуев, 12 (купеческие дети), Роздольский, VII, 38 (цесаревы дети).

(Роздольский, VII, 38 — необыкновенное наименование братьев объясняется тем, что-де «ксындза не бѹло, инѹ самѹ собѹ хрестила»).⁷⁵

Чудесное в детях обнаруживается очень рано. Только что родившись, они буквально «из подола матери» уже бегут в речку купаться (Азадовский, Сиб., 17), отправляются в лес погулять, ягод собирать, поохотиться (Азадовский, Сиб., 14), едят так много, что уже на четвертый день бедная мать-солдатка не знает, чем их «вигодувать» (Кравченко, 122), «обижают» деревенских ребят, причем не бьются с ними, а просто так гуляют «у смяхѹ» (Романов, III, 13). Когда же дети подрастают (а растут они, как полагается, «не по дням, а по часам», так что через три дня выглядят «настоящими мужчинами» — Азадовский, Сиб., 14), их богатырское призвание становится для окружающих очевидным.

«Што ж вы, моѹ сыны, ничего не работаеця? — спрашивает старик своих двадцатилетних сыновей и те отвечают — Нам, говоруць, бацюшка, вашя работы не робиць, а нам треба работой своѹ займатца!... Мы просим у вас, тата, каб вы дали нам хоць по 'дной страле. Мы вас покинем дома: мы чуемся, што мы хлопцы дужіе, нам треба йци ў свит белый, походциць по свету, што-нибѹдзь дзе почуць!». По этому ответу старик понял, что его сыны осилки, и потому заказал кузнецу (ковалю) сковать для них по железной стреле и отпусти «ў свет» (Романов, III, 13).⁷⁶

«В свет» братья отправляются не столько для того, чтобы «людей посмотреть и себя показать», сколько с целью освободить царских (королевских) дочерей, унесенных Змеем или Вихрем (Афанасьев, 140; Худяков, 61; Эрленвейн, 4; Азадовский, Сиб., 14, 17; Красноженова, 18; Романов, VI, 37, Роздольский, VII, 38).⁷⁷

Перед тем как отправиться на подвиг, они иногда заходят во дворец, чтобы еще раз продемонстрировать свою необыкновенную физическую силу и предъявить царю некоторые требования: «Царь их на обед к себе приглашат. Идут они во дворец; убрано все там хорошо, лесница вверх, пошли. Только как на ступеньки ступили — оне поломались, руку положили (на перила), лесница ломатца: „Эх, — говорят, — государь не мог и лесницу-то покрепше сделать“. Что делать, сделал царь для них лесницу чу-

⁷⁵ Романов, VI, 37: «И бабушка-пупорезница наложила им усим имя три Иваны: Иван Вячорка, Иван Повношник и Зорявой Иван».

⁷⁶ Царь (король) вместе со своей свитой в поисках дочерей наезжает в лесу на одинокую избушку (будку, хату), где живут три брата с матерью и убеждается в их (особенно Световика) богатырской силе. Световик показывает царю место своего отчаянного поединка с тремя многоголовыми Идолищами, уносящими царевен, и на три версты (дальше, чем братья) запускает из «тугого лука» стрелу (Азадовский, Сиб., 14); начисто побивает королевское войско (Вечорка мог побить всего треть войска, а Полуношник — половину) и необычно много ест (Роздольский, VII, 38).

⁷⁷ В некоторых случаях братья вынуждены покинуть хату потому, что есть нечего (Кравченко, 122).

гунну. Ну, поднялись во второй этаж, вошли в залу, хотели на стулья сесть, стулья разломались. Царю стало прискорбно» (Красноженова, 18).

Братья требуют, чтобы царь сковал им три трости весом в 100, 200 и 300 пудов да цепь длиною в 200 сажень (Красноженова, 18), кормили бы их несколько месяцев (Худяков, 61), не оставил бы их матушку (вдову), призрел бы ее «в бедности да в старости» (Афанасьев, 140).⁷⁸

Как правило, во главе братьев становится самый младший из них, поскольку он оказывается сильнее, храбрее и находчивее.⁷⁹ Так, если Иван Вечерник вполне удовлетворяется тростью в 160 пудов, а Иван Полуношник — в 200 пудов, то Иван Зорькин не может удовлетвориться тростью и в 300 пудов, так как при ударе о палец она гнется, и он вынужден просить, чтобы к ней приварили еще 25 пудов стали; если черту стоит раз дунуть — Иван Вечерник падает, второй раз дунуть — Иван Полуношник падает, то при третьем разе Иван Зорькин не только не падает, но заставляя самого черта стать на колени и просить прощения (Красноженова, 18).⁸⁰

Такие качества Ивана Зорькина, как сила, храбрость, находчивость проявляются и в последующих эпизодах сказки, включающих: 1) борьбу с могучим, коварным и злым существом;⁸¹

⁷⁸ В одной из наиболее обширных и сложных по композиции сказок о трех братьях (Андреев, 301+302), рассказанной Антоном Широшником (Азадовский, Сиб., 14), царь доставляет богатырей вместе с их матерью из леса к себе во дворец, причем матери предоставляет для передвижения лошаля оного из своих вельмож, которому пришлось шесть миль пешком идти. Живя во дворце, братья посещают школу, обучаются военному делу, так что становятся «образованными, приятными» молодцами, а вскоре, получив богатырские доспехи (два брата — по мечу весом в 30 и 70 пудов, а Световик — меч в 150 пудов, щит и шлем по 25 пудов), отправляются на поиски для себя богатырских копей.

⁷⁹ Исключения: Романов, III, 13 — руководит братьями берется Вячорка, мотивируя это тем, что Заранка чересчур задирает, вступает в драку с встречными, из-за чего братья могут пострадать: «дзе нибудзь ще такую драчу завядзеш, — говорит Вячорка Заранке, — хоць пол арешт псаб'язюць, хоць у вострог, за п'ябе». К тому же старшинство Вячорка подтверждается и соревнованиями между братьями в бросании стрелы (его стрела улетает дальше всех).

⁸⁰ Контрастность силы Световика, с одной стороны, и двух его братьев — с другой, особенно подчеркнута в сказках Азадовский, Сиб., 14 (Световику орудием боя служит дерево, вырванное с корнем, тогда как его братья могут владеть только палкой). Ср.: Роздольский, VII, 38 (братя намного уступают Свѣтовику в еде). Там, где к трем братьям присоединяются в пути другие сильные существа (богатырь Белый — Худяков, 61; Старый Богатырь — Кравченко, 122; черт — Красноженова, 18; самозванный брат — Роздольский, VII, 38), все они также намного уступают в силе Ивану Зорькину (Эрленвейн, 4 — Светозор владеет тростью весом в тридцать пудов, Полуношник — в шесть, в Вечерник — только в три пуда).

⁸¹ Худяков, 61; Азадовский, Сиб., 14, 17; Красноженова, 18; Коргуев, 12; Роздольский, VII, 38; Кравченко, 122; Романов, III, 13 — этот эпизод опущен.

2) спуск в подземелье (или подъем на гору), победу над Змеем и освобождение царевен; 3) возвращение «на белый свет».

Братья Ивана Зорькина выглядят в этой части сказки лживыми, эгоистичными и вероломными. Так, богатырь Вечерка, скрывая истинные причины своего «недомогания» и «бездеятельности» (его до «полусмерти» избивает старичок «Сам с ноготок»; он же съедает и весь приготовленный им обед), заявляет: «Эх, братцы! затопил я печку, да от великого жару разболелась у меня головушка — весь день, как шальной, провалялся, не мог ни варить, ни жарить» (Афанасьев, 140).

Точно так же, как и Вечерка, ведет себя богатырь Полуночник. Кривя душой, каждый из братьев при этом про себя думает: «нехай и яны получить тоя, што з им було» (Романов, VI, 34).

Вероломным нарушением долга по отношению Ивана Зорькина можно рассматривать действия братьев, рассчитанные на то, чтобы завладеть царскими дочерьми-красавицами, освобожденными им от Змея, а его самого оставить на произвол судьбы в подземном царстве. . .⁸²

Аморальность поступков двух старших братьев — это, в сущности, не что иное, как фон, позволяющий с еще большей силой и наглядностью выявить и закрепить в нравственном облике героя положительные черты, близкие или совпадающие с чертами таких сказочных богатырей, как Иван Сучич, Иван Кобылин сын и др., к характеристике которых мы и переходим.

ИВАН СУЧИЧ⁸³

Богатырь Иван Сучич, как и его два брата, рождаются в царском (Левченко, 476, 477 — королевском) дворце (в единичных случаях — в помещичьей усадьбе, купеческом доме) от чудесного зачатия — съеденной рыбы (отдельных ее частей или остатков)⁸⁴ царицей (королевой, барыней, купчихой), кухаркой, собакой-сучкой, кошкой, кобылой. В качестве рыбы называются: щука (Иваницкий, 623; Коргуев, 13; Господарев, 18; Чернышев, 82). «щука — рыба прожыр» (Шейн, 53), «три щуки-белорыбицы» (Чернышев, 2), «златоперая щука» (Записки, I, 34; Чубинский,

⁸² Афанасьев, 140 — этот мотив смягчен: братья вытаскивают Зорьку из-под земли и все они женятся на царских дочерях; Кравченко, 122 — главным виновником оставления героя в подземелье оказывается встречный Старий Богатырь, который и несет наказание; Эрленвейн, 4 — Светозар прощает вероломных братьев (поскольку они родные) и казнит (размыканием по полю) цыгана за то, что тот вознамерился жениться на его невесте — младшей царской дочери; Коргуев, 12 — в заключительном эпизоде сказки о братьях ничего не говорится.

⁸³ Дублирующими именами богатырей могут быть Иван-кобылин сын, Иван-коровий сын, Иван Быкович.

⁸⁴ Никифоров, Ск., 51, 66 — в качестве зачаточного средства служит особый «жир».

69), «полурыбка» (Чубинский, 68), рыба «с одним воком, с одним боком» (Романов, III, 15), «рыбка золото-перо» (Карнаухова, 43), «рыбанька з золотым пирцям» (Манжура, стр. 24—26), «три золотистых рыбки» (Левченко, 476), «золотая рыбка» (Соколовы, 37; Калин, стр. 56—59), «лещ златоперый» (Афанасьев, 139), окунец весом в три фунта (Романов, III, 15, вариант 2), «три вокуни» (Романов, VI, 29), «три лини по три ліга» (Левченко, 477), «непростая рыба» (Романов, III, 15, варианты 1, 3).

Приобретение чудодейственной рыбы бездетным царем составляет начальный эпизод сказки. Рыба может быть куплена им самим или его слугами на рынке (Чернышев, 82), у рыбаков (Иваницкий, 623; Романов, III, 15, вариант 1) или специально выловлена сетью в море, реке, озере, чаще всего по совету «прорицательных» людей (бабушки-задворенки, старика, старухи, волшебницы и т. п.).⁸⁵

В отдельных сказках описание ловли рыбы сопровождается троекратностью действия: «Навезли шовку, выплели невод и поїхали до моря. Закинули той невод зараз у море; натягли сылу рыбы, перекидали: нема золотоперої щуки; закинули другой раз, ще більшу сылу рыбы вытягли — перекидали її — нема — золотоперої щуки. „Закинємо, братці, ще третій раз, як що за цім разом не вытягнем, то поберем цієї рыбы и повезем цареві на гостинець“. Закинули третій раз, — порожій невод иде, колы дывляття — нема нічого, тільки золотоперая щука. Привозять ту щуку до царя» (Чубинский, 69; ср.: Записки, I, 34; Коргуев, 13; Чернышев, 2; Романов, III, 15, вариант 2).

Приобретенную рыбу отдают для приготовления на кухню, в результате чего кое-что от нее перепадает кухарке и собаке-сучке.⁸⁶ «Ведомо, — заключает один из белорусских сказочников, — кухар заўсёгды раней панов спытаець стравы» (Романов, III, 15). В украинской сказке «Про Сучченка» кухарка, готовя рыбу, берет «потрошок» и кидает «в свій борщ» (Чубинский, 68).

Собаке-сучке с царского стола большей частью достаются рыбы косточки.

Братья-богатыри почти всегда рождаются одновременно. Как и подобает сказочным героям, растут они «не по дням, а по часам» и даже «не по дням и часам, а по минутам», так что за какие-нибудь 17—18 часов (Чернышев, 82; Чубинский, 69) становятся вполне взрослыми людьми. Иногда о братьях говорится как о близнецах, подчеркивается их внешнее сходство: «И ребята были волос в волос, голос в голос, что можно даже не разобрать,

⁸⁵ Манжура, стр. 24—26 — ангела, которого «сам бог послал» бездетному царю в советчики; Романов, VI, 28 — дурака; Калин, стр. 56—59 — рыбак дарит «золоту рыбу» царю.

⁸⁶ Кухарке, собаке-сучке, кошке (Господарев, 18; Чубинский, 68), кухарке, собаке-сучке, кобыле (Записки, I, 34; Левченко, 476).

кто чей» (Господарев, 18; ср.: Калин, стр. 56—59). В украинской сказке (Левченко, 476) богатырь, рожденный королевой, узнается лишь потому, что встает у изголовья притворно занемогшей матери, которая, чтобы не путать его с другими братьями, «хутко схватывается» и состригает у него «на чоли волося». Перед тем как отправиться «в свет», они, подобно богатырям-одиночкам типа Ивана-Гороха или Ивана-Медвежьего Ушка, проявляют свои способности — сверхъестественную физическую силу, а в отдельных случаях — необыкновенный ум и сообразительность, причем симпатия сказки постоянно оказывается на стороне Ивана Сучича.

Выделение индивидуальных особенностей героя некоторые сказочники начинают буквально с момента его рождения: «Сука хоша принесла младенца, только были собачьи уши» (Иваницкий, 623), «перво сука родила; увесь чиловек, только вухо собаччїе» (Романов, VI, 29). В сказках также подчеркивается: «От суки родился очень сильный, рослый» (Никифоров, Ск., 51); «Родился се-таки лучше-то от суки, от собаки» (Никифоров, Ск., 66); «И родзили яны по сыну: панин сын хорош, кухарыхин лучши, а сучкин яще лучши» (Шейн, 53); «царицин сын пуцей за ўсих и слабей, а Сучкин сын пригожей да ўсих и крепчей» (Романов, III, 15); Таратурка-собачий сын — «сильней», «смялей, боичей» всех (Романов, VI, 29); «силен панин сын, кухарыхин сильнее яго, а Сучкин яще сильней» (Шейн, 53).

Ученье в школе братьям дается легко; в знаниях они даже опережают своего учителя (Чубинский, 69), но и здесь по-прежнему преимущество все же отдается Ивану Сучичу: «Панин сын вучўся хорошо, кухарыхин лучши яго, а сучкин яще лучши» (Шейн, 53). «Почали хлопці ходити до школи, добре вчаться, айбо найліпше Сучин син» (Калин, стр. 56—59). Случается, что сами сказочники не удерживаются от того, чтобы не прервать эпический топ повествования и не выразить своего восхищения тем или иным поступком любимого героя. «Вот какой отчаянный, — восклицает, например, Ф. П. Господарев, и добавляет — собачий дух немного есть у его» (Господарев, 18).

Прежде всего сказка поэтизирует силу героя. В сравнительно ограниченном количестве вариантов она проявляется уже при выборе коня. Стоит Ивану Сучичу свистнуть-гаркнуть молодецким голосом, богатырским посвистом, как все кони, кроме одного, валятся на землю. Дважды свистит-гаркает он таким образом и каждый раз удерживается на коленях по одному коню, которых он и отдает братьям; себе же берет такого коня, который при третьем свисте остается на ногах и лишь ушами «лопочет» (Чернышев, 2).⁸⁷ В том случае, если сам царь наделяет своего и ку-

⁸⁷ Особенно подробно выбор коня описывается в сказке «Сучкин сын» (Жоргуев, 13); не найдя подходящего для себя коня в царских конюшнях, герой вынужден обратиться за помощью к старухе-колдунье и та вырывает его.

харкина сына конями, а Ивану Сучичу отказывает, последний выбирает коня следующим образом: «Як вигнали табун, щоб він вибрав собі коня, він як свиснув, так увесь табун и попадав; вигнали другий — уп'ять свиснув, усі копi попадали. Вигнали третій; він уп'ять як свиснув — так тіки один кiнь и зоставсь. Він и каже: „Оце мій“» (Чубинский, 68).⁸⁸

Исключительная сила Ивана Сучича обнаруживается также в соревновании между братьями на дальность забрасывания палицы (палицы-булавицы, «палицы-булавицы, молодецкия забавицы», булавы, ляски, вручья, меча, стрелы, камня), максимальный вес которой в отдельных вариантах называется в девять (Афанасьев, 139), двадцать четыре (Романов, VI, 29) и сорок пудов (Иваницкий, 623; Никифоров, Ск., 51, 66).⁸⁹

Цель соревнования обычно состоит в том, чтобы решить, кому из трех братьев быть старшим: «Немного погодя говорит Иван Сученко: „Как нам, братцы, будет путь держать, когда нет у нас ни старшего, ни младшего? Надо так сделать, чтобы был у нас старший брат“. Царенко говорит, что меня отец старшим поставил, а Сученко — свое, что надо силу попробовать — по стрелке бросить» (Афанасьев, 139). Претендует на старшего и Иван-царевич в сказке «Сучье-рождение»: «Потому что я, — говорит, — царский сын, так вы должны мне повиноваться» (Иваницкий, 623).

Напротив, в сказке «Про Сученка-богатыря» Царевич и Куховарыч категорически отказываются быть старшим (атаманом) и предпринимают быть им Сученку, на что тот отвечает: «Е, братья, вы з більшого покоління, та вы не хочете, а я з найменшого покоління, та буду пад вами отаманом! Не хочу!» (Чубинский, 69).

Иногда старшим назначается царевич (королевич) волею родителей и не встречает возражения со стороны братьев (Карнаухова, 43; Левченко, 476, 477). Но вот в сказке «Про царя», несмотря на то, что Иван-царевич «пó роду» у родителей считается старшим, братья все же решают «сделать старшим того, кто сильнее всех» (Никифоров, Ск., 51).

Старший из трех братьев может избираться путем соревнования в силе и без каких-либо тренировок и пререканий (Соколовы, 37; Чернышев, 2; Никифоров, Ск., 66; Чубинский, 68; Романов,

⁸⁸ Афанасьев, 139 — братьям достаются три жеребца от чудесной кобылы; Записки, I, 39 — братья Ивана Сучича выбирают лучших коней, а ему достается «горбунок»; Соколовы, 138 — добыть богатырского коня помогает герою старуха.

⁸⁹ В вариантах: Записки, I, 34; Карнаухова, 43; Коргуев, 13; Господарев, 18; Чернышев, 82; Левченко, 476 — мотив соревнования отсутствует; его нет также в белорусских сказках «Сучкин сын» (Шейн, 53) и «Иван-сучкин сын — золотые пуговицы» (Романов, III, 15) — в первой из них братья куют себе булавы: панский сын — оловянную, кухаркин — медную, сучкин — железную; во второй — герой лично испытывает на прочность три булавы весом в 10, 25 и 50 пудов.

VI, 28), по жребию (Романов, VI, 29), а то и просто выявляется по ходу дальнейшего действия (Записки, I, 34; Господарев, 18; Чернышев, 82; Романов, III, 15; Шейн, 53).

Однако избирается или не избирается в старшие Иван Сучич (а в подавляющем большинстве вариантов он избирается), он постоянно превосходит братьями, намного превосходя их в силе, ловкости и уме.⁹⁰ Итак, соревнуясь, Иван Сучич забрасывает палку (булову и пр.) дальше всех.⁹¹ «Иван-царевич бросил далеко, Иван-нянькин кинул еще дальше, Сучье-рождение всех дальше бросил» (Иваницкий, 623; ср.: Афанасьев, 139), или: «Поставали, попускали стрілочки. Зараз же царевича застряла в дубови, в рассохах; куховароча дальші застряла у маковыні, а сученкова застряла у змія в будынках, у вікні» (Чубинский, 69; ср.: Левченко, 477; Манжура, стр. 24—26).

В некоторых сказках расстояние, на которое забрасывается предмет, измеряется верстами. Так, в сказке «Сукин сын Парамоха» царевич бросает «палку» в 40 пудов за 12 верст, сын работницы — за 16, а Сукин сын — 20, причем у последнего «палка» врезается в землю по рукоять, и, как ни стараются оба его брата, вытянуть ее из земли не могут (Никифоров, Ск., 66; ср.: там же, 51; Чубинский, 68).⁹²

В странствование («в свет») братья пускаются главным образом по своей охоте («людей посмотреть, себя показать»), реже — их вынуждают к этому обстоятельства иного порядка, например, просьба царя, или, как в сказке «Сучкин сын», кровная обида героя на то, что его обзывают «собачанё»: «Пойдзем, братцы, ў свет, ў такую сторону, гдзе мяне не знаюць, хоць зваць мяне ня будуць так погано» (Шейн, 53).

Характерным и почти обязательным для сказок об Иване Сучиче является бой со Змеем на мосту (в некоторых сказках

⁹⁰ Исключение, как мы отмечали: Романов, VI, 28.

⁹¹ Соколовы, 37 — выше всех: «Иван царевич кинул высоко, а служанкин сын еще повыше, а Василий, Сукин сын бросил — и не видаг село» (ср.: Чернышев, 2).

⁹² Попутно нельзя не отметить ряд любопытных подробностей, содержащихся в сказке «Иван-сучкин сын — золотые пуговицы» (Романов, III, 15), в которой мотив соревнования заменен мотивом проверки ляски (палка, трость) на прочность. Так, просьбы сковать ляски в 10, а затем в 25, 50 пудов Сучкин сын не сам передает царю, а через царского сына, что, несомненно, подчеркивает неравенство братьев; само испытание ляски герой производит на охоте и в тайне от братьев. Разбив «на крошки» о свою ладонь ляску в 10 пудов, Сучкин сын жалуется братьям: «вот, кажець, скував мне царь ляску! Ляцев веробей; я кинув, каб яго забиць, а ляска як ляцела назад, дык ударилась об гетую травинку и разбилась». Вторую ляску он также разбивает «на крошки» о колono и вновь обращается с упреком к братьям: «якую гето ляску искувать мне царь! Кинув я лб у ворону, ляцела яна назад, ударилась об гетый сук — и рассыпалась!». И только третья ляска в 50 пудов, которую сам царь заказывает ковалю, устраивает героя (ср.: Шейн, 53; Романов, VI, 29).

мост называется калиновым — Карнаухова, 43; Романов, III, 15, VI, 29; мурованим — Левченко, 477),⁹³ у огненной реки (Романов, VI, 29) или у реки Калиновки (Чернышев, 2), иногда с выдуванием «тока» противниками.⁹⁴

Остановившись в пустующем доме (избе, будинке, корчме и т. п.), расположенном у речки в глухой (лесной или степной) стороне, в городе (Романов, VI, 29), братья поочередно отправляются на стражу («на варту» — Левченко, 477) к мосту, по которому должен проезжать многоголовый Змей (чудовище). В сущности, они выполняют функции трех былинных богатырей, стоящих на заставе,⁹⁵ которым также предписывается: «Кто будет проходить через эту реку — не пропускать ни пешего, ни конного» (Чернышев, 2). В первую ночь на мост идет царский сын, во вторую — кухаркин сын, но караул не держат. Их одолевает сон и они просыпают всю ночь напролет или, убоившись страшного и грозного противника, убегают (Иваницкий, 623), «утекают» в ясли, «у стадоли», зарываются в сено и просыпают всю ночь (Романов, VI, 29). Бой со Змеем (Юдой-Антиюдой и пр.) о трех (шести, девяти) и шести (девяти, двенадцати) головах за братьев успешно проводит Иван Сучич.⁹⁶ Он же задает каждому «вояке», возвратившемуся с «поля боя», каверзный вопрос о том, что же произошло во время дежурства на мосту, и слышит примерно такие ответы: «На моем карауле все тихо было» (Карнаухова, 43); «Та хоча б тобі хоч муха пролетіла» (Чубинский, 68); «Не, нічого ня чув: ніхто ня йшов, ня ехив — усё было спокійно» (Романов, III, 15); «Нічого не слылось, тільки прылетіла до мене рання птычка, росою прикропыла, ще й зверху прыпаскудыла» (Чубинский, 69); «Не, брат: ни відом ни видав, ни слыхом ни слыхав, и птица и тая ни пролителя» (Романов, VI, 29).

На заведомую ложь братьев Иван Сучич отвечает иногда ироническим замечанием вроде следующего: «Вот ето хорош, ды ня дужа; а худо, ды ни сусим!» (Романов, VI, 29), иногда гневается и даже пускает в ход кулаки: «Встал Сучий сын, да в щоку его <королевича> вдарил: „Ах, ты, такой-сякой, вот что на твоём

⁹³ Господарев, 18 — герой бьется не на мосту и не со змеем, а с богатырем.

⁹⁴ См.: Записки, I, 34: «Дунули в голенище, сделали токовище на десять верст разбегу»; Романов, III, 15: «Змей як дунув — дзе были и мхи. Болоты, оржавы, потоны — стало гладко, як яйце, на дванадцять вёрст. Сучин сын як дунув — усё пызолоцив, бережки пызавороцив и на битву став» (ср. также: Афанасьев, 139; Чубинский, 69; Романов, VI, 29).

⁹⁵ Коргуев, 13 — все дежурства на мосту осуществляет по просьбе трусливых братьев Сукин сын

⁹⁶ Романов, VI, 28 — Искорка-пáрубок девичий сын. Калин, стр. 56—59 — Сучин сын сражается только один раз с могущественным двенадцатоголовым змеем, который приезжает к мосту на коне, имеющем двенадцать ног: «коли прилетів змей на міст, то так сердито зостановив коня, що третина мосту впала у воду».

карауле было“. И даёт ему три змеиных головы. Три змеиных языка» (Карнаухова, 43), или: «Той <Сукевич> его <королевича> взяв за вуши, вдарил в морду. Витягае языки на знак» (Левченко, 477). Такому же наказанию подвергается и второй брат — Кухаревич.

На третью ночь дежурить на мост отправляется Иван Сучич. Перед поединком со змеем о 12 головах⁹⁷ он просит братьев в случае надобности прийти ему на помощь. Для того чтобы братья не заснули, Иван Сучич вручает им игральные карты; он оставляет им также предметы, в том числе нож или носовой платок, стакан с водой, стакан с «горелкой», рюмку, чайное блюдечко, тарелку, сальную свечку, рукавички, кровотечение которых должно указать на степень угрожаемой герою опасности.⁹⁸ «Вот, братья, теперь я пойду, я вас спас, спасайте вы меня. Вот я, говорит, вам повешу полотенце, на полотенце привяжу нож, как с ножа кровь потяке, так вы сами идите или мово коня спустите» (Чернышев, 2; ср.: Иваницкий, 623; Соколовы, 37; Карнаухова, 43; Господарев, 18; Чернышев, 82; Никифоров, Ск., 51, 66; Чубинский, 69; Манжура, стр. 24—26; Левченко, 477; Калинин, стр. 56—59; Романов, III, 15; VI, 29).

В сказке «Про Сучченка» (Чубинский, 68) наказ героя братьям обставляется следующими подробностями: «Як буде нагайка мокра — сами идіть; як руковиця мокра — хорта з хати пускайте; а як торильці буде кров, то й коня из конюшні пускайте!»⁹⁹

Как с двумя предыдущими змеями, так и со змеем о 12 (или 9 и пр.) головах Иван Сучич бьется решительно и отважно, побеждая его не только силой, но и хитростью, сноровкой. В самый разгар боя, когда возникает особая опасность, он выпрашивает у змея «передышку», чтобы сигнализировать братьям о помощи (Иваницкий, 623; Чернышев, 82; Никифоров, Ск., 66; Романов, VI, 29),¹⁰⁰ пускается и на прямой обман. Так, Сучченко трижды бросает «у гору» сначала свою шапку, потом один чобот, за ним другой, приговаривая: «От колы, вража сило, пропадеш! Он моїх ще два брата біжать до мене на помочь». Девятиглавый змей каждый раз глядит «у гору», а Сучченко, пользуясь этим, отсекает у него по три головы (Чубинский, 69; ср. Соколовы, 39 — Василий-Сукин сын, срубив такому же девятиглавому змею семь голов, предлагает: «Поганая поганица, нам не цесть, не хвала — друг дружбу убьем; а давай, говорит, роспишимсы, пускай ты старшой

⁹⁷ Романов, VI, 29 — с Юдом — антиюдом о пятнадцати головах и «две головы пы большущиму пивному котлу».

⁹⁸ Записки, I, 34 — кровь должна выступить на игровых картах.

⁹⁹ Коргуев, 13 — Сукин сын приказывает братьям не спать и в случае надобности, по сигналу, выпустить ему на помощь чудесного коня.

¹⁰⁰ Чернышев, 2 — змей отклоняет предложение Ивана Сучкина об отдыхе; Никифоров, Ск., 51 — противники делают «любовну передышку» (ср.: Чубинский, 69).

брат, а я младший». И когда тот соглашается, срубает у него последние две головы).¹⁰¹

Проявляя полную беспечность, братья и на этот раз не выполняют наказа Ивана Сучича: они засыпают настолько крепко, что замечают обильно выступившую кровь на оставленных предметах только после того, как их будит герой. Просыпаются братья от удара (подчас второго и третьего) об избушку (хагу, дом и пр.), где они находятся, сапога, чобота, шапки (фуражки), рукавицы, брошенных Иваном Сучичем.¹⁰² Удар этот оказывается настолько мощным, что с избушки сбивает трубу, крышу, верхний венец, обваливает простенок и т. п. Но бывает и так, что рукавичка, пролетев «через мур, через чавунову браму, через стіну» королевичу до крови нос разбивает. «Схватився королевич: „Ей! вставай, кухаревич! повна комната крови мені з носа!“ — «Ой, не! То не з носа, то з нашого брата!» (Левченко, 477).

Как правило, братья не приходят на помощь Ивану Сучичу.¹⁰³ Более того, боясь наказания, они пытаются спрятаться от него в пустых подвалах» (Иваницкий, 623), а при встрече просят прощения, и он великодушно им прощает.

В дальнейшем Иван Сучич, обратившись в кота (Чубинский, 69; Левченко, 477; Романов, III, 15), кошечку (Записки, I, 34), муху, «мушинку» (Чернышев, 2, 82),¹⁰⁴ подслушивает разговор змеевых жен (Чернышев, 82 — сестер) и змеихи-матери,¹⁰⁵ замышляющих коварным образом расправиться с тремя братьями — виновниками гибели их близких сородичей.¹⁰⁶

¹⁰¹ Романов, III, 15 — Иван-сучкин сын — золотые пуговицы, отказав змею в отдыхе, отвлекает его внимание ложным заявлением: «полядзи-тка, вун жонка твоя йдаець и сквыриць!», а сам в это время запускает шапку в избу, чтобы призвать на помощь братьев. В сказке «Искорка-парубок Девичий сын» (Романов, VI, 28) хитрость героя проявляется в том, что он заставляет многоголовых юдов показать свою силу, которая оказывается у Юды о трех головах «з бобину ростом», у Юды о шести головах — «як воловский орех», у Юды о двенадцати головах — «як хунтовое яблыко». Девичий сын проглатывает брошенные на мост «бобину», орех и яблоко и таким образом увеличивает свою силу.

¹⁰² Записки, I, 34; Чернышев, 2; Никифоров, Ск., 66 — мотив этот не разрабатывается; Чубинский, 68 — братьев будит прилетающая муха; Карнаухова, 43 — первым случайно просыпается и бьет тревогу королевич.

¹⁰³ Исключения; Карнаухова, 43; Господарев, 18; Чубинский, 68; Левченко, 477; Калин, стр. 56—59; Романов, III, 15; VI, 28 (братья приходят на помощь Искорке-парубку девичьему сыну), 29.

¹⁰⁴ Искорка-парубок девичий сын перевоплощается в голубя.

¹⁰⁵ Иваницкий, 623; Карнаухова, 43; Чернышев, 2; Левченко, 477 — без участия змеихи-матери.

¹⁰⁶ Карнаухова, 43; Коргуев, 13; Чубинский, 68; Романов, VI, 29 — герой не перевоплощаясь, подслушивает разговор змеих, стоя под окном избы или сидя под мостом; Иваницкий, 623 — упрямление Сучичем-рождением козней волшебниц, оказавшихся к тому же его сестрами (?!), ничем не мотивируется; Манжура, стр. 24—26 — эпизод сговора змеих не разрабатывается (то же: Калин, стр. 56—59 — строит козни братьям и преследует их восемнадцатиголовый змей).

Выполняя задуманное, одна из жен-змей превращается в сад, в саду яблони, а на них — яблоки «красные, румяные, духовитые»: «яблоко сорвут, их <братьев> и рóзорвет»; другая — в колодец, в нем — вода ключевая, а рядом — «калиновы кусты, мала пташка песни поет»: «они напьются их рóзорвет»; третья — в кровати, на кровати «шерина пуховá, полога шелковы́, одеялко соболíно»: «Они лягут, их и рóзорвет» (Карнаухова, 43; ср.: Иваницкий, 623; Записки, I, 34; Коргуев, 13; Чернышев, 2, 82; Чубинский 68, 69; Романов, III, 15; VI, 28, 29).

Иван Сучич решительно предостерегает братьев от всех этих соблазнов, чреватых опасностями, и они часто от них воздерживаются,¹⁰⁷ но миновать расставленных сетей последней преследовательницы (змеихи-матери или одной из змеиных жен) они не в состоянии.¹⁰⁸ Превратившись в тучу, гору с пещерой, «муром», которому «не ведно кінця» (Левченко, 477), свинью (Романов, VI, 29) или «раззявив рот» так широко, что «одна губа по-під облаками, а друга по землі волочетця», она проглатывает их «из конем зовсім» (Чубинский, 69; ср.: Манжура, стр. 24—26; Чернышев, 2). И только Ивану Сучичу опять-таки с помощью хитроумных уловок (например, бросания в пасть преследовательницы специально изготовленной еды) удается спастись, заскочив в кузницу (укр. и белор. — к ковалям Кузьме и Демьяну; Романов VI, 29 — к кузнецу Соломону), а затем, зажав язык змеихи клещами и нанеся по нему удары стопудовым молотом, заставить ее «вырыгнуть» братьев (Записки, I, 34; ср.: Чернышев, 2; Чубинский, 68, 69; Левченко, 477).¹⁰⁹

В части вариантов сказки об Иване Сучиче заканчивается вызволением братьев и наказанием (возможно, и прощением) змеихи (Карнаухова, 43; Чубинский, 68; Левченко, 477); продолжением ее могут быть сюжеты: «Шесть чудесных товарищей» (Андреев, 513 А — Записки, I, 34; Коргуев, 13; Чернышев, 82; Чубинский, 69; Романов, III, 15, VI, 29) или «Три царства» (Андреев, 301 А — Иваницкий, 623; Чернышев, 2).¹¹⁰

¹⁰⁷ Исключения: Карнаухова, 43 — несмотря на предупреждение, Королевич съедает яблоко, Кухаревич пьет воду и оба тут же гибнут.

¹⁰⁸ Исключения: Чернышев, 82 — по совету Сучича братья стремительно въезжают в кузницу (ср.: Соколовы, 37; Калин, стр. 56—59; Романов, VI, 29); Коргуев, 13 — братья отпускаются домой.

¹⁰⁹ См. также: Романов, III, 15 — но здесь «змеиная матка» преследует только Ивана Сучича, так как двух своих братьев он заблаговременно отпустил домой; Манжура, Ск., стр. 24—26 — братья не «отрыгиваются»; Бабу-югу «перековывают» на коня, впрягают в плуг и пахут на ней (проводят борозду до самого моря, где она, опившись воды, погибает).

¹¹⁰ Сюда же условно могут быть подключены: Господарев, 18 (с доп. Андреев, 519) и Соколовы, 37; последняя изложена непоследовательно и путано, очевидно, ввиду нетвердого усвоения ее рассказчиком («Как розыскивали, — признается он на стр. 59 при изложении одного эпизода, — позабыл, слов не знаю»); Афанасьев, 139; Шейн, 53 — вообще построены на сюжете «Три царства», что более характерно для сказок с основным

Как мы говорили, вместо Ивана Сучича старшим над двумя братьями может быть Иван-кобылин сын, Иван-коровий сын, Иван Быкович. Однако герои с такими именами встречаются преимущественно в русских и очень редко в украинских и белорусских сказках. Локализация же сказок с именем Ивана Быковича идет еще дальше: они, по всей видимости, бытуют только в пределах северных областей России.¹¹¹

Как Иван Сучич, так и дублирующие его богатыри со своими двумя братьями-спутниками, один из которых, как правило, из привилегированного сословия — царской (Афанасьев, 136 — королевской), купеческой (Романов, VI, 27) семьи рождаются чудесным образом — от съеденной рыбки (Худяков, 6; Смирнов, 183), «рыбки — золотой головки» (Карнаухова, 163), «рыбки — золотое перье» (Никифоров, 14), «рыбки-билокрылки» (Добровольский, 5), щуки (Ончуков, 27), «щуки-златокрылой» (Афанасьев, 136), «златоперого ерша» (Афанасьев, 137), вылавливаемой или (реже) покупаемой для бездетного царя (короля)¹¹² или купца. Характер поведения и приключений богатырей тот же; примерно те же и сюжетные рамки, в которых они действуют. Примечательно, например, что в сказках с главным героем Иваном Быковичем (Афанасьев, 137; Ончуков, 27; Карнаухова, 163; Никифоров, 14) неизменно контаминируются два сюжета: «Бой на калиновом мосту» (Андреев, 300 *В) и «Шесть чудесных товарищей» (Андреев, 513 А).¹¹³

И в этой группе сказок герой «подлого» происхождения постоянно оказывается в центре повествования. Он изображается

героем Иван Зорькин; Никифоров, Ск., 51, 66 — после победы Сукина сына Цармохи над змеями (Андреев, 300) следуют: Андреев, 329 («Елена Премудрая») и *313 I («Бегство с помощью бросания чудесных предметов»). Сюжет «Два брата» можно считать ядром украинской сказки (Левченко, 476) (Андреев, 303), но здесь без достаточной мотивировки прирешлен ряд мотивов из других сказок.

¹¹¹ Из четырех имеющихся в нашем распоряжении вариантов сказки с этим именем два записаны в Усть-Цильме (Ончуков, 27; Карнаухова, 163), два других (Никифоров, 14; Афанасьев, 139) — без указания места записи, но, судя по характеру разработки сюжета и имени героя, тоже где-то в пределах Северного края.

¹¹² Худяков, 5; Жив. ст., стр. 358—365 — мотив рождения от рыбы не разрабатывается. Сама собой чудесная кобыла приносит старику и старухе лишь одного сына Ивана Кобылина, товарищами которого в дальнейшем становятся встречные богатыри.

¹¹³ Такую же картину мы наблюдаем и в сказке «Иван-кобылин сын» (Смирнов, 183). Раздельно сюжеты 300*В и 301 разрабатываются: 300*В — Худяков, 6 (о Кошкине сыне), Романов, VI, 27 (о Кобылином сыне), Добровольский, 5 (о Коровьем сыне); 301А — Худяков, 5 и Жив. ст., стр. 358—365 (обе — об Иване-кобылине сыне). В основе сказки «Буря-богатырь Иван-коровий сын» (Афанасьев, 136) лежит сюжет 300*В, но с дополнением в окончании — «Слепой и безногий (дядька Катома)» (Андреев, 519). Ср. также героев двух сказок «Об Иване-царевиче и Иване-Сторожевиче» (Бирюков, стр. 238—243) и «Иван-стряпкий сын» (Урал, стр. 146—149) на один и тот же сюжет (Андреев, 513 А).

намного сильнее, смелее, умнее и честнее своих братьев — служебника (кухаркина, девкина) сына и особенно Ивана-царевича, и потому, подчас вопреки желанию последнего, становится старшим над ними: «Вот Иван-царевич завидел стеклянные шарики и говорит братьям: „Давайте, братцы, купим по шарiku да станем вверх бросать; кто бросит выше, тот у нас будет старший“. Братья согласились; кинули жребий — кому бросать вперед? Вышло Ивану-царевичу. Он кинул высоко, а Иван девкин сын еще выше, а Буря-богатырь коровий сын так закинул, что из виду пропал, и говорит: „Ну, теперь я над вами старший!“. Иван-царевич рассердился: „Как так! Коровий сын, а хочет быть старшим!“. На то Буря-богатырь ему отвечал: „Видно так богу угодно, чтобы вы меня слушались“» (Афанасьев, 136).¹¹⁴

Прием контрастности позволяет сказочникам и здесь с достаточной выразительностью подчеркнуть явное превосходство героя над своими двумя братьями.

Купец отдает своего сына и служебника сына «в науку», а Кобылкина сына ставит к ним в услужение. И что же? «Сколько урэмья, дак тыя вучутца, а тэй Кобыльий сын дак больш их понимая — тыя дóбро знают науку, а тэй ще лепшы попявся. Як гляня у книжку ти ў письмо, дак и зная; никто ня вуча, ня показуя, а ён больш их ведае» (Романов, VI, 27).

А вот еще два примера, оттеняющих силу героя и его преданность долгу товарищества.

Братья пробуют «громадный камень» с места сдвинуть: уперся в него руками Иван-царевич, «возился, возился — нет, не берет сила; попробовал Иван-кухаркин сын — камень чуть-чуть подвижнулся. Говорит им Иван Быкович: „Мелко же вы плавааете! Постоите, я попробую“. Подошел к камню да как двинет его ногою — камень ажно загудел, покотился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев» (Афанасьев, 137); братья спят¹¹⁵ или — того хуже — «пьють, да гуляють» в то время, как Коровий сын не па жизнь, а на смерть бьется с многоголовым Чудом-Юдом (Добровольский, 5),¹¹⁶ и т. п.

Сказки о трех богатырях-родных братьях, которые мы разделили на две группы, при сохранении общих древних мотивов,

¹¹⁴ Афанасьев, 137; Худяков, 6 — соревнование братьев в силе на получение старшинства.

¹¹⁵ «А Иван-царевич (то же и Иван Девий) спит, как порог шумит» (Карнаухова, 163; ср.: Ончуков, 27: «Спит, как сильней порог шумит»).

¹¹⁶ Герой сражается: со Змеем (Чудом-юдом, Издолищем, Поганым Долищем) о 3, 6 и 9 головах (Ончуков, 27; Карнаухова, 163; Никифоров, 14), о 3, 6, 12 головах (Смирнов, 183; Добровольский, 5), о 6, 9, 12 головах (Афанасьев, 136, 137); на мосту (Смирнов, 183; Ончуков, 27), на железном мосту (Карнаухова, 163; Никифоров, 14), на Калиновом мосту у реки Смородине (Афанасьев, 137), на Калиновом мосту у Черного моря (Афанасьев, 136); с выдуванием тока или моста (Худяков, 6; Карнаухова, 163; Никифоров, 14; Добровольский, 5).

в том числе и мотива чудесного рождения, связанного с тотемистическими представлениями, включают в себе и некоторые характерные особенности. Нельзя не отметить, например, что в сказках об Иване Зорькине следы позднейшего времени ощущаются не так заметно, как в сказках об Иване Сучиче и ему подобных богатырях.

Дифференциация братьев во второй группе сказок производится уже не по возрастному признаку, а по признаку их «социальной» принадлежности, причем полное предпочтение перед двумя братьями (особенно же перед Иваном-царевичем) всегда отдается представителю самого «подлого рода», «подонку общества».

Насколько глубоко радикальные и демократические идеи подчас пропизывают сказки о Сучьем сыне, можно судить хотя бы по заключительной части одной из таких сказок, записанных в 80-х годах XIX века в Белоруссии от нищего, «посещавшего, — как свидетельствует собиратель, — и губернии великорусские»: «Товарищы яго <Таратурки-собачьего сына> пошли у свои мясты, а ён прижаить ж жаной к отцу. Царский сын Василий царством править, а Иван-кухаркин за дворника, а батьки у живых нетути. Ён жалаа, штобы братья яму покорялись; ну царский сын Василий в етым дели ни в согласии. И просить ён других царей помочи против Таратурки. Ну, Таратурок в етым дели ни робеить, на свою силу богатырьскую надёжу меить и на свой запас богатырьский; отсек Василию Васильевичу голову и став яго царством пувилывать. А Ивана-кухаркина сына узяв к сабе у палаты. И жив з им у согласии» (Романов, VI, 29).

Это недвусмысленно выраженное классовое направление сказок об Иване Сучиче и составляет, на наш взгляд, то основное и характерное, что отличает их от сказок об Иване Зорькине.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Среди героев-богатырей (главным образом змеборцев) сказка называет и Ивана-царевича (укр. — царенка). Однако, будучи фигурой универсальной, Иван-царевич как положительный персонаж не столько примыкает к двум рассматриваемым типам сказочных героев (богатырей и дураков — иронических удачников), сколько находится где-то между ними. Он является типичным героем в таких сюжетах, как «Царевна-лягушка» (Андреев, 402),¹¹⁷ «Финист-ясный сокол» (432), «Медный лоб» (502), «Одно-

¹¹⁷ Утверждение о том, что «Дурачок всегда является героем в „Царевне-лягушке“» (Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки, стр. 222), основано на явном недоразумении. Герой в этой сказке — самый младший из трех братьев (обычно царевичей), но дураком называется очень редко.

глазка, Двуглазка, Трехглазка» (511), «Верный слуга» (516), «Слепой и безногий» (519), «Иван-царевич и серый волк» (550), «Молодильные яблоки» (551), «Чудесные дети» (707), «Мертвая царевна» (709).

В некоторых из этих сюжетов Иван-царевич выступает третьим младшим сыном царя, удачником. Но редко дурачком. Круг его интересов сказка обычно ограничивает женитьбой, для чего собственно он и отправляется в дальние странствия и испытывает различного рода приключения. Преодолевать многочисленные препятствия на пути к цели Ивану-царевичу постоянно помогают верные помощники и слуги. Иногда он наделяется чудесными качествами, например, умением перевоплощаться в мушку, котика и т. п. Рожденный простой девушкой, избранной царем в жены («Чудесные дети»), герой, подобно своим братьям, к тому же и внешне необычен, у него «по колена ноги в золоти, по локоточки руки в серебре, по косицкам по земчужинки» (Карнаухова, 69); «по локті золоті руки и по коліна золоті ноги, на голові золоті чуби, на лобі місяць, а по краях зірки» (Рудченко, II, 27); «уво лбе звезда, у потылице месиць, по пойс у зольцы, по колени ў сѣребри» (Романов, III, 62).

В нашей литературе образ Ивана-царевича трактуется разно-речиво. Объясняется это, с одной стороны, его сложностью, с другой — игнорированием некоторыми исследователями тех конкретных внутрисюжетных ситуаций, в которых Иван-царевич как сказочный герой пребывает и действует. Последнее обстоятельство очень заметно выступает, например в статье А. П. Белика.¹¹⁸ Так, на стр. 318 автор явно относит Ивана-царевича к отрицательным сказочным персонажам, который хотя и достает живую воду, жар-птицу и т. п., «не создает ни волшебных по красоте дворцов и мостов, ни цветущих садов, ни чего-либо подобного». Но уже на стр. 321 той же работы мы читаем: «Особенно интересен образ Ивана-царевича, которого сказки неизменно наделяют высокими этическими и эстетическими достоинствами. Он носит простое народное имя, но главное, конечно, не в имени, а в том, что в сказке он изображается действительно народным героем». А еще далее, на стр. 322, утверждается: «В то же время нет достаточных оснований считать эту фигуру (Ивана-царевича, — Н. Н.) воплощением этических и эстетических норм народа».

Подобные взаимоисключающие положения к тому же содержат и фактические неточности. Например, далеко не всех Иван-царевичей сказка «неизменно», как говорит автор, наделяет высокими этическими и эстетическими достоинствами (об этом см. далее).

¹¹⁸ А. П. Белик. Этические и эстетические мотивы в русской народной сказке. В кн.: Из истории эстетической мысли древности и средневековья. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 303—342.

Большинство исследователей образ Ивана-царевича трактует как идеальный и противопоставляет его образ образу отца-царя. Действительно, полярность этих двух сказочных персонажей резко бросается в глаза, и ее нельзя не заметить. Иван-царевич — молод, красив, умен, жизнедеятелен, отважен; он жаждет приключений и подвигов и совершает их. Напротив, царь — старчески беспомощен и пассивен, несправедлив, жесток и слабоумен; эгоизм и тщеславие составляют главную пружину всех его действий и поступков.

Противопоставление царевича царю есть глубоко укоренившаяся традиция в сказочном творчестве, поддерживаемая в прошлом «царистскими иллюзиями» широких народных и прежде всего крестьянских масс. Поэтому нет ничего случайного в том, что в истории России самозванцы — Лжедмитрии, Августы, Лаврентии, Федоры и многие другие (XVII в.) — объявляли себя царевичами. И все же говорить об Иване-царевиче только как об идеальном герое сказки было бы неверно. Он идеален там, где является единственным или самым младшим из трех родных сыновей царя. Там же, где этого нет, где рядом с ним оказываются представители «низов», сказка все предпочтение отдает последним. В таком случае Иван-царевич низводится до второстепенного персонажа, наделяется слабостями и недостатками, образ его шаржируется. С таким типом царевича мы уже имели возможность познакомиться при характеристике сказок об Иване Сучиче, Иване-кобылином сыне и др. Не менее колоритно он выглядит также в сказках на сюжеты «Верный слуга» (Андреев, 516) и «Слепой и безногий» (Андреев, 519). В противоположность своему энергичному, сильному и умному слуге-помощнику (дядьке Катоме, Матюше Пепельному, Ивану Голому, Припышу и др.) царевич изображается слабосильным, слабохарактерным, легковверным, недалеким и трусливым человеком, которого жена в конце концов сдает в пастухи (ср., например: Афанасьев, 198, 199, 200; Ончуков, 177; Зеленин, Пермск., 7). Особо крайне отрицательное сатирическое направление образ царевича получает в сказках позднейшей записи, например, у Коргуева, 22 («Матюша Пепельной, налитуровый колшак»).

Другой заметный путь демократизации сказки состоит в замене идеального героя из царственных особ героем из других социальных слоев. На смену Ивану-царевичу или Ивану-королевичу приходят Иван-купеческий сын, Иван-крестьянский сын, Иван-солдатский сын, стрелец, солдат. И чем ближе к нашей эпохе, тем процесс этот протекает в более интенсивной форме. Впрочем, в силу поэтической традиции идеализированный образ Ивана-царевича достаточно прочно удерживается в сказках восточных славян вплоть до наших дней.

Замена Ивана-царевича представителем трудовой среды намного увеличивает социальную нагрузку образа, что видно

хотя бы по таким сказкам, как «Асылак» (Сержпутовский, 48) и «Солдатские сыны» (Господарев, 2), где герои с огромной силой выражают антикрепостнические настроения широких крестьянских масс (в данном случае белорусского крестьянства) пореформенного периода. Бедные солдатские сыны (Иван и Роман) сказки Господарева называют коварного и злого помещика не иначе, как «толстобрюхий черт», заставляя его под угрозой расправы выковать для них многопудовые булавы, содержать на полном и хорошем довольствии их мать и т. п.

ЖЕНЩИНЫ-БОГАТЫРШИ. ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Как мужские, так и женские положительные образы в волшебнo-фантастической сказке трактуются в едином героико-романтическом плане, без привнесения каких-либо унижительно-дискриминационных элементов, связанных со средневековой феодальной идеологией и нередко допускаемых по отношению к женщине в сравнительно поздних по происхождению новеллистической или бытовой сказке и анекдоте.

Гиперболизация физической силы в сказках касается не только героя, но и героини. И хотя образы женщин-богатырш (исполинов) встречаются в сказках не так часто, тем не менее они очерчиваются достаточно отчетливо и ярко.

Носителями огромной сверхъестественной силы являются девушки-оборотни (большой частью дочки Кащей Бессмертного), легко расправляющиеся с могучими богатырями (Усыней, Дубыней и др.) — спутниками героя (сюжет «Три царства», Андреев, 301). Пташками (серыми утицами, голубками, ластовками и пр.) они прилетают в баню (лазню) мыться, садятся на нее и обращиваются людьми. Перед их силой не может устоять ни один из богатырей-помощников героя. Девушки-сестры шутя расправляются с ними: одних избивают, да так, что «чуть живы остаются» (Записки, I, 43), других связывают и с позором бросают под стол (Романов, III, 8), третьих толчком отбрасывают далеко за порог бани (Романов, VI, 13, 15, 16; Чубинский, 64), четвертых одним щелчком убивают (Романов, VI, 14).

Первым подпирает плечом двери бани Гаврила-Камяньник, надеясь не выпустить оттуда чудесных девушек. Но одна из них «як стукнула у дверá — дак ён ня мог образумитца, — сколько вёрст лятев». Его примеру следует Горовэй. «Гора покрепче вас была», самонадеянно рассуждает он, «да й то я па лог их спихав. А вас уже каб я пусьтив!». Однако и этот с одного лишь удара девушек отлетает на две версты. Наконец, двери бани подпирает их третий товарищ Лесовэй. «Ня гэтакіе штуки, — лес рвав с кораньямі, у груд знашував, а каб их чатырох не прідержить? Прідержу их!», — думает он и в ту же секунду отбрасывается на

целую версту... Лишь герой справляется с могущественными Кащеевыми дочками (Романов, VI, 15).

Тип героини-богатырши последовательно выдержан в сказках на сюжет «Молодильные яблоки» (Андреев, 551).¹¹⁹ Здесь чаще, чем в других сказках, она именуется Царь-девицей, но может также называться: Белая Лебедь Захарьевна (Афанасьев, 174), Елена Прекрасная (Афанасьев, 174), Сонька-богатырка (Афанасьев, 177), Усоньша-богатырша (Худяков, 1), Вафлеена-богатырша (Эрленвейн, 28), Строгия-царь-девица золотая грудь (Ончуков, 8), Наталья (Ончуков, 166), богатырка Синеглазка (Соколовы, 139), Шанпанская королева (Смирнов, 334), Марья-Краса Долга Коса (Сказки XIX в., 83), Красная краса, черная коса (Афанасьев, 178), Прекрасна панна (Левченко, 519, 520), Настася Прикрася (Романов, VI, 40, 41), Красная девица (Афанасьев, 175), Девица-красавица (Чубинский, 81) или просто — царевна.

Живет Царь-девица в очень отдаленных полуденных краях, «за тридеветь земель, за тридсветь морей» (Смирнов, 1),¹²⁰ за тремя реками огненными (широкими) и переправами опасными, в ином панстве, в десятом государстве, «за огненным морем» (Чубинский, 81), в Подсолнечном, или Девичьем, царстве. Город, где находится ее дворец (терем, покои), окружен каменной (крепостной) стеной (железным тыном), высота которой достигает 12 сажен (Эрленвейн, 28; Ончуков, 166); вдоль стены ступы натянуты: чуть заденешь их — «все колокольчики, все прозвончики» зазвонят, весь город пробудится (Афанасьев, 174).

Девичье царство бдительно охраняют: «дикий человек» — «ростом с лесом ровен, толщиной словно копна большая», перед которым богатырь Иван-царевич — «червяк», «коротышка» (Афанасьев, 139); два богатыря, у каждого по палице в пятьсот пудов (Худяков, 1), «Соня середь поля; она ни конново, ни пешево не пропускает» (Колосов, стр. 75—83), тридцать богатырей (Соколовы, 139), львы (Эрленвейн, 28).

Нести караульную службу на дальних подступах к городу Царь-девица иногда возлагает также на трех Ягишен или бабушек-задворенок (которые в ряде сказок являются ее родными тетками), старика-волшебника.¹²¹ Они-то и предупреждают Ивана-

¹¹⁹ Сказка, известная в лубке, очень близка к народным (см.: Афанасьев, 563 — текст перепечатан с лубочного издания).

¹²⁰ Ср.: Афанасьев, 171, 173, 174; Хуляков, 1; Колосов, стр. 75—83; Коргуев, 10; Романов, VI, 41. Афанасьев, 178 — на высокой горе, «на которую никто не мог ни сходить, ни съездить»; Добровольский, 17 — в Царьграде.

¹²¹ Некоторые из них оказываются в прямом подчинении Царь-девицы, что видно из ее слов, обращенных поочередно к трем старухам, пропустившим Ивана-царевича: «Старая ведьма! говорить: сядишь, хлеб мой яси, а ня можаш злочынца поймать седючы тут?» (Романов, VI, 40). Ср.: Чубинский, 81 — вместо Ягишен и пр. «святой Понеділок», «свята Середа»,

царевича о том, какой опасности он подвергает себя, пытаюсь проникнуть к Царь-девице: «Много туда ехало разных богатырей, а ни один оттуда не вернулся. Все-то головушки ихни на тычиношках, а только одна тычанка стоит порозна, — не твоей ли головушки быть?» (Смирнов, 1; ср.: Афанасьев, 178), или: «туда много ходцев — а мало выходцев!» (Сказки XIX в., 85; ср.: Коргуев, 10).

Царь-девица — управительница Девичьем царством. Она же — хранительница эликсира молодости, красоты и здоровья — молодильных (моложавых) яблок и живой (молодой, животворной, целующей, видящей) и мертвой воды.¹²² За ними-то и посылает больной (слепой) и дряхлый царь своих трех сыновей, из которых только третий самый младший (чаще всего — дурак) достает желаемое.

Сказки не касаются сколько-нибудь подробного описания Девичьего царства, они лишь указывают, что в нем проживают девицы-красавицы, удалые паленицы, «все в один лик в один рост» (Соколовы, 139). В подчинении Царь-девицы их может быть две (Афанасьев, 176; Романов, VI, 41), одиннадцать (Афанасьев, 175; Ончуков, 166; Смирнов, 1; Коргуев, 10), двенадцать (Соколовы, 139), двадцать четыре (Худяков, 1), целое войско, с которым, как говорит сказка, она девять дней «в зеленых лугах тешится», а затем девять дней богатырским сном спит (Афанасьев, 173).

Сама Царь-девица характеризуется в сказках прежде всего как женщина-исполин, обладающая непомерной физической силой. Она — «самая сильная богатырка» (Соколовы, 139), на скаку у коня хвост вырывает (Сказки XIX в., 85), ударом щелчка убивает брата Ивана-царевича (Эрленвейн, 28), ударом ноги каменную стену пробивает (Колосов, стр. 75—83), на горах катается — невероятный «стук стучит и гром гремит» (Афанасьев, 178), спит — «как сильней порог шумит» (Ончуков, 3), спит на кровати «о девяти столбах... в себя вздохнет — двери запрутся, а от себя отдохнет — двери отпрутся» (Сказки XIX в., 83), идет по мосту (вместе с Игрой Игривичем) — мост гнется (Добровольский, 17). Конь под ней делает такую «ископыть» в чистом поле, что другой богатырский конь царя Картауса, идущий следом за ним, в этой «ископыти» по колено «назьми увязает». Придерживаясь неписанных богатырских правил — «сонного бить, што мерт-

«свята Пятныця»; Левченко, 519, 520 — «пустельники»; Добровольский, 17 — девицы — родные сестры Царь-девицы.

¹²² «Манежных ягод» (Коргуев, 10), «кувшинца о двенадцати рыльцев» (Соколовы, 139) «молодецких яиц» (Ончуков, 166). См. своеобразное задание царя своим сыновьям: поехать в Подсолнечное царство, чтобы его «цветов порвать и следов поискать» (Сказки XIX в., 83; ср.: Ончуков, 3), прямо, указывающее на то, что когда-то и он там был, но ни с чем возвратился.

вого», — Царь-девица падит спящего царя Картауса, а когда тот просыпается, бьется с ним один на один с предварительным традиционным разведом «на три прыска лошадиных» (Озаровская, 36) и побеждает его.

Но Царь-девица не только могучая поляница. Она — вообще необыкновенная женщина, наделенная чудесными свойствами, и невиданная по красоте. «Бел снег, мил съвет, ну красивей яе у съвети нет» (Романов, VI, 40); «ніт її написати, піт її намалювати, тільки доброму козаку у казці сказати. Красива дуже» (Чубинский, 81). У нее «с рук и с ног вода целующая точится: кто этой воды достанет да изопьет, тот тридцатью годами моложе будет» (Афанасьев, 173; ср.: Чубинский, 81 — «з мезынаго пальця у неї Орда-ріка бежить»).

Почивает Царь-девица «в белом браном пологу и всих ее сестер сестра красивее в свите нет; как она сдохня от себя, так полог бранный себя, как она сдох возьмет в себя, белый бранный полог прелягается к сибі» (Ончуков, 166); «И у ней, когда она почивает, из косточки в косточку мозжечок переливается, под мышками дерева с яблоками цветут» (Худяков, 1); «спить на канапеи. Как іость чистыя зеркылы: видна, как из костки у костку мозг пириливають» (Добровольский, 17); «спит, пышет, будто с дубу лист бруснет» (Афанасьев, 175).¹²³

Не устояв перед красотой безмятежно спящей Царь-девицы, Иван-царевич лишает ее целомудрия, что в сказках обычно обозначается условной формулой: «Кіт був, молоко їв» (Левченко, 519), «Кот тут был и молоко пил и стола не закрыл» (Ончуков, 166), чаще: гость (невежа и т. п.) «был, квас <воду, мед> пил, а квасниці <дежки, колодца, судно> не закрыл».

Пробудившись, разгневанная Царь-девица преследует соблазпителя, но тот скрывается, прибегая к помощи своих добрых советчиков и дарителей. Обманутая ими и осмеянная Иваном-царевичем, она ни с чем возвращается обратно, пригрозив, однако, что все равно его разыщет. И, действительно, родив от него двух (реже — одного, трех) сынов,¹²⁴ Царь-девица выполняет обещанное. Вместе с ними она является в царство отца Ивана-царевича¹²⁵ и требует от него выдачи виновника, угрожая в против-

¹²³ Ср.: Сказки XIX в., 83; Ончуков, 166 — описание красоты двенадцати сестер-богатырш (в том числе Настасьи): «рубашки на их травчатые, сквозь рубашки видно тело, сквозь тело видны косья, сквозь косья видны мозги, как жаркий жемчуг пересыпается».

¹²⁴ Добровольский, 17 — они называются: один Лицард, другой — Цымбалд.

¹²⁵ Иногда на двенадцати кораблях, причем строит (выдувает) мосты калиновые или хрустальные, выстилает их красным сукном, «червоною китайкою» и пр. (см., например: Афанасьев, 175, 176, 178; Соколовы, 139; Смирнов, 1; Чубинский, 81; Левченко, 519). Романов, VI, 40: «выстроила двор ў пятьдесят вёрст от батькиного двора, и зылотая мосьница да сяребриная, золотэй слуп ды сяребриний».

ном случае: «Я всё царство побью, поплению, головнёй покачу» (Смирнов, 1), или: «ваше царство покачу, а у тебя живово глаза выну» (Соколовы, 139: ср.: Афанасьев, 172, 178; Худяков, 1; Коргуев, 10; Левченко, 519: Романов, VI, 41; Добровольский, 17). И Ивану-царевичу в конце концов ничего не остается делать, как явиться с повинной к своей гордой, волевой и могущественной жене-богатырке и обвенчаться с ней.¹²⁶

Женщин-поляниц, подобных Царь-девице, мы можем обнаружить и в других сказках, хотя тип их выдерживается здесь не столь последовательно, как в рассмотренной группе.¹²⁷ Так, среди героинь мы встречаем Марью-Марьяну Кипскую королевну, которая, решительно воспротивившись сватовству Кашея, побивает его силу-рать великую, а его самого забирает в плен (Романов, VI, 23).¹²⁸

Не оставляет сомнения, что богатырской силой, как и красотой, удастью, преданностью своему долгу, сказка в равной степени наделяет героя и героиню. Однако в отличие от героя диапазон подвигов женщины-героини значительно уже; изображение ее в качестве змеборца почти исключается. Перед слушателями она предстает как вполне сформировавшаяся богатырка, связанная происхождением и родственными отношениями не с одушевленными и неодушевленными предметами реального мира, как обычно герои, а с фантастическими существами (Морским царем, Змеем, Бабой-Ягой и пр.), с которыми она нередко рступает в конфликт. Жизнь ее в сказке носит эпический характер, в то время, как жизнь героя очерчивается, как правило, от рождения и до женитьбы.

Сказки о девичьем царстве и его обитательницах — чудесных женщинах-богатыршах во главе с Царь-девицей, по всей видимости, имеют историческую основу, относящуюся к отдаленной эпохе матриархата. Во всяком случае, между подобными сказками и многочисленными сказаниями об амазонках, широко пред-

¹²⁶ Чубинский, 81 — царевна стреляет из пушек по «грубы», где спрятался «злочипец», он выходит оттуда, чтобы «разбить» ее («за шо вона мого батька воюс»), и показывается сынами: «Як начали воны ёго бить, як начали вошы ёго кыями гнѣтыть, то тѣлька живый та теплый до дому поїхав».

¹²⁷ В сказках на сюжет, обозначенный в «Указателе» «Царь-девица» (Андреев, 400*В), героиня изображается не столько богатыршей, сколько независимой и свободолюбивой женщиной.

¹²⁸ Ср. с женщиной-богатыркой, побивающей на трех «нязмирных полях» столько вражеского войска, что конь Ивана Ивановича «идеть по шотки у крови» (Романов, VI, 26); три рати-силы побивает и Анастасия Прекрасная (Афанасьев, 160). См. Царь-девица в сб. «Русские сказки» Тимофеева («Сказка о трех королевичах» и «Сказка о Иване-царевиче»; в последней героиня носит имя Марья Маревна Кипская королевна).

ставленными в древнегреческой и римской литературе, существует определенная связь.¹²⁹

Как и героини сказок, амазонки в сказаниях изображаются в высшей степени храбрыми, воинственными и властными женщинами, наделенными огромной физической силой и поразительной красотой. Управляемые царевной-девственницей, они или держат мужчин у себя в полном подчинении, заставляя их исполнять различные женские работы, или вовсе не допускают их в свое государство, преследуя каждого, кто осмелится переступить его границы.

Само собой разумеется, что, удерживая общее представление о необыкновенных женщинах-воинах и их могущественном царстве, сказка и сказание — в силу присущим этим жанрам особенностям — в ряде моментов значительно расходятся между собой. Эти расхождения идут как по линии художественной формы, так и по линии историко-географических приурочений, которых постоянно придерживается сказание и всячески избегает сказка.

* * *

Мы рассмотрели основные образы богатырей (асилков) восточнославянской сказки. В их роли (или в исполнении отдельных их функций) могут выступать и другие персонажи, но под иными, значительно менее распространенными и устойчивыми прозвищами — Иван Ветрович, Иван-Ветер, Иван Ветров (Ончуков, 107; Карнаухова, 42; Комовская, Пред., 96; Левченко, 474; Романов, VI, 38), Сосна-богатырь (Афанасьев, 142), Иван Соснович (Коргуев, 11), Иван Білокрыс (Кравченко, 129), Найден Попович (Магай, 1), Майдан Попович (Рождественская, 73), Иван Водович (Ончуков, 4; Куприяниха, 11) и некоторые другие.

Все это те богатыри (витязи), о которых поэт В. Майков в героико-комической поэме «Елисей, или раздраженный Вахс», следуя пародно-поэтической традиции, говорил, что они «сыпáли так», что прервать их сон не мог «пичей кулак», а палицу свою «пуд слишком в пятьдесят... за облака метали».

Культе силы, олицетворенный в богатырях восточнославянской волшебной-фантастической сказки, является главной отличительной их особенностью. Он указывает на несомненно древние истоки происхождения этих образов, относящиеся к доклассовому первобытному обществу, когда в жизни людей огромную роль играли мифологические представления и связанные с ними различного рода религиозные культы,¹³⁰ когда человек делал первые

¹²⁹ Из последних по времени работ об амазонках, оснащенных богатым фактическим материалом, почерпнутом из русских и иностранных источников, см.: М. О. Косвен. Амазонки. История легенды. «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 33—59; № 3, стр. 3—32.

¹³⁰ О значении обряда инициации (или посвящения) и представлений о загробном мире для образования сказок см.: В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Изд. ЛГУ, 1946.

робкие шаги в познании природы и обуздании её таинственных и грозных сил.

Переключаясь в иные исторические условия, сказочные образы трансформировались, приобретая новую идейно-художественную окраску. Особо сильный отпечаток на героические образы восточнославянской сказки накладывает феодальная эпоха. Именно здесь фантастика, воплощенная в сказочных богатырях, получает определенную социальную направленность. Отныне они становятся выразителями и защитниками интересов трудового крестьянства, носителями его трудовой идеологии и морали. Более того, некоторые богатыри изображаются настоящими борцами против помещичьего гнета и произвола. Таковы, например, герои сказок «Солдатские сыны» (Господарев, 2) и «Асилак» (Сержпутровский, 48).¹³¹

Гуманный характер деятельности богатырей проявляется в том, что они всегда выступают на стороне слабых, невинно страдающих, оскорбленных, униженных и угнетенных. В них выражаются такие нравственные качества, как храбрость, решительность, предприимчивость, любознательность, честность, неподкупность, скромность, терпеливость, отзывчивость, вежливость, снисходительность, сметливость, рассудительность, преданность долгу.

Со временем нередко богатыри сказок, подобно богатырям былинного эпоса, наделяются высоким чувством патриотизма, и их забота об общенародном благе или сочетается с заботой о личном счастье и благополучии, или даже отодвигает последние на второй план: «А Удовин сын цыперятка узяв, да сонца, месик и звезды на небяса пусцив... И народ етому без конца став рад. А то на ето восемдзесят годов было затмение; што ня видзев ништо ни сонца, ни месика, у вочи, затым што Чуда-Юда зняв их з неба и завладев» (Романов, III, 16).¹³²

Другой герой, сын деревенских старика и старухи, Иван Иванович вступает в смертельную схватку с окоянным Цмоком, который «не даў ходу вадé: усю ваду у сябе удиржаў. Яму каждых день у пищу, на жертву, падають па челавеку; тада іон выпускайт гораду ваду; а кали ни дадут, тады и іон ваду у сябе дяржйт». Иван Иванович убивает многоголового Цмока и, рассказывает сказка, «зашумела вада па ўсяму гораду, як громкий гром» (Добровольский, 13; ср.: Романов, VI, 40).

Патриотическая настроенность героя также нередко проявляется в его страстном стремлении после совершения подвигов во

¹³¹ См.: Л. Г. Баранг. Белорусские народные сказки, стр. 373.

¹³² Ср.: Тумилевич, 10 («Змей со звездой») — царский охотник «спит» со Змея семиконечную звезду и обращает ее на пользу людям: «освещала она чуть не все государство, и светило и тепло было миру от звезды»; в сказке «Иван Попялов» (Афанасьев, 135), герой вместе с братьями побивает змеев и также возвращает царству, пребывающему во тьме, «белый свет».

что бы то ни стало возвратиться к себе на родину — на «Свято-Русь»: не надо в награду ему подземной Грип-птице, «ні золота, ні сребра, вынеси мене на Русь» (Чубинский, 81); в гордости за удаль и силу русских богатырей, которые «на раз бьют (противника), другой раз замаху не делают» (Никифоров, 12).

Как и былинным богатырям, сказочным героям также не чужд целенаправленный труд на благо обществу. Подобно Илье Муромцу,¹³³ они, например, выполняют тяжелую работу по мощению мостов через дремучие леса и зыбучие болота. «Был старик с тремя сыновьями, а у них были таки дрэби да грэзи, оны и задумали мост мостить, чтоб людям хорошо было ходить. Мостили три года» (Ончуков, 279).

Вопрос о происхождении и развитии черт героико-эпического характера в восточнославянской и, в частности, белорусской волшебной-фантастической сказке особенно занимал в последнее время фольклористов Белоруссии. В этой связи хотелось бы назвать работу Л. Г. Барага, посвященную анализу одного из центральных образов белорусской сказки — асилка.¹³⁴ Отмечая, что в русском фольклоре героические образы и сюжеты сосредоточены в былинах, а в украинском — в думах, автор не без основания полагает, что героика в фольклоре белорусов «получила преимущественно сказочное выражение». Ее носителем в белорусской сказке явился асилка, на сложение образа которого влияние оказали, с одной стороны, былинная традиция, существовавшая, как свидетельствуют некоторые письменные источники, в древней Белоруссии и, с другой — устные предания и легенды о могучих великанах-волотах. Богатырскую природу асилка белорусских сказок Л. Г. Барак видит в мотивах его чудесного зачатия и рождения, в проявлении его физической силы на крестьянских работах (на пашне, сенокосе, на корчевке пней), в его стремлении на защиту народа и т. п.

«Разумеется, — пишет исследователь, — черты эпического характера намечаются в сказках ряда народов. Несомненно также, что особенности сказочного жанра, ограничивающие героическое звучание образа, вовсе не чуждо белорусской сказке. И все же изучение белорусских сказок о богатырях ведет к выводу о их особенно близком родстве с героическим эпосом».¹³⁵

Эта существенная оговорка автора статьи спасает его от тех поспешных и односторонних заключений, которые, к сожалению, подчас допускаются в отдельных работах. Так, например, в одной из них утверждается, что в облике главного героя русской фан-

¹³³ См., например: А. М. Астахова. Илья Муромец. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 53.

¹³⁴ Л. Г. Барак. «Асилкі» белорусских сказок и преданий. (К вопросу о формировании восточнославянского эпоса). В сб.: Русский фольклор, VIII. Народная поэзия славян. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 29—40.

¹³⁵ Там же, стр. 31.

тастической сказки «нет ничего сверхъестественного», что все чудеса в ней «совершают, как правило, волшебные помощники героя» и что сам герой «даром волшебства не отличается». Иначе, говорит исследовательница Е. Я. Ленсу, обстоит дело в белорусской фантастической сказке. «Здесь, — утверждает она, — часто сам главный герой наделен сверхъестественными качествами, а волшебные помощники играют третьестепенную роль. Герой чаще всего преодолевает препятствия и достигает цели, употребляя свою богатырскую силу и колдовские чары одновременно».¹³⁶

Тот обширный сказочный материал, который в сопоставительном плане мы приводили, достаточно убедительно опровергает столь категорические заключения. Он показывает, что как белорусские, так и украинские герои волшебных-фантастических сказок наделяются не только сверхъестественной физической, но и магической, чародейной силой, применение которой строго ограничивается традицией, и что в своем облике герои эти не столько различны, сколько схожи между собой.

¹³⁶ Е. Я. Ленсу. Фольклорные традиции в дооктябрьском творчестве Я. Купалы. Минск, 1965, стр. 13—14.

ИРОНИЧЕСКИЕ УДАЧНИКИ

Иронические удачники восточнославянской сказки с наибольшей яркостью и законченностью представлены Иванушкой-дурачком и Емелей. Ближе к ним стоит Незнайка, хотя в образе его нельзя не усмотреть ряд черт, идущих от богатырей типа Покати-горошка, Ивана Сучича и др.

Иронические удачники обычно не наделяются от рождения ни физической силой, ни красотой. Напротив, они, как правило, выглядят замарашками, забитыми, загнанными, ничтожными и всеми презираемыми существами. Счастье «по случаю», физическая сила и красота к ним приходят со временем, с помощью волшебных животных, прежде всего коня и рыбы-щуки. Вообще пужно сказать, что в судьбе сказочных иронических удачников животные покровители, помощники и дарители играют исключительную роль.

Подмечая то общее, что есть в облике Незнайки, Иванушки-дурачка, Емели, мы, однако, в каждом из них усматриваем свои специфические особенности, в совокупности образующие три самостоятельных и устойчивых типа иронического удачника.

НЕЗНАЙКА

Богатырь по прозвищу Незнайка (Незнайко, Незнаюшко, Незнамушко, Незнайкин) особенно популярен в русских и украинских сказках.¹ Другие прозвища этого богатыря — Плешь Плешавница (Худяков, 90), Козья шкура (Садовников, 13), Лысенький-Плешивенький (Жив. ст., стр. 331—340), Иван Зеленый (Соколовы, 129; Анисимова, стр. 60—69; Романов, III, 18), Плешенька-Плешавенка (Соколовы, 144), Мало-рождно (Красноженова, 16), Иван Солодивенький (Левченко, 488) и др. Лишь в не-

¹ Афанасьев, 295, 296, 571 (лубок); Записки, I 4; Жив. ст., 241—245; Зеленин, Пермск., 2; Смирнов, 6; 305; Калинин, 35; Карнаухова, 47; Никифоров, 10, 11; Коргуев, 33; Господарев, 5; Королькова, стр. 20—24; Ковалев, 15; Сказки XIX в., 23; Никифоров, Ск., 97, 106; Рудченко, I, 47, 48; Чубинский, 58; Манжура, стр. 40—43; Гринченко, I, 157; Чмыхало, 2; Federowski, I, 340.

многих сказках герой прозвища не получает вовсе.² В подавляющем большинстве вариантов настоящее имя Незнайки — Иван; довольно часто он сын купца³ и потому именуется Иваном купеческим сыном.⁴

Незнайка — образ героический. Вместе с тем в нем, пожалуй, как ни в одном из сказочных персонажей героические черты сливаются с чертами комическими, и лукавое притворство, озорство и хитрость проявляются столь же отчетливо, как и физическая сила. «Не умён, не мудёр, а куда смысловат» — так характеризует его одна из сказок (Афанасьев, 296).

В судьбе Незнайки огромная и, можно сказать, решающая роль принадлежит волшебному коню — неизменному спутнику героя, его верному другу, доброму советчику-прорицателю и надежному помощнику.

Для более чем половины вариантов сказки на сюжет «Незнайки» (Андреев, 532)⁵ завязкой является острая враждебность матери (мачехи) к своему сыну (пасынку). Эта враждебность обычно мотивируется боязнью женщины быть разоблаченной в глазах мужа как любовницы Змея (Смирнов, 305; Гринченко I, 157; Романов, III, 186), короля (Красноженова, 16), генерала (Записки, I, 4; Жив. ст., стр. 331—340; Коргуев, 33), начальника тюрьмы (Господарев, 5), попа (Королькова, стр. 20—24; Fedegowski, I, 340), «дружка», «бахура» и пр. (Жив. ст., стр. 241—245; Ковалев, 15; Сказки XIX в., 23; Чубинский, 58; Романов, III, 18).⁶

² Например: Соколовы, 46; Смирнов, 38, 356; Коргуев, 32; Яворский, 27.

³ Жив. ст., стр. 331—340 — имя купеческого сына — Сапенька, живет он в Новгороде, в большом доме; отец его богат и именит, имеет «имущества вдоволь» и ведет «большую торговлю».

⁴ Афанасьев, 295; Записки, I, 4; Жив. ст., стр. 241—245, 331—349; Соколовы, 129; Смирнов, 305; Коргуев, 32, 33; Господарев, 5; Королькова, стр. 20—24; Ковалев, 15 Сказки XIX в., 23; Никифоров, Ск., 106; Рудченко, I, 47, 48; Ромапов, III, 18, 186 и подстр. примеч., стр. 142.

Незнайка также может быть царским сыном (Худяков, 90; Садовников, 13; Соколовы, 46, 144; Смирнов, 6; Калинин, 35; Никифоров, 11; Никифоров, Ск., 97; Чубинский, 58), королевским сыном (Карнаухова, 47; Левченко, 488, Fedegowski, I, 340), крестьянским сыном (Афанасьев, 571; Зеленин, Пермск., 2; Смирнов, 356; Никифоров, 10; Анисимова, стр. 60—69; Манжура, стр. 40—43; Яворский, 27), неопределенного происхождения (Афанасьев, 296; Смирнов, 38; Красноженова, 16; Гринченко, I, 157; Чмыхало, 2).

⁵ В «Указателе» Пропиа под № 532 сказка Коргуева (34), очевидно, внесена случайно вместо № 32 («Шут»). Как и сказка Эрленейна (40), она имеет очень отделенное и приблизительное сходство с сюжетом о Незнайке. Попутно заметим, что в восточнославянской сказочной традиции имя Незнайки очень твердо закреплено за упомянутым сюжетом и вне его, насколько нам известно, употреблено лишь в одной из сказок Коргуева (Коргуев, 5 «Как царского сына увес комнатный ероплан» — Андреев, 575).

⁶ В вариантах: Афанасьев, 295; Никифоров, 10, 11 — мачеха просто питает ненависть к своему передному сыну и всячески старается от него

По собственной инициативе или по инициативе своего любовника она решает погубить юношу, для чего пускает в ход средства, придуманные либо ею самой, либо ее любовником, либо, наконец, старухой-ворожеей (колдуньей, служанкой), к которой она обращается за советом.

Мать (мачеха) обычно дважды⁷ покушается на жизнь сына. Сначала она подмешивает сильно действующее зелье (яд, отраву) ему в пищу⁸ (чай, молоко, квас, вино, суп, щи, борщ с салом, пирожки, пирожки с салом,⁹ жаркое, котлеты, рыбник,¹⁰ булки, пышки, лепешки, слоеные пирожки), потом пытается облечь его в смертельно действующую рубашку.¹¹ Однако у юноши есть друг — вещей конь (жеребенок, кобылица-ворожица), который в ответ на любовь к нему хозяина каждый раз предупреждает его о грозящей опасности. Внешность этого коня в отдельных сказках выглядит весьма непривлекательно. Это «паршивый, ледаций жеребенок», годный разве «собакам на съеденье» (Афанасьев, 295), «худой, кожа да кости, весь в болячках, паршивый, места целого нет» (Жив. ст., стр. 331—340), шерсть колтунами, не гнется, так что купцу рядом с ним идти совестно — «люди засмеют» (Господарев, 5).¹² Примечательно, что такая характеристика касается исключительно покупного коня и вовсе не дается, когда конь попадает к герою по наследству от деда (Красноженова, 16), в качестве подарка от крестного (Романов, III, 186), случайно забегает на купеческий двор (Сказки XIX в., 23), или, когда собственная кобыла купца и пр. приносит жеребенка одновременно с рождением Незнайки (Записки, I, 4; Жив. ст., стр. 241—245; Смирнов, 305; Ковалев, 15; Чубинский, 58; Гринченко, I, 157; Federowski, I, 340).¹³

избавиться; Садовников, 13 — она преследует пасынка за то, что тот кормит коня изысканной пищей — «ореховыми ядрами».

⁷ Один раз — Никифоров, 11; Ковалев, 15; трижды — Афанасьев, 295; Красноженова, 16; Господарев, 5; Чубинский, 58; Гринченко, I, 157; четырежды — Романов, III, 18.

⁸ Кроме того, кладет зелье под порог — Афанасьев, 295.

⁹ Последние два блюда — Гринченко, I, 157.

¹⁰ Жив. ст., стр. 141—245 (запись Вологодской губ.).

¹¹ Рубашку и портки (Жив. ст., стр. 241—245); вместо того чтобы надеть рубашку, герой должен лечь на кровать (Чубинский, 58); помимо того, чтобы надеть рубашку, Иван должен лечь на постель, но он вместо себя кладет на постель «свой портрет» (Романов, III, 18). В вариантах: Смирнов, 305; Сказки XIX в., 23; Гринченко, I, 157 — волшебная рубашка не фигурирует.

¹² Ср.: Романов, III вариант к № 18, стр. 142—143 — Иванька, сын даже богатого купца, покупает за «дзесьяць цылковых» и «гарнец горелки» «коросыливую кобылку» и пытается ее вести. «А яна и йци ня здолеець. Узложив ён повьд ны плячо и цягнець тую кобылу. Бацька тэй як увидаев, дык зьбелянйвсья! Узяв ды от страму и поехув у далёкій гóрыд».

¹³ Записки, I, 4; Смирнов, 305 — дитя и жеребенок появляются на свет от чудесного зачатия: в первом случае — от съеденной купчихой и кобылой рыбьей ухи, во втором — яблока.

Но каким бы образом ни доставался конь Незнайке, последний постоянно печется о нем, кормит, поит, холит его и вообще проявляет к нему заботу и внимание. Отправляясь ли ежедневно в школу, или возвращаясь оттуда домой, — этот момент особенно выделяется в ряде сказок¹⁴ — молодой хозяин прежде всего спешит в конюшню проведать своего верного друга. Так делает он и при неоднократном покушении на свою жизнь, а затем и на жизнь чудесного коня со стороны матери, которая, наконец, догадывается (или узнает от посторонних, или своего любовника), что именно в коне заключается причина неуязвимости сына.

Чуя очередную невзгоду, конь «не пьет, не ест» (Никифоров, 10), стоит «смутненький» (Federowski, I, 340), «понуро», «по колен в земле» (Никифоров, 11), «по копыта вбился в землю», «по колено вбился в землю», «по череву вбился в землю» (Гринченко, I, 157), «плачет» (Записки I, 4, Романов, III, 186), «слезы на глазах» (Господарев, 5), «по щиколки в слезах» (Афанасьев, 295), «по колено в слезах», «по брюхо в слезах», «весь в слезах до головы» (Смирнов, 305), «по щёткам в крови», «по колен в крови» (Жив. ст., стр. 241—245), «по колен в крови», «по брюхо в крови», «по морде в крови» (Жив. ст., стр. 331—340; ср. Коргуев, 33), «по щиколодки у кривы», «по колено ў кривы», «ў кривы по пузо», «ў кривы по шію», «весь в крови, только уши тырчат» (Романов, III, 18), или: «стоит конь в стойле, выбил землю по колено, повесил буйную голову ниже своих могучих плеч» (Ковалев, 15).

На обычный вопрос юноши, «что ты, добрый конь, печален стоишь?», конь вещает о чинимых матерью злых кознях и дает практические советы, как избежать их. Следуя этим советам, герой как бы нечаянно разбивает или опрокидывает посуду с отравленной жидкостью (чаем, молоком и т. п.), подменивает и выбрасывает начиненные ядом лепешки, пироги и пр., облачается (непреренно после мытья в бане) не в новую смертоносную рубашку, а в старую, и при всем том убеждается, насколько опасны для человеческой жизни предметы, специально приготовленные для него его недоброжелателями. Так, от вылитой ядовитой жидкости воспламеняется салфетка, трава, взрывается земля; от употребления отравленной пищи животные (собаки, кошки) мгновенно дохнут, лопаются, разрываются на части, случайные прохожие — гибнут; от брошенной рубашки разлетается печь, загорается баня.¹⁵

¹⁴ Садовников, 13; Записки, I, 4; Жив. ст., стр. 241—245; Смирнов, 305; Никифоров, 11; Красноженова, 16; Сказки XIX в., 23; Гринченко, I, 157; Романов, 18 и 186; вместо школы иногда фигурирует лавка (магазин) — Афанасьев, 295; Жив. ст., стр. 331—340; Королькова, стр. 20—24; Ковалев, 15.

¹⁵ См.: Афанасьев, 295; Жив. ст., стр. 241—245; Смирнов, 305; Господарев, 5; Королькова, стр. 20—24; Сказки XIX в., 23; Чубинский, 58; Гринченко, I, 157; Романов, III, 18, 186.

Неудачей оканчивается и последняя авантюра вероломной женщины — убить вешего коня с тем, чтобы лишить сына надежной его опоры и защиты. Довольно часто свой коварный план она прикрывает мнимой болезнью, излечить которую будто бы можно только с помощью сердца, почки или крови этого коня.

Послушный советам своего четвероногого друга, юноша на этот раз просит у родителей (к этому времени в дом нередко возвращается из далеких краев отец) последний раз верхом покататься на своей любимой лошади и, получив на то согласие, ускользает в другое царство.

Подобная сцена бегства разрабатывается во многих вариантах, причем с целым рядом близких и совпадающих подробностей. Характерно, например, что свои верховые прогулки герой нередко совершает во дворе, окруженном высокой стеной, каменной оградой (укр. — муром), деревянным забором (сибирск. — заплотом), через которые и перемахивает конь: «Махнул конь выше леса, выше гор, выше балочных озер» (Королькова, стр. 20—24), или: «Конь перескóцыл за ограду, из ноздрей пламя, из ушей дым, а из копыт искры, и всё задымило, а все народ не видаў, куда он уехаў» (Никифоров, 10), конь летит «ра wierch palacoў» (Federowski, I, 340).¹⁶

Таким образом, если в рассмотренных сказках о Незнайке началом служит эпизод, характерный для сюжета «Звериное молоко» (Андреев, 315А), то в других используются мотив об обещанном сыне (313 А) и частично сюжет «Чудесное бегство» (313).

Комментируя сказку собственной записи, И. Карнаухова полагала, что такое начало «совершенно неожиданно» для «Незайки» и что «обычно» оно не входит в традиционный сюжет о нем. Впрочем, на один вариант сказки она указала (Соколовы, 144).¹⁷

¹⁶ См.: Садовников, 13; Записки, I, 4; Жив. ст., стр. 331—340; Смирнов, 305; Красноженова, 16; Господарев, 5; Чубинский, 58. Ковалев, 15 — юноша выводит коня на окраину города и отпускает на волю, за что жестоко наказывается матерью (превращается в чудовище и изгоняется из дома). В остальных вариантах побег коня и его хозяина осуществляется во время их прогулки «за тесовыми воротами», в поле, в огороде и т. п. Романов, III, 18 — Иванька, выехав за ворота, бросает отцу на прощанье: «Ну, прощай татка! Помни ты: я буду ноги мыть, а ты тую воду будешь пить!». То же обращение к родителю содержится и в варианте к этой сказке (Романов, III, стр. 144—145), но здесь конь спасает героя от виселицы, на которой его вот-вот должны были повесить по наветам матери. Афанасьев, 295 — купеческий сын, прежде чем бежать, пересылает отцу записку, в которой советует: «лечи-де мачеху нагайкою о двенадцати хвостах». Отец следует совету сына, и «баба излечивается». Садовников, 13 — весьма своеобразно разрабатывается сигнал оповещения о грозящей опасности. «Ну, добрый молодец, — обращается конь к царскому сыну, — меня колоть хотят как станут меня обр'атьвать, я заржу — стекла вылетят из училища, где ты учишься, а если валить станут, так беги проворней: с училища верх слетит, а я без тебя еще не дамся».

¹⁷ Карнаухова, стр. 391 (Комментарии).

Наблюдения Карнауховой в целом нельзя признать правильными, особенно для русской северной и — шире — для восточнославянской сказочной традиции.¹⁸

Отдать «то, что дома не знаешь» (то есть родившегося в его отсутствие сына), купец (царь и пр.) обещает Змею, морскому царю, черту, дьяволу, шугу во время плавания по морю или переезда через реку.¹⁹ Обещание это всегда вынужденное и дается в исключительно тяжелой обстановке, как своеобразный откуп за спасение собственной жизни или состояния: при неожиданной остановке или блуждании корабля в открытом море, при потоплении товаров и пр.

Был купец Иван Иванович, рассказывает сказка (Рудченко, I, 47). В одно время набрал он харчей на семь лет и отправился со своими работниками на море. Плыл он долго и заплыл в такое море, «що не видно ні світа, ні неба». Вышли харчи. «Рабітники на його кричать: „Давай нам хліба, а то ми тебе тут утопим!“. Він їм каже: „Пливім далі, — може, кого таки побачим“. Ото плывуть, тай плывуть; коли дивляця — аж шось горить. Так він тоді каже: „Пливім туди“. Допливають до того огню, так, може, як на сажиней десять: аж то змії з дванадцятью головами, — тай каже їм: „А хто то такії?“. Иван Иванович каже йому: „Я — Иван Иванович“. Змії: „Знаю я тебе добре. А чожд ти тут?“. Иван Иванович: „Заблудив, не попаду на свою дорогу“. Тоді змії йому каже: „А що мині даси, як я введу тебе из цієї темноти?“. Иван Иванович каже йому: „А що тобі дати?“. Змії: „А дасі те, що в тебе дома без тебе стало“. Иван Иванович: „Щож там таке? Може, пара волив чумацких...“. Змії: „Я не скажу, бо ти не даси“. А Иван Иванович, подумав: „Чи лучше тут пропасти, чи лучше отдать йому те? Отдам!“. Ото змії каже їм: „Пливіть за мною“. Він же так по воді біжить, паче по землі, а вони за ним плывуть. Вывів їх на таке море, де вже видно, тай каже їм: „Отож туди пливіть!“ — показав рукою».

Описание приключений на море с сохранением ряда деталей обстановки (темнота, мерцание вдаль змеиногo огня и т. п.) содержится только в украинских вариантах (Рудченко, I, 48; Манжура, Ск., стр. 40—43), в русских же (Никифоров, Ск., 97, 106) корабли не блуждают, а они задерживаются в открытом море морским царем или дьяволом, и выкуп требуется не для того, чтобы получить совет, в каком направлении им продолжать путь, а для того, чтобы они могли сдвинуться с места.²⁰

¹⁸ Сказки о Незнайке с началом об обещанном сыне и чудесном бегстве (кроме: Соколовы, 144; Карнаухова, 47 см.: Коргуев, 32; Анисимова, стр. 80—89; Никифоров, Ск., 97, 106; самые ранние по записи и публикации украинские: Рудченко, I, 47, 48; Манжура, стр. 40—43).

¹⁹ Карнаухова, 47 — на охоте.

²⁰ Ср. былицу о «Садко». Сказка (Никифоров, Ск., 106), помимо обстановки корабля морским царем, удерживает и такие былинные подро-

Памятуя, что «отсулёпа скотина — в доме не животного» (Никифоров, Ск., 106), обещанный сын, оплакиваемый родителями, либо сам отправляется к своему новому хозяину — черту и пр. (через дыру или нору в земле, колодец и т. п.), либо хозяин приходит за ним, чтобы увезти (увести) в свои владения.²¹ Здесь, вопреки строгому хозяйскому наказу, юноша заходит в запретное помещение, где находит волшебного коня,²² иногда пребывающего рядом с животными — львом-зміем (Соколовы, 144), собакой (Карнаухова, 47), свиньей (Никифоров, Ск., 97); распределяет между ними заведомо неправильно разложенную пищу (от коня отбирает мясо и взамен дает ему отобранное у собаки сено, и т. п.),²³ за что получает от коня и льва-змія покровительство и чудодейственную помощь. В отдельных вариантах кони наделяют героя и некоторыми сверхъестественными качествами, в одном случае — за то, что высказывает готовность заменить у них корм (вместо мяса дать сено), отчего, однако, кони отказываются (Рудченко, I, 47, 48), в другом — просто за освобождение их из неволи (Коргуев, 32; Манжура, Ск., стр. 40—43).

По указанию коней юноша покрывает медью, серебрит и золотит отдельные части своего тела. В украинских вариантах достигает он этого посредством соприкосновения рук, ног и головы с медным, серебряным и золотым конем (Манжура, стр. 40—43) или местом его стояния (Рудченко, I, 47, 48); в севернорусских (Коргуев, 32) — юноша роет поочередно две ямы: одну перед передними, другую перед задними ногами коня; в первую из них, где «кипит золото», он опускает руки выше локтя, во вторую, где «кипит серебро», — ноги выше колен. Кони же изменяют силу героя (прибавляют — Коргуев, 32, уменьшают и вновь восстанавливают ее с помощью чудесного напитка — Рудченко, I, 47, 48) и указывают ему на волшебные предметы (гребенку, плетку, платок, сковородник и т. п.), которые он и использует в качестве

ности, как попытка богатого купца откупиться бочками золота и серебра, как жеребьевки команды, кому спускаться в море (жеребий падает на купца, который, однако, пообещав морскому царю то, что дома не знает, остается на корабле и благополучно возвращается на родину).

²¹ Анисимова, стр. 60—69 — Ваня случайно обнаруживает в шкафу договор отца с чертом и решает идти туда, куда сон укажет. Он является на базар, покупает за бесценок «слабого и большого» жеребенка, на обратном пути мучается с ним, хочет убить, но, вняв его просьбам, падит, выводит на поляну «с шелковой травой и морской водой». Жеребенок откармливается, выздоравливает и, став красивым и сильным конем, поднимается в воздух и переносит обещанного сына в лес в дом старика (черта).

²² Рудченко, I, 47, 48; Манжура, стр. 40—43 — трех коней — золотого, серебряного и медного или коней с золотой, серебряной и медной гривами.

²³ Анисимова, стр. 60—69 — Иван по просьбе коня дает ему корм не из того ларя, откуда брал старик, а из другого, где был «чистый овес», без примеси «сапожных шпилек».

защиты при бегстве от преследующего врага (Карнаухова, 47; Коргуев, 32; Анисимова, стр. 60—69).²⁴

Начало некоторых сказок (Зеленин, Пермск., 2; Соколовы, 144; Чмыхало, 2; Яворский, 27; Левченко, 488), хотя и включает частично сюжет «Чудесное бегство», во многом разрабатывается оригинально, с привнесением многих подробностей, не известных предыдущей группе сказок.

В сказке «Марфа-царевна и Иван крестьянский сын» (Зеленин, Пермск., 2) одна из трех нелюбимых в семье снох уходит в «темные леса», «в урал» и там родит сына Ивана. После ряда приключений (расправы с разбойниками, усмирения ожившего покойника) мальчик попадает в дом чудовища и засыпает. Чудовище собирается его съесть. Пробудившись, Иван требует, чтобы тот подал ему для умывания воду и рукотер (полотенце), а умывшись, заявляет: «Вот што, хозяин, я бога шипко не спознаю: родился в лесу, а молился пню; прими меня в дети». Чудовище усыновляет Ваню и поручает ему вести хозяйство.

Во время очередной отлучки своего «отца» Иван входит в запретное помещение (конюшню), «сводит с огненной доски» и освобождает от цепей богатырского коня, дает ему ушат воды и ушат белойрой пшеницы. Собираясь к побегу, конь пробует силы Ивана, наделяет его чудесными свойствами и одаривает волшебными предметами, о чем в сказке рассказывается так: «Конь и говорит: „Я в тебе силы не уверился. Есь в таком-то амбаре стопудовая доска, столкнёшь ли с места ты ' её своей ногой?“. Ваня приходит, отворяет амбар, ногой своей пнул — доска полетела из стены в стену забречела. Конь на это не уверяет: „Можешь ли ты меня сшипчи своей рукой с ног долой?“. Ваня заходит с правого боку, палыпнул ево своей рукой — он на три перевёртышка перевернулся и на ноги стал. Конь похвалил за это: „Можешь ты на мне сидеть и можешь ты мною править. Поди же ты теперь вот в этот амбар: тут есь золото и серебро; мажь свои волосы золотом, а по-локоть руки серебром“, и у коня «велел» вымазать гривку золотом, а хвост серебром. Посылал ево в запасной амбар взять богатырское седло, уздечку, стопудовую бобую палицу, перстень и перчатку».

В сказке «Плешивый» (Соколовы, 144) единственный сын царя Иван выходит «в чистое поле, широкое раздолье, в зелёные луга» гулять. Его подхватывает нечистый дух и уносит «через тридевять земель в тридесятое царство». По истечении трех лет, улетая на войну, нечистый дух доверяет ему все ключи от дома и разрешает заходить во все комнаты, кроме одной. Иван нару-

²⁴ Никифоров, Ск., 106 — добытию коня и организации побега содействует брак черта; он же вручает Ивану и волшебные предметы. В украинских вариантах (ср. также: Никифорова, Ск., 97) волшебные предметы отсутствуют, и конь мгновенно переносит героя на «этот свет».

пает запрет. В заветной комнате он обнаруживает привязанных на цепи льва-змія «с сеном во рту» и двух коней (карего и вороного) «с мясом во рту». Обменяв пищу и накормив животных, Иван верхом на льве (а пе па коне, как обычно) в сопровождении двух коней убегает.

В сказке «Як Іван-королевич одружився з королівною та вбив бісе Сідуна» (Левченко, 488) королевич, нарушив завет покойного отца, отправляется в «черный лес» на «польовання», гонится с хортами за зайцем, попадает к старому Сідуну и остается у него служить. В покоях, двери которых «лычком завязаны» и куда ему запрещено заходить, королевский сын находит привязанных на лапцугах коня и львицу. Не взирая на грозные предупреждения хозяина, он трижды перекладывает им пищу (львице — мясо, коню — сено). Конь прибавляет ему силу, королевич освобождает его из-под замка, после чего оба они по указанию и настоянию коня покрываются серебром и золотом.

В сказке «Незнайка» (Чмыхало, 2) «на трахтовому селі» живет богатый человек; у него сын Ваня семнадцати лет, который «играет на скрипке хорошо». Однажды ночью заезжает к этому человеку на ночлег пан на шестерке коней и просит Ваню сыграть. И когда тот заиграл, у пана «аж волося» поднялися «у гору». За хорошую плату он нанимает Ивана обучать игре на скрипке своих детей.

Возвратившись к себе в поместье, пан (а это был не кто иной, как Змей) заставляет Ивана закинуть скрипку и поручает ему присматривать за двенадцатью кобылицами (дочерьми Змея), чтобы они были во время напоены, накормлены и вычищены. А не будут чистыми, угрождает Змей, «мені мич, а тобі голова з пліч». До пота старается Иван (аж «сорочка мокра»), а кобылы остаются грязными. Когда в третий раз хозяин отлучается из дома, Иван проникает в запретное помещение, где находится волшебный конь и, в точности выполняя все его наставления, смазывает из двух «каламиричків» себе голову, и голова становится золотой и курчавой; прибирает двенадцать кобылиц, ставит перед каждой меру овса и ведро воды и каждую привязывает за хвост к осиновому колышку; забирает из комнаты змея волшебные предметы (гребень, щетку и платок), седлает коня и, не теряя ни минуты, «утикает».

В сказке «Тапштвенный рыцарь» (Яворский, 27) хлопец отправляется через лес в дальнее поле, чтобы отпести работающему там отцу еду. В «вэликой гущавыне» он, потеряв ориентир (солону, разбросанную по дороге отцом), сбивается с пути и попадает в руки 12 разбойников.²⁵ Разбойники не разрешают ему за-

²⁵ Этот мотив, как мы видели, характерен для начала сказки о Покатигорошке, с той лишь разницей, что здесь страдательным лицом является не хлопец, а девушка (сестра двух братьев).

ходить в помещение завязанное лыком, но он заходит туда, достает себе трех коней — черного, сивого и белого — и, захватив по их совету три волшебных яблока, благополучно спасается от погоны.

Само преследование беглецов в сказках, использующих сюжет «Чудесное бегство», описывается традиционно. Преследователь (Змей и пр.) обычно встречается на своем пути тайгу, густой, «непросветимый» лес, через который и «белке не пробежать» (Карнахова, 47), высокие каменные горы, непролазную трясиину, огненное море, реку, озеро и т. п., возникающие от сброшенных волшебных предметов (гребня, платка, яблока и т. п.).²⁶

Первые препятствия он преодолевает сравнительно легко, а перед последним (вторым или третьим) оказывается бессильным: «Наткнув ся змій до моря і питає свого коня: „Чи можемо ми перелетіть, чи переплинуть?“». Кажє: „Не могу ні переплинуть, ні перелетіть. Я, кажє, 12 суток не їв, не пив, так я, кажє, охляв, не могу. А коли я половину выпю, так тоді можем переплинуть? Тоді, кажє, могу“. Він ліг і давай пить і поти пив, поки лопнув» (Чмыхало, 2).²⁷

Имеются сказки о Незнайке (число их, правда, очень ограничено), начало которых не связано ни с мотивом обещенного сына, ни с сюжетами «Звериное молоко» и «Чудесное бегство».²⁸

²⁶ Соколовы, 144 — Иван-царевич обладает магическим словом, с помощью которого на пути преследователя он воздвигает рошу «от неба и до земли, от востока и до запада», образует «три реки огненные от востока до запада».

²⁷ Ср: Соколовы, 144 — Нечистый дух выпивает первую и вторую огненные реки, третью выпивает наполовину и разрывается на части львом-змием; Анисимова, стр. 60—69 — старик хочет выпить реку, но не может и исчезает; Коргуев, 32 — шут пытается переплыть огненную реку и сгорает; Зеленин, Пермск., 2 — препятствия отсутствуют и Иван-крестьянский сын сам справляется с чудовищем: «попыснул ево боёвой палицей и развалил ево на три доли»; Никифоров, Ск., 97, 106 — конь втаскивает Ивана на гору, на которую его противник взобраться не может.

²⁸ Афанасьев, 571 — Иван-крестьянский сын, тридцатитрехлетний сидень, получает исцеление, наделяется богатырской силой, застает в подземелье коня; Смирнов, 6 — местонахождение коня (в поле под дубом) указывает герою встречающая Девка-чернавка («старая чертовка»); Смирнов, 38 — младший сын Иван-дурак получает коня в дар от отца за то, что проводит три ночи (две — за старших братьев и одну — за себя) на его могиле. Во всех трех отмеченных случаях герой без каких-либо осложнений пускается на совершение дальнейших подвигов. Афанасьев, 296; Худяков, 90; Соколовы, 46 — о приобретении коня не рассказывается; в иное царство герой отправляется или за невестой (Соколовы, 46), или попадает туда случайно, погнавшись на охоте за оленем — золотые рога (Худяков, 90) уйдя из дома после того, как отец выделил ему семейный пай (Афанасьев, 296). Соколовы, 129; Смирнов, 356; Калининков, 35 — герой изгоняется за то, что у него покупатель (старик) дважды ворует дневную выручку от торговли (Соколовы, 139), освобождает из заточения Бабу-Ягу (Калининков, 35) и Самого с нокоть, борода с локоть (Смирнов,

Переклечение сказки в русло героико-комического повествования происходит с момента, когда герой объявляет себя Незнайкой (и пр.). Именно с этого момента сказочное действие развивается в пределах одного сюжета (Андреев, 532)²⁹ с очень незначительными отклонениями в подробностях: герой поступает садовником (пастухом, поваром, конюхом, рабочим на кухню) к царю; царская дочь (если же их три, то младшая) его замечает и избирает себе в мужья;³⁰ под видом неизвестного богатыря Незайка избавляет царевну (царевен) от змея (короля, неверного царя, иноземного богатыря); подвиг его обнаруживается; он награждается.

Одну из примечательных черт героя составляет необычная и причудливая одежда, в которую он облачается для того, чтобы ввести в заблуждение окружающих (нередко скрыв от них свои золотые, серебряные и медные части тела — голову, волосы, руки, ноги). На голову он напяливает в виде колпака бычий или воловий пузырь (Афанасьев, 295, 571; Худяков, 90; Соколовы, 144; Чмыхало, 2 — поверх пузыря — шапочку), требушину быка (Зеленин, Пермск., 2), «паршивый череп», убранный «в лахманье» (Чубинский, 58), «что-либо», пошитое из ремня (Рудченко, I, 47). Вместе со столь оригинальным головным убором или без него Незайка надевает на себя шкуру (Гринченко, I, 157), бычью шкуру (Афанасьев, 295), шкуру бугая (Левченко, 488), валовью шкуру (Коргуев, 32), кожи вола, овцы и козы (Жив. ст., стр. 331—340), козью шкуру (Садовников, 13), козюшок (Рудченко, I, 48), кожан, сработанный из трех воловьих шкур (Карнаухова, 47), шубу «из ста овчип» (Записки, I, 4), свиную шубу (Господарев, 5), одежду пастуха (Смирнов, 305), крестьянскую одежду (Худяков, 90), поварскую одежду (Смирнов, 356),³¹ зеленое платье, зеленую шубу (Соколовы, 129; Романов, III, 18), «кафтан с долгими полами, с большим воротником» (Соколовы, 46), свиточку, лапоточки, мигерочку (Романов, III, 186), одежду, пошитую из ремней (Рудченко, I, 47)³²

356). Персонажи, по чьей вине герой терпит наказания, берут его под свою защиту, дарят ему чудесные предметы (кольцо, пояс), с помощью которых он выполняет все свои желания, в том числе вызывает при надобности волшебного коня.

²⁹ Исключения: Господарев, 5 (Андреев, 530 А, В, 532); Никифоров, 11 (532, 302).

³⁰ В большинстве вариантов свадьба играется тут же, а не в конце повествования, как это обычно бывает в других волшебнo-фантастических сказках.

³¹ Это единственный вариант, где встречный повар-старик принуждает царского сына обменяться одеждой для того, чтобы заступить место царя, которого в то время «дома не было».

³² Зеленин, Пермск., 2 — за требуху и кишки Иван-крестьянский сын закалывает семитогодовалого быка, с которым никак не могли справиться два царских зятя, и обматывает кишками свои руки: «Ваня заходит

Странная внешность Незнайки, его шутовская манера держать себя и отвечать на все вопросы односложно «не знаю» (отсюда и прозвище — «Незнайка») ³⁸ порождают у окружающих представление о нем как простотиле и дураке, который ничего, кроме насмешки, презрения, унижения и порицания, недостойн.

Особенно не расположены к нему царь (король). Это царь (король) с пренебрежением отсылает его на черновые работы (Манжура, стр. 40—43), подметать двор (Никифоров, 11), кормить гусей (Жив. ст., стр. 241—245), кормить собак (Анисимова, стр. 60—69), караулить кур (Никифоров, Ск., 97), коров (там же), заровнять дорогу (Калинников, 35), работать на царской копьшне (Жив. ст., стр. 241—245; Смирнов, 6, 356; Ковалев, 15; Анисимова, стр. 60—69), на царской кухне — поваром, подсобным рабочим и т. п. (Смирнов, 6, 356; Господарев, 5; Ковалев, 15; Анисимова, стр. 60—69; Рудченко, I, 47; Манжура, стр. 40—43), в царском саду — возить воду, ухаживать за растениями, сторожить сад и пр. (Афанасьев, 571; Худяков, 90; Записки, I, 4; Соколовы, 144; Смирнов, 6, 305; Красноженова, 16; Манжура, стр. 40—43; Левченко, 488; Federowski, I, 340).³⁹

Более того, измываясь над Незнайкой, царь отдает распоряжение отправить его в сад с единственной целью — «пусть-де на место чучела птиц с яблонь пугает» (Афанасьев, 295); ⁴⁰ приказывает за «несуразные» ответы и недостойное поведение «всыпать» ему двадцать пять розог или нагаек (Жив. ст., стр. 331—340; Карнаухова, 47) ⁴¹ посадить (замуровать) в тюрьму (Никифоров, Ск., 97; Манжура, стр. 40—43) и даже расстрелять (Соколовы, 129), казнить (Королькова, стр. 20—24).

Обычно царь препятствует желанию единственной дочери или (значительно чаще) младшей из трех ⁴² дочерей выйти замуж за Незнайку (сердится на нее, отговаривает, угрожает), но она твердо стоит на своем: «А как у Марши Прекрасной мужа

³⁸ Афанасьева, 296 — в своеобразной передаче: «Спрашали его пьпицы: „Как тебя по имени зовут?“. А он в ответ: „Право, братцы, не знаю! Когда поп крестил да имя нарекал — в те поры я был глуп и мал“. С того самого и прозвали его Незнайкою».

³⁹ По просьбе дочери царь определяет Пезнайку: сторожем сада (Карнаухова, 47; Никифоров, Ск., 106), конюхом (Соколовы, 129), пастухом (свиней, кур). Незнайка сам нанимается к царю служить учеником повара (Рудченко, I, 48), конюхом и садовником (Королькова, стр. 20—24; Чмыхало, 2), садовником (Афанасьев, 296; Соколовы, 46; Калинников, 35; Красноженова, 16; Коргуев, 32; Романов, III, 18, 186), при садовнике (Садовников, 13), слугой носить дрова (Яворский, 27).

⁴⁰ Жив. ст., стр. 331—340 — царь придумывает такое «представление» для своих гостей: в саду вырывают столб, на столб ставят железное кресло, а в кресло сажают на всеобщее обозрение и осмеяние «чудо» — Лысенкого-Плешивенького.

⁴¹ Записки, I, 4 — героя наказывает собственноручно царь: «Отпустил ему двадцать плетей».

⁴² Чубинский, 58 — двенадцати дочерей.

не было, царь и говорит: „У двух дочерей есь мужья, а у тебя мужа нету, кто тебя будет сохранять от змѣя? Выбирай себе жениха, кого знаешь, кто тебе по уму“. Она и говорит: „Мне жених будет Незнаюшко“. Над ней давай все смеяться. Сама любимая дочь у царя, а выбрала мужа Незнаюшка. Она ничего. Царь тоже ей не советовал брать, не давал благословенья. Но она на это не поглядела на ихно на всё — все-таки стала себе Ивана <т. е. Незнайку> доставать» (Никифоров, Ск., 106).

Царь готов даже нарушить свое торжественное обещание отдать дочь за того, кто выполнит его задания, и старается угрозой и подкупом заставить Незнайку, единственного победителя в этом состязании, отказаться от руки царевны.

Как только увидели на руке Незнайки именное кольцо царевны, которое он на своем коньке достал на третьем балконе, «его, бедняка, из кухни — в комнату. То государь ему дает большие деньги за то, что, говорит, не будь зятем моим, а он отвечает: „Где ваше слово? Тогда всё можно изменить“. Ну, государь видит, что делать нечего, надо свадьбу играть» (Господарев, 5; ср.: Коргуев, 32).

Когда же брак все-таки совершается и играется свадьба «не бедно, не пышно» (Записки, I, 4), царь замуровывает молодых в темницу «с одним окном» (Левченко, 488), изгоняет «с глаз долой» — на хутор (Коргуев, 32),⁴³ в хату на село (Чубинский, 58), «куда хотите идите» (Чмыхало, 2), отводит им «особую хатку» (Рудченко, I, 48), «особую горницу», не пускает к себе (Садовников, 13) и вообще старается держать их в унижительном положении слушников.

Вместе с царем выбор царевной жениха осуждают и ее две старшие сестры и их высокопоставленные мужья (князья, генералы и пр.). Они смеются и злословят по поводу этого «неудачного» ее выбора, заявляя «тебе за отборки подкидает черт оборки» (Господарев, 5; ср.: Афанасьев, 571; Соколовы, 144; Красноженова, 16; Никифоров, Ск., 106; Чубинский, 58; Романов, III, 186).

Но как бы ни изощрялись в насмешках и издевательствах над Незнайкой высокопоставленные особы, он никогда не остается у них в долгу. В первую очередь от него достается царю (королю). Незнайка дерзит ему, потешается над его недогадливостью, ставит его в неловкое и смешное положение.

Напялив на себя шубу из «ста овчин», герой шагает по городу. «На то время ехал верхом царь и наступил на хвост Ваниной шубы. Ваня остановился и говорит: „Вы что, разве не видите, что на человека наезжаете? Али ослепли?“» (Записки, I, 4).

Еще колоритнее изображается встреча Незайки с царем в сказке, записанной Карнауховой от И. В. Митрофанова (Карна-

⁴³ Предварительно приказав слугам дать шуту 25 розог за одну лишь попытку сосватать царевну.

ухова, 47): «Сработал он <Незнайка> себе кожан <из трех воловьих кож>, так что человека и не видно, и хвост пришел сажени в две... И отправился так в город. По главной улице (как по Миллионной) царь идет, а он дорогу загораживает (старые-то улицы неширокие были). Кучер кричит: „Вороти!“ А он отвечает: „Не знаю“. — „Кто ты?“ — „Не знаю“. — „Человек ли?“ — „Не знаю“. Коляска ему на хвост наехала, а он хвост-то дернул, карета и перевернулась. Дали ему двадцать пять нагаек, а ему через кожан-то и не больно».

А вот как описывается сцена в собственном саду Незнайки, когда король посмел без разрешения съесть оттуда два яблока и и у него выросли два рога «по аршину крамарьскому»: «... і стоить <король> собі із рогами, руки опустив. Тепер іде Незнайка лінією йому на зустріч із мітлюю на плечах і гухає: „Хто убравсь у Незнайчин сад?“ — „Да, Незнайко, се я убрав ся, се король, — посмотрить твій сад“. Приходить Незнайка: „Здрастуйте!“ — „Здрастуй Незнайка“. — „Е, каже, Незнайка, може ви знаєте, як би ви з мене оці роги сканули?“ — „Е, каже, я думав, що ти король, так ти і розумний; а ти, каже, дурак. Так, як ти з рода яблук не видав, так ти без Незнайчиного позволення мерщій ухватив яблуко у рот. Хоч би у тебе не два, а одно око було, так і то видить, що тут написано, щоб без Незнайчиного позволення яблук не рвать, не пробувать — а я байдуже, на надпись не дивив ся, а на яблуні мерщій смотрив, та рвав, та пробував чи хороші? — Ну ось і узнав без Незнайчиного позволення; тепер ходи з рогами“» (Чмыхало, 2).

Озорные проделки Незнайки (или его дублеров — Ивана Зеленого и др.) по отношению к царю (королю) отличаются изобретательностью. Отпустив на волю коня, Иванька приходит в королевский сад и укладывается на кровать короля. «Тут кыролёк тэй як почув, сичас пысылаець слугу скызаць: якое ен право меець класцися на моей пощели? Приходзиць слуга к Иваньку: „Ходзитку к кыролю: якое ты право меешь класцися ны яго пощели?“ А Иванька купечацкый сын кажець: „Кыли ен угыдаець мою зыгадку, дык пойду; а не — дык не“» (Романов, III, 18а, вариант).

Царь сзывает «пир на весь мир на князей, на бояр и на всю братию чернь, от старшего до младшего», а Плешивой усаживается «на большую дорогу, на самый уголок, на самую потеху» и чинит препятствие царским гостям: «Кто идёт, отколотит, кто идёт, то обьидит, а то ось сломаэт, колею сломаэт» (Соколовы, 144).

Отосланный на работу к садовнику, Незнайка ночью уничтожает весь царский сад: «старые деревья с корня вырывал да за тын метал» (Афанасьев, 296), стал на коне по саду гулять, «только ямы из-под ног <коня> летят», все «притоптал и приломал» (Никифоров, Ск., 106), «весь сад принял, полонил, как

головней покати́л» (Смирнов, 6; ср.: Афанасьев, 571; Худяков, 90; Калининков, 35; Королькова, стр. 20—24; Чубинский, 58).

Герой злит, выводит из себя царя, когда вместо того, чтобы выполнить его просьбу и покараулить за него кур (в сказке царь занимается тем, что кур пасет), а затем — коров, вылавливает всех кур да и складывает их «под корку» (корень), а коров перекальвает (Никифоров, Ск., 97). С явной издевкой и глумлением над царем выполняет он и другие поручения: заваливает весь царский двор дровами, принесенными из леса; во время приготовления царского обеда впускает на кухню свиней, которые поедают всю «страву» и побивают посуду (Манжура, стр. 40—43); носит воду не ведрами, а кадушками, дрова — возами, сено — стогами, а когда царь в наказание переводит его собак кормить, то перебрасывает им через забор быка да так, что мясо из бычьей шкуры, «как из мешка» вытряхивается (Анисимова, стр. 60—69). Незнайка также помногу таскает на кухню дров (сразу «три хури»), воды («таки принесе цілий колодязь та поставит перед піччю»),⁴⁴ в довершение же всего бросает в приготовленный для царя борщ не соль (как делал до этого трижды), а «попілу жменю. Повар підносить обід царю. Царь як покуштує борщ — аж він такий поганий! Тоді царь так лас, а повар каже: „То Незнайко таке зробивъ“» (Рудченко, I, 47.; ср.: 48).

Наряду с проявлением необыкновенной силы и ловкости Незнайка с помощью опять-таки своего верного друга коня творит чудеса. Он создает в невиданно короткий срок (за одну ночь) необыкновенный сад (часто на месте им же разрушенного), что «лучше всех садов», что и «описать нельзя», а в нем — ключи и фонтаны, пруды, «каких нікому не снилось» (Худяков, 90; ср.: Королькова, стр. 20—24); сад, который цветет «разными цвѣтами і білими і красними і жовтими і голубими і усякими!», где «стоять яблуня, висока і товста і гиля аж до землі висять і яблук ряснійше чим листу» (Чмыхало, 2; ср.: Афанасьев, 296, 571; Соколовы, 129, 144; Калининков, 35; Красноженова, 16; Коргуев, 32; Чубинский, 58; Романов, III, 186; Federowski, I, 340).⁴⁵

⁴⁴ Ср.: Записки, I, 4 — Незнайка «на хвосте своей шубы» привозит сначала полную бочку воды, потом — «дров на целу зиму»; Смирнов, 305 — Иван-купеческий сын приносит: 1) воду в двенадцати связанных между собой боченках, 2) дров двенадцать поленниц.

⁴⁵ Смирнов, 6; Никифоров, Ск., 106 — Незнайка сад разрушает, но не восстанавливает; Коргуев, 32 — рассказывается о самом процессе посадки сада на пашне: конь делает ногами ямы («дыры»), а Иван спускает туда яблоки; о том же, но с большими подробностями и введением чудесного говорится и в украинской сказке (Чмыхало, 2): путем заклинания Незнайка вызывает сначала железную ограду для сада («щоб отака ограда за мною ішла») — и она вытягивается вслед за ним, потом — медную, ставит серебряные ворота; капнет раз, скажет вещее слово — целые ряды

Всего два часа требуется Незнайке для того, чтобы «заравнять» дорогу и тем самым выполнить задание, в реальность которого сам царь не верил («для смеху это сказал» — Калининков, 35), а для чистки солдатских кастрюль ему достаточно и одного мгновения: «взялся за кастрюлю — кастрюля чистая» (Господарев, 5).

Непревзойденным мастером зарекомендовывает себя Незнайка в приготовлении пищи: он готовит такие вкусные блюда, что приводит в восхищение царя и его гостей, они не удерживаются от того, чтобы не вручить повару «похвальный лист» и денежные подарки (Господарев, 5; ср.: Рудченко, I, 47, 48).

Но Незнайка не только творит чудесные вещи; он наделяется еще чудесным свойством излучать свет удивительной яркости (мотив, характерный для ряда украинских вариантов сказки). Стоит ему, например, «як сонце зайде», снять с себя одежду, чтобы выкупаться, «то бляск вдарит на всьой город» (Левченко, 488) или спать с головы бычий пузырь — и комната делается «золотá» (Чмыхало, 2; ср.: Рудченко, I, 48; Манжура, стр. 40—43).⁴⁶

Таланты Незнайки особенно наглядно и ярко проявляются в заключительном эпизоде сказки — борьбы с жестоким, сильным и коварным захватчиком.⁴⁷ Этот эпизод большинством сказочников воспроизводится с широким эпическим размахом, насыщается многочисленными традиционными формулами и выражениями, повторами, из которых на первое место выдвигается троичность. В нем же с наибольшей силой звучит героическое и трагикомическое начало сказки. Сложность положения героя заключается в том, что он должен постоянно разыгрывать двойную роль, чтобы окружающие, с одной стороны, не могли признать в странном придурковатом юноше богатыря-победителя, а с другой — в богатыре-победителе не разгадать всеми презираемого юношу. Искусно маскируясь, Незнайка достигает того, что вводит в заблуждение относительно себя царя и всех его приближенных, за исключением (и то не всегда) царской дочери, которая либо догадывается о его перевоплощении, либо является невольным и тайным тому свидетелем.

Сказка рисует два основных типа противников Незнайки. Одни — это змеи о трех, шести, девяти, двенадцати головах («Записки, 1, 14; Жив, ст., стр. 241—245; Карнаухова, 47; Ники-

яблонь появляся, так же грушу, виноград, ялози, сливы, одним словом, «як копце та скаже слово, щоб яке де було, так вони і е».

⁴⁶ Ср.: Чубинский, 58: «Він підняв трюшки череп и чухае голову — вана <царевна> як глянула, аж у ёго голова царська». Карнаухова, 47 — свет излучает кольцо Незнайки: оно горит так, как пятнадцать свечей — «весь город свет увидел».

⁴⁷ Королькова, стр. 20—24 — этот эпизод опущен; вместо него рассказывается, как Незнайка, следуя указаниям коня, усыпляет царевну, а затем, пробудив ее от сна, женится на ней.

форов, 11; Ковалев, 15; Никифоров, Ск., 106; Рудченко, I, 48; Манжура, стр. 40—43; Гринченко, I, 157; Романов, III, 18, 186; Federowski, I, 340), семиголовый чудовище (Никифоров, 10), требующие выдать им царских дочерей на съедение или угрожающие все царство пожрать (Смирнов, 38);⁴⁸ другие — знатные иноземцы: король (Соколовы, 46, 144; Красноженова, 16; Коргуев, 33; Анисимова, стр. 60—69), короли: арапский (Афанасьев, 295), срацинский (Афанасьев, 296), германский (Коргуев, 32),⁴⁹ царь (Рудченко, I, 47), царь Лукопер (Смирнов, 6), богатыри (Зеленин, Пермск., 2; Господарев, 5), Полкан-богатырь (Афанасьев, 571), претендующие на руку царских дочерей.⁵⁰

Итак, дерзкий вызов захватчика пугает и обескураживает царя. В обстановке общего смятения и уныния он или безропотно отдает дочерей (дочь) во власть противника (змея), или все надежды на спасение возлагает на своих двух старших зятьев, обещая тому, кто победит, часть (треть, половину) царства отдать. Введение в сюжет этих персонажей, а также других мнимых освободителей⁵¹ обостряет интригу и дает возможность рассказчикам резче оттенить нравственные качества главного героя.

Выступая в поход, гордые и надменные старшие зятья,⁵² как и их спесивые жены и царь-тесть, с нескрываемым презрением и насмешкой взирают на Незнайку, подчеркивая его физическую и умственную неполноценность. Они называют его не иначе, как дурак: «А что, — говорят, — с дураком разговаривать» (Господарев, 5).

Вручив старшим зятьям по «хорошей лошади», царь с безнадежностью заявляет Ванюшке: «Куда тебе ехать!» (Смирнов, 38), но, уступая его просьбе или просьбе своей дочери, все же соглашается дать ему лошадь, причем выбор падает на самую худую клячу-водовозку: кривую (Анисимова, стр. 60—69), хро-

⁴⁸ В двух северных вариантах (Соколовы, 129; Никифоров, Ск., 97) многоголовые змеи требуют царских дочерей не на съедение, а себе в жены. Смирнов, 305 — две старшие дочери царя имеют по два мужа: змея и человека. Иван борется сначала с девяти-, потом шести- и, наконец, трехглавым змеем (третий змей добывается руки незамужней младшей дочери), т. е. в последовательности от большего к меньшему, а не наоборот, как принято обычно в сказках.

⁴⁹ Левченко, 488 — король-жених для борьбы с героем высылает по очереди змей о 3, 6 и 9 головах.

⁵⁰ Худяков, 90; Садовников, 13; Смирнов, 356; Калинин, 35; Сказки XIX в., 23; Чубинский, 58; Чмыхало, 2; Яворский, 27 — герой сражается с войском противника (участвует «в баталии»), вторжение которого не мотивируется (например, у королевского дома столько неприятельского войска собралось, «що очима не можно заглянуть» — Чмыхало, 2, или: «И случилось так, что на царя воинство пошло» — Садовников, 13).

⁵¹ Водовоза (Карнаухова, 46; отчасти — Никифоров, Ск., 106), молодца-разбойника (Ковалев, 15), «приблуду» (Federowski, I, 340), полковников (Рудченко, I, 48), трех богатырей (Манжура, стр. 40—43).

⁵² Три богатыря (Манжура, стр. 40—43), которые перед «баталией» «шьють та гуляють, прощаютьця та выхваляютьця».

мую, «на трех погах стоит» (Смирнов, 38; ср.: Садовников, 13; Соколовы, 144; Калининков, 35; Красноженова, 16; Левченко, 488).⁵³

Даже жена (невеста) Незнайки и та готова порой бросить ему горький упрек в бездеятельности и поставить в пример для подражания старших зятьев. «Что ты, нареченный друг, все в саду прохлаждаешься? Хоть бы в чистое поле поехал да посмотрел, как отцы воюют, коли сам воевать не горазд» (Афанасьев, 296, стр. 499; ср.: Худяков, 90; Господарев, 5).

А как реагирует на все это сам герой? Он не только не рассеивает ложное мнение о себе окружающих, а, напротив, старается ввести их в еще большее заблуждение своими очередными чудачествами, показной трусостью и безразличием к происходящим событиям. Как только «открывается» война, Незнайка немедленно удаляется в огород, в капусту, предупреждая жену, чтоб в случае опасности и она бежала к нему (Господарев, 5), уходит в лес «сбирать губ» (Чубинский, 58), «с криком удирает из дома» (Жив. ст., стр. 331—340), нарядившись в крестьянскую одежду (кафтан, шапку, рукавицы), отправляется в деревню и зовет с собой жену, а то неровен час «город сожгут, людей прибьют, отца твоего в полон возьмут, а мы этому делу не виновны, этой беде не причинны» (Афанасьев, 296). Особое удивление, смех и осуждение горожан вызывают поездки героя задом наперед на уродливой лошаденке. Сел Козья шкура верхом на водовозку «лицем к хвосту, да ладонью погонят» (Садовников, 13), или: «сел <Незнайка на лошадь>, а ноги хватают до земли; сел глазами назад, хвост задынул, по... лошадь-то прихлопыват» (Смирнов, 6; ср.: Соколовы, 144). Глядя на такую картину, рассказывается в сказке, «весь народ ссахал» (Соколовы, 144), «Вот, говорят, у царя какой зять! Люди со слезами на глазах отправляются, а он людей галит» (Смирнов, 6).

Напускной индифферентизм, чудачество и здесь служат герою своеобразной маской, за которой он старательно прячет свое настоящее лицо. Ведь в действительности не старшие «умные» зятья царя, не водовоз и пр., а именно он, Незнайка, принимает на себя всю тяжесть борьбы с противником и выходит из этой борьбы победителем.

Что же делает Незнайка, когда скрывается от глаз посторонних? Он или сразу вызывает к себе волшебного коня Сивку-Бурку,⁵⁴ или предварительно расправляется с царским подарком — уродливой лошадью: «Вот он <Незнайка> выехал за родовую стену, за хвост захватился, сдернул с лошади хвост,

⁵³ Калининков, 35 — герой, кроме лошади-водовозки, просит царя дать ведро воды, ковригу хлеба, окорок ветчины; Худяков, 90 — герой выбирает себе коня такого, «какого нигде не было», т. е. волшебного.

⁵⁴ Никифоров 11 — Конька-горбушка; Рудченко, I, 47 — поочередно трех коней — с медной гривой, серебряной головой, золотой.

повесил шкуру на огороде и сказал: „Сороки да вороны! на-те вам от царя обед“» (Смирнов, 6; ср.: Соколовы, 144; Смирнов, 38, Калининков, 35; Красноженова, 16).⁵⁵

Вызов волшебного коня осуществляется моментально, стоит только герою: 1) подумать о нем (Красноженова, 16), 2) произвести несложный прием с волосинкой, взятой у коня при расставании (подуть на нее, присмолить и т. п. — Садовников, 13; Рудченко, I, 47; Левченко, 488), 3) свистнуть (Рудченко, I, 48; Federowski, I, 340), свистнуть три раза (Ковалев, 15), свистнуть по-молодецки, крикнуть по-богатырски: «Сивушко-Бурушко! Стань передо мной, как лист перед травой» (Смирнов, 6; ср.: Афанасьев, 296, 571; Записки, I, 4; Жив. ст., стр. 331—340; Соколовы, 46, 144; Смирнов, 38, 305; Никифоров, 11; Коргуев, 33; Господарев, 5; Анисимова, стр. 60—69; Манжура, стр. 40—43).⁵⁶ И вот уже «вороной конь бежит, мать сыра земля трешпит, из ноздрей пламя пышет, а из ушей чад стоубом валит. Прибежаў, впрямь ево <героя> стоў, как вкоп. Он сходиў в ушко, наелся сладко, в другое сходиў, нарядился баско. Сняў с головы пузырь — такого красавца и в царстве нет» (Соколовы, 144); «Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет. Незнайко в левое ухо влез, в правое вылез, таким молодцом стал, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать, глядел бы, очей не сносил» (Записки, I, 4).⁵⁷

По нашим наблюдениям, перевоплощение Незнайки в красавца-богатыря путем пролезания через уши Сивки-Бурки особенно типично для сказочной традиции русского Севера и Сибири (кроме упомянутых текстов, см.: Зеленин, Пермск., 2; Соколовы, 46; Смирнов, 38, 305; Коргуев, 13; Господарев, 5; Никифоров, Ск., 106).⁵⁸

⁵⁵ Анисимова, стр. 60—69 — убивает кривую кобылу из нагана; Худяков, 90; Садовников, 13; Левченко, 488 — лошадь отпускается на волю.

⁵⁶ Калининков, 35; Карнаухова, 47 — по желанию Незайки из волшебного (чертова) кольца является молодец (мальчик), который и достает ему богатырского копия и вооружение; Зеленин, Пермск., 2 — герой отправляется к коню в «луга заветные»; Чубинский, 58 — в лес; Никифоров, Ск., 106 — в поле.

⁵⁷ Ср. лубочное издание: «Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышет. Иван-крестьянский сын влез в ушко, паелся, напился, нарядился и в другое ушко вылез: стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать» (Афанасьев, 571).

⁵⁸ В вариантах: Красноженова, 16 — герой по прозвищу Мало-рожоно становится «богатырем красавцем» как только пролезает между передними ногами коня в направлении «не с улицы, а на улицу»; Анисимова, стр. 60—69 — Иван Зеленый обрызгивает себя чудесной жидкостью из двух флаконов и делается «сильным и красивым». В текстах: Афанасьев, 296; Худяков, 90; Садовников, 13; Жив. ст., стр. 331—340; Смирнов, 6; Калининков, 35; Никифоров, 11; Рудченко, I, 47; Чубинский, 58; Левченко, 488 — прямого указания на то, что конь внешне преобразует героя, не содер-

Для русского же Севера характерно и влияние былин на описание в отдельных сказках снаряжения коня и самой поездки Незнайки.⁵⁹

Излюбленным же приемом описания поездки в украинской сказке служит традиционная диалогическая формула (обычно троекратно повторяемая): «Как нести?», спрашивает конь героя: «чи повище каміщу, чи повище дерева, чи під небесами?» (Рудченко, I, 47), или: «чы по землі, чы вышэ лесу, чы по пид небесьмі?» (Манжура, стр. 40—43), и герой соответственно отвечает: при первой поездке — нести повыше камыша (по земле), при второй — повыше дерева (выше леса), при третьей — под небесами (ср.: Левченко, 488).

По дороге к месту боя или при возвращении Незнайка на коротке встречается с царем и царскими зятьями, которые принимают его за незнакомого богатыря. Царь, проявляя почтительность к богатырю, приглашает его к себе во дворец «за наградой», «на обед», «чай пить», или «на пару стаканов чаю» и т. п., но тот каждый раз под тем или иным предлогом отказывается. «Угожу, так приеду, а не угожу, так не приеду», — заявляет он царю (Садовников, 13). Отказ этот иногда выражается в довольно резкой форме: «Не ваш хлеб кушаю, не вас слушаю» (Афанасьев, 296), «я не твой слуга и не тебе служу» (Афанасьев, 571), иногда произносится с легкой, а то и злой иронией, с прозрачными намеками на царскую несправедливость, когда-то допущенную по отношению к герою, иронией, которую царь по своему скудоумию никак не может понять: «Мне некогда, может я раньше буду вас во дворце» (Господарев, 5), «Спасибо на двадцать пять» (намек на двадцать пять розог, которые герой получил в свое время по приказанию царя — Жив. ст., стр. 331—340; ср.: Записки, I, 4; Карнаухова, 47).

При встрече с царскими зятьями (своиками) Незнайка прежде всего уличает их в трусости, бездеятельности, неисполнении воинской обязанности. Храбрясь и рисуясь во дворце, эти «горе-начальнички» держатся вне стен его подло и трусливо, уклоняются от боя с грозным противником: уезжают «в господские дачи, за леса дремучи, за болота зыбычи: не найти их, не сыскать» (Афанасьев, 296), укрываются «за могилою», где «гуляють у карты» (Рудченко, I, 47), «вино пьют да в карты играют» (Коргуев, 33), «в лесу опенки жарят» (Калинников, 35), «за войсками хоронятся» (Записки, I, 4).

жится: иногда он снабжает героя оружием и богатырскими доспехами и всегда служит ему верным помощником в ратном деле; Federowski, I, 340 — конь наряжает героя первый раз — в серебряную, во второй — в золотую и в третий — диамантовую одежду и вручает ему соответственно качеству одежды серебряный, золотой и диамантовый мечи.

⁵⁹ См., например: Афанасьев, 296; Смирнов, 6 (обе сказки записаны в бывш. Архангельской губ.); Соколовы, 144; Зеленин, Пермск., 2.

Богатырь Незнайка стыдит свояков, называет их «липовыми защитниками», подлецами, мерзавцами, грозитя донести на них тество, бьет их, а если они подобострастно приглаголяют его в гости во дворец, с презрением отвечает: «Я с вами на одном поле до ветра не хочу ходить» (Красноженова, 16).

За готовность неизвестного богатыря сразиться вместо них с противником или за трофей, добытые им в бою (змеиные головы, языки, кости) свояки безропотно отдают ему по пальцу с руки (Калинников, 35), «по пальцу с золотым кольцом» (Жив. ст., стр. 331—340), по пальцу с ноги (Худяков, 90; Рудченко, I, 47), по уху (Манжура, стр. 40—43), по ремню из спины (Смирнов, 38), «по пряжке из ляжки» (Никифоров, 11, Зеленин, Пермск., 2), подставляют под удары спины («наметки дает» — Смирнов, 6).⁶⁰

Первая победа богатыря Незнайки над противником (змеем и пр.) — в схватке ли один на один, или со всем вражеским войском — не вносит чего-либо нового в судьбу героя.⁶¹ Расставшись со своим богатырским конем, он вновь обретает вид забитого, чудаковато одетого, всеми презираемого и осмеянного юношу.

Уже по дороге домой героя, еле плетущегося верхом на водозовке, обгоняют мнимые вояки-сваяки и, насмехаясь над ним, хвастливо заявляют: «Наш дурний Солодовий! Ми вже всю баталію розігнали, а він еще тут <в болоте> сидит!» (Левченко, 488).

Скрывая свою какую бы то ни было причастность к победе над врагом, Незнайка и дома (во дворце) старается вести себя также «дурно», как вел себя прежде. Он приходит «в свою хату», снаряжается в старое платье и заваливается на печку спать (Афанасьев, 296), «надергивает на себя шкуру», пачкает лицо грязью, «лежит и мурлычет» (Жив. ст., стр. 331—340), «убирается в лохманки» и тащит жене на варку «губы» из леса (Чубинский, 58), обрадованный, что война кончилась, а с нею и «отсидка» на огороде, наламывает в шубу капусту и несет на кухню (Господарев, 5) и т. п.

На царском пиру (балу), данном в честь старших зятьев-«победителей», о Незнайке иногда вспоминают, но лишь для того,

⁶⁰ Афанасьев, 296, 571; Садовников, 13; Соколовы, 46, 144; Смирнов, 305; Красноженова, 16; Коргуев, 33; Анисимова, стр. 60—69; Чубинский, 58; Левченко, 488 — свояки не откупаются; Господарев, 5 — об откупе свояков говорится в эпизоде выполнения трудных задач царя, являющемся особенностью данного варианта сказки: свояки отдают Незнайке за золотого барана по пальцу с руки, за свинку-золотую щетивку — по пальцу с ноги и за быка золоторогого — с плечей по ремню; Записки, I, 4; Никифоров, Ск., 106 — свояки принуждают царевну сказать отцу, что не богатырь (Незнайка), а они освободили ее от морского чудовища.

⁶¹ Как этот бой Незнайки, так и последующие два, в сказке, особенно севернорусской, описывается в традиционном стиле, с применением капопических приемов и средств изображения (троичность, постоянные формулы, метафоры, эпитеты и пр.).

чтобы лишний раз посмеяться и поиздеваться над ним и его женой.⁶² «Старшие сестры рады «мнимой победе своих мужей» и смеются над меньшей, что ее Незнайка дурак, а их мужья витязи храбрые» (Записки, I, 4; ср.: Смирнов, 38). «Приведи и ты своего, — говорит с укоризной царь своей младшей дочери, — хоть бы посмеялись над ним» (Худяков, 90).

Случается, Незнайка, действительно, идет на царский пир «не умыт, не причесан», только «каменные лесенки под ним потрескивают». Ему наливают стакан вина. «А што мне стакан?», — молвит герой, — «наливайте мне чашу». Ему наливают ушат. Он весь его вышивает, наливают другой — и другой выпивает, а потом отправляется спать.⁶³

За Незнайкой наблюдаются и совсем озорные, дерзкие выходки. Возвратившись с битвы, он отправляется к «стерву» (убитой им водовозки) набирает там ворон и сорок — «он их живых руками навязал вязанку. У царя пир ведётся; он туды же попадает, а его подталкивают и говорят: „Куды ты к черту с экой пошёл!“.

А он которого толкнёт, тот и до смерти. К тем дверям подошел, где пируют, спустил сорок да ворон, а они полетели, перебили графины и всё, рюмки и всё, и стаканы и окольные. „Я своё, говорит, Незнайко, выпил“. Попол да опять и спит в своей садовне» (Смирнов, 6).⁶⁴

Итак, цепь событий от первого и до второго вызова противника сомкнулась. Вторая цепь и большая часть третьей лишь повторяет первую, с той разницей, что повторение это, как правило, дается с нарастающим эффектом. Если, например, Незнайка первый раз борется с трехглавым змеем, то во второй — с шести-, а в третий — с девятиглавым (Смирнов, 38); если перед первым боем он просит царя выдать ведро водки, ковригу хлеба и окорок ветчины, то во второй раз эта порция удваивается, а в третий утраивается (Калинников, 35) и т. п.

Выиграв с помощью коня третий, самый тяжелый бой, Незнайка, как и прежде, пытается маскироваться. Однако на этот

⁶² Афанасьев, 296 — Незнайка сам напоминает о себе и посылает к царю жену с просьбой, чтобы тот дал «чашу зелена вина» и «свиной окорок на закуску». Царь обещает дать лишь «остаточки» со стола, отчего жена Незнайки с гордостью отказывается, заявляя: «Нам с мужем после их «старших зятёв» блюдолизничать — статошное ль дело?».

⁶³ Зеленин, Пермск., 2; Калинников, 35 — Незнайка также необыкновенно много пьет (по четверти, по три и семи ведер водки) и ест (по три краюхи хлеба, по три окорока и пр.) так что царь называет его «обжорой», а Марфа-царевна начинает видеть в нем не простого мужика «простой мужик столько не выпьет», а «какого-нибудь» богатыря (Зеленин, Пермск., 2).

⁶⁴ Ср.: Анисимова, стр. 60—69 — Незнайка также приносит на пир живых «гали», но в мешке и объявляет: «Вот я тоже с победой!». Царь и гости посмеялись над ним, а за стол не посадили, «дали угощения в уголок».

раз ему это сделать не удастся. По различным приметам (хустке, платку, которыми царевна перевязывает рану героя, именному кольцу и т. п.) его жена обычно первой узнает в спящем богатыре Незнайку, сообщает об этом отцу, после чего старшие зятья разоблачаются, посрамляются и наказываются, как лгуны и хвастуны, а Незнайка получает заслуженные награды. Эта заключительная сцена — типичная для вариантов с участием мнимых освободителей — выглядит так: «Старшие сестры хвастают своими мужьями, смеются над Еленой и попрекают дураком Незнайкой.

Побежала царевна Елена с жалобами к своему Незнайке, а тот забился под куст и спит себе. Отыскала его Елена, смотрит, рука у Незнайки обмотана ее шалью; тут царевна здогадалась, кто был ее защитником, вернулась к отцу и обсказала все про свое избавление. Пошел царь со всеми вельможами и дочерьми в сад; видит — правда, рука Незнайки обмотана дочерниной шалью. Разбудили тут Незнайку. Спрашивает его царь, отчего у него рука завязана и где он взял такую дорогую шаль. Незнайка рассказал, как он защищал обеих дочерей царских и потом свою жену царевну Елену от морских чудовищ. „А чем ты докажешь?“ — спрашивает царь. „Раздень, говорит Незнайка, затей своих, погляди на их спины, как я исполосовал их“. Раздели зятей; у них спины чернее земли и в клочки избиты. Тут и старшие сестры повинились и войска тоже. Разгневался царь, велел выгнать из дворца старших зятей, а на Незнайку падел свою корону и сделал его царем. Устроили пир горой» (Записки, I, 4).

Разоблачение мнимых освободителей в сказке о Незнайке происходит посредством принудительной публичной демонстрации ими «отметок» на теле, нанесенных им Незнайкой, как это мы видим в только что цитированном отрывке из сказки (см. также: Худяков, 90; Жив. ст., стр. 331—340; Соколовы, 46, 144; Смирнов, 6, 38; Калинин, 35; Никифоров, 11; Коргуев, 33; Господарев, 5; Никифоров, Ск., 106; Рудченко, I, 47, 48; Манжура, 40—43) или же своей физической силой (поднятие камня, под который герой-богатырь складывал свои боевые трофеи: змеиные головы и пр., и который они не в состоянии даже сдвинуть с места — Смирнов, 305; Ковалев, 15).⁶⁵

Наказание мнимых освободителей и степень этого наказания осуществляется и определяется либо царем, либо Незнайкой. Царь изгоняет их (Записки, I, 4; Чубинский, 58), отправляет «по своим местам» (Садовников, 13), оставляет «в самом низком месте» (Худяков, 90), приказывает посадить в темницу (Смирнов,

⁶⁵ Анисимова, стр. 60—69 — Иван Зеленый разоблачает царских зятей после того, как они дважды покушаются на его жизнь; Левченко, 488 — Иван Солодывенький кладет змеиные языки в кишенью, а затем, разоблачая «швагри», показывает их царю как доказательство того, что до «швагри», а он спас царевну.

305), казнить (Жив. ст., стр. 331—340), «разрубить на мелкие куски» (Никифоров, 11), расстрелять (Никифоров, Ск., 106; Рудченко, I, 47), «расстрелять на воротах» (Смирнов, 38), «лишить жизни» (Рудченко, I, 48). В свою очередь Незнайка учиняет над ними расправу, применяя собственную силу: «И он их <своёв> взял в охапку и резнул их; они не меньше 12-и часов мёртвыми лежали; откачивали их. — „Свой чин, говорит, пожалел, а то бы кишки из вас вылетели!“» (Зеленин, Пермск., 2).

«Вот твой старший зять», — обращается герой к царю, — «толкнул меня в затылок, вот, и я его только щелкну, — и дал ему щелчок, тот через окно во двор вылетел и замертво лежал, насилиу на коврах откачали» (Красноженова, 16); «Незнайка в лапти <зятьев> обул, так по городу и опустил» (Соколовы, 144), поднял камень и придавил разбойников (Ковалев, 15).⁶⁶

В сказке «Niężnajko» (Federowski; 340) о казни мнимого освободителя говорится: «taho prubludu źwiazali, na żalżnyje bōgany gazsiahnuli».

Выключение из повествования мнимых освободителей, главным образом царских зятьев вместе с их женами,⁶⁷ несомненно упрощает сюжетную схему сказки и отчасти снимает или значительно ослабляет такую важную черту в характере героя, как его воинственную непримиримость к различного рода бахвальству, зазнайству, кичливости, трусости и подлости. В остальном сказка излагается в том же богатом традиционном оформлении и не лишена ряда любопытных подробностей. Особенно примечателен в этом отношении текст, записанный от Чмыхало. По художественной отделке, общей композиционной стройности и слажен-

⁶⁶ Господарев, 5 — разоблаченные свояки кончают жизнь самоубийством: «Им совестно стало, и они тут при публике выхвагили по револьверу и сами себя застрелили». В варианте: Афанасьев, 296, 571; Соколовы, 46; Смирнов, 6; Калининков, 35; Карнаухова, 46; Коргуев, 33; Анисимова, стр. 60—69; Манжура, стр. 40—43 — мнимые освободители не наказываются. Записки, I, 4; Жив. ст., стр. 331—340; Коргуев, 33; Ковалев, 15 — герой, разоблачив зятьев и получив за свой подвиг награды (руку царской дочери, «короно на голову» и пр.), отправляется к своим родителям, где расправляется с изменницей матерью (я ее любовником — генералом — Записки, I, 4), вызволяет отца-куца, которого та, измываясь, заставляла пасти свиней (Коргуев, 33), исполнять разные тяжелые работы (Записки, I, 4), нищенствовать (Ковалев, 15). Манжура, стр. 40—43 — к обычной сюжетной схеме подключен эпизод выбора невесты: царь ставит трех своих дочерей за занавес и предлагает герою по чеботам на их ногах выбрать одну из них себе в жены; младшая царевна по уговору с Незнайкой опускает против себя перстень и выбор падает на нее; молодые отправляются к отцу мужа (далее следует один из мотивов «Чудесное бегство» Андреев, 313 С — жена на свадьбе мужа). Никифоров, 11 — конец несколько путанный и к сказке прикреплен механически: разоблачив зятьев, Незнайка отправляется добывать для царя Кашея и Соловья на двенадцати дубах, встречает на своем пути Бабу-Ягу и т. п.

⁶⁷ Афанасьев, 295; Жив. ст., 241—245; Соколовы, 129; Смирнов, 356; Никифоров, 10; Коргуев, 32; Сказки XIX в., 23; Никифоров, Ск., 97; Гринченко, I, 157; Чмыхало, 2; Яворский, 27; Романов, III, 18 и 186.

ности, красочности языка и стиля, детализации и многочисленным бытовым аксессуарам он может быть отнесен к одному из лучших сказочных текстов на тему о Незнайке.

Нельзя не отметить, что как у Чмыхало, так и у некоторых других сказочников (например, Господарев, 5) главный герой сказки Незнайка не только явно симпатизирует солдатской массе, но и выступает ее благодетелем и защитником.⁶⁸ Так, перед боем во избежание напрасного кровопролития он трижды возвращает с передовых позиций королевское войско, требуя от своего тестя-короля, чтобы он дал солдатам пить и гулять за его здоровье — первый раз в течение 3, второй — 9 и третий — 12 суток (Чмыхало, 2).

Бросается в глаза и еще одна особенность сказки о Незнайке — ее тенденция (по крайней мере для целого ряда вариантов) находить положительного героя в купеческой среде. Идеализация представителей торгового сословия, вообще заложена в двойственной природе самого крестьянства и возникает на определенном историческом этапе, а именно в пору зарождения и развития буржуазных отношений. Впрочем, и в купеческом обличье Незнайка, подобно былинному Садко, остается народным героем в самом широком и полном значении этого слова.⁶⁹

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике образа Иванушки-дурачка восточнославянской волшеббно-фантастической сказки, хотелось бы обратить внимание на следующее.

Во-первых, герой-дурачок широко популярен как у русских, так и украинских и белорусских сказочников, причем с именем Иван он чаще всего фигурирует у русских сказочников.

Во-вторых, несмотря на то что Иванушка-дурачок встречается в сказках самого различного содержания, его наиболее характер-

⁶⁸ Более того, у Эрленвейна (40), где в основной сюжет «Царь-девица» (Андреев, 400 *В) вплетается эпизод о Незнайке (неопознанный до времени герой бьется поочередно с тремя богатырями вражеского войска), роль последнего выполняет унтер-офицер Пулька.

⁶⁹ В сб. А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (М., 1914) под № 30 помещено произведение, озаглавленное «Крестный отец». Это, несомненно, сравнительно поздняя и в своем роде, кажется, единственная переделка сказки о Незнайке в христианскую легенду. Главный герой ее — сын бедного мужика Иван Шелудивый, которого крестный отец (бог) забирает «в царство небесное». Здесь Иван нарушает божескую заповедь (входит в запретную палату и убивает разбойника), за что изгоняется на землю замаливать грехи и за себя и за разбойника, у которого на совести девять человек убитых. В дальнейшем рассказ движется по обычной сказочной схеме (Иван золотит волосы, служит у садовника, женится на младшей дочери царя, борется с противником), но с постоянным подчеркиванием набожности героя. Так, живя у садовника, он «не гуляет, а все богу молится».

ными сюжетами являются: «Сивко-Бурко» (Андреев, 530 А), «Свинка-золотая щетинка» (530 *В) и «Конек-горбунок» (531). Сюжеты «Сивка-Бурка» и «Свинка-золотая щетинка» с участием Иванушки-дурачка разрабатываются порознь⁷⁰ и в соединении друг с другом;⁷¹ сюжет «Конек-горбунок» — в виде самостоятельной сказки.⁷²

Как же выглядит Иванушка-дурачок в сказках, которые мы упоминали?

Иванушка-дурачок — всегда третий и самый младший из трех сыновей мужика. Принадлежность к крестьянскому сословию составляет характерную черту этого образа.⁷³ Сказка не останавливается ни на рождении героя, ни на его воспитании, она представляет его слушателям уже сформировавшимся человеком, употребляя при этом излюбленную формулу: «Жил в деревне мужик и было у него три сына, два умных, а третий — Иванушка-дурачок».

В противоположность сказкам о героях-богатырях (силачах), где с самого начала предпочтение безоговорочно отдается младшему из трех братьев, в сказках об ироническом удачнике в мнимо выгодном свете всегда выставляются два старших женатых брата. Наделенные житейско-практическим складом ума, они в своих действиях руководствуются исключительно меркантильными соображениями, расчетливо ведут хозяйство и слывут степенными и домовитыми людьми.

В то время как «щеголеваты и тароваты» братья торгуют, занимаются хлебопашеством, Иванушка-дурачок полеживает себе на печи («у груби») или сидит за печью в золе, пепел пересыпает, сажу колпаком меряет, сморкается, «сопли на клубок мотат», «играет в баклуши» (Ончуков, 68; ср.: Афанасьев, 179, 181, 184; Садовников, 60; Записки, I, 54; Ончуков, 68; Соколовы, 63; Куприяниха, 6; Красноженова, 23; Карельск., 12; Чубинский, 70). В лучшем случае он еще пробавляется тем, что ходит в лес за грибами (Ончуков, 68), пасет свинью (Чубинский, 70), увле-

⁷⁰ Афанасьев, 179, 180, 181 (белор.), 183; Худяков, 10; Записки, I, 54, II, 23; Ончуков, 68; Зеленин, Вятск., 114; Соколовы, 63, 93; Смирнов, 8, 222; Карнаухова, 8, 45; Куприяниха, 6; Красноженова, 23; Приб., 33; Тамб., 8; Рождественская, 71; Акимова, 369; Карельск., 12; Яросл., 7; Никифоров, Ск., 125; Чубинский, 71, 72, 73; Гринченко, I, 161; Малинка, 26; Левченко, 490; Добровольский, 30.

⁷¹ Афанасьев, 182, 184 (укр.), 564; Колосов, стр. 59—69; Смирнов, 38; Ковалев, 5; Париков, 6; Комовская, Пред., 84; Башк., 10; Чубинский, 79; Калинин, стр. 103—112; Романов, VI, 53.

⁷² Худяков, 103; Садовников, 60; Карнаухова, 45; Куприяниха, 1; Гуревич, 6, 34 (оба варианта в литературно обработанной стихотворной форме); Господарев, 9; Тамб., 7; Комовская, Пред., 80; Чубинский, 78; Романов, III, 38, вариант; Шейн, 134.

⁷³ Как исключение Иванушка-дурачок может быть сыном купца (Афанасьев, 183; Романов, VI, 53), «старенького панька» (Афанасьев, 184).

кается игрой на жалейке: «Еи часто на жулѣйцы играв, гѣтак играл, што ня можно и у свети сыйскать» (Романов, VI, 53).

Старшие братья и их жены относятся к Иванушке, как к неполноценному человеку, дурику, юродивому, недолгобливают его, подсмеиваются над ним, содержат его впроголодь («исть ему мало давали» — Карнаухова, 45; ср.: Романов, VI, 53). Впрочем, подчеркнутая бездеятельность и непривлекательность облика Иванушки-дурачка, по крайней мере для слушателей сказки, исчезают очень быстро — уже при первом серьезном испытании братьев. Испытания эти связаны с двумя обстоятельствами: 1) смертью отца и его завещанием каждому из трех сыновей провести ночь на его могиле или 2) поимкой того, кто в отцовском саду ворует яблоки, вытаптывает пшеничное поле и пр.

Под разными предлогами старшие и умные братья чаще всего уклоняются от выполнения своих обязанностей, перекаладывая это на плечи Иванушки-дурачка, или выполняют их недобросовестно, не так как требует этого сыновний долг. Лень, а еще больше страх за свою жизнь заставляют братьев обращаться к Иванушке-дурачку, принуждая или упрашивая его переночевать за них на могиле отца.⁷⁴ За это они обещают ему подарить: из одежды: «все красное» (Колосов, стр. 59—69), красные сапоги, красную (новую) шапку, красную рубашку, красный кафтан (отрез на кафтан), плюсовую поддевку, новые лапти (Афанасьев, 182; Ончуков, 68; Соколовы, 63, 93; Смирнов, 8; Господарев, 9; Башк., 10; Никифоров, Ск., 125); из предметов домашнего обихода: новую плетенку «по грибы ходить», щаны (Ончуков, 68; Никифоров, Ск., 125); из драгоценностей: колпак золота (Добровольский, 30); из еды (лакомств): мерку гороха и сито репы, пироги, пряники, калачи, блины (Афанасьев, 564; Записки, I, 54; Ончуков, 68; Смирнов, 92, 222; Карнаухова, 45; Красноженова, 23; Карельск., 12), «кринку молока и конец пирога» (Ковалев, 5).

Поддавшись уговорам или прельстившись подарком, Иванушка большей частью охотно соглашается выполнить просьбы братьев и только изредка предъявляет к ним встречные требования. Например, пошить торбы в три полы и дать по две булки хлеба (Романов, VI, 53), заплатить по сто рублей (Зеленин, Вятск., 114). Тогда же, когда караул на могиле отца все же осуществляют поочередно братья, для двух старших он оканчивается неудачей: они, походив у могилы, ни с чем возвращаются домой (Малинка, 26), засыпают на кладбище как раз в то время, когда из могилы встает отец (Чубинский, 72), приносят отцу (очевидно, по своей скаредности) на «вечерю» в «Раздвяны святки» такую скудную еду, как «цеглына» и вода. Погрыз батюку цеглыны, говорится в сказке, напилсь воды и полез голодный об-

⁷⁴ В «нежилой избе», где стоит железный гроб с умершим отцом (Ковалев, 5).

ратно в могилу, даже не поблагодарив сыновей (Гринченко, I, 161).

Из-за беспечного и нерадивого отношения к отцовским поручениям терпят полную неудачу старшие братья и при попытках поймать чудесное существо, наносящее вред засеянному полю, лугу или саду (Худяков, 103; Садовников, 60; Куприяниха, 1; Тамб., 8; Рождественская, 71; Комовская, Пред., 80, 84; Чубинский, 78; Романов, III, 38, вариант; Шейн, 134).

Но то, от чего увиливают старшие братья или что им не удается сделать — то ли по неспособности, то ли из-за нежелания и лени — берет на себя и совершает Иванушка-дурачок.

Рассмотрим две группы сказок, из которых в одну входит эпизод Иванушка-дурачок на могиле отца, в другую — Иванушка-дурачок — караульщик сада (поля, луга).

1. Иванушка-дурачок на могиле отца. За немногими исключениями,⁷⁵ Иванушка дурачок посещает могилу отца трижды — два раза за братьев и один (последний) за себя. Отправляется он туда ночью, беззаботно уплетая ломоть хлеба, кусок пирога, наигрывая на желейке, а то и выкидывая по дороге озорные шуточки: «Палку засунул к попу в подворотню, собак дразнил; там они ее изгрызли» (Записки, I, 54).

Из могилы (гроба) отец выходит темной ночью («В полночь могила раскрывается, отец встает» — Карнаухова, 45), иногда по вызову героя: «пришел на могилу и стучи́цца» (Зеленин, Пермск., 114), сильным ударом о могилу палкой, кием, дубиной («Бу-ух от отцову могилку дубинкой!» — Куприяниха, 6; ср.: Тамб., 8; Малинка, 26), сопровождаемым подчас словами: «Ставай, батько, из могилы, я пришел караулить тебя» (Соколовы, 63), «Батька ўстань!» (Добровольский, 30), «Добри вечор, тату» (Чубинский, 70). В сказке «Три ночи на могиле отца» (Романов, VI, 53) это обращение, неоднократно повторяемое, звучит как поэтическая формула, заимствованная из причитаний по покойнику: «Жовтый пясок рассыпайся, гробова дошка отчиняйся, батька з мертвых уставай!» (Романов, VI, 53). Выйдя из могилы, отец прежде всего интересуется, кто из сыновей караулит его и в течение всех трех ночей слышит один и тот же ответ: «Это я, твоей меньшей сын».

В сказке «Иван Запечин» (Ончуков, 68) тема разговора между отцом и сыном несколько расширяется и судьба последнего уже рассматривается в связи с общим положением дел на Руси. «Отец выходит из могилы и говорит: „Фуфоньки, фуфоньки! Есь ли тут старший мой сын, и скажи, что делается на Руси — собаки ли лают, волки ли воют, или мое чадо ревит?“. Иванушка-дурачок отвечает: „Есть сын твой, и на Руси все спокойно“».

⁷⁵ Афанасьев, 181; Чубинский, 72; Гринченко, I, 161; Малинка, 26.

Иванушка-дурачок не только посещает могилу отца и ведет с ним душевную беседу; в отдельных вариантах он также кормит отца хлебом (Ончуков, 68) и, кроме того, потчует табакком: «Яны <отец и сын> узяли з им табаку понюхали, краюшку <хлеба> ету съели» (Добровольский, 30).⁷⁶

Неудивительно, что именно Иванушке-дурачку достается от отца все то, что последний предполагал поделить между тремя сыновьями, если бы все они честно и добросовестно выполнили его завет.

В числе подарков отца обязательно находится конь (реже — три коня — по числу посещений Иванушкой-дурачком могилы).⁷⁷ В большинстве русских вариантов конь носит кличку Сивка-Бурка, вещей (вечный) каурка;⁷⁸ встречается и без каких-либо кличек — просто конь,⁷⁹ что особенно характерно для украинской и белорусской сказочной традиции.⁸⁰ Однако и под кличкой и без клички конь этот необыкновенный, волшебный: на нем золотая шерстинка, серебряная шерстинка, а узда бриллиантовая (Афанасьев, 181), у него грива золотая и хвост золотой (Куприяниха, 6), грива золотая и сбруя на нем золотая (Чубинский, 73), «збруя латна, скопъё булатно» (Романов, VI, 53). При надобности такой конь вызывается отцом или сыном посредством: а) громкого богатырского голоса, молодецкого посвиста или специального обращения, характерного для русских сказок: «Сивка-бурка, вещей каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» (Афанасьев, 182),⁸¹ б) припаливания трех конских волосинок, шерстинок и пр. (Афанасьев, 182; Чубинский, 71; Гринченко, I, 161; Малинка, 26; Левченко, 490), запуска золотого клубочка (Карельск., 12), бросания палочки (Чубинский, 72), потряхивания уздой (Афанасьев, 184).

⁷⁶ При посещении могилы тремя сыновьями (Гринченко, I, 116) старшие, как мы видели, приносят умершему отцу скудную еду (воду и щеглыну), тогда как младший — борщ, хлеб и горелку. Эта верность и забота младшего сына трогает старика и он награждает его чудесными подарками.

⁷⁷ Афанасьев, 183; Акимова, 369 — эпизод пребывания на могиле и получение коня оупчен.

⁷⁸ Афанасьев, 179 — Сивка-Бурка, вещей воронко; Никифоров, Ск., 111 — Сивко-Бурко (или Карко-Бурко), вечной Воронко.

⁷⁹ Кобылица-латица об семидесяти семи жеребенках (Смирнов, 222).

⁸⁰ Исключения: Добровольский, 30 — «Сіўчик-бурчик — работать ніўкавурчик», ср.: Романов, VI, 53 — «Коник бурац, вешный кавурац».

⁸¹ Ср.: Афанасьев, 179, 180, 183; Худяков, 10; Записки, I, 54, II, 23; Ончуков, 68; Зеленяк, Вятск., 114; Соколовы, 93; Смирнов, 8, 38, 222; Куприяниха, 6; Красноженова, 23; Тамб., 8; Рождественская, 71; Ковалев, 5; Акимова, 369; Комовская, Пред., 84; Башк., 10; Никифоров, Ск., 111, 125. Среди украинских и белорусских сказок вариант подобного обращения мы обнаружили лишь в сборнике Добровольского (30): «Сіўчик-бурчик, работать ніўкавурчик, иде б ты ня быў, сюда прыбыў, — стань перада мною, як лист перед травою».

При любом вызове конь является моментально. Но появление Сивки-Бурки обставляется по-особому: он «бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, а из ушей дым столбом валит» (Ончуков, 68), или: «Сивушка бежит, — земля дрожит, ёскопыть даёт по сепной копне, дёлы да горы меж ног пушает, мелкие речки хвостом устилает, а большие перескакивает» (Колосов, стр. 59—69). Прибежав, конь спрашивает, какая служба от него требуется. «А вот какая — говорит старик, — как ты служил мне, так теперь служи моему сыну» (Колосов, стр. 59—69).

По желанию героя волшебный конь может взвиваться «выше леса стоячего, ниже облачка ходячего» (укр.: «выщче лису, ныжче хмары» — Гринченко, I, 161), трижды облететь свет, коснувшись всего лишь три раза земли (Романов, VI, 53). Есть у коня и другие чудесные свойства, с помощью которых герой преображается и выполняет задачи, непосильные для других.

Дополнительными подарками к коню, конским волосинкам, золотому клубочку и пр. могут быть: лань златорогая, свинья-золотые щетинки и дудочка (Записки, I, 54), «кобыла — сорок пежин с пежиной», свинка-золотые щетинки, жар-птица (Зеленин, Вятск., 114; ср.; Тамб., 8), коза-златорога, свинка-золотая щетинка, кобылица с семидестью семью жеребятами (Смирнов, 8), олень златорогий, свинка-золотая щетинка (Смирнов, 222), свинка-золотая щетинка, жар-птица (Карнаухова, 45), коза-золотые рога, свинка-золотая щетинка (Куприяниха, 6, ср.: Башк., 10), три пузырька, прибавляющих и убавляющих силу (Никифоров, Ск., 111).

Истинные результаты посещения могилы отца Ванюшка-дурачок тщательно утаивает от братьев и их жен. На их расспросы, что он видел, ладно ли почевал на могиле, обычно односложно отвечает: «Ничего не видел» или «видел отца», «ночевал ладно» и пр.; иногда же прибегает к надуманным страшным рассказам и тем еще больше нагоняет страх на и без того трусливых братьев. О палке, изглоданной поповыми собаками, Иванушка-дурачок говорит, что ее всю изгрыз покойный отец, который чуть-де и его не съел (Записки, I, 54); рассказывает он и о том, как ночью на кладбище «мертвецы кричат, дерутся», а его «лихорадка трясет» (Афанасьев, 182), как отец чуть было его не задушил (Башк., 10).

В отдельных вариантах братья и их жены, твердо уверенные, что имеют дело с простофилей, не прочь посмеяться и поиздеваться над его глупостью и наивной доверчивостью. «Чо, Ванюшка, хорошо батюшка по тебе верхом поездил?», — язвят они, когда тот возвращается домой с очередного дежурства на могиле (Красноженова, 23).

Особенно же часто издевки и насмешки звучат в эпизоде состязания за получение руки царевны (королевны),⁸² когда пре-

⁸² Записки, II, 23 — генеральской дочери.

тенденты в женихи должны на коне доскочить до высокого балкона (третьего этажа, вышки, башни, «шлянной» горы и пр.),⁸³ где она сидит, и поцеловать ее или, как в сказке «Сивке-Бурко» (Афанасьев, 179), сорвать ее портрет «с дому через сколько-то много бревен», сорвать ширинку со столба высотой в пять саженей (Записки, II, 23) и т. п.

Уже при первом сборе на ристалище братья на просьбу Иванушки-дурочка взять и его с собой⁸⁴ отвечают с надменной прощией и насмешкой: «Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей что ли смешить!» (Афанасьев, 179); «Дак у тебя, — говорит: — дурака, голова велика» (Зеленин, Вятск., 114); «Куда тебя, дурака, говорят. Лежи да меряй сажу колпаком» (Соколовы, 63); «Куды тебя, разе место чучелы» (Никифоров, Ск., 125; ср. Ковалев, 5); «Куда тебе, дураку! Это нам, умным впору» (Комовская, Пред., 94); «А, де тобі, дурню! кажуть, сиди дома» (Чубинский, 73); «Куда тябе, брат, такога дурачину: ты только там людей насмешиш, а нам чериз тябе будить совисна» (Добровольский, 30).⁸⁵ «Э, ты, кажыть <старший брат>: дурак ты, дурак! — куды ты поедиш? хйба тебе работы дома нема? От, я табе работу, кажыть, дам, коли табе нечего робить дома!» — и дает ему явно в издевку работу: до их возвращения перебрать (отделить) смешанные в куче маковые зерна и песок (Романов, VI, 53).

Когда же Иванушка-дурочок как бы вскользь лукаво намекает, что, может быть, он и есть тот «рыцарь», о котором с таким восхищением рассказывают возвратившиеся с ристалища братья, последние воспринимают это как очередную, ни к месту произнесенную дурацкую шутку: «Браты аж за животы берущя та сміюцця» (Гринченко, I, 161), и грубо обрывают его: «Куда к черту тебе быть! Сиди, дурак на печи да протирай нос-от» (Афанасьев, 179); «О, де тобі дурньови таким бути» (Левченко, 490); «Ах, дурачица ты: тябе там ни достанитца етыга дайжа пасматреть!» (Добровольский, 30).⁸⁶

Как в эпизоде на могиле отца, так и здесь Иванушка-дурочок

⁸³ Чубинский, 70 — переехать «шлянный» мост; Смирнов, 222 — эпизод состязания опущен.

⁸⁴ Афанасьев, 182 — братья приглашают дурака ехать с ними, но он отказывается, заявляя: «Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов да набью галок — и то собакам корм» (ср.: Записки, I, 54).

⁸⁵ Ср. также: Записки, II, 23; Ончуков, 68; Соколовы, 93; Смирнов, 8; Куприяниха, 6; Красноженова, 23; Ковалев, 5; Акимова, 369; Башк., 10; Никифоров, Ск., 114; Левченко, 490. Чубинский, 70 — братья посылают дурня в поле свиной пасти.

⁸⁶ Ср.: Афанасьев, 182; Записки, I, 54, II, 23; Ончуков, 68; Зеленин, Вятск., 114; Соколовы, 63; Смирнов, 8, 38; Карнаухова, 45; Куприяниха, 6; Красноженова, 23; Рождественская, 71; Ковалев, 5; Акимова, 369; Карельск., 12; Комовская, Пред., 84; Башк., 10; Никифоров, Ск., 111, 125; Чубинский, 73.

остаётся «себе на уме». Он ловко проводит надменных и излишне самоуверенных братьев и их строптивых жен, которым и невдомек, что его невинные отлучки из дома в день ристалища (обычно под видом грибника) есть не что иное, как хитроумный «отвлекающий маневр». Что же происходит на самом деле? Выйдя за деревню в поле, Иванушка-дурачок вызывает чудесного коня, в одно ухо его влезает, в другое вылезает и делается таким молодцом (укр. — козаком), что, как говорит сказка, «ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать» (Афанасьев, 182), «и братьям не узнать» (Афанасьев, 179), «сам себе не пізнав в дорогій одежі» (Афанасьев, 184), «що й не придумати!» (Гринченко, I, 161).⁸⁷

На этом коне, который служит Иванушке-дурачку так же прилежно и верно, как служил и его отцу, он при третьей поездке доскакивает до царевны, получает от нее знак (кольцо, печать на лоб и пр.) и, не узнанный народом и братьями (которых, кстати сказать, каждый раз достигая на пути, изрядно поколачивает «за тос, што яны яго глумяць» — Афанасьев, 181),⁸⁸ возвращается домой, вновь принимая прежний вид: в одно ухо коню влез, в другое вылез — «обярнувся знов таким паршивым, як и був» (Романов, VI, 53). Однако на сей раз дело приобретает иной оборот, и Иванушку-дурачка «разоблачают». Типичная сцена такого «разоблачения» дана в сказке «Сивка-Бурка» (Афанасьев, 179), ею мы и ограничимся.

На первом и втором балу, созванном царем, где среди многочисленных гостей — бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян — находятся и три брата, царевна не может отыскать своего суженого. На третий день собрали третий бал и опять царевна «стала из своих рук подносит гостям пиво; всех обопла, никто не утерся ширипкой. „Что это, — думает она себе, — нет моего суженого!“». Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво! Иван-дурак выпил, да и утерся ширинкой. Царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит: „Батюшка! Вот мой суженый“. Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: „Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены“». Раз-

⁸⁷ Перевоплощение героя путем влезания в ушко коня характерно и для большинства вариантов. Исключение Чубинский (70, 71, 72, 73) — об изменении внешности героя вообще не говорится, хотя это изменение и подразумевается. Мотив перевоплощения несколько своеобразно подан в другой сказке: «Выскоцил конек — в ноздрях искры, в ротах пламя. Ванька к коньку сунулсе в ухо — намылсе; в другое сунулсе — накрутилсе. Сел на конька да и поехал» (Карельск., 12).

⁸⁸ В каком глупом и смешном положении оказываются после дорожных приключений умные братья-хвастунишки, можно видеть из украинской сказки (Чубинский, 70), иронический тон которой весьма примечателен для подобного рода пассажей в других сказках.

говоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу».

В сказках, продолжением которых является выполнение Иванушкой-дурачком трудных задач, его перевоплощение в доброго молодца наступает позднее, после того как он с помощью коня достанет царю свинку-золотую щетинку, лань золоторогую, кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами и другие чудесные предметы и разоблачит двух знатных и тщеславных царских зятьев-лжецов. Эта заключительная часть сказки во многом переключивается со сказкой о Незнайке.

2. Иванушка-дурачок — караульщик сада (поля, луга). Этот мотив типичен для сказок «Конек-горбунок»; в сказках о «Сивке-Бурке» он почти не разрабатывается.⁸⁹

Вслед за старшими братьями, не сумевшими не только поймать, но даже заметить таинственного вора, в ночной караул напрашивается Иванушка-дурачок. «Де тебе, глупому укараулеть! — с досадой говорит отец. — Умные ти проспали, ничего не видали, а тебе уж и вовсе не видать» (Садовников, 60; ср.: Комовская, Пред., 80; Шейн, 134). Однако Иванушка твердо стоит на своем и его отпускают. Вступив на вахту, он, не в пример своим братьям, преодолевает сон, прибегая порой к изобретательным способам: «Допіро він приходит до тисі стырты, сів собі коло неї, взяв, наломыв собі сосны и кругом себе настромяв, щоб сосна ёго колела, щоб він не заснув. Як прихилитця він на одын бік, задрімавши — сюда сосна коле; як похилитця на другый бік — и сюда сосна коле: не може заснуты» (Чубинский, 78).

Незаурядную сообразительность и упорство проявляет Иванушка-дурачок и в изловлении чудесного вора (вредителя посевов и пр.): кобылицы (Садовников, 60; Куприяниха, 1; Тамб., 7; Романов, III, 38, вариант; Шейн, 134), морского коня (Чубинский, 78), Жар-птицы (Комовская, Пред., 80): «Как пришел поздний вечер, Ванюшка слез с печи подходит к столу, не умаливат никому, взял хлеба каравай, отрезал круг каравая ломоть и пошел во чистбе поле. Сидит за кустом, управляется с ломтем (кружит его). И вдруг на пшенице осьяило: прибегает кобылицалатыница. Вот он к ней ближе и ближе, ползком да ползком. Она пшеницу мнет и колосья рвет, а Ванюшка поближе ползет — доп ее за гриву! Скочил на нее верхом, садится к голове спиной, а к хвосту лицом; левой рукой поймал за хвост, а правую рукою бьет по крутым бедрам. Вот эта же кобылица по полю летала, шибко прыгала и бежала: хотелось Ванюшку с себя уронить, и до смерти его убить. Нет, Ванюшка сидит ни в чем невредим.

⁸⁹ Исключения: Рождественская, 71; Калия, стр. 103—112.

Сколько ни рыскала — остановилась, Иванушке покорилась» (Садовников, 60).

Среди коней, подаренных или приведенных с собою пойманной кобылицей (морским конем), умные братья выбирают (воруют — Садовников, 60; Господарев, 9; Тамб., 7; Шейн, 134) для себя лучших, а Иванушке-дурачку достается самый что ни на есть захудалый на вид жеребенок, который в русских, а отчасти в белорусских сказках зовется Коньком-горбунком. Шерсть у коня длинная, горб большой, сам кошлатый. Внешне некрасивый и даже уродливый, он тем не менее, как Сивка-Бурка, обладает непревзойденными чудесными качествами. Это вещей конь, добрый наставник, советчик и помощник героя. Он наделен человеческой речью, бег его фантастически быстр: «Пока волос прогорит, так он тысячу верст улетит»; стоит коню фыркнуть, как кипящее молоко (вода) моментально остывает.

Случайная находка Иванушкой-дурачком пера Жар-птицы и неисполнение предупреждения верного друга-коня: «Не бери пера, будет беда», представляет одно из важных звеньев в общей цепи приключений героя. По навету клеветников и завистников (тех же братьев, дворцовых слуг, министров), Иванушке-дурачку приходится выполнять трудные задачи царя (пана, отца): доставать для него различные диковинные предметы (Жар-птицу, золотую клетку, ката-игруна, гусака-плясуна, лисицу-цимбалку, перстень, оброненный в море, и пр.), красавицу-невесту.⁹⁰ И все же, в конце-концов, благодаря тому же коню дело оборачивается для героя самым счастливым образом: ему по праву достаются и диковинные предметы и красавица-невеста, а царь и его злые советчики наказываются.

Таким образом, и здесь насмешки и издевательства окружающих над Иванушкой-дурачком бьют мимо цели.

Вполне логическое обоснование находит появление главного героя с именем Иванушки-дурачка в сказках о «Волшебном кольце» (Андреев, 560).⁹¹ В этих сказках Иванушка-дурачок обычно выступает единственным, а не младшим сыном в семье и его приключения связываются не с волшебным конем, а с чудесными собакой (псом, кобелем) и кошкой (котом).

Мать, отправляя сына в город (на базар) каждый раз вручает ему деньги на покупки. В зависимости от материального состояния семьи (а оно в сказках различно) сумма этих денег колеблется: она может быть и очень большой и ничтожной. Но как в том, так и в другом случае, с точки зрения житейской практичности сын совершает непростительную глупость (недаром же он и слывет дураком), когда за баснословные деньги или буквально

⁹⁰ Чубинский, 78 — подоить двенадцать кобылиц, вскипятить молоко и искупаться в том молоке.

⁹¹ Афанасьев, 566; Садовников, 5; Зеленин, Вятск., 9; Смирнов, 283, 304; Малишка, 35.

на последние гроши выкупает жестоко избиваемых или обреченных на смерть животных. Однако сама сказка по справедливости оценивает этот высоко гуманный поступок и в своих симпатиях полностью находится на стороне героя.

Несколько механически и произвольно, как представляется нам, вписывается Иванушка-дурачок в некоторые сказки о «Трех царствах»,⁹² где господствующим, типичным и древнейшим персонажем является не иронический удачник, а богатырь, с чудесного рождения наделенный титанической силой. Появление же в этих сказках Иванушки-дурачка есть не что иное, как дань позднему времени, в значительной степени объясняемой все возрастающей популярностью этого героя в фольклорной традиции восточных славян.

Возможно, что та же причина повлияла на частичную замену действующих лиц Иванушкой-дурачком в сказках на сюжеты: «Ночные пляски» (Андреев, 306), «Девушка, встающая из гроба» (307), «Чудесное бегство» (313), «Звериное молоко» (315 А), «Неверная жена (315 *В), «Хитрая наука» (325), «Мальчик-с-пальчик у великана» (327 В), «Ивашка и ведьма» (327 С), «Царевна-лягушка» (402), «Медный лоб» (502), «Шесть чудесных товарищей» (513 А), «Летучий корабль» (513 В), «Верный слуга» (516), «Иван-деревиц и серый волк» (550), «Молодильные яблоки» (551), «Благодарные животные» (554), «Чудесные дары» (563), «Рога» (566), «Чудесная птица» (567), «Диво-дивное, чудо-чудное» (571), «Чудесная скрипка» (592).

Итак, Иван-дурак волшеббно-фантастической сказки вовсе не дурак в прямом смысле этого слова, а искусно замаскированный идеальный герой, которому, по словам А. Н. Веселовского, не мешают «обыкновенно устраиваться умнее и выгоднее умных».⁹³ Между прочим, на эту характерную черту популярного сказочного образа иногда прямо указывают в процессе рассказывания сказки и сами сказочники: «А Иван был дурак, но очень умный» (Ончуков, 241); «Дурак он дурак, а знает, что сказать» (Акимова, 369); «Дурак, а умнее всех» (Парилов, стр. 14); «Дурак, а он всех хитрее делает, хоть когда» (Китайник, стр. 184); «Его глухим считают, а он хитрый» (Никифоров, Ск., 125).

Солидаризуясь с Е. М. Мелетинским в том, что в идеализированном образе Ивана-дурака парод выразил протест против захвата старшими (двумя братьями) богатства рода и семьи, К. С. Давлетов продолжает: «Не случайно, что идеализация младших членов семьи соединяется в сказке с идеализацией „смей-

⁹² Ончуков, 241; Китайник, 7; Драгоманов, 4; Романов, III, 10 и варианты 1. 12. 26; Шейн, 60.

⁹³ А. Н. Веселовский, Собрание сочинений, т. XVI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 123.

ственности“, родовой организации вообще. Дурак, несмотря на все козни своих братьев, обычно подчеркнуто миролюбиво обходится с ними в конце сказки, прощает и одаривает их».

На основании такого утверждения автор торопится делать вывод: «Здесь проявляется не идеология всепрощения, как требовалось с точки зрения христианской морали, а принципиальная защита родственных отношений, противопоставление их материальной эгоистической „корысти“, своеобразный вызов классовому обществу и его морали». ⁹⁴

Непосредственное же обращение к сказкам показывает, что Иван-дурак обычно как раз и не прощает братьям и тем более не одаривает их, а, напротив, или (реже) собственноручно наказывает их за вероломство, причем очень жестоко, или (чаще всего) остается безучастным к их судьбе, предоставляя право самому царю-тестю (или родному отцу) учинить над ними расправу, и только в редких случаях прощает их. ⁹⁵ Искусственная «идеализация» поведения Ивана-дурака по отношению к его братьям никак не подтверждает ни того, что отстаивает К. С. Давлетов, ни того, что он опровергает, ибо и то и другое покоится на незнании материала.

Проникновение образа Ивана-дурака в волшебнo-фантастическую сказку относится, по всей видимости, к сравнительно позднему времени и не исключено, что произошло это не без влияния новеллистической (анекдотической) сказки. Отсюда, однако, не следует, на наш взгляд, делать столь решительное заключение, что «Иван-дурак взламывает всю систему образов и поэтический стиль волшебного повествования». ⁹⁶ Если бы это было действительно так, тогда вряд ли мы могли сказки с таким героем относить к «волшебным». В том то и дело, что Иванушка-дурачок входит в волшебнo-фантастическую сказку, ничуть не ломая ни ее образной системы, ни тем более ее стиль, и лишь придает ей некоторую специфическую окраску.

⁹⁴ К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 152.

⁹⁵ Показательно, например, что в сборнике Худякова из семи сказок с участием двух братьев-злодеев (№№ 2, 3, 10, 61, 90, 113, 114) только в двух они избегают наказания (в № 2 они просят у Ивана-царевича прощения и тот прощает их; в № 61 вместо братьев наказывается присоединившийся к ним Белый богатырь), в пяти же сказках братья наказываются, причем в четырех — царем (в № 3 — братья размыкиваются по полю, в № 10 — «сбиваются с глаз долой», № 90 — остаются «в самом низком месте», № 113 — становятся в пастухи) и только в одной — самим героем (№ 114 — братья сбрасываются в ров). Примерно такую же картину мы наблюдаем и в других сборниках сказок, как русских, так и украинских и белорусских. Обычная традиционная мера наказания братьев — размыкивание конями по чистому полю (см., например: Рудченко, I, 54, 56; Романов, III, 12, 42, и др.).

⁹⁶ В. П. Аникин. Русская народная сказка. М., 1959, стр. 191.

К числу «иронических удачников» принадлежит также Емеля-дурак — главный герой сказки «По щучьему велению» (Андреев, 675).⁹⁷

Этого героя знает уже лубочная сказка XVIII—начала XIX в.⁹⁸ Она-то, по всей видимости, и придала известную стабильность сюжету и основному образу народной сказки позднейшей записи. Во всяком случае варианты сказки на тему «По щучьему велению» оказываются настолько близкими друг другу, что совпадают даже в подробностях.

В самом общем виде сказка развивается по следующей сюжетной схеме: Емеля (и пр.) вылавливает чудесную рыбу, говорящую человеческим голосом. Рыба просит пощадить ее и отпустить обратно в воду. Емеля выполняет ее просьбу, за что она сообщает ему магические слова, по произнесению которых выполняются все его желания. По приказанию царя Емеля вместе с царевной сбрасывают в бочке в море, но он спасается.⁹⁹

Сказок на тему «По щучьему велению» у восточных славян записано сравнительно немного (больше всего у русских) и почти все они переданы с юмористическим, а некоторые и с сатирическим оттенком.

Герой сказки Емеля представляется лентяем, непробудным сонней, дураком и неряхой. День-деньской он лежит на печи, «перебирает сажу» и спит «по несколько суток непробудным сном» (Ковалев, 6); «На печке много спал. Много ел хлеба и песни играл, а горюшка не знал. Завсегда был веселый» (Тамб., 12); «сидит на печке да золу с кирпичами перетирает» (Тумилевич, 15); «Сидит на пече, сморкатца, да на кулак сопли мотат» (Кра-

⁹⁷ Емеля-дурак, Емельян (Афанасьев, 165); Омеля (Жив. ст., стр. 232—234); Емеля-дурак, Емеля, Емелюшка (Зеленин, Пермск., 63; Тамб., 12); Омеля Лелекоской, Омелянушко (Зеленин, Вятск., 23); Амелян-дурак (Калинников, 17); Амеля, Амеленька, Амелюшка (Красноженова, 6); Омеля-дурак, Омеля (Господарев, 10); Емеля-дурак (Ковалев, 6); Омелька (Чубинский, 23). В других вариантах героя называют: Ванюшка-Дуринюшка (Смирнов, 113), Иванушка-дурачок (Смирнов, 336; Тумилевич, 15; Никифоров, Ск., 10), дурный Бартко (Левченко, 489), купецкий сын-дурак (Левченко, 491), дурак (Афанасьев, 166), дурень (Романов, VI, 28; Fedegowski, I, 582, II, 38), парубок (Гринченко, II, 26), бабий сын (Kolberg, 75), бедный мужик (Афанасьев, 167). Имя Емели также изредка встречается в народных анекдотах (Афанасьев, 462, 477). Красноженова, 15 — Амеля-цыган, мнимый освободитель царевны от морского чудовища.

⁹⁸ См.: Сказки русские Тимофеева, стр. 312—345 (сборник неоднократно переиздавался в начале XIX в. под различными названиями). Сказка перепечатывалась: Ровинский, I, 59; Афанасьев, 165.

⁹⁹ В варианте (Красноженова, 6) Емеля, вместо того чтобы быть сброшенным в море, выполняет трудные задания царя. Эпизод сбрасывания в море также отсутствует: Тумилевич, 15; Романов, VI, 28 (продолжением сказки в сборнике Романова служат сюжеты: Андреев, 300 В, 513 А).

сножепова, 6); сидит «на пещу в попіль» (Левченко, 491).¹⁰⁰ В другой сказке (Чубинский, 23) пребывание Омельки на печи мотивируется тем, что-де он дурак, а раз так «ёму нема ні чобіт, ні картуза, ні кожуха — на печі сыдыть босы и нічого».

Живет Емеля в небольшой деревенской трудовой (Левченко, 491, — купеческой) семье, где лишь изредка упоминаются родители, но почти постоянно — два умных и практичных брата и их жены.¹⁰¹ Члены семьи относятся к Емеле как к дураку с некоторым презрением и в то же время снисходительно, с чуть за- таенной насмешкой.

Отлучаясь из дому, братья наказывают (приказывают) Емеле присматривать за скотиной («глядеть худоби» — Чубинский, 23), помогать по хозяйству женам, слушаться и почитать их, за что обещают (когда отлучка братьев связывается с поездкой на ярмарку, на базар, в город; в «нижние города» — Афанасьев, 166) привезти ему в подарок красный кафтан, красные сапоги, красную шапку (Афанасьев, 165; Жив. ст., стр. 232—234), красные сапоги, красный кафтан, красную рубашку (Афанасьев, 166), красную шапку, красный кафтан, красные сапоги, красную опояску (Зеленин, Пермск., 63), красный кафтан, красную шапку, красную подпояску да еще гостинцев (Ковалев, 6); в украинском варианте — свиту, кожух и чоботы (Чубинский, 23).¹⁰²

Обещанные подарки соблазняют Емелю и он от радости, как говорится в одной сказке, даже «захлопал в ладоши» (Ковалев, 6), по возложенные на него поручения он, как правило, выполняет с неохотой и дело не всегда обходится без уговоров, посул, упреков и угроз со стороны невесток. На просьбу невесток сходить по воду Емеля, полеживая на печи отвечает: «Да, а вы-то что?... Я ленюсь!» (Афанасьев, 165); «А мне и здись тепло» (Жив. ст., стр. 232—234); «Я не пойду вам по воду! Я ленюсь!» (Зеленин, Пермск., 63); «А ф чѣм пойду? Не лаптей, не онуч, не чажелкѣ, печевѣ, не топорѣ!» (Зеленин, Вятск., 23); «Не замайте. Спать очень хочу. И сами не барыни, сходите по воду» (Ковалев, 6).

Ответ Емели возмущает невесток: «Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!... Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет

¹⁰⁰ Об отлеживании Емели на печи также говорится: Афанасьев, 165, 166; Жив. ст., стр. 232—234; Зеленин, Пермск., 63; Зеленин, Вятск., 23; Калинин, 17; Господарев, 10; Kolberg, 75.

¹⁰¹ Рудченко, II, 26; Kolberg, 75 — герой живет вместе со своей матерью; Афанасьев, 167 — бедный мужик-одиночка; Смирнов, 336 — вместо двух жен братьев фигурируют их сестры.

¹⁰² Афанасьев, 165; Зеленин, Пермск., 63 — братья выманивают у дурака Емели сто рублей, доставшиеся ему от отца в наследство, обещая привезти за это названные подарки. В сказке «Емелюшка-дурак» (Тамб., 12) эпизод с отъездом братьев отсутствует; сказка начинается с того, что невестки посылают Емелю за водой.

воды, то и сварить ничего нельзя» (Афанасьев, 165). И они угрожают ему: «Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они придут, что хотя и купят они красный кафтан и все, но чтоб тебе ничего не давали» (Афанасьев, 165; ср.: Жив. ст., стр. 232—234; Ковалев, 6) и даже прибегают к физической силе: «Онна взяла сноха кльошку, другая бжок, да давай через чело в ж. у тькать» (Зеленин, Вятск., 23), а не то — ласково уговаривают: сходишь по воду — «мы тебе блин подмаслим» (Романов, VI, 28).

В конце концов Емеля отправляется за водой. Соскочив с печи, он надевает опорки, «худой кафтанишка, весь умазанный в саже, а шапку», добавляет сказочник, «он никогда не носил, потому что у его волосы стояли, как веретёна, умазанные в саже» (Ковалев, 6).¹⁰³

Картинно изображается также выступление Емели на речку в сказке А. Т. Краева (Зеленин, Вятск., 23): «Нашёл он онучёшка, нашол отопчёшка, обул; обулся, тяжолчбощко оболók, подпойсал онучёшко, наложил колпачёшко, заткнул (за пояс) тупичёшко. Берет он с залáвочка ведерца, а с бёлых грядочёк — коромысличё.

Пришёл к Дунай-рекё, розмахнул широкó, — ничевó не зачерпнул. Это ведёрко поставил, другбё розмахнул, — пшúчку и зачерпнул».

Как здесь, так и в подавляющем большинстве вариантов, свой поход Емеля совершает на речку (колодец — Афанасьев, 167; криницу — Kolberg, 75), но только безымянную, за водой,¹⁰⁴ причем преимущественно в зимнюю пору¹⁰⁵ и вылавливает щуку (золотую щуку — Смирнов, 336; щуку-золотую рыбку — Господарев, 10; золотую рыбку — Kolberg, 75; рыбу — Левченко, 491), которая оказывается вёщей.

В единственном варианте (Рудченко, II, 26) мать посылает своего сына лежебоку не за водой, а удить рыбу. Оригинальное начало этой сказки передается так: «У однийі жінки був син

¹⁰³ Вполне вероятно, как это предполагает Э. В. Померанцева (Ковалев, стр. 318), что данный портрет мог быть подсказан сказочнику изображением Емели на лубочной картинке.

¹⁰⁴ Река Дунай упоминается еще в украинском варианте (Левченко, 489), но в связи со сбрасыванием в нее бочки с дураком и его женой, что, между прочим, происходит в дальнейшем и в сказке А. Т. Краева.

¹⁰⁵ На это или намекается, как например в сказке А. Т. Краева (Зеленин, Вятск., 23), или об этом прямо говорится, например: «Емеля собрался по воду, взял ведра, надел на коромысло, пошел (зимою) по воду на реку. Женщины берут из той пролуби; он выбрал себе другую, новую пролубь. Подходит щука в пролубь; берёт её руками, выбрасывает её на лёд» (Зеленин, Пермск., 63), «Поставил <Амельян> ведра, карамыслом абрубил пролубку» (Калинников, 17), взял секиру «прорубить ополонку» (Чубинский, 23). Ср.: Афанасьев, 165, 167; Смирнов, 113; Господарев, 10; Тамб., 12; Тумилевич, 15; Никифоров, Ск., 10; Левченко, 491; Federowski, I, 582.

парубок, и він раз сидів на печі: мати йому проготує на цілий день горщик кисілю и бухан хліба, то він там собі поїсть, та й сидить. Ото вже їйї остило його годувати своїм хлібом, вона достала йому удку, та й каже: „На тобі удку, та піди собі риби лови, а то вже не дам тобі кисілю“. Ото він и пішов. От, прийшов до річки, закинув удочку у ріку, а сам ліг спать. Коли прокидаєця, так як над вечір, — аж така риба заплуталась здорова! Він їйї витяг на берег...».

Для голодного Емели случайно пойманная щука — большое и радостное событие. И он уже мечтает, как он ее сварит, какая сладкая выйдет из нее уха (Красноженова, 6; ср.: Афанасьев, 166, 167), или — какой пирог из щуки испекут ему невестки (Ковалев, 6) и т. п. Но щука вдруг просит его человеческим голосом не есть ее, а отпустить обратно в воду, обещая дать за это все, что только Емеля пожелает.¹⁰⁶

Таким образом, перед Емелей-дураком возникает дилемма: либо забить и съесть рыбу и тем утолить мучивший его голод, либо отпустить ее, поверив обещанному чуду. И он выбирает второе, проявляя тем самым свое великодушие, бескорыстие и доверие к беззащитному существу, за что сторицей вознаграждается.

Щука сообщает Емеле магическую формулу исполнения любого его желания: «По щучьему велению, по моему прошению (хотению)» (Афанасьев, 165, 166; Зеленин, Пермск., 63; Смирнов, 336; Калинин, 17; Красноженова, 6; Ковалев, 6; Тамб., 12; Тумилевич, 15; Никифоров, Ск., 10); «По моему пршенью, по щучьему веленью» (Жив. ст., стр. 232—234; Господарев, 10); «Щуки веленіє, а моє вымышленіє» (Чубинский, 23), «По моему прошению, а по рыбацьему повелению» (Левченко, 491); «По ба́тюшкину бла́словенью по ма́тушкину бла́славленью, по шпíучинькиному повеленью» (Зеленин, Вятск., 23); «По пуччиму изъявленію, по матушкиным породженію, по батюшкиным благослуveníю» (Романов, VI, 28); «За господським дозволінням, за рибьячим приказанням» (Рудченко, II, 26); «Na szczyrakowa kazanie, na majo walanie hiéchai stanie toje a tojo (Federowski, II, 38); «По щучьему велению (повелению), по божьему благословенью» (Афанасьев, 167; Смирнов, 113); «За во́зъм розволиніем за гувіем pomożienem» (Kolberg, 75).¹⁰⁷

¹⁰⁶ Левченко, 491 — рыба вначале пытается откупиться деньгами (дать «много грошей»), но герой решительно заявляет: «Не! Я не хочу грошей», а просит сделать так, чтобы «кововки» сами шли из воды до дома.

¹⁰⁷ Как видно, три последние формулы носят религиозный оттенок. Налет поздней христианской морали особенно заметен в начале сказки «По щучьему веленью» (Афанасьев, 167), где бедному и убогому человеку за усердное соблюдение постов и исполнение молитв бог ниспосылает в светлое воскресенье вещью щуку и та приносит ему достаток и счастье. Формулу «По щучьему веленью, по божьему благословению», которую

Какие же желания диктует вещей щуке ее спаситель? Он хочет, чтобы по щучьему веленью, по его прошенью (и пр.): ведра (коновки, казаны) сами шли с речки: «идите, ведра, сами домой» (Господарев, 10);¹⁰⁸ топор (секира) сам дрова рубил, а дрова сами таскались: «Ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь» (Афанасьев, 165);¹⁰⁹ сани (воз, печь) сами ехали в лес, топор дрова рубил, а они на сани складывались: «идьте, сани, в лес по дрова... топор, руби дрова! дрова кладитесь в сани да вяжитесь сами!» (Жив. ст., стр. 232—234);¹¹⁰ цепы сами шли за гумно молотить (Federowski, II, 38); дубинка (булава, кукова) расправилась: 1) с горожанами, не уступающими ему дорогу: «выходи, дубинка, и обломай им руки и ноги» (Жив. ст., стр. 232—234).¹¹¹ 2) с царскими (королевскими, боярскими) посланцами: «явись, дубинка, и угости царского слугу и нашего старосту хорошенько» (Ковалев, 6);¹¹² на печи (бочке) ехать к царю (королю, боярину): «щоб оця піч стала у царя на обіді!» (Рудченко, II, 26);¹¹³ дочь царская (королевская, боярская, панская) влюбилась в него (реже — родила ребенка, была его «обрушницею»): «чтоб сполюбила меня боярская дочь!» (Господарев, 10);¹¹⁴ бочку (скриню) вынесло на бе-

А. М. Смирнов в статье «Иванушка-дурачок» («Вопросы жизни», 1905, № 12, стр. 54) назвал «обычной присказкой всех чудесных подвигов дурачка», никак не может быть отнесена к таковой, поскольку применение ее в сказках носит весьма ограниченный характер. Выдавая эту формулу за «обычную», автор тем самым намеренно стремится подчеркнуть высокую религиозную настроенность сказочного героя.

¹⁰⁸ Ср.: Афанасьев, 165, 166; Жив. ст., стр. 232—234; Зеленин, Пермск., 63; Зеленин, Вятск., 23; Смирнов, 113; Калининков, 17; Красноженова, 6; Ковалев, 6; Тамб., 12; Тумилевич, 15; Никифоров, Ск., 10; Чубинский, 23; Левченко, 491; Романов, VI, 28; Federowski, I, 582, II, 38.

¹⁰⁹ Ср.: Зеленин, Пермск., 63; Красноженова, 6; Ковалев, 6; Тамб., 12; Никифоров, Ск., 10.

¹¹⁰ Ср.: Афанасьев, 165, 166; Зеленин, Пермск., 63; Зеленин, Вятск., 23; Смирнов, 113, 336; Калининков, 17; Красноженова, 6; Господарев, 10; Ковалев, 6; Тамб., 12; Тумилевич, 15; Никифоров, Ск., 10; Чубинский, 23; Левченко, 491; Романов, VI, 28; Federowski, I, 582.

¹¹¹ Ср.: Афанасьев, 165; Смирнов, 113; Ковалев, 6; Тамб., 12; Левченко, 491.

¹¹² Ср.: Афанасьев, 165; Зеленин, Вятск., 23; Жив. ст., стр. 232—234; Господарев, 10; Тамб., 12; Тумилевич, 15; Никифоров, Ск., 10.

¹¹³ Ср.: Афанасьев, 165, 166; Жив. ст., стр. 232—234; Зеленин, Вятск., 23; Зеленин, Пермск., 63; Смирнов, 113, 336; Калининков, 17; Ковалев, 6; Тамб., 12; Никифоров, Ск., 10; Левченко, 491.

¹¹⁴ Ср.: Афанасьев, 165, 167; Жив. ст., стр. 232—234; Зеленин, Вятск., 23; Зеленин, Пермск., 63; Красноженова, 6; Ковалев, 6; Тамб., 12; Никифоров, Ск., 10; Рудченко, II, 26; Чубинский, 23. Украинская сказка (Левченко, 489) в отличие от остальных прямо начинается с того, что «шмаркати» Бартко, желая взять панцу-королеву замуж произносит заговорную формулу (каким образом эта формула попала к нему, сказка не объясняет): «За боскою помоцою, щоби тая панна мала хлопця», и женится на ней (ср.: Federowski, I, 582, II, 38).

реї: «дуйте, ветры буйны, да выкатите бочку на сухой берег по близости к королевскому дому» (Жив. ст., стр. 232—234);¹¹⁵ построился дворец (палац, дом, город): «палац такий, якого на цілым світі не будо ще» (Чубинский, 23),¹¹⁶ мост: «Ладьсе-ко мос чугунный вплоть до королевско дому и перила серебряные» (Жив. ст., стр. 232—234),¹¹⁷ дворец с садом, прудами и пр.: «Стань здесь богатый дворец — чтоб лучше во всем свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками»;¹¹⁸ сделаться красивым (умным, или и тем и другим): «сделаться самым красивым молодцом» (Ковалев, 6).¹¹⁹

И что бы ни захотелось Емеле, по щучьему велению, по его прошению все выполняется. Сами собой идут в избу ведра, наполненные водой, и становятся на лавку; молотят цепи; мчатся в лес сани, сбивая на своем пути прохожих; рубит топор деревья; складываются на воз поленья; бьет Емелиных недругов дубина; срывается с места печь и, проломив потолок, летит «быстрее птицы» к царю, только «дым валит столбом», да «искры сыплются», а на ней Емеля, укрывшись дырявым и залатанным кафтанишком, лежит и храпит, а не то во все горло «дурацкие» песни распекает; влюбляется в Емелю царевна да так, что дня прожить без него не может, «с ума сходит»; возводятся хрустальный дворец, чугунный (стеклянный) мост и т. д., наконец, сам Емеля делается таким красивым (и умным) что «ни в сказке сказать, ни пером описать», «просто кровь с молоком».

¹¹⁵ Ср.: Афанасьев, 165, 166, 167; Зеленин, Вятск., 23; Калинин, 17; Тамб., 12; Никифоров, Ск., 10; Чубинский, 23; Рудченко, II, 26; Federowski, I, 582, II, 38.

¹¹⁶ Ср.: Афанасьев, 165, 166; Жив. ст., стр. 232—234; Зеленин, Пермск., 63; Зеленин, Вятск., 23; Смирнов, 336; Калинин, 17; Господарев, 10; Ковалев, 6; Никифоров, Ск., 10; Рудченко, II, 26.

¹¹⁷ Ср.: Афанасьев, 165; Красноженова, 6; Господарев, 10; Никифоров, Ск., 10; Рудченко, II, 26; Чубинский, 26.

¹¹⁸ Ср.: Красноженова, 6; Тамб., 12; Левченко, 491.

¹¹⁹ Ср.: Афанасьева, 165; Зеленин, Пермск., 63; Красноженова, 6; Господарев, 10; Тамб., 12; Federowski, II, 38. Другие пожелания, встречающиеся только в отдельных сказках: «будь стол накрыт и обед готов», «пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень — у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на голове бриллиантовый», «пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана» (Афанасьев, 167). Желания проносятся, чтобы: «було горшище-киселища и бухан хліба», «пя піч стала коло криницы»; «оце письмо стало зараа у царя на столі» (Рудченко, II, 26), «батьку и ксендза сюда «на остров» привезти, чтобы попросить у батьки благословления, а чтоб ксендз — повенчал» (Чубинский, 23), «нагаркать» силу (войско) для войны с тестем — царем (Зеленин, Вятск., 23), много войско было для обмена на королевскую дочь (Смирнов, 336), «с печки не слезать» (Kolberg, 75), съевшие рыбу родили трех богатырей (Романов, VI, 28), «царь ни черта не рассудил, а домой опустил» (Красноженова, 6); сделать «склад! И в этом складе чтоб было все, за что ни хватись!» (Господарев, 10), сменить одежду на себе и жене (Никифоров, Ск., 10).

Все эти и другие «чудодействия» дурака Емели у одних вызывают удивление, а то и веселый смех, у других — недовольство, озлобление, страх.

В выполнении своих желаний герою неоднократно приходится сталкиваться и враждовать с окружающими его людьми — главным образом представителями эксплуататорских классов и их приспешниками. Основные его противники — это царь, король, боярин.

Почти во всех вариантах¹²⁰ поводом для открытого столкновения героя с высокопоставленным лицом служит поездка Емели на санях-самокатах по городу,¹²¹ в результате которой «много народу было побито».

В связи с этими обстоятельствами и независимо от них Емеля вступает также в конфликт с царем (королем, боярином) из-за его красавицы дочери.

Драматические коллизии, в которые попадает герой позволяют ему раскрыть свой недюжинный, трезвый, насмешливый ум, смелость, граничащую с дерзостью, а порой даже открыто с позиций трудового крестьянства выразить недовольство отдельными сторонами феодальной действительности.

В сказке «Про глупого Омелю» (Господарев, 10) герой отправляется за дровами в боярский лес, а когда стража пытается задержать, он приказывает: «„Ну-ка, дубинка, походи-ка у их по спинке, чтобы они знали, когда глупого Омелю задержали!“». Дубинка и стала ходить по плечам...».¹²² Вызванный к боярину Емеля на его грозный вопрос: «Как ты смел без спросу ехать в мой лес?», отвечает: «А вы что ж, лес рóстили? У вас много, а у нас совсем нет. Лес рос по природе и каждому можно рубить, а то у одного много, а у другого совсем нет!».

В качестве посланцев от царя (и пр.) к Емеле являются: слуга, прислуги (Ковалев, 6; Тумилевич, 15), офицер (Афанасьев, 165; Чубинский, 23), адъютант (Левченко, 491), полицейский (Жив. ст., стр. 232—234), министр (Господарев, 10), начальники (Зеленин, Пермск., 63), гонцы (Афанасьев, 166), солдаты (Зеленин, Вятск., 23), «несколько народу» (Смирнов, 113), два мужика (Никифоров, Ск., 10).

За немногими исключениями¹²³ первое посещение посланцев к Емеле оканчивается для них полной неудачей. Одних он отправляет обратно по-доброу по-здорову (Зеленин, Пермск., 63), иногда

¹²⁰ Исключения: Афанасьев, 167; Смирнов, 336; Kolberg, 75; Левченко, 439; Романов, VI, 28.

¹²¹ Господарев, 10 — к этому присоединяется эпизод самовольной порубки леса в боярских владениях.

¹²² Ср.: Federowski, I, 582 — дрова по повелению дурака «paugt wali, pazabi wali stražnikau i župo paklalisio na sani».

¹²³ Афанасьев, 166; Господарев, 10 — с первого же раза посланцы воздействуют на Емелю уговорами и различными соблазнами.

с наказом: «Нехай круль сам до мене прыйде» (Чубинский, 23); другие, изрядно побитые им за грубость, непочтение и попытку силой доставить его к царю, сами едва уносят ноги (а то и гибнут).

«И как приехал офицер «с солдатами» в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему: „Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю“. Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер вошел в избу и спрашивал: „Где дурак?“, а он, лежа на печи, отвечал: „На что тебе?“. — „Как на что? Одевайся скорей, я повезу тебя к королю“. Но Емеля говорил: „А что мне там делать?“. Офицер на него рассердился за неучтивые слова и ударил его по щече. Дурак, видя, что его бьют, сказал потихоньку: „По щучьему велению, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, обломай-ка им руки и ноги!“. Дубинка тотчас выскочила и начала их бить и перебила всех — как офицера, так и солдат. Офицер принужден был ехать назад» (Афанасьев, 165).

Близкую к этой картину рисует и сказочник И. Ф. Ковалев. Царский слуга, но уже не с солдатами, а с сельским старостой входят в избу к Емеле. Емеля на печке лежит. «Слезай!» — грозно приказывают они ему, а он отвечает: «Мне и на печке тепло. Зачем? Не замайте меня, я спать хочу» и продолжает храпеть. Тогда вошедшие силой стаскивают Емелю с печи, а он как закричит: «По щучьему веленью, а по Емелину прошенью, явись, дубина, и угости царского слугу и нашего старосту хорошенько». Явилась дубинка и «зачала пороть беспощадно и старосту и царского слугу» так, что они чуть живы выбрались из избы (Ковалев, 6). «Ну ты, сукин сын, чародейник!», грубо обращается царский адъютант к Емеле, а «той обзывается з педи: „Ну, булава! по моему прошенью, а по рибенному повиленью, іди дай ему пам’ятности“» Булава и давай его бить (Левченко, 491).

Емеля имеет дело с целым полком присланных за ним солдат: «Хто пушкам палит, хто тесакóm, — а чевó — ево нескóль не берёт». Емеля легко справляется как с этим полком, так и высланными вслед за ним двумя полками, а затем — и с двумя миллионами солдат (Зеленин, Вятск., 23; ср.: Смирнов, 113 — Емеля побивает «народ»).

Свое согласие на поездку к царю (и пр.) герой дает лишь в том случае, когда видит, что с ним обходятся по-человечески¹²⁴ и даже одаривают (или обещают одарить) лакомствами и напитками, в том числе: конфетами, семечками, пряниками, изюмом, черносливом, вишневыми ягодами, вишняком, вином, до которых он был охотник: «И приходит староста. Тот обманом: натациў ему карамели да закусок всяких, да изюму, и говорит:

¹²⁴ Про Емелю невестки говорят посланцу от короля: «Не любит он того, кто с ним грубо поступает» (Афанасьев, 165).

„Поди-ко, Омеля, к королю, тот тебя еще не так угостит“» (Жив. ст., стр. 232—234).¹²⁵

При встрече с царем (королем) Емеля, прекрасно осознавая свое преимущество перед ним, ведет себя свободно, независимо, с достоинством, как равный с равным.

«Для чего ты столько передал народу, как ездил за дровами в лес?», — спрашивает король Емелю. Емеля отвечает: «Я чем виноват! Для чего они не посторонились?» (Афанасьев, 165).

В варианте записанном от полуслеплого семидесятилетнего крестьянина Вологодской губ. М. Д. Третьякова (Жив. ст., стр. 232—234), ответ Емели на аналогичный вопрос звучит в более резком и, можно сказать, вызывающем тоне: «Ваше высококоролевство, я не хочу тебе повиноваться!».

В некоторых сказках король сначала журит дурака за то, что булавой много народу побил, а затем просит показать ее и испытать силу ее удара на москале (солдате). «Нє, — говорит герой, — я єго не можу бити, бо він мині нічого ни винип», и продолжает с издевкой: «От, я бы так вас, то я би позволив вибити!» (Левченко, 491).¹²⁶

В том же традиционном духе, но с еще большей классовой заостренностью, разрабатывается упомянутый эпизод в сказках пореволюционной записи (Господарев, 10, на что мы уже указывали, и Ковалев, 6).

В варианте Ковалева царь, встретив дурака Емелю, сидящего на печи («сидит на печи, широко разинув рот, а волосы стоят, как веретёна»), приказывает ему слезть оттуда. «Это зачем?», вопрошает герой, «мне и на печи тепло, я вас всех и с печи вижу. Что нужно, говори!». Царь задает ему уже знакомый нам вопрос: зачем так много народу «примял», когда на санях ехал? И Емеля с подчеркнутой грубостью отвечает: «А что они не отворачивают? И ты бы стоял, разинув свое хлебало, и тебя бы все равно замял».

Своеобразно разрабатывает сцену встречи героя с царем Л. В. Тумин (Тумилевич, 15) — сказочник, склонный, по словам собирателя, даже серьезным волшебным сказкам придавать комический оттенок: «Ваня к царю, а царь у него спрашивает: „Как ты мог людей потоптать, память?“ — Да как царь ногами

¹²⁵ Ср.: Афанасьев, 165; Господарев, 10; Ковалев, 6; Никифоров, Ск., 10; Чубинский, 23; Левченко, 491 (у Афанасьева и Господарева дополнительно к лакомствам обещаютшить для Емели красный кафтан, красную шапку и красные сапоги; ср.: Афанасьев, 166). Героя не прельщают ни «сахар сосучий», ни «смитки с сусаном» (сладкие пряники); во дворец он отправляется лишь тогда, когда царь по его требованию высылает ему «красные портки, красную рубаху, красные сапоги да красную шапку» (Тумилевич, 15).

¹²⁶ В дальнейшем король все же настаивает на своем и дубинка избивает солдата.

затопают. Ваня видит, что царь его хочет обидеть да как крикнет: „По щучьему веленью, по моему прошенью, ну-ка, бесись, царь“. Царь начал беситься: плясать, перекидываться. Увидела царская стража, что Ваня сделал с царем (а стража-то невидимая была) и зарубила его. А царь и до сегодняшнего дня бесится, никак не найдет место за престолом, куда ему сесть». Однако, какой бы оттенок ни носила эта встреча, она почти всегда оканчивается в пользу Емели, за которого царь (король, боярин) против своей воли, невзирая на недовольства, протесты и недовольствия родных («Як можно, шо круль свою дочку выдав за худобахалка?» — Чубинский, 23), вынужден согласиться выдать замуж свою дочь Правда, царь (король, боярин) предпринимает попытку выместить свою злобу на дураке Емеле, но эта попытка не достигает цели. Посаженный в бочку¹²⁷ вместе с «непослушной» царевной (королевной)¹²⁸ и брошенный в море (реку), герой «по щучьему велению» спасается, а всеми своими дальнейшими делами и поведением убеждает именитого и строитивого тестя, что он вполне достоин руки его дочери и царского (королевского) признания.¹²⁹

Итак, сказка о дураке Емеле в ее классических образцах разрабатывается в комическом плане. Комическое в ней достигается путем гиперболизации лени героя, его привязанности к печи, пристрастия к красной одежде и лакомствам,¹³⁰ а также подчеркнутого контрастирования его необыкновенного облика, образа действий и поступков с обликом, действиями и поступками окружающих его людей и всей обстановки.

Сказка об Емеле, завершающая цикл сказок об «ироническом удачнике», относится к той категории фольклорных произведений, где не только «легко предположить наибольшее участие свободного юмора»,¹³¹ но и нередко проглядывает острое жало сатиры и прорывается недовольство народа социальным порядком.

¹²⁷ В некоторых сказках (Афанасьев, 165; Ковалев, 6; Левченко, 491; Чубинский, 23) это достигается путем спайвания Емели вином.

¹²⁸ Господарев, 10 — боярская дочь сама добивается, чтобы ее забили в бочку вместе с возлюбленным: «Забивай <в бочку> и меня! Пусть я пропаду вместе, а не остану!».

¹²⁹ Почти все сказки о Емеле заканчиваются примирением его с тестем (последний, как правило, просит у зятя извинения и прощения). Исключение: Зеленин, Вятск., 23 — царя по приказанию Емели выводят в чистое поле и на воротах расстреливают, а пепел его (так!) развевается. Весьма агрессивно по отношению к королю настроен и герой украинской сказки: «Ну на що ж ти нас топив? По якіі причини?», — спрашивает он у короля и когда тот признается «я виноват», требует от него, чтобы все королевство было записано на них (т. е. на дурачка-зятя и его жену — царскую дочь), «а як не», (угрожает), «то я тебя пушу в воду так, як ты нас». Король «рад не рад», а все королевство так и «записал» на молодых (Левченко, 491).

¹³⁰ См.: Ковалев, стр. 318 (примечания Э. В. Гофман-Померанцевой).

¹³¹ А. Н. Веселовский, Собрание сочинений, т. IV, стр. 124.

По своему сравнительно позднему происхождению сказка об Емеле примыкает к фантастическим сказкам типа «Чудесные дары», «Двое из сумы», «Чудесная скрипка», «Чудесная мельница», стоящие на грани бытовых (новеллистических) сказок и сознательно использующие волшебное как художественное средство для раскрытия основной идеи произведения.

Вполне возможно, что Емеля, подобно Незнайке и Ивану-дураку, для сказочников являлся той удобной фигурой, посредством которой можно было доносить до слушателей свои сокровенные мысли, не очень опасаясь гонений со стороны царских властей, поскольку мысли эти вкладывались в уста дурака, а дураку что только не может взбрести на ум, дураку, как говорит пословица, и закон не писан.

* * *

В нашей научной и художественной литературе принято все три образа «иронических удачников», особенно Ивана-дурака и Емели, представлять в одном лице — Ивана-дурака. В таком случае Иван-дурак выступает как собирательный тип, концентрируя в себе общие и индивидуальные качества, присущие сказочным «ироническим удачникам».

Из ученых дореволюционного времени к образу Ивана-дурака так или иначе обращались М. Н. Макаров, И. П. Сахаров, П. А. Бессонов, Д. О. Шешинг, А. М. Смирнов и некоторые другие; многократно касались его и советские сказковеды. Однако, если не считать во многом устаревшей статьи А. М. Смирнова¹³² и раздела «„Низкий“ герой волшебной сказки» в книге Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки», где Иванушка-дурачок рассматривается в плане генетическом наряду с некоторыми другими персонажами сказок, специальных работ, посвященных этому образу, ни в нашей, ни в зарубежной фольклористике не было.

Несмотря на то что Дурачок как сказочный персонаж встречается в фольклорном репертуаре не только у восточнославянских, но и других народов Запада и Востока, большинство исследователей совершенно справедливо усматривают в Иванушке-дурачке русских сказок (понимая под «русской» сказкой сказки великоруссов, украинцев и белорусов) специфические национальные черты.

Каковы же эти черты, в совокупности образующие тип героя?

На поставленный вопрос ответы давались различные, в зависимости от того, какой политической, общественной и научной ориентации придерживался тот или иной ученый. Для буржуаз-

¹³² А. Смирнов. Иванушка-дурачок. «Вопросы жизни», 1905, № 12, стр. 5—73.

ной фольклористики начала XX в. весьма показательна трактовка образа Иванушки-дурачка, данная в только что упомянутой статье, где автор приводит большой фактический материал и высказывает ряд верных наблюдений. Собственно, статья А. М. Смирнова — первый опыт подробной характеристики одного из ведущих образов восточнославянского сказочного эпоса.

Вместе с тем в своих основных методологических посылах и обобщениях она ошибочна. И дело не только в том, что всех главных героев русских сказок автор сводит к единственной фигуре — Ивана-дурака и начисто стирает границы между дураком — «ироническим удачником» и типом «набитого дурака», но и пытается истолковать этот образ в заведомо тенденциозном духе. В Иванушке-дурачке А. М. Смирнов видит смиренное, всепрощающее, всеискупляющее, нищелюбивое и пассивное существо, которому «противно чувство вражды и злобы» и для которого «основанием всех нравственных чувств и отношений» служит его религиозность. «Вера в бога Иванушки, — утверждает автор, — наивна и беспредельна».¹³³

По справедливому замечанию Е. М. Мелетинского, апологетика Иванушки-дурачка как воплощения пассивности, допускаемая в статье А. М. Смирнова, «созвучна проповеди примирения и непротивления, которую вели философские последователи Достоевского и Толстого».¹³⁴

Подобно А. М. Смирнову, одностороннюю (отрицательную) оценку фольклорному образу давал одно время М. Горький, но образ этот, созданный «крестьянской массой, живущей в полной и вечной зависимости от сил природы»,¹³⁵ писатель использовал в борьбе с «непротивленцами» как «принятый символ „мудрости непротивления“ и пассивности».¹³⁶ Позднее в образе Иванушки-дурачка М. Горький сумел увидеть огромную силу поэтического обобщения и поставить его в один ряд с художественно совершенными типами мирового фольклора.

«Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микла Селянинович, Святогор, далее доктор Фауст, Василиса Премудрая, и р о н и ч е с к и й у д а ч н и к И в а н - д у р а к и, наконец, Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, черта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались р а ц и о и и н т у и ц и я, м ы с л ь и ч у в с т в о. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творчестве действительности, в борьбе за обновление жизни». И далее: «Герой фольклора — „дурак“, презираемый даже отцом и

¹³³ Там же, стр. 54.

¹³⁴ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958, стр. 229.

¹³⁵ М. Горький. О дураках и прочем. Литературно-критические статьи. М., 1937, стр. 155.

¹³⁶ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки, стр. 229.

братьями, — всегда оказывается умнее их, всегда победитель всех житейских невзгод». ¹³⁷

В последнее время Э. В. Померанцева высказала мысль о том, что положительный герой русских волшебных сказок будто бы представляет в сущности «один, единый обобщающий собирательный образ», независимо от того, именуется ли он Иваном-царевичем, или Иваном-крестьянским сыном, Покатиторошкой или Андреем-стрельцом, Незнайкой или даже Емелей-дураком. Исследовательница утверждает, что облик, поведение, судьба героя «в конечном счете одни и те же», что образ его, включаясь «в разнообразные фабульные схемы», воплощается «в сходные между собой конкретные образы» и что, наконец, при всем различии приключений героев «основная повествовательная линия сказок» остается единой.

«Мужественный, верный, красивый герой преодолевает все беды и невзгоды и завоевывает свое счастье, добивается победы. Герой этот один, независимо от того, рисуется ли он в экспозиции сказки как царевич, любимый сын царя, красавец, равного которому нет, или как всеми презираемый Незайка или Емеля-дурак... В последнем случае как бы „замаскированный“ первоначально положительный герой в конце повествования сбрасывает свою безобразную личину, превращается в красавца и молодца, достойного своей избранницы». ¹³⁸

Этому «одному, единому» образу героя Э. В. Померанцева противопоставляет положительные женские образы, которые, по ее словам, выглядят «разнообразнее. Каждый из них чарует, трогает, захватывает слушателя своими неповторимыми индивидуальными чертами». ¹³⁹

Точку зрения Э. В. Померанцевой на образ героя сказки повторяет К. С. Давлетов. «Действительно, — пишет он, — каждый из этих образов представляет собою только трансформацию единого сказочного образа, поставленного в различные обстоятельства и выполняющего различные функции». ¹⁴⁰ Считая, что Иван-дурак является «другой крайностью», другим «отклонением» от «реального Ивана-крестьянского сына» (первым «отклонением» был Иван-царевич), К. С. Давлетов продолжает: «Но народ, обращая его в конце концов в царевича или царя, сам хорошо показывает, что для него здесь, по сути дела, не два образа, а два полюса даже не образа, а скорее художественного процесса, единой художественной формы, единой „маски“. Только в одном

¹³⁷ М. Горький. Советская литература. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года. Собрание сочинений в 30 томах, т. 27, М., 1953, стр. 305. (Разрядка моя, — Н. Н.).

¹³⁸ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 88—89.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства, стр. 354.

случае она торжественна и возвышенна, а в другом — комична, в одном случае она плачет, а в другом — смеется».¹⁴¹

С основной мыслью Э. В. Померанцевой сглашается и Л. Барак, ставя, однако, в упрек исследовательнице то, что она «с излишней категоричностью» противопоставила образ положительного героя образам героинь с их якобы «неповторимыми индивидуальными чертами».¹⁴²

Один и единый обобщающий образ — что это — разные или одинаковые понятия? И можно ли «единый образ» сводить или приравнивать к образу, лишенному «неповторимых индивидуальных черт», как это делает Э. В. Померанцева, а вслед за ней К. С. Давлетов?

Нам представляется, что понятия «один» и «единый» образ — понятия различные, требующие строгой дифференциации. Образы основных героев сказки едины не в меньшей степени, чем образы былинных богатырей или «добрых молодцев» народных песен, поскольку те, другие и третьи выражают идеалы народа.

Однако свести героев сказки к одному лицу, сказать, что образ каждого из них является лишь «трансформацией единого сказочного образа», значит, на наш взгляд, очень прямолинейно и односторонне подойти к решению вопроса.

В известных поправках нуждается и тезис Е. М. Мелетинского, касающийся двух основных типов сказочного героя.

«Один из них, — утверждает исследователь, — эпический, его делают героем „благородное“ происхождение, юношеские подвиги и красота (Иван-царевич, например). Другой — „низкий“, „не подающий надежд“. Он занимает низкое социальное положение, плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват, но неожиданно совершает героические подвиги либо получает поддержку волшебных сил и достигает сказочной цели. Второй тип героя — сугубо демократический — особенно характерен для волшебной сказки».¹⁴³

Не подвергая сомнению правомерность такого деления, мы тем не менее считаем ошибочным относить к одному из признаков эпического героя его «благородное» происхождение. В самом деле, ведь ни Покатигорошек, ни Иван Сучич, ни многие другие богатыри этим признаком не обладают, а между тем они выступают подлинно эпическими героями «сугубо демократического» склада.

В отличие от сказок, где главными действующими лицами являются богатыри, сказки об «иронических удачниках» на первый план выставляют не физическую силу героя, а его моральные качества. Сказочные богатыри уже с рождения наделяются

¹⁴¹ Там же, стр. 355.

¹⁴² Л. Барак. История народной сказки. «Вопросы литературы», 1966, № 7, стр. 226.

¹⁴³ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки, стр. 213.

как физической силой, так и чародейством, в то время как «иронические удачники» приобретают чудесные способности лишь со временем благодаря своему нравственному превосходству над окружающими людьми. Именно за доброту, заботу и любовь, проявляемую к животным, неукоснительное выполнение отцовских заветов, бескорыстность Незнайка, Иван-дурак и Емеля-дурак приобретают себе чудесных помощников и благодаря им достигают исполнения своих желаний.

Богатыри сказок в такой постоянной помощи со стороны кого бы то ни было не нуждаются. В своих действиях они, как правило, опираются на собственные силы и всегда готовы постоять за себя и за попорченную справедливость. В сказках же об «иронических удачниках» носителем этой попорченной справедливости, страдательным лицом является сам герой, способный развивать деятельность и достигать цели только с помощью и при покровительстве волшебных сил. Приобретя чудесные качества, «иронический удачник» не спешит раскрыть свою подлинную сущность. До поры до времени он носит «маску» и исполняет своеобразную роль двойника, чего никогда не делает богатырь склада Покатигоропка или Ивана Сучича.

Но то общее, что объединяет «иронических удачников», не исключает различия между ними. Незнайка, например, в начале сказки выглядит совсем иначе, чем Иван-дурак и Емеля-дурак. Это обычный юноша, ни по уму, ни по одежде не отличающийся от своих сверстников. Личину дурня и замарашки он примет лишь впоследствии. Как и Иван-дурак, Незнайка является обладателем чудесного коня, но этот конь особый: он наделяет героя богатырской силой, что дает ему возможность подвизаться в качестве змеборца. Разница между Иваном-дураком и Емелей-дураком уже менее ощутима, но она безусловно есть. Емеля-дурак как сказочный тип «привязан» к сюжету «По щучьему веленью» и почти не переходит в другие сказки, тогда как тип Ивана-дурака — подвижный и круг сюжетов, в которых он выступает, довольно широк. Впрочем, как мы отмечали, типичными для него сказками являются: «Сивка-Бурка», «Конек-горбунок», «Свинка-золотая щетинка». И Иван-дурак, и Емеля-дурак наделяются многими, подчас, правда, напускными отрицательными качествами (ленью, беззаботностью, неряшливостью и пр.), однако никак нельзя сказать, чтобы эти качества в равной степени были присущи им обоим. Усиление по традиции одних качеств и ослабление других в образе родственных персонажей в данном случае Ивана-дурака и Емели-дурака, способствуют выделению и закреплению последних как определенно сложившихся художественных типов в сказочном творчестве восточных славян.

ПОМОЩНИКИ ГЕРОЯ

ЖЕНА (НЕВЕСТА) ГЕРОЯ

Помощники и союзники героя волшеббно-фантастической сказки многочисленны и многообразны. Он встречает их на каждом шагу и с готовностью пользуется их поддержкой в борьбе с коварным и могущественным противником.

Первым помощником и другом ему оказывается невеста (жена, реже — сестра, мать). Замечательным образцом верности и преданности герою служат женщины (девушки) сказок «Три царства: золотое, серебряное и медное» (Андреев, 301, А, В), «Кашеева смерть в яйце» (302), «Чудесное бегство» (313 А, В, С), «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (400 А), «Красавица-жена» (465 А, В, С), представленных большим количеством вариантов у русских, украинцев и белорусов.

В большинстве сказок женщины-помощницы героя выступают в роли богатых и именитых невест-царевен или королевен, нередко состоящих в близких родственных отношениях с такими сказочными существами, как Морской царь, Змей, Баба-Яга и т. п. Одни из них носят собственные имена, другие их не имеют и просто называются царевна, королевна, царская дочь. Среди собственных женских имен наибольшей популярностью в сказочной традиции у русских, украинцев и белорусов пользуются Елена (Алена), Марья (Марьюшка, Мария, Маня, Маша), Анастасия (Настасья, Настя) — царевны или королевны; кроме того, у русских — Василиса. Очень часто главное качество героини (внешнее и внутреннее) определяют постоянные эпитеты: к Елене и Анастасии обычно прикрепляется эпитет Прекрасная,¹ к Василисе — Премудрая.²

¹ Прекрасной (Красой), а иногда Премудрой называется Марья, но очень редко. Героинь с популярными именами Елена Прекрасная и Василиса Премудрая можно обнаружить уже в сказках сборников XVIII в.: Сказки русские Тимофеева («Сказка о лягушке и богатыре»), Лекарство от задумчивости («Сказка о семи Семюнах родных братьях»), Дедушкины прогулки («Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером волке»).

² Встречаются и такие формы: Настася-Прикрася (Романов, III, 14, 41, VI, 17), Настася-Пирикрася (Романов, VI, 33), Настася-Привокрася (Романов, VI, 39), Настя-Самокрася (Чубинский, 8).

В отдельных сказках героини называются: Елена-краса золотая коса (Зеленин, Пермск., 41; Коргуев, стр. 509—521; Гуревич, 35), Ялена золотоволосая (Яворский, 42); Марья-краса черная (долгая, руса) коса (Садовников, 4; Смирнов, 26; Карельск., 6; Смирнов, 11), Марья желтый цвет (Худяков, 63), Марья-царевна, Кисет-королевна (Азадовский, Верхн., 30), Настасья золотая (долгая) коса (Афанасьев, 129; Записки, II, 22; Тумилевич, 12), Василиса золотая коса, непокрытая краса (Афанасьев, 158).

В числе чудесных помощниц героя также изредка фигурируют женщины и незнатного происхождения, например, служанка по прозвищу Девка-чернавка.³

Наделенная сверхъестественными способностями, волшебством, женщина-помощница творит чудеса, выполняя за героя трудные задачи, поручаемые ему царем (паном и пр.), и вызволяет его из самых сложных ситуаций. Она указывает герою «сильную и бессильную» воду и тем самым обеспечивает ему победу над могучим противником; выведывает местопребывание смерти Кащея, обрекая последнего на верную гибель; спасаясь от преследователей, она обращает себя и мужа (нареченного жениха) в различные одушевленные и неодушевленные предметы: утицу и селезня, голубку и голубка, старика и ковш и т. п., но чаще всего — в церковь и попа (дьяка): «Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича — старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли» (Афанасьев, 219; ср.: 223 — укр.).

Женщина-помощница за ночь изготавливает чудные шелковые ковры, воздвигает хрустальные мосты и дворцы, достает из-за тридевяти земель, в тридесятом царстве оленя золотые рога, козу золотые рога, что «гуляет в заповедных лугах, сама песни поет, сама сказки рассказывает», кобылицу сивобурую златогривую и многое другое. Она же вручает своему возлюбленному предметы, с которыми тот отправляется «туда, не знаю куда» и разыскивает «то, не зная что».

Женщины-помощницы героя всегда представляются в идеальном свете. Правда, некоторые из них по собственному желанию или (чаще всего) по чьей-либо злой воле могут принимать внешне безобразный вид, но это только на время (например, в сказках «Царевна-лягушка», «Рога»). Сказка оттепляет в женщинах такие достоинства, как физическая и нравственная красота, верность долгу, постоянство, решительность, самоотверженность. Это — трудолюбивые, энергичные, сильные, жизнедеятельные на-

³ Этот персонаж особенно характерен для сказок на сюжет «Неверная жена» (Андреев, 315*В).

туры, умеющие постоять за себя, преодолеть любые препятствия на пути к личному счастью.

Среди чудесных помощников особое место принадлежит Бабе-Яге.

БАБА-ЯГА

Баба-Яга⁴ (реже: Яга́-, Яга́я-, Ига́-, Ега́-, Ба́ба) или сокращенно Яга́ (реже: Яга́я, Ега́, Ига́) — самое популярное название этого женского образа в сказках восточных славян. В Белоруссии (например, Романов, VI, 12, 35 и др.) и в отдельных случаях на Украине (Манжура, стр. 24—26) оно произносится и как Баба-Юга (в дат. падеже Бабе-Юзе). Зафиксированы и другие названия Бабы-Яги: Баба-Ягаба, Баба-Яга́бова, Егабиха (Ягабиха), Егабова (Ягабова), Егибаба (Ягибаба), Егиби́ниха, Еги́биха, Егибица, Еги́биш<с>на, Егиб́оба, Еги́-боба (Эгибоба, Еги́боба), Егибова, Ягивовна, Яи́цна-Баби́цна (все на русском Севере), Ба́ба-Яги́шна, Яга́-Ягани́шна, Яга́-Яги́нишна, Яга́я-Баби́ца, Яга-Яги́шна, Яги́нишна, Яги́ш<с>на (В Сибири и на русском Севере);⁵ Баба-Язя, Язя (на Украине).⁶

Как указывает П. В. Владимиров, судя по прозвищу новгородского посадника 1200 г. («ягиница»), древность Яги уходит в XII в., а ее славянское происхождение отражается в сказках не только у русских, украинцев и белорусов, но и у других славянских народов.⁷

Помимо славян, сходное женское сказочное существо встречается и у других народов как на западе, так и на востоке, хотя и под иным названием (например, у литовцев — Лаума, у финнов — Сиэзтер, у тюрков — Шамус-Баба и т. д.).⁸

Впервые в нашей литературе подлинную сказку о Бабе-Яге на сюжет «Ивашко (Жихарка и пр.) и ведьма» (Андреев, 327 С) пересказал М. Н. Макаров.⁹

⁴ Единого правила в написании данного слова нет. В различных сборниках и даже в отдельных сказках одного и того же сборника оно пишется: баба-Яга, Баба-яга, баба-яга или, как уже отмечено нами, Баба-Яга. В дальнейшем изложении мы придерживаемся последнего написания.

⁵ Исключения: Комовская, Пред., 92 (Яга Ягинишна), Китайник, стр. 184—189 (Ягинишна); ср.: Баба-Ягиба, Ягиба (Худяков, 84), Ага Гни́шна (Потявин, 10), Яги́пица (Романов, III, 43), Баба-Иги́пುವна (Романов, VI, 42).

⁶ Jedzi baba (польск.), jezi baba (словацк.), jezinka (чешск.). Адекватную роль (главным образом положительную) Бабы-Яги может исполнять бабушка-задворенка, старушка, бабка. В некоторых же сказках (чаще в украинских) Баба-Яга именуется также ведьмой или колдуньей.

⁷ П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 165.

⁸ Там же.

⁹ М. Н. Макаров. 1) О старинных русских праздниках и обычаях. «Труды Общества любителей российской словесности при Московском

Баба-Яга — популярнейший образ в восточнославянской сказочной традиции, но утверждать, что «редкая волшебная сказка обходится без рассказа» о ней¹⁰ — явное преувеличение. Количество сюжетов, в которых фигурирует Баба-Яга, ограничено известным пределом. Чаще всего она встречается в сказках «Ивашка (Жихарка и пр.) и ведьма» (Андреев, 327 С), «Мачеха и падчерица» (Андреев, 480, А, *В, *С, *F), «Братец и сестрица» (Андреев, 450), «Чудесные дети» (Андреев, 707) и в сказках, связанных с мотивом добывания или разыскания героем жены, невесты, матери или каких-либо чудесных существ и предметов: «Три царства: золотое, серебряное и медное» (Андреев, 301 А, В), «Кощеева смерть в яйце» (Андреев, 302), «Два брата» (Андреев, 303), «Чудесное бегство» (Андреев, 313, А, В, С), «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (Андреев, 400, А, *В), «Красавица жена» (Андреев 465 А, В), «Молодильные яблоки» (Андреев, 551).

На противоречивую природу образа Бабы-Яги многократно указывалось в нашей литературе.¹¹ Справедливость такого суждения не подлежит сомнению. Даже в некоторых вариантах сказок на один и тот же сюжет она может выступать и в положительной и в отрицательной роли (например, Андреев, 313 «Чудесное бегство»). Более того, встречаются (правда, весьма редко) сказки, в отдельных текстах которых одновременно действуют два типа Ягишен — помощники и противники героя (например, Китайник, 7). И все же нельзя сказать, чтобы образ Бабы-Яги был бы «безразличен» к любому сюжету и стоял бы вне какой бы то ни было зависимости от него. Так, в вариантах сказки «Царевна-лягушка» (Андреев, 402) Баба-Яга изображается положительно, и, напротив, в сказках «Два брата» (Андреев, 303), «Ивашка (Жихарка и пр.) и ведьма» (Андреев, 327 С) и некоторые другие — отрицательно.

Известная зависимость функции Бабы-Яги от характера сюжета наблюдается и в других сказках.

В. Я. Пропп усматривает в сказках три основных типа Яги: Яга-дарительница, Яга-похитительница и Яга-воительница. Исследователь не останавливается на подробной характеристике

университете», ч. XVII, М., 1820, стр. 126—130; 2) Кривич-христианин и Яга. Древняя Смоленская повесть. «Вестник Европы», 1827, № 13, стр. 16—17.

¹⁰ В. П. Аникин. Русская народная сказка. М., 1959, стр. 128—129.

¹¹ См., например: А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. II. Баба-Яга. «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. III, 1865, стр. 85—232; В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Изд. ЛГУ, 1946, стр. 40—96. — Суждение о Бабе-Яге только как об отрицательном персонаже содержится в работе Лёвиса оф Менара. (Lövis of Menar. Der Held im Deutschen und Russischen Märchen. Leipzig, 1912, S. 75).

каждого из этих типов и берет только те черты Яги, которые показывают, что она «может иметь какую-то связь с царством мертвых».¹² Но то, что для автора книги «Исторические корни волшебной сказки» не является обязательным, для нас, рассматривающих структуру сказочных образов, остается одной из главных и первостепенных задач.

Ягишен восточнославянских сказок мы делим на две основные группы: Ягишни, выполняющие положительную роль (по терминологии В. Я. Проппа «Яга-дарительница»), и Ягишни, выполняющие отрицательную роль.¹³ В первой группе безраздельное место занимает так сказать классический и, возможно, самый древний тип Яги.

Ее положительная роль в сказках исчерпывается дачей добрых советов-наставлений, вручением чудесных предметов или ценных подарков герою (героине).¹⁴ Облагодетельствование героя происходит в специфической традиционной обстановке, всегда во владениях Бабы-Яги, куда он попадает, как правило,

¹² В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 40—41.

¹³ О Бабе-Яге в отрицательной роли см. ниже. Установление типа Ягишен в зависимости от их отношения к герою сказки не исключает того, что в целом образ Бабы-Яги (по отношению к человеку вообще) должен рассматриваться как отрицательный. «Народ, — свидетельствует П. П. Чубинский, — представляет Бабу-Ягу столетнюю старуху, ужасно злой» (П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. I, вып. I, СПб., 1872, стр. 216).

¹⁴ Андреев: 301А — Карнаухова, 14; Ковалев, 8; Китайник, 7 (+300А). 301А, В — Афанасьев, 128; Романов, III, 9 (+313 А). 302 — Садовников, 61 (+400*В); Никифоров, 11 (+532), +300А). *312 I — Смирнов, 279, 313 А — Смирнов, 281; Комовская, Пред., 89 (+*313 I); Волог., 11 (+707); Никифоров, 6 (+300 А, +315 А) + (360), эпизод у разбойников). 313 А, С — Афанасьев, 225; Зеленин, Пермск., 55; Зеленин, Вятск., 118; Чернышев, 63; Громов, 3, 313 В — Записки, II, 38 (+222*В). 313 В, С — Афанасьев, 219, 224 (+222*В); Соколовы, 66; Красноженова, 19 (+222*В); Ковалев, 10 (+222*В); Комовская, Пред., 92. *314 I — Афанасьев, 201 (+315 А)) 315 А — Афанасьев, 204 (+300 А); Записки, II, 29 (+300 А). 315*В — Соколовы, 55. 329 — Коргуев, 30; Жив. ст., стр. 262—268 (+400 А); Зеленин, Пермск., стр. 303—304 (+400 А). 400 А — Зеленин, Пермск., 20 и стр. 293; Гуревич, 40; Записки, II, 15 (+302); Никифоров, Ск., 86 (+325, +329); Ровинский, I, 36 (+518); Смирнов, 35 (+1045, +1063, +1071, +1072, +1130). 400 А, *В — Тумилевич, 12. 400*В — Афанасьев, 232; Смирнов, 130 (+302). 401 — Никифоров, 4 (+508, +300 А); Афанасьев, 272 (+518). 402 — Афанасьев, 269; Зеленин, Пермск., 28; Карнаухов, 65; Сухобрус, стр. 156—165 (+400 А); Коргуев, 7 (+400 А. +302); Ковалев, 12 (+402). 425 С — Худяков, 40; Записки, II, 5. 432 — Афанасьев, 235; Худяков, 39; Зеленин, Пермск., 67; Ковалев, 13; Королькова, стр. 29—37, 465 А — Карнаухова, 7; Ковалев, 9; Башк., 21; Тумилевич, Ск., 21. 480 А — Афанасьев, 102; Худяков, 104; Тумилевич, 5; Потявич, 8. 531 — Куприяниха, I, 532 — Романов, III, 43. 550 — Гуревич, 7; Магай, 8; Никифоров, Ск., 98 (+532); Башк., 18 (+518, +302). 551 — Афанасьев, 172, 173, 174, 178, 563; Зеленин, Вятск., 47; Соколовы, 139; Ончуков, 8 (+300 А); Романов, VI, 41 (+613)). 552 — Гуревич, 10; Магай, 5; Ончуков, 167 (+302, +518). 554 — Садовников, 4. 564 — Акимова, 394. *650 I — Афанасьев, 310. 707 — (эпизод поиска невесты) — Машкин, 16. 709 — Машкин, 3.

случайно и лишь в отдельных текстах — по указанию и наведение других его доброжелателей¹⁵ или недругов.¹⁶

Баба-Яга обитает в очень отдаленных краях, где-то «в тридесяти царстве», «за тридцатью озерами», куда даже ворон русской кости не заносит (Ончуков, 8), иногда под землей (Ковалев, 8), и ведет одинокий и замкнутый образ жизни. Совершая путешествие к ней, герой (героиня) должен израсходовать весь запас взятой с собой простой пищи (подорожничков — Коргуев, 7; хлеба — Карнаухова, 65, Тумилевич, 12; хлеба и тыкву — Сухобрус, стр. 156—165) или изглотить железную просфиру (булку), износить (изорвать и пр.) железные шляпу (колпак),¹⁷ башмаки (чирки, сапоги, чоботы, обувь), сломать (истыкать и пр.) железный костыль (клюку, посох, подожок, копьё, прут, туевон).

«Уж он шол, шол. Обутки от песку протираются, шляпка от дождя пробивается, клюка под рукой утоняется» (Карнаухова, 14; ср.: Афанасьев, 235; Худяков, 39; Садовников, 61; Записки, II, 5; Соколовы, 55; Смирнов, 35, 130; Карнаухова, 7; Ковалев, 9, 13; Тумилевич, Ск., 21).

О местности, где обитает Баба-Яга и находится ее избушка,¹⁸ в одних сказках почти ничего не говорится (таких сказок около половины), в остальных называются: лес (Афанасьев, 102, Худяков, 101; Ончуков, 167; Карнаухова, 7; Гуревич, 10, 40; Магай, 5; Акимова, 394; Громов, 3; Башк., 21; Тумилевич, Ск., 21); темный лес (Афанасьев, 225; Романов, III, 43); густой лес (Куприяниха, 1; Никифоров, Ск., 98); «такой густой лес, що аж темно» (Сухобрус, стр. 156—165); густая тайга (Красноженова, 19); дремучий лес (Афанасьев, 172, 219, Магай, 8); «не можно взглянуть такой лес» (Афанасьев, 310); «пусто кругом, не видать души человеческой» (Афанасьев, 224); лес «все чернее, все чаще» (Афанасьев, 235), темный, непроходимый, дремучий (Комовская, Пред., 89; ср. Ковалев, 9, 10, 13); лес и болото (Соколовы, 66); «места пустынные», или: «заехал в такие места, что конь его <героя> по колена в воде, по грудь в траве идет» (Афанасьев, 173); «вёрс на тридцать долин, а нехто там не бывал и житьём там не живал» (Зеленин, Пермск., 28); болото (Зеленин, Пермск.,

¹⁵ Старика (Афанасьев, 269), старушки (Романов, III, 43), бабушки-заворонки (Карнаухова, 14), жены (Карнаухова, 7; Красноженова, 19; Сухобрус, стр. 156—165), волка (Никифоров, 6; Магай, 8), идолица (Афанасьев, 128), мертвого тела (Волог., 11).

¹⁶ Мачехи (Афанасьев, 102; Худяков, 101; Тумилевич, 5; Потявин, 8), бабки (Машкин, 16).

¹⁷ Смирнов, 130 — шляпу медную; Карнаухова, 7 — колпак оловянный, латы железные, «чистая рубашка без пятнышек».

¹⁸ Хатка (Афанасьев, 201; Машкин, 16, 3; Тумилевич, 5, 12); терем-избушка, фатера (Соколовы, 139), фатерка (Карнаухова, 7), дуб (Никифоров, 6), келейка (Комовская, Пред., 89), дом (Потявин, 8; Ковалев, 8), лочужка («земельной покрыта»), избушка (Карнаухова, 14).

стр. 303—304; Чернышев, 63); «тонучёе болото» (Зеленин, Пермск., 1; ср. Никифоров, Ск., 86); «ни стежачки, ни дорожачки», «тымреть большая» (Романов, III, 9); чистое поле (Афанасьев, 201, 204, 232; Никифоров, 6); «чистое место у моря» (Записки, II, 38).

В некоторых сказках местоположение самой избушки конкретизируется. Она стоит: в лесу «на воде у озера» (Гуревич, 40), у моря (Записки, II, 29, 38), у дороги (Никифоров, 4; Коргуев, 30), в лесу «на широкой елане» (Афанасьев, 310), в тайге на лужайке (Красноженова, 19), «возле дремучего леса» (Афанасьев, 172), на лесной поляне (Гуревич, 7; Магай, 8; Королькова, стр. 29—37). Стоит избушка (хатка) «на курьих ножках» (Ровинский, I, 36),¹⁹ в некоторых сказках — «на курьей ножке», «на курьих ножках, на петушьей голяшке» (Соколовы, 55); «на курьих ножках, на петушьих головках» (Коргуев, 30); «на курьих ножках, на бараньих рожках» (Афанасьев, 225); «на курьей ножке, на собачьей голёпке» (Соколовы, 139; ср. Башк., 21); «на курьих ножках, об одном окошке, на сыром говёпке» (Ончуков, 8); «на куриных лапках» (Афанасьев, 269; Никифоров, Ск., 86); «на куриных лапках, на веретённых пятках» (Худяков, 40); «на куриных лапках, на собачьих пятках» (Афанасьев, 201, Машкин, 1 б, 3; Куприянича, 1); «на куричьих голяшках» (Афанасьев, 232; Садовников, 4, 61; Жив. ст., стр. 262—268; Зеленин, Пермск., 1, 55; Китайник, 7); «на козьих рожках, на бараньих ножках» (Зеленин, Пермск., 1, 20).²⁰ На своем необычном основании избушка в большинстве сказок непрерывно вращается, и, чтобы войти в нее, герой обязан произнести заклинательные слова, составляющие постоянную формулу.²¹ Формула варьируется. Основные разновидности ее следующие: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом»

¹⁹ То же: Афанасьев, 102, 128, 172, 204, 235, 563; Худяков, 39, 101; Записки, II, 5, 15, 29, 38; Ончуков, 167; Зеленин, Пермск., 67; Зеленин, Вятск., 118; Смирнов, 279, 281; Никифоров, 11; Красноженова, 19; Гуревич, 7, 10; Магай, 5, 8; Королькова, стр. 29—37; Ковалев, 9, 10, 13; Тумилевич, 5; Акимова, 39; Комовская, Пред., 89, 92; Башк., 18; Тумилевич, Ск., 21; Никифоров, Ск., 98; Сухобрус, стр. 156—165; Романов, III, 43, VI, 41.

²⁰ Некоторые дополнительные черты, характеризующие внешность избушки (хатки): она — «небольшая» и стоит «одна-одинёхонько» (Афанасьев, 224), «с дверью землянушка» (Зеленин, Пермск., 28), «ветхая» (Зеленин, Пермск., стр. 303), «очеретом підперта, а то б розвалилася» (Сухобрус, стр. 156—165), чугунная (Афанасьев, 235); «без окон, без дверей» (Громов, 3).

²¹ В сказках (Афанасьев, 128, 173, 174, 178, 219, 232, 272, 563; Зеленин, Пермск., 55, 2 (стр. 293), 1 (стр. 303); Зеленин, Вятск., 47; Смирнов, 35, 130; Карнаухова, 7, 14, 65; Никифоров, 4, 6; Гуревич, 40; Тумилевич, 5, 12; Чернышев, 63; Волог., 11; Тумилевич, Ск., 21; Потянин, 8; Сухобрус, стр. 156—165; Романов, VI, 41, 43) формула не произносится и избушка (и пр.) не поворачивается; в последнюю герой попадает, не прибегая к чудесным средствам.

(Худяков, 39);²² «Избушка, избушка! Обратись к лесу задком, ко мне передком» (Афанасьев, 225, Комовская, Пред., 89, 92; ср.: Громов, 3); «Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом» (Афанасьев, 201; ср.: Машкин, 1 б, 3; Соколовы, 55); «Хатка, хатка, перакружись ко мне перадом, а туды задом» (Романов, III, 9); «Избушка, избушка! Стань по-старому — к лесу задом, ко мне передом» (Худяков, 40); «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила» (Афанасьев, 204); «Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила, к лесу задом, ко мне передом» (Китайник, 7; ср.: Афанасьев, 269: вместо «к лесу» — «к морю»; Записки, II, 15, 29, 38; Зеленин, Пермск., 1, 20, 28; Смирнов, 279, 281); «Избушка, избушка, повернись задом к тайге, а передом ко мне, встань по-старому, как мать поставила» (Красноженова, 19); «Остойся, избушка, к лесу глазами, ко мне воротами» (Ончуков, 8; ср.: Никифоров, Ск., 98); «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, а ко мне воротами: мне не век вековать, а одна ночь ноцевать» (Коргуев, 7; ср.: там же, 30); «Избушка, избушка, повернись сюды лицом, а туды <к лесу> воронцом» (Ончуков, 167); «Стань <избушка>... ко мне передом, на запад задом» (Куприяниха, 1); «Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом, мне в тебя лезть, хлеба есть» (Королькова, стр. 29—37).

Войдя в избушку, герой обычно застаёт там Бабу-Ягу, уродливую и безобразную старуху. Уродство Бабы-Яги прежде всего связывается с ее необыкновенной ногой. Нога у нее преимущественно костяная.²³ «Костяная» (и т. п.) нога выступает в качестве постоянного, рифмованного эпитета Бабы-Яги. К этому эпитету иногда добавляются другие и тогда формула, расширяясь, приобретает грубовато-посмешливый оттенок: «Баба-Яга костяная нога, морда глиняная» (Смирнов, 281; ср.: Ровинский, I, 36; Афанасьев, 173; Ончуков, 8; Соколовы, 55; Карнаухова, 14).

В избушке, куда заходит герой, Баба-Яга большей частью лежит, растянувшись из угла в угол (на полу, печи, палатах), или сидит (за прялкой и т. п.), реже — стоит (у печи и пр.), скачет, разъезжает по избушке на ступе, бежит навстречу герою.²⁴

²² То же: Ровинский, I, 36; Афанасьев, 102, 172, 224, 235, 310; Худяков, 101; Садовников, 4, 61; Записки, II, 5; Зеленин, Пермск., 67; Зеленин, Вятск., 118; Соколовы, 63, 139; Гуревич, 7, 10; Магай, 8; Ковалев, 9, 10, 12, 13; Акимова, 394; Башк., 21.

²³ Деревянная — Ровинский, I, 38; железная — Гудченко, I, 44; «Баба-Яга, распорота нога» — Башк., 21.

²⁴ Зеленин, Пермск., 1: «Шеоткуль взялась Яга-Ягишна: бежит, и лес трепшит». Ср. Куприяниха, 1: «Выходит из ней <избушки> баба-яга, костяная нога (то же, Громов, 3), на ступе ездит, метлом подметает, пестом-крестом погоняет». В ряде сказок о Бабе-Яге лишь говорится, что она «находится», «проживает» и пр. в избушке.

В фантастически преувеличенном, уродливо комическом виде изображается рост Бабы-Яги и отдельные части ее старческого тела — ноги, уши, нос, губы, зубы, груди.

«А у ней голова лежит в одном углу избы, а ноги в другом» (Худяков, 101); «на печи лежить баба-Яга, костяна нога, ноги на пич відкинула, голову на камин поклала» (Сухобрус, стр. 156—165; ср.: Рудченко, II, 28); «на гряде сидит баба-яга: одна нога у еѣ (у нее) на полке, а другая на грядке» (Зеленин, Пермск., 67; ср.: Афанасьев, 102; Зеленин, Пермск., 20; Соколовы, 66; Красноженова, 19).

«Лежит баба-яга, костяная нога из угла в угол, нос в потолок врос» (Афанасьев, 201; ср.: Афанасьев, 225; Смирнов, 35; Никифоров, Ск., 98); «лежит баба-яга: в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнула» (Афанасьев, 204; ср.: там же, 235; «Баба-Яга из угла в угол перевертывается: одной губой пол стирает, а носом трубу закрывает (У ней нос с Перевицкий мост!)» (Худяков, 39); «Там живет баба-яга, костяная нога, нос железный» (Худяков, 40); «сидит баба-яга, кастиная нага, нос у паталок урос» (Машкин, 16, 3); «сидит там Баба-Яга, костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос» (Королькова, стр. 29—37); «Сидит баба-яга, ноги в квасу парит, а нос на крюку висит» (Тумилевич, Ск., 21); «сидит старая, престарая Баба-Яга... отвратительная жаба» (Ковалев, 9); «сидит Баба-Яга, костяная нога, морда глиняная, грудью печьку затыкает» (Карнаухова, 14; ср.: Ровинский, I, 36; Афанасьев, 224, 269; Садовников, 4, 61; Опчуков, 167; Акимова 394).²⁵

Некоторые сказочники не описывают внешность Бабы-Яги, а лишь констатируют, что она старая или дряхлая, седая, беззубая, страшная старуха.²⁶

Чуя по запаху непрошеного гостя,²⁷ русского человека, Баба-Яга поначалу, как правило, относится к нему неприязненно и враждебно. Отношение Бабы-Яги к герою русские сказочники обычно выражают в краткой или развернутой традиционной форме, которая в украинском и белорусском материале почти не употребляется.²⁸ В прищельце вещая старуха чует либо «русский дух», либо «русскую кость». Она восклицает:

1. «Фу, фу, фу! Бывало русского духа слыхом не слышать, видом не видать, а нынче русский дух в ложку садится и в рот

²⁵ Отдельные детали внешней характеристики Бабы-Яги (ведьмы) в сказках находят параллели в некоторых народных поверьях. См., например: Драгоманов, стр. 68.

²⁶ Афанасьев, 178, 272; Соколовы, 139; Коргуев, 7, 30; Магай, 5; Ковалев, 8, 10, 12; Китайник, 7; Комовская, Пред., 92; Романов, III, 43.

²⁷ Впрочем, Баба-Яга может и зреть героя (героиню): «Увидала Баба-Яга Марьюшку» (Королькова, стр. 29—37).

²⁸ Исключение: Романов, III, 9: «По етых пор тут ящо и руськаго духу ня было; як это тябе бог занес?».

валится» (Худяков, 39). Если первая часть этой формулы с типичным для нее началом (двойным или тройным «фу») более или менее устойчива,²⁹ то вторая — со слов «видом не видать» — довольно подвижна и может быть выражена: «а русской дух сам в избу зашел» (Зеленин, Пермск., 55; ср.: Смирнов, 35; Ковалев, 10; Никифоров, Ск., 98); «а ныне русский дух воочью проявляется» (Афанасьев, 224; ср.: Ровинский, I, 36); «а теперь слышу (вижу)» (Коргуев, 7, 30); «а ныне сам пришел» (Афанасьев, 232; ср.: Афанасьев, 310; Зеленин, Пермск., 20; Ковалев, 8, 9, 12, 13; Комовская, Пред., 89, 92); «а нынче русский дух в виду является, в уста мечется» (Афанасьев, 172); «а вот нынче русский дух в устах явится и в глаза мечется!» (Садовников, 61); «сам на ложку садится, в рот катится» (Зеленин, Вятск., 118); «на ложку садись да в рот катись!» (Волог., 11); «сам пришел, как баран на стол» (Красноженова, 19); «а нынче русский дух воочью проявляется, в нос бросается» (Афанасьев, 201; ср.: там же, 235).³⁰

2. «Фу-фу, русской кости слыхом было не слышать, видом не видать, а ныне сама на двор пришла» (Афанасьев, 174).³¹ Формула, в которой упоминались бы и «русский дух», и «русская кость», встречается редко, например: «Фу-фу! Русским духом пахнет, русская кость на двор пришла» (Смирнов, 279; ср.: Соколовы, 139). К формуле «фу-фу-фу, холоду-голоду в дверь напустил» (Карнаухова, 14) обнаружить параллелей нам не удалось; по всей видимости, она — продукт личного творчества сказочника.

Обращение Бабы-Яги к герою заканчивается вопросом о цели его далекого странствования, в ряде случаев носящим стереотипный характер: «дела пытаешь иль от дела лытаешь?» (Афанасьев, 172, 173, 204, 235; Худяков, 39, 101; Садовников, 4, 61; Королькова, стр. 29—37; Тумилевич, 5, 12; Акимова, 394; Черны-

²⁹ В своеобразной передаче — Афанасьев, 310: «Кто такой невежа приехал? Русского духа и дед мой и прадед не слышали, а тепереча и сама русский дух хочу очми видеть»; Никифоров, Ск., 98: «фу-фу, русский дух, 30 лет на воздухе не была»; Коргуев, 7: «фу-фу, на Руси не бывала и русского духа не слыжала» (см. также: Коргуев, 30); Комовская, Пред., 89: «фу-фу! Русским духом запахаю. Давно русского духа не слыжала, не видала»; ср.: Королькова, стр. 29—37: «Тьфу, тьфу, русским духом пахнет!».

³⁰ В сказке (Соколовы, 55) дана лишь первая часть формулы; в сокращенном виде формулу с упоминанием «русским духом пахнет» (Зеленин, Пермск., 28) и пр. см.: Афанасьев, 102, 225; Худяков, 101; Зеленин, Пермск., 67; Никифоров, 11; Чернышев, 63.

³¹ См. почти дословно совпадающие формулы: Записки, II, 15, 29, 38; Гуревич, 7; ср. также: Афанасьев, 178; Соколовы, 139; Гуревич, 10; Магай, 5, и в краткой передаче: Афанасьев, 128; Записки, I, 5; Смирнов, 281. Иначе в севернорусской сказке: «Ох, говорит, здравствуешь, Иван-царевич, в нашу сторону, в наше место ворон русской кости не зашавивал, а Иван-царевич прибыл» (Ончуков, 8).

шев, 63; Тумилевич, Ск., 21) или «волей <идешь и пр.> или неволей» (Афанасьев, 282, 563; Романов, III, 43).³²

На этот вопрос герой реагирует по-разному. В одних сказках он сразу же на него отвечает, удовлетворяя любопытство Бабы-Яги, в других, — считая, что Баба-Яга неучтиво принимает «дорожного человека», прежде чем ответить на вопрос, требует (или вежливо просит), чтобы она соблюдала общепринятый этикет гостеприимства: «Бабушка-сударушка, напой, накорми, тогда вести распроси!» (Смирнов, 279); «Сперва напой, накорми, учсть распроси!» (Зеленин, Вятск., 118; ср.: Афанасьев, 219, 174; Записки, II, 5; Зеленин, Пермск., 20, 55; Зеленин, Вятск., 47; Смирнов, 281; Никифоров, 4, 11; Никифоров, Ск., 86; Куприяниха, 1; Красноженова, 19; Гуревич, 10; Коргуев, 30; Тумилевич, 5, 12; Китайник, 7; Башк., 18; Тумилевич, Ск., 24).

Иногда ответ дается в ироническо-насмешливом и в резко оскорбительном для Бабы-Яги тоне, это отчасти объясняется тем, что она покушается на жизнь героя,³³ или в ее словах он слышит угрозу, выражаемую как косвенно (в некоторых формах-обращениях, которые мы приводили), так и непосредственно.³⁴ «Разевяет рот — хочет Ваню сьсыс эта Яга ягйшна. Ванюшка сказал: „Штó ты, старая сука, делаешь? в протчих деревнях так ли делают старухи? — А ты должна баньку истопить, выпарить, вымыть и спросить: где ты проживался“» (Зеленин, Пермск., 1); «Полно, старая, а с дороги — пылен и гадок. Ты должна меня сначала вымыть, накормить, напоить, а потом есть. Да еще ты должна меня спросить: иду я по своей воле или по неволе» (Комовская, Пред., 92).³⁵

³² Ср.: Карнаухова, 65: «волей пошол, аль неволей?»; Никифоров, Ск., 98: «По охоте, молодець, ходишь, але по неволе?»; Сухобрус, стр. 156—165; «Чи по волі, чи по неволі? Чи сам від кого ховаєшся, чи кого шукаєш?»; Машкин, 16, 3: «волю, ай неволю суды зашол?».

³³ Косой хочет отсечь ему голову (Афанасьев, 310), точит зубы, чтобы съест его (Афанасьев, 269), угрожающе «тукает» лопатой в печи, давая понять, что готова его зажарить (Соколовы, 66), без слов собирает его съест (Зеленин, Пермск., 1; Никифоров, 6; Гуревич, 7).

³⁴ «Я тебя съем» (Соколовы, 55; Ковалев, 10, 12); «Хам — съем!» (Записки, II, 29, 38); «Съем я тебя, молодець, я тридцать годів цёловедьёго мяса не ела» (Коргуев, 7). Ср. также: Зеленин, Пермск., 28, 67; Соколовы, 139; Смирнов, 35; Коргуев, 30; Ковалев, 8, 9; Комовская, Пред., 92; Волог., 11.

³⁵ Ср.: Ровинский, I, 36; Афанасьев, 172, 224, 269, 279; Записки, II, 15, 29, 38; Соколовы, 55, 139; Смирнов, 35; Никифоров, 6; Ковалев, 9, 10; Коргуев, 7: герой предлагает Бабе-Яге бороться с ним: «кто кого победит, тот того и съест»; победив, требует еды (супу) и вина. Зеленин, Пермск., 28: Иван грозитя убить Бабу-Ягу, а кости камнем придавить; Баба-Яга смиряется и угощает героя. Афанасьев, 310: Илья Муромец расправляется с Бабой-Ягой — схватывает ее за волосы и ударяет, после чего она ведет его в горницу, сажает за стол и потчует кушаньями и напитками.

С одной стороны, отважная решительность, с которой герой берется выполнить непомерной трудности задачи, с другой — его бесстрашное и подчас дерзкое поведение перед старухой-людоедкой, гнавающей последнюю прокинуться к нему уважением, сменить гнев на милость, стать гостеприимной, внимательной и приветливой хозяйкой.³⁶ Ее заботами герой накормлен, напоен, помыт в баньке,³⁷ уложен в постель.³⁸

Однако в ряде сказок, несмотря на столь разительные перемены в старухе, комические черты ее образа не снимаются: «И вот тут старуха стол отдернула, на карачки стала, калачи достала и стала потчевать Ивана-царевича» (Гуревич, 7); «Старушка скочила со стула, себе по щеке ударила, по другой прибавила: фу, фу, не накормила я, не напоила, а стала вести выспрашивать» (Коргуев, 30).³⁹

Герой сказки может иметь дело с одной, двумя или тремя Бабами-Ягами-сестрами.⁴⁰ Если Баба-Яга одна, он непосредственно от нее получает совет и чудесные дары.

Баба-Яга наставляет его, где и каким образом отыскать жену (реже мужа),⁴¹ невесту, сестру, добыть те или иные волшебные предметы, победить противника (змея) и т. п. Совет ее в ряде сказок сопровождается вручением герою чудесных даров, с помощью которых он и достигает желаемого: клубочка (Ончуков, 167; Соколовы, 55; Смирнов, 279: «клубочек покатылся чрез горы, чрез доли, по полям, по лугам, по сыпучим пескам»; Карнаухова, 7; Романов, III, 43), веретена (Гуревич, 40), салфетки (Записки, II, 29), коня Сивки-Бурки (Гуревич, 7, Магай, 8; Никифоров, Ск., 98),⁴² орла (Афанасьев, 128).⁴³

³⁶ Иногда помощь герою и особенно героине Ягишши оказывают из-за жалости и сочувствия к ним как к невинно гонимым (см., например, Машкин, 3).

³⁷ Мытье в бане — одна из черт старинного русского гостеприимства, оказываемого путнику, — наиболее широко отражается в сказках, записанных в средней полосе и на Севере России (см., например: Афанасьев, 269; Зеленин, Пермск., 1; Коргуев, 7; Комовская, Пред., 92).

³⁸ Кладет себе на колени, ищет в голове и расспрашивает вести (Записки, II, 29, 38).

³⁹ Еще более наглядно комические черты Бабы-Яги выступают в развернутых вариантах этих формул, оснащенных рифмами и словечками не для печати: Записки, II, 5, 12; Ончуков, 8; Зеленин, Пермск., 20, 28, 55; Соколовы, 139; Гуревич, 7; Романов, III, 9. Ср. (в смягченной форме): Никифоров, 4; Гуревич, 10; Тумилевич, 5, 12.

⁴⁰ Китайник, 7, стр. 184—189 — четыре Бабы-Яги. Одна из них (первая) благоволит герою, три другие, живущие в подземелье, враждуют с ним.

⁴¹ Гуревич, 40.

⁴² Сивка-Бурка вызывается Бабой-Ягой необычно: она выскакивает на крыльцо (на улицу), визжит по-звериному, ревет по-звериному (Никифоров, Ск., 98) или свистит молодецким посвистом, кричит богатырским голосом (Приб., 24).

⁴³ В сказках на сюжет Андреев, 480 А (Афанасьев, 102; Худяков, 101; Тумилевич, 5; Потявин, 8) ценным подарком Баба-Яга награждает за прилежность в работе и послушание неродную дочь старухи, а ее родную

Если же в сказке две или три сестры-Ягишны, герой (героиня) поочередно встречается с каждой из них, но, как правило, только от последней получает окончательный ответ. Она оказывается всегда мудрее и нередко свирепее предыдущих сестер.⁴⁴ По мере перехода героя от одной Бабы-Яги к другой осложняется и обстановка (увеличивается дальность перехода, а с ней возрастают и дорожные трудности; меняется пейзаж: глуше, дичее становится местность).⁴⁵ Нельзя, однако, не заметить, что некоторые аксессуары этой обстановки в пределах одной сказки часто остаются неизменными и однотипными, например, избушка на куриных (и т. п.) ножках, положение в ней Бабы-Яги, манера обращения героя с ней, ее ответные слова и действия и т. д.

Последней из двух (или трех) сестер (очевидно, родных, в сказке Худяков, 39 — двоюродных) может быть и самая старшая⁴⁶ и — значительно реже — самая младшая,⁴⁷ впрочем, возрастное различие между ними в большинстве сказок не проводится.⁴⁸

Бабы-Яги могут различаться и по другим признакам: первая Баба-Яга — деревянная нога, оловянный глаз, вторая — костяная нога, серебряный глаз, третья — стальная нога, золотой глаз (Гуревич, 10). В другой сказке первая Баба-Яга называется «вол-

дочь за лень и строптивость наказывает. Выполнить трудные задачи Бабы-Яги (наносить решетом в баню воду и пр.) героине помогают животные, растения, домашние предметы, к которым она проявляет заботу, ласку и внимание.

⁴⁴ Зеленин, 67; Красноженова, 19 — третья Ягишна не благоволит герою, а преследует его.

⁴⁵ Вот, например, как описывается путешествие героини к трем Ягишням в сказке «Перушко Финиста, ясна Сокола» (Афанасьев, 235). К первой Ягишне: «Идет лесом дремучим, идет через пни-колоды, уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще». Ко второй Ягишне: «Опять идет красная девица темным лесом, — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо вьется. Уж другие башмаки истаптываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызана». К третьей Ягишне: «Опять идет красная девица темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще. Уж третьи башмаки истаптываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просфира изглодана». (Ср. также смену обстановки при путешествии к Ягишням у Корольковой, стр. 29—37). Машкин, 16 — особенно подчеркиваются трудности в пути к третьей сестре: путь туда лежит через леса темные, горы крутые, реки глубокие.

⁴⁶ Афанасьев, 235, 272; Садовников, 61; Машкин, 16, 3; Записки, II, 15; Зеленин, Пермск., 1, 55; Соколовы, 66, 139; Смирнов, 35; Королькова, стр. 29—37; Ковалев, 10; Тумилевич, 12; Комовская, Пред., 92; Башк., 21.

⁴⁷ Афанасьев, 178, 232; Никифоров, 11; Магай, 5.

⁴⁸ Афанасьев, 172, 174, 178, 204, 225, 310, 563; Худяков, 39, 40; Записки, II, 5, 38; Ончуков, 8; Зеленин, Пермск., 20, 28, 67; Зеленин, Вятск., 47, 118; Смирнов, 130; Карнаухова, 14, 65; Никифоров, 6; Куприяниха, 1; Гуревич, 10; Коргуев, 30; Комовская, Пред., 89; Никифоров, Ск., 86; Романов, III, 9, VI, 41.

шебницей», о второй уже говорится, что она «старая, вся в шерсти лежит, кривая» (Чернышев, 63; ср.: Ковалев, 12, 13).

Советы и подарки, которые герой получает от Ягишен, обычно неравноценны.⁴⁹ Самые существенные из них относятся к последней (второй или третьей) Бабе-Яге. Только она, по словам одной (или двух) предыдущих Ягишен, может указать герою путь к выполнению поставленной задачи. Поэтому и подарки их часто носят подсобный характер, являясь, с одной стороны, надежным проводником в путешествии героя от Ягишны к Ягишне, с другой — специфическим знаком, по которому вторая (или третья) Яга легко узнает, что герой направлен именно к ней и никем-нибудь, а ее товаркой (сестрой), и что она обязана оказать ему покровительство и всяческое содействие.

Вот тот круг одушевленных и неодушевленных предметов, которые герой получает от Ягишен: конь (Афанасьев, 174, 235, 563; Машкин, 1 б; Зеленин, Вятск., 47; Соколовы, 139; Коргуев, 30; Магай, 5; Романов, VI, 41), крылатый конь (Афанасьев, 172), вещий конь Сивка-Бурка (Ончуков, 8; Гуревич, 10);⁵⁰ собачка (Афанасьев, 204), клубок-самокат (Машкин, 1 б, 3; Зеленин, Вятск., 118; Смирнов, 35; Карнаухова, 14; Никифоров, 11; Куприянича, 1; Красноженова, 19; Ковалев, 12, 13; Комовская, Пред., 92), синий клубок (Афанасьев, 204; Худяков, 40), золотой клубок (Соколовы, 66), шар (Афанасьев, 225), колобок (Коргуев, 30), три буханки хлеба (Романов, III, 15), полотенце (Афанасьев, 204; Зеленин, Пермск., 1; Коргуев, 30; Комовская, Пред., 92; Романов, III, 9 — хустка), платок (Комовская, Пред., 92, ср.: Ковалев, 10), скатеретка (Карнаухова, 14), скатерть-самолетка (Смирнов, 35), ковер-самолет (Никифоров, 6; Гуревич, 10), самолет (Комовская, Пред., 92), сапожки-самоходки (Гуревич, 10), ступа (Романов, VI, 41; ступа служит герою средством передвижения), щетка, золотое блюдечко (Худяков, 40), молоточек (Машкин, 3), золотой молоточек и десять бриллиантовых гвоздиков, золотое блюдечко с бриллиантовым шариком (Афанасьев, 235), серебряное блюдечко и золотое яблочко — «само катается», гребень золотой, серебряное намыко и золотое веретене — «само прядется»; золотые пальца, серебряная иголка — «сама шьется» (Худяков, 39, ср.: Башк., 21); серебряное блюдечко и золотое яичко, серебряные пальца, «колотую иголочку», «серебряное донце, золотое веретене» (Королькова, стр. 29—37), золотое донце и куделек, золотой гребешок, блюдечко золотое да яичко (Тумилевич, Ск., 21), золотая прялочка, серебряное веретено, золотые ведерки, золотой жбанчик (Зеленин, Пермск., 67), «раззолоченная тарелка», серьги и три яблока, «не простые, а зо-

⁴⁹ Исключение: Королькова, стр. 29—37.

⁵⁰ Вызов Бабой-Ягой коня по свисту богатырскому и пр. — Гуревич, 7; ср.: Ончуков, 8, Магай, 5.

лотые» (Ковалев, 13), лепешка (Зеленин, Пермск., 1; Никифоров, 86), «окрайчик хлеба» (Романов, III, 9), палица (Соколовы, 39), «семисотая палица» (Афанасьев, 174), железная тросточка (Соколовы, 66), меч-складенец (Смирнов, 35), курица (Машкин, 3), воронья кость, щучья кость и жар-птицы кости (Зеленин, Пермск., 1; Никифоров, Ск., 86), щучьи зубы (Коргуев, 30), письмо (Афанасьев, 310; Машкин, 16).

В некоторых сказках предметы-подарки, получаемые героем, от одной Яги к другой градируют. Так, если первая Яга даст Ивану-царевичу коня и палицу, то вторая — коня «бойчее», а палицу «грузнее», третья же — и того лучше коня: «Этот конь подскакивает, мха, болота перескакивает, реки, озера хвостом заметат» (Соколовы, 139; ср.: Афанасьев, 172).

Кроме упомянутых, Ягишны располагают и такими чудесными предметами, как собачка, которая у первой Яги чует зверя за 9 верст, у второй — за 6 верст, у третьей — за 3 версты (Романов, III, 9); 12 прислуживающих молодцов (Комовская, Пред., 92).⁵¹

Бабы-Яги, исполняющие положительную роль в сказке, могут состоять в родственных отношениях не только между собой, но и с другими действующими лицами и существами сказочного мира: быть родными тетками (или теткой) героя (Зеленин, Вятск., 47; Карнаухова, 7) или его возлюбленной — жены, невесты (Зеленин, Пермск., 1, стр. 303—304; Соколовы, 139; Коргуев, 7, 30), Харка Харковича (Зеленин, Пермск., 20), женщин, покупающих чудесные предметы у Ивана-крестьянского сына (Смирнов, 35; Тумилевич, Ск., 21); матерью Змея (Романов, III, 43), Змея Горыныча (Куприяниха, 1), Ветра (Акимов, 394), родной сестрой Чуда-юда (Афанасьев, 225), Горуна Горуновича (Гуревич, 40), сатаны (Соколовы, 66), старика-волшебника (Карнаухова, 65), кумом ей приходится серый волк (Гуревич, 7; Никифоров, Ск., 98).

В большинстве сказок после вручения подарков и дачи советов связь героя с Ягишными прекращается. Однако в некоторых сказках она возобновляется. Так, в «Молодильных яблоках» (Андреев, 551) Ягишны выступают в новом свете — избавителями героя от преследования его будущей жены, у которой тайком (во время сна) он похищает чудесные вещи и с которой «грех творит». Спасая героя от погони, Бабы-Яги поочередно сменяют ему коня (Афанасьев, 174, 563; Соколовы, 139; Романов, VI, 41) или просто не препятствуют его проезду (Афанасьев, 172, 178; Ончуков, 8).⁵² Но как в том, так и в другом случае они могут в свое

⁵¹ Ответ и подарки героиня получает только от третьей Бабы-Яги, которая именуется Проскуничихой (Тумилевич, Ск., 21); ср.: Королькова, стр. 29—37, — кот и собака — добрые советчики героини.

⁵² Зеленин, Вятск., 47 — эпизод погони не разрабатывается.

оправдание перед преследовательницей выдвигать надуманные мотивы. Так, на вопрос Белой Лебеди Захарьевны: «Куда, ягишна, ездила? У тебя лошадь потна», Баба-яга отвечает: «Я ездила в поле скота выгонять, оттого у меня лошадь спотела» (Афанасьев, 174). Подобные оправдания Ягишен со ссылками на исполнение ими крестьянских работ («жито жала», «репу рвала») мы находим и в сказке «Иван-царевич в подземном царстве» (Ончуков, 8). Здесь все три Ягишны сдерживают погоню тем, что соблазняют Царь-Деву «баенкой с дороги», которую топят таким образом, что она горит — не горит, «один дым валит».

Вторично к сестрам Ягишням также обращается за помощью и героиня сказки «Финист-ясный сокол» (Королюкова, стр. 29—37 — сюжет Андреев, 432); те советуют ей, как вызволить жениха у владычицы морской, и вновь вручают чудесные дары (полотенце из парчи и золотой шарик, двенадцать гвоздей брильянтовых и молоток, коня вороного).

Итак, роль Бабы-Яги в качестве помощницы почти исчерпывается дачей герою мудрых и добрых советов и вручением чудесных предметов. Аналогичные или близкие к ней функции в сказках восточных славян также часто исполняют бабушка-заворонка, мудрый старик-волшебник, чудесные зятья (Ворон Воронович, Сокол Соколович, Вихрь и др.). Значительно реже в качестве союзников героя подвизаются такие сказочные существа, как Змей, Чудо-юдо, черт, леший и подобные им чудовища (см. сказку на сюжет «Медный лоб», Андреев, 502), обычно выступающие в роли его противников; зато очень часто — встречаемые богатыри, чудесные искусники, невидимки и другие многочисленные доброжелатели из мира природы и человеческого общества.

ВСТРЕЧНЫЕ БОГАТЫРИ (ВЕЛИКАНЫ)

Встречных два или три богатыря, как и родные и названные братья, являются временными помощниками героя. Они называются:

у русских: Дубы<и>ня, Дубынюшка, Дубина, Дубник, Дубыничь, Дуб-Дубовик, Вернидуб, Вертодуб, Великодуб, Дубодёр, Дубодран, Дугиня, Лесиня, Горыня, Горынюшка, Горник, Горынич, Гор-Горовик, Горнонос, Горокат, Вернигор, Вернигора, Вертогор, Спехни-гор, Рознигор, Катайгора, Пересыпи-Гора, Переверни-Гора, Усыня, Усынич, Вус-Вусовик, Рукошил, Деветыпила, Горох;

у украинцев: Дубовик, Верни<ы>дуб, Вертодуб, Щавидуб, Кривихаща, Ломи-лі<е>с, Зітри-лі<е>с, Горун, Верни<ы>гор, Верни<ы>гора, Переверни-гора, Рассуль-гора, Разверпи-гора, Рознигор, Прокати-гора, Покати-гора, Товчикаміль, Сучикаміль,

Сучимотузка, Крутивус, Пруд<т>ымус, Запри-вода, Заверни-вода, Верни-вода, Запини<ы>-вода, Застаў-вода;

у белорусов: Дубовик, Дуб-Дубовик, Вярни-Дуб, Дубина, Дубин, Лесовэй, Горыня, Горы<у>н, Гора-Горовик, Горовэй, Горовик, Вярни-Гора, Вярни-Камень, Камин-богатырь, Гаврило-Камяньник, Вусыця, Запры-вода, Дуровик, Юда, Сявбит, Рашетников.

Предводителем этих богатырей может быть Покатигорошек, Иван-Медвежье Ушко, Иван Ветров, Майдан Попович и другие герои титанической силы.

Встречные богатыри весьма типичны для сказок о «Трех царствах» (Андресв, 301), разрабатывающихся отдельно⁵³ и в сочетаниях с некоторыми другими сюжетами: «Кощеева смерть в яйце» (302),⁵⁴ «Брат спасает от змеев сестру и братьев» (*312 I),⁵⁵ «Бой на Калиновом мосту» (300* В),⁵⁶ «Иван-Медвежье Ушко» (650 А),⁵⁷ «Об одураченном черте» (1210, 1281 и др.).⁵⁸ Наличие такого рода богатырей нами также отмечено в сказках «Бой на Калиновом мосту» (300 *В) в контаминации с «Брат спасает сестру и братьев» (*312 I)⁵⁹ и «Чудесные искусники» (513 А)⁶⁰ и в сказке «Ведьма и Солнцева сестра» (*313, II), представленной в русском репертуаре всего двумя вариантами.⁶¹

Встречные богатыри — это исполины, в образе которых нельзя не видеть олицетворение могучих и величественных сил и явлений природы. Деятельность их сплошь и рядом носит стихийный, неосознанный или в очень малой степени осознанный характер и предпринимается, как говорится в одной сказке, «себе (то есть богатырю) на потеху».

Гор-Горовик (Вернигор и т. п.) занимается, например, тем, что «горы сворачивает» (Смирнов, 361; ср.: Роздольский, VII, 33); «катает горы с места на место» (Бардин, 203; Соколовы, 105); «с ручки на ручку горы перекатывает» (Худяков, прилож.,

⁵³ Афанасьев, 141, 142; Худяков, 5; Жив. ст., стр. 275—278, 300—301; Зеленин, Пермск., 22; Смирнов, (361); Карнаухова, 41, 89; Рождественская, 75; Ковалев, 8; Чубинский, 62; Moszińska, 7; Манжура, стр. 43—45; Гринченко, I, 165; Роздольский, VII, 37; Левченко, 471; Сухобрус, стр. 95—106, 107—117; Калинин, стр. 41—48; Романов, VI, 16, 34; Шейн, 45.

⁵⁴ Записки, I, (43); Комовская, Пред., (96); Чубинский, 64; Романов, VI, 14, 15, 36.

⁵⁵ Чубинский, 63; Роздольский, VII, 33; Левченко, 513.

⁵⁶ Худяков, Прилож., 1, стр. 271—273; Добровольский, 6.

⁵⁷ Соколовы, 105; Ск. Сар. обл., стр. 124—138; Коргуев, 11; Бардин, 203; Никифоров, Ск., 109; Драгоманов, 1; Гринченко, I, 165; Яворский, 25; Романов, VI, 38; Шейн, 54. Ср. со сказкой в изложении М. Шпилевского: «Пантеон», 1853, т. IX, кн. 6, стр. 1—18.

⁵⁸ Эрленвейн, (29); Чубинский, (61).

⁵⁹ Афанасьев, 134.

⁶⁰ Романов, VI, 29; Добровольский, 8.

⁶¹ Афанасьев, 93; Смирнов, 324.

1, стр. 271—273), «горы переносить» (Романов, VI, 38); «сидит на стуле, руками гору качает» (Эрленвейн, 29); «на мизиньче гору качает» (Жив. ст., стр. 275—278); поколачивает «гору ó гору» (Коргуев, 11); «боком упрется, раздвигает горы» (Худяков, 5); ходит по Балканским горам, которые «аж за большки заходят», и лопатой как «чирпанет гару, так и ссунить яе далюу» (Добровольский, 8); закидывает горы за облака (Добровольский, 6);⁶² «бяреть на вилы горы и разнашуеть, и ровняеть поля, долины» (Романов, VI, 14); «як уляжетъ плечом у горó, так и турить яе, де лощина, — землю ровнуеть» (Романов, VI, 15); взваливает гору себе на плечи и несет в овраг — «выравнивает поле» (Комовская, Пред., 96).

В таком же духе протекает деятельность близких к Гор-Горовику богатырей — Салыни, Камин-богатыря, Гаврилы Камяньника и Рашетникова. Первый из них ворочает «дивитириковые каменья» (Добровольский, 6),⁶³ второй «береть по тысячи пудов камень у обедви рúки и разма́хуетъ: камень об камень пусьтить — и яны разбиваютца» (Романов, VI, 14); третий катит в лог «такéй камень, як будыня» (Романов, VI, 15), четвертый «бяреть сильные камни и кídaеть их у гóру, — гуляеть из ими» (Романов, VI, 16).

Богатырь Дуб-Дубовик (Вярни-Дуб, Лесовэй и т. п.) свою титаническую силу демонстрирует, вырывая с корнем могучие дубы (деревя, лес) и пр.: «возьмет за макушку дуба и с корнем выворачует, и размахуетъ» (Романов, VI, 14); «вырветъ дуб, ды догоры корнями ставить» (Романов, VI, 16); сидит на дубу, а другие дубы с корнем выдергивает (Записки, I, 43); с корнем вырывает дубы и забрасывает их на поляну (Добровольский, 6); дергает дубы (Бардин, 203);⁶⁴ «дубьё рвёт, да клубьё вьёт — как ромно нитки» (Жив. ст., стр. 275—278; ср.: Комовская, Пред., 96 — то же проделывает со столетними дубами); «поколачивает дуб ó дуб» (Коргуев, 11); «дубы перяпосить» (Романов, VI, 38); «леса переваливает» (Худяков, прилож., 1, стр. 271—273); «раздвигает боком деревья» (Худяков, 5).

Подстать Дуб-Дубовику — богатырь Лесовэй: «лес то громадный, а ён за макушки их <деревя>, да знашуеть у кучу» (Романов, VI, 15).

Только в одном из вариантов сказок на сюжет «Три царства»

⁶² Ср.: Манжура, стр. 43—45 — о Верныгоре говорится, что он одной рукой «хочь яку гору переверне».

⁶³ Ср.: Сухобрус, стр. 107—117: Товчикамиць толчет камень «та пече з нього калачи»; Калин, стр. 41—48: Сучикамиць «бере каминь у руки í суче його на порох».

⁶⁴ Ср.: Манжура, стр. 43—45: «двомя пальцами <Верныдуб> хочь якого дуба то зломе»; Афанасьев, 142: «хоть какое дерево, так <Дугиня> в дугу согнет»; Калин, стр. 41—48: Кривихаша занимается тем, что прямое дерево кривит, а кривое выпрямляет; Эрленвейн, 29 (в плане комическом): «стоит задом к дубу и рубит его».

(Карнаухова, 89), выполняя запрет, нарушителям которого грозит смерть, Вернигор воздерживается от свертывания горы, а Вернидуб от выкорчевывания дуба.⁶⁵

Необыкновенен в своем гигантском росте и чудесных способностях Усыня (Крутиус и т. п.). Мало того, что он своими усами перекрывает (запружает, скрепляет и пр.) реки, пруды и даже моря (Эрленвейн, 29; Записки, I, 43; Смирнов, 361); сидя на Дону, держит на одном конце их пруд, а на другом плотину (Добровольский, 8), отворачивает воду, «щоб річку перейти» (Сухобрус, стр. 95—106),⁶⁶ он также ими рыбу ловит, «на языке варит да кушает» (Афанасьев, 141; ср.: Жив. ст., стр. 275—278; Гринченко, I, 165); приводит в движение ветряки: «на цей бік поверне одним усом — ці шість вітряків мелють, поверне на другий бік другим усом — ты шість вітряків мелють» (Чубинский, 64; ср.: Левченко, 513; Шейн, 45). По его усам через реку, «словно по мосту, пешис идут, концы скачут, обозы идут» (Афанасьев, 142; ср.: Коргуев, 11; Манжура, стр. 43—45).

Как видно, труд Усыни в какой-то мере служит человеку; труд этот не бесполезен. То же самое мы наблюдаем и в деятельности других богатырей. Рознигор, например, для того горы распахивает, «щоб шлях був» (Сухобрус, стр. 95—106), не бесцельно перекатывает камни с места на место, а «в горах дорожку ломает» (Карнаухова, 41), «верстает дорогу» (Афанасьев, 134) Вернидуб не только «себе на потеху» вырывает с корнем дубы, а пересаживает их с определенным расчетом: «де густо дубів, там выриває и насажує там, де рідше» (Чубинский, 64; ср.: Добровольский, 8) или вывертывает дубы, «щоб іті було просторіше» (Сухобрус, стр. 95—106). Полезным трудом занимается и богатырь Сучимотузка, который рубит «хмиз», вытягивает из земли траву и сучит «з цього мотузки» (Сухобрус, стр. 107—117).

В украинской сказке «Богодавец Иван» (Чубинский, 64) герой сталкивается с богатырями, поставленными в необычные условия. Оказывается, они — закрепощенные люди, находятся в зависимости у пана, работают на него: «Пішов бы и я, брате, з тобою», — с горечью заявляет каждый из них Богодавцу Ивану, — «та я боюсь, бо мене мій пан, як дожене, то де дожене, там мене и вб'є». И каждому из них Богодавец Иван говорит: «Иды, не бійсь!», гарантируя безопасность самовольного ухода с работы «підписью» с грозным предупреждением в адрес пана: «Смотри, говорит, подлец. Ишов Иван Богодавец и взяв товарища з собою и не доганяй, бо де доженеш там и пропадеш».

⁶⁵ То же в сказках: Афанасьев, 93 (перепеч. с укр.) и Смирнов, 324, но на другой сюжет — «Ведьма и Солнцева сестра» (Андреев, *313, II).

⁶⁶ Ср.: Бардин, 203; Рукопис «держит на руке две мельницы»; Роздольский, VII, 33; Завернивода «отворачивает» речку, но не усами, а своим дыханием.

В таком же закрепощенном состоянии находятся встречные богатыри Горох и Великодуб в сказке «Иван-Медвежье Ушко» (Ск. Сар. обл., стр. 124—138). Именуются они «мужиками», которые вот уже в течение тридцати лет «работают на барина». Один из них сеет горох сеялкой, вмещающей восемь четвертей ржи, другой выворачивает с корнями дубы. На призыв Ивана-Медвежьего Ушка кончат работу и идти с ним странствовать, они отвечают: «Ну, так и быть, пойдем. Довольно работать на барина».

По настойчивому уговору Ивана Подвоя «берут волю» и уходят в «белый свет» богатыри Гаврыла-Камяньник, Горовэй и Лесовэй (Романов, VI, 15). Оказываются на свободе также два заколдованных богатыря — Горник и Дубник (Никифоров, Ск., 109) в результате того, что Палфил-медвежий сын помогает им выполнить возложенную на них работу: одному — свести в одно место две горы, другому — вывернуть дуб.

Во многих вариантах чудесные способности всех или отдельных богатырей ставятся непосредственно на службу героя, помогая ему успешно преодолевать различного рода препятствия. В одной из украинских сказок об этом так говорится: «Идут, идут <Покатигорошок и его спутники>. Зайшли в такі гори, що нікуда ні вийти нічого. Той Переверни-гора підсадився під гору і перевернув, — і вони пішли. Ідут, ідут. Зайшли до таких водів, що їх не перейти, ні переплисти. Той Зашины-вода як ляг на воду, то вони перейшли. Той (тогда) став і пішов з ними. Ідут, ідут. Зайшли в такі ліси, що нікуда ні вийти, ні продертися: таки (й) густий. Той Ломи-ліс каже: „Ідит за мною, а я буду ломав стежку“. Тії ідут за ним, а він ломит так хутко, що навіть поспішити за ним не можуть» (Левченко, 471; ср.: Афанасьев, 142; Карнаухова, 41; Коргуев, 11; Драгоманов, 1; Чубинский, 64; Манжура, стр. 43—45; Яворский, 25; Сухобрус, стр. 95—106; Романов, VI, 36; Шейн, 45).⁶⁷

Зачисление богатырей в младшие товарищи («названные братья») героя обычно происходит примерно так: «Вот чудо так чудо! Уж больно силен ты, Горынюшка!», — восклицает Ивашко-Медведко, видя как тот, взвалив на себя целую гору, относит ее в лог. «Ох, братцы, — отвечает Горыня-богатырь, — какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так у того и впрямь сила великая!». «Да ведь это я!» — признается герой. «Куда ж ты идешь?». — «А куда глаза глядят». — «Возьми и меня с собой». — «Ну, пойдем; я товарищам рад» (Афанасьев, 141).

Однако зачисление в товарищи может происходить не сразу, а после того, как богатыри померятся силой и определят, кому

⁶⁷ Записки, I, 43 — богатырь Иван-царевич отказывается перейти по усу через реку, «а отмахнул топором от утеса; камень запрудил реку он и перешел».

из них быть старшим (Худяков, Прилож., 1, стр. 271—273; Чубинский, 62; Калинин, стр. 41—48).

К дальнейшему недостойному поведению встречаемых богатырей (их лжи, вероломству и пр.), которое обнаруживается в эпизодах борьбы с злым существом, Змеем, при освобождении царевен из-под земли и т. п.,⁶⁸ герой относится двойко: в одном случае он прибегает к крутым мерам наказания — убивает (казнит, карает) их (Афанасьев, 141; Жив. ст., стр. 275—278; Ск. Сар. обл., стр. 124—138; Рождественская, 73; Никифоров, Ск., 109; Чубинский, 62; Левченко, 471, 513; Сухобрус, стр. 95—106; Калинин, стр. 41—48; Романов, VI, 34; Шейн, 45, 54),⁶⁹ избивает (Манжура, стр. 43—45), гонит с глаз долой (Роздольский, VII, 37), оставляет у себя «за наймати» (Роздольский, VII, 33); в другом, напротив, великодушно, не помня зла, прощает (Зеленин, Пермск., 22; Карнаухова, 41, 89; Драгоманов, 1; Сухобрус, стр. 107—117; Романов, VI, 15, 36, стр. 340—347; Добровольский, 6).

В сказке «Гор-Горовик, Дуб-Дубовик, Вус-Вусовик и Перекати-Горошинка» (Жив. ст., стр. 300—301) наказание братьев приобретает трагикомический оборот, что, вообще, говоря, согласуется с их, необычной для типа встречаемых богатырей, внешностью:⁷⁰ «Как схватя <Перекати-Горошинка> Дуб-Дубовика за волосья, так целну охапку волос и выдерня живьем, глядишь: цела рошша. Как схватя Вус-Вусовика за вусы, так што ни ус, то либо река, либо речки. А как взялся Гор-Горовик возить, уж он ли его и в горб и в загривок, всю землю срыл... Ну лес, (бес) с вами, будя, смеется Перекати-Горошинка; а теперицка с законным браком дозвольте проздравить» (Жив. ст., стр. 300—301).

Итак, встречаемые богатыри, как чудесно рожденные братья, в сказках выступают в противоречивой роли: на первом этапе

⁶⁸ Афанасьев, 134; Чубинский, 61, 63, 64; Яворский, 25; Романов, VI, 38 — богатыри-спутники до конца и вполне добросовестно служат герою; Гринченко, I, 165 — спутники-богатыри погибают в единоборстве с дедом, у которого «борода у аршин».

⁶⁹ Бросает двух товарищей в пасть преследующего Змея, а сам скрывается в купине (Афанасьев, 134); Горыня и Дубиня погибают в ратном бою; раненого Усыню Иван Соснович за все содеянное прощает, но выпущен убить, чтобы облегчить его тяжкие страдания (Коргуев, 11); при появлении Сосны-богатыря пазванные братья-изменники «с испугу разбегаются в разные чужедальные земли» (Афанасьев, 142); Вертолудба, Катайгору, Рукосила казнят по приказанию царя (Бардин, 203); Усыня и Дубиня погибают от руки Кащея (Записки, I, 43); из зависти Спехнигора «олням взмахом кулака» убивает Дубодрана, выдает себя за спасителя царевны, получает от царя награждение и его роль в сказке на этом обрывается (Ковалев, 8).

⁷⁰ В этой сказке у Дуб-Дубовика «за место волосьев... дубы на голове росли»; Гор-Горовик имел два горба — один спереди, другой сзади, и только Вус-Вусовик оставался в своей традиционной форме: свой долгий ус он через море «наставлял», а по другому будто по мосту шагал.

они — союзники и помощники героя, на втором — его недруги. В основу перерождения богатырей сказка кладет моральный мотив. Эгоизм и трусость толкают их на измену и предательство.

Нельзя не заметить, что и физическую силу и нравственные недостатки встречных богатырей сказка искусно использует для одной и той же цели — выделить, возвысить основного героя в глазах слушателей. Слов нет, встречные богатыри могучи. Они, играючи, перемещают горы, с корнем вырывают столетние дубы, а вот перед силой деда Сам с ноготок или девушками-оборотнями устоять не могут. Эти существа легко с ними расправляются да еще с позором бросают под лавку. И сказка как бы говорит своим слушателям: судите сами, какой силой обладает герой, если он — не в пример своим названным братьям-богатырям — умиряет и деда Сам с ноготок и укрощает девушек-оборотней.

ЧУДЕСНЫЕ ИСКУСНИКИ, НЕВИДИМКА И ДР.

В отличие от трех встречных богатырей чудесные искусники-помощники героя — не оставляют его на полпути, не изменяют, а честно и ревностно служат ему до конца. Количество искусных помощников в сказках весьма различно⁷¹ и зависит от числа задач, которые перед ними ставятся. В свою очередь характер задач определяет личные качества каждого из помощников (кто на что способен): один — «от собак горазд», другой — «от железа горазд», третий — «есть горазд», четвертый — «угадывать горазд», пятый — «от жару горазд», шестой — «от огня горазд» (Записки, I, 45).⁷²

Соответственно этому первый разгоняет стаю собак, набросившихся было на героя и его спутников, второй — легко взламывает замок па воротах, третий съедает по семи хлебов из сорока печей, выпивает сорок бочек вина (воды) и голоден остается, четвертый отгадывает среди двадцати одинаковых девиц царевну Маранду, пятый мгновенно остужает жарко патошленную баню, шестой спасает героя и его спутников от губительного огня.

⁷¹ Колеблется в пределах от трех (Афанасьев, 137) до двенадцати (Карнаухова, 163; Чубинский, 69).

⁷² Собственных имен или прозвищ, за редким исключением (например, Афанасьев, 137; ср.: Рудченко, II, 25), искусники не имеют. Карнаухова, 163 — все они прозываются яржками, гораздыми: в ложке людей за море перевезти, свататься, мыться в бане и пр. В сказке «Про Сученка-багатыря» (Чубинский, 69) в числе искусников называются Верныгора, Верныдуб и Вершывода. Романов, VI, 15 — в товарищах также находятся сильпомогучие богатыри, в том числе Сявбит, который «сто читьвартей у сивалки держит на пличах, и жито па землю бросайть, и ў темныи облака смотреть: хорошая луна узойдѣть — сеить, плохая — стоить».

Трудные задачи, выполняемые за героя его помощниками, по содержанию бывают различными, из них наиболее устойчивыми являются поглощение огромного количества пищи (хлеба, вина и пр.) и охлаждение бани.

В результате помощи чудесных искусников герой достигает своей конечной цели — женитьбы на царской дочери.

Среди сказочных помощников заметную роль играет Невидимка. Невидимка — это и есть «то, не знаю что», которое добывает герой, выполняя самую сложную из всех задач царя-насильника («Пойди туда, не знаю куда, припеси то, не знаю что»). «То, не знаю что» может называться просто Невидимкой (например, Худяков, 69, 95); в большинстве же случаев ему присваиваются разнообразные и причудливые прозвища.⁷³

Невидимка как верный и преданный герою «слуга» типичен для сказок на сюжет «Красавица жена» (Андреев, 465). В какой-то мере он заменяет ему волшебные скатерть-самобранку и часто ковер-самолет. Стоит, например, солдату Даниле произнести: «Дай-ка, Бас, попить, поесть мне!», как откуда ни возьмись появляются тарелки, «выпивки и закуски» (Господарев, 3). На выручку приходит Невидимка и тогда, когда герой умаривается от ходьбы. «„Эх, — говорит, — Шмат-разум! Если б ведал, как я устал; просто ноги отымаются“. — „Что ж ты мне давно не скажешь? Я б тебя живо на место доставил“. Тотчас подхватило стрельца буйным вихрем и понесло по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась. „Эй, Шмат-разум! Постой на минутку, моя шапка свалилась“. — „Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысяч верст позади!“» (Афанасьев, 212; ср.: Господарев, 3 и очень близкие к тексту Афанасьева — Комовская, Пред., 97; Потявин, 13).

Помимо такого рода функций, у Невидимки имеются и другие: он выполняет также роль хитроумного советчика (мотив — излюбленный для восточнославянских сказочников). Именно Невидимка настаивает, чтобы герой обменял его на диковинные предметы (драчун-дубинку, меч-самосек, топор «тяп да ляп — вышел корабль», гусли-самогуды и пр.), и, когда тот указанным

⁷³ Мурза (Афанасьев, 567; Романов, III, 86), Мурдза (Левченко, 485), Урза-Мурза (Афанасьев, 212, вариант), Юрза-Мурза (Чубинский, 74), Урса (Воронежск., 7), Юра (Зелениц, Вятск., 1), Саура (Афанасьев, 214), Шуру-Муру (Худяков, 1, стр. 271—273), Кухта-Мухта (Соколовы, 59), Шмат-разум (Афанасьев, 212), Сват-разум (Ковалев, 9; Тамб., 19; Тумилевич, 9; Комовская, Пред. 97; Потявин, 13), Брат-разум, он же Сват-разум (Карнаухова, 53), Ум-разум (Яросл., 8), Сват-Наук (Коргуев, 2), Брат-сват (Чернышев, 20), Нито (Романов, VI, 7), Нечто (Зелениц, Вятск., 32), Никто или Некто (Афанасьев, 215; Опчуков, 151), Нешто-нашто (Карнаухова, 7), Выдымо й Невыдымо (Манжура, стр. 70—71), Бас (Господарев, 3), Страус (Смирнов, 4), Губрей (Афанасьев, 212, вариант), Аптей (Кравченко, 128), Лебедко (Чмыхало, 4), Афонюшко (Садовников, 9), Орловец (Королькова, стр. 49—55), Сувор-невидимка мужичок (Лекарство от задумчивости, стр. 152—188).

путем завладевает ими (обмен обычно проходит в море на корабле), он вновь как ни в чем не бывало возвращается к нему в услужение. Таким образом обманутыми в большинстве случаев оказываются купцы (корабельщики) и недалекие генералы и короли.

Вербуй слуг из мира фантастических существ, сказка не проходит и мимо человека. Однако человек как помощник героя не всегда оказывается на высоте. Это мы видели на примере братьев — родных и названных. Это видно и на примерах различного рода слуг Ивана-царевича, особенно из числа дворцовой знати и ее ближайшего окружения (например, дядьки-воспитатели). Последнее обстоятельство мы особенно подчеркиваем, поскольку слуги-выходцы из трудовых слоев населения (солдаты, бурлаки, крестьяне и пр.) оказываются самыми надежными и беззаветно преданными герою людьми. По своим нравственным и физическим качествам, умственным способностям они даже превосходят его. В этом отношении особенно показательна сказка о слепом и безногом (Андреев, 519), где Ивана-царевича лишь поминально можно считать главным действующим лицом. На самом же деле им является мужик Никита Колтома (Афанасьев, 199), Иван Голый-бедняк: «ни есть, ни пить нечего, одежда давно с плеч свалилася» (Афанасьев, 20), сын старика и старухи — Иван Дорогокупленный (Худяков, 47), «мужик большой большой» (Опчуков, 177), Мишка-Котома-Конюх (Зеленин, Пермск., 7), Илюшка-пьянюшка матросов сын (Зеленин, Пермск., 96), Михалко-Офонаскин сын (Соколовы, 111), Мишка-водовоз (Соколовы, 146), Матюша Пепельной (Волог., 14; ср.: Коргуев, 22)⁷⁴.

В помощники и союзники героя сказка призывает не только живую, но и мертвую природу и даже предметы быта, одушевляя и очеловечивая их. Герою сочувствуют и помогают молочная речка, кисельные берега, скрипучие ворота, колодец, домашняя утварь. К нему на помощь и защиту приходят разнообразные представители растительного царства: тут и белая березка, укрывающая бедную девочку-сиротку от погони, и лесная яблонька, и густой непроходимый лес, расступающийся перед героем и смыкающийся перед его преследованиями, и многое другое.

Особенно же широко в качестве верных помощников сказка представляет животных — от зверей и птиц до насекомых («мурашек»). Как домашние, так и дикие животные — коровушка-буренушка, бычок, собака, кошка (кот), петух, волк, медведь, сокол, гуси-лебеди, ворон и некоторые другие,⁷⁵ с которыми чаще

⁷⁴ Ср. чудесного рождения: Бур-храбер-сын «Кобылицы-слатыницы» (Эрленвейн, 19), Оника-сучий сын (Карнаухова, 168), Бурза Волович (Карельск., 8); неопределенного происхождения: дядька Колтома (Афанасьев, 199); Малый голый — обедневший царский сын (Каливников, 4).

⁷⁵ Редко — экзотические лев, слон.

всего имеет дело восточнославянская волшебнo-фантастическая сказка, — выполняют самые разнообразные функции. Многие из них в своих действиях придерживаются обещания, данного герою при встрече: «Я тебе еще пригожусь!».

Из животных-помощников на первом месте по популярности стоит чудесный конь (лошадь, кобылица, жеребенок). В украинских и белорусских сказках, за немногим исключением, конь не имеет названия, тогда как в русских он обычно именуется Сивкой-Буркой⁷⁶ (Бурка-Ковурка, Бурка, Каурка, Сивушка-Бурушка, Сивка-Бурка, вещая или вечная каурка; в отдельных и только в севернорусских вариантах — Сивка-Бурка вешной или вечной Воронко) и Коньком-горбунком.⁷⁷ Конь чудесным образом перевоплощает героя и помогает ему решать трудные задачи.⁷⁸

В числе помощников сказка также называет вещей и могучих птиц, способных переносить героя на огромное расстояние, давать советы и выполнять трудные поручения. На севере России, в Сибири и Белоруссии это часто Нагай (Нагай, Нагой) — птица,⁷⁹ Маговей-птица,⁸⁰ Моголь (Могуль)-птица.⁸¹ Но птица-великанша может называться и по-другому.⁸² Чтобы прокормить такую птицу во время полета герой должен приготовить «три сороковки говядины да чан воды» (Афанасьев, 157), «бочку мяса и бочку винца» (Чернышев, 35), сто сорок бочек битых птиц и сто бочек воды (Азадовский, Сиб., 17), заколоть четырех волов (Зеленин, Пермск., 2, стр. 270), набить «мелких телешков» (Ончуков, 8) и т. п.

Стбит птице-великанше пасть с высоты на море, как оно до дна раздваивается (Смирнов, 321), на землю — в окна свет меркнет (Афанасьев, 157); от одного удара ее клюва дуб вверх кореньями падает (Ончуков, 60).⁸³

⁷⁶ Ср. белор.: Сивчик-Бурчик или Сивец-Бурец, вешний каурец (Романов, III, 186, VI, 18; Добровольский, 30, 31). См. конь по кличке Сивко-Бурко, вешняя коворка и Сивка-Бурка, вещая каурка также в сборниках сказок XVIII в.: Лекарство от задумчивости; Сказки русские Тимофеева (и там и здесь в «Сказке о Иванушке-дурачке»).

⁷⁷ Ср. белор.: Шейн, 134.

⁷⁸ Подробно об этом см. выше.

⁷⁹ Записки, II, 28; Ончуков, 60, 151; Соколовы, 105; Смирнов, 321, 355; Романов, VI, 55. Под тем же названием и в той же роли Нагай-птица фигурирует в «Сказке о Игнате-царевиче и о Суворе невидимке-мужичке» (Лекарство от задумчивости).

⁸⁰ Ончуков, 2, 8; Карнаухова, 138.

⁸¹ Афанасьев, 157; Ончуков, 126; Чернышев, 35.

⁸² Гроха-птица (Париллов, 5), Птушка-грип (Романов, III, 13), Птица-Полугрица (Романов, VI, 36), Жар-птица (Зеленин, Пермск., 2, стр. 270; Иваницкий, 623; Moszyńska, 7), птица-колпалаца (Афанасьев, 171), птица-«усяму свету Хлапатница» (Добровольский, 10).

⁸³ Ср.: «Кали лятить птица, да такая великая, што и свет затмився: то было темно, а то яще потямнело. То — матка тых птушек, што накрыл царевич» (Афанасьев, 132).

Гнездится птица у моря на двенадцати дубах (Жив. ст., стр. 275—278; ср.: Зеленин, Пермск., 2, стр. 270) и имеет пленцов, которых во время «хмары крепкой» и дождя спасает герой.

В чем же причина того, что герой сказки приобретает себе так много друзей, покровителей, союзников? Почему они, за исключением разве немногих, в том числе родных и названных братьев, последовательно и до конца служат ему, помогая преодолевать препятствия, побеждать врагов и добиваться выполнения поставленной задачи? В чем секрет их верности и преданности герою?

На все эти вопросы сказка дает ответы. И, несмотря на великое разнообразие последних, все они в сущности сходятся на одном: причины симпатии к герою она видит в самом герое и прежде всего в его намерениях и поступках, в его поведении, в его отношении к окружающему миру.

В самом деле, почему Баба-Яга, эта злая и страшная старуха-людоедка, враждебно относящаяся ко всему живому, вдруг проникается к своему названному гостю (Ивану-царевичу и пр.) уважением и не только не вредит ему, но и оказывает покровительство? Не потому ли, что он покоряет и обезоруживает ее своим бесстрашием и дерзновенной решительностью пойти на все, чтобы выполнить заветную цель?

А встречный старик-волшебник? Что его заставляет наставлять героя на истинный путь и вручать ему подарки вроде чудесного клубочка-самоката или богатырского коня? Не те же ли восхищение и преклонение перед неслыханной смелостью и благородством поступков героя? Старика-волшебника подкупает также учтивость и щедрая доброта героя, его готовность поделиться с встречным всем, вплоть до последнего куска черствого хлеба (см., например: Рудченко, II, 25; Чубинский, 19).

Нередко верных слуг и помощников герой приобретает тем, что, движимый чувством сострадания, освобождает их из заточения (тюрьмы, башни, подвала и т. п.), спасает от истязаний и смерти. Он, например, под большой денежный залог вызволяет Пилача-доброего молодца, которого купцы выводят на площадь и нещадно наказывают батогами (Романов, VI, 1; ср.: Смирнов, 130); выкупает за триста рублей богатыря Булата, закованного в железо за то, что угрожал царя Кирбита «збить и зломать, по колью мяса потыркать», а, выкупив, берет богатыря за цепь и так встряхивает, что с него все железо спадает (Романов, VI, 2).

Не остаются в долгу перед героем чудесные собака и кошка, обреченные на смерть, спасенные от голодной смерти и иных бед, или пощаженные им разнообразные насекомые, птицы, звери, рыбы, в том числе чудесная щука, от имени которой действует Емеля-дурак, могущественная птица Нагай, выносящая героя из-под земного царства на «белый свет», пчелы, помогающие Ивану-

царевичу собрать в табун разбежавшихся чудесных копей, и многие, многие другие.

Хорошее обращение и щедрость героя навсегда привязывают к нему такое сказочное существо, как Невидимка. «Ах, добрый человек! — отвечает, например, Шмат-разум на приглашение стрельца-молодца Федота поесть-попить вместе с ним. — Откудава тебя бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за все это время они ни разу меня с собой не сжали». И когда Федор спрашивает, хотел бы Шмат у него служить, тот с удовольствием соглашается: «Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, — человек добрый» (Афанасьев, 212).

За любовь, внимательный и заботливый уход сторицей воздает Иванушке-дурачку волшебный конь (Сивка-Бурка, Конек-горбунок и др.). Конь этот верно служит герою и в том случае, когда достается ему в награду за какой-либо совершенный подвиг.

Особо печется сказка о невинноотпавших, представленных в первую очередь в образе скромной, трудолюбивой, честной, терпеливой и исполнительной падчерицы или девушки-сиротки, ласка и доброта которой находят покровителей не только среди фантастических существ, животного и растительного мира, но и предметов быта.⁸⁴

Одним словом, за добро сказка вознаграждает добром. Она учит бережному, любовному отношению ко всему живущему на земле и тем выражает великие идеи гуманизма, глубоко заложенные в народном сознании.

Без преувеличения можно сказать, что роль чудесных помощников в системе образов восточнославянской волшебной-фантастической сказки исключительно велика. Роль эта может возрастать или снижаться в зависимости не от национальной среды, в которой сказки бытуют, как думают некоторые исследователи, а от их жанровой принадлежности. В сказках героического характера роль чудесных помощников, естественно, снижается, поскольку сам герой наделяется инициативой, и, наоборот, в сказках с пассивным героем она возрастает.

⁸⁴ См., например, обширный цикл сказок «Мачеха и падчерица» (Андреев, 480), частично уже затрагиваемый нами при характеристике Бабы-Яги, сказки «Свиной чехол» (Андреев, 510 В) и «Одноглазка, Двуглазка и Трехглазка» (Андреев, 511).

ПРОТИВНИКИ ГЕРОЯ

Среди мифологических существ — противников героя волшебной-фантастической сказки прежде всего следует назвать Бабу-Ягу, Змея и Кощея Бессмертного. Помимо них, противниками героя выступают также другие фантастические существа и среди них Ох и Сам с ноготок, прозвища которых прочно удерживаются в сказочной традиции восточных славян.

Ох — искусный учитель, колдун и оборотень — персонаж сказки «Хитрая наука» (Андреев, 325).¹

Дед (мужичок) Сам с ноготок (локоток и пр.) — существо необычно маленького роста и с непомерно длинной бородой. Это злой карла восточнославянской сказки. В соответствии со своим внешним видом он именуется: Сам с ноготок, борода с локоток, или Сам с ноготь, борода с локоть (Ончуков, 241; Зеленин, Пермск., 22; Смирнов, 356, 361; Карнаухова, 41), Старичок с ноготок, а борода семь локтей (Иваницкий, 623), Дід на ногіть, борода на локіть (Чубинский, 62), Сам (или діда) с коготь, борода с локоть (Шейн, 54; Кравченко, 121), Сам на корок (или корж), а борода на локоть (Чубинский, 61; Левченко, 513), Сім шкір калита, по коліно борода (Левченко, 471), Маленький дідок, а борода на цілий добрый сажень (Чубинский, 63), Сам с кокыць, борода семьдесят сажон (Добровольский, 12), Сам піў ліктва, а борода у него на піўтора ліктва (Роздольский, VII, 37), Старичок ростом с ложку, а борода с аршин (Бардин, 203), Сам с аршин, а борода сажень (Moszyńska, 7).

Иногда в это наименование персонажа вносится дополнение, оттеняющее новые черты в его внешнем облике: Сам с ноготок, борода с локоток, а усы семь четвертей (Зеленин, Пермск., 43), Сам с коготь, борода з локоть, а вочи по яблоку (Романов, VI, 37), Сам с кокыць, борода з локыцы, а нос с сажень (Шейн, 53), Царь Кокыць, барада з локыць, 70 аршин зязлезная пуга, а с 70-ти валоў у яго сумка (Добровольский, 8).

¹ Афанасьев, 251; Худяков, 47; Зеленин, Вятск., 30; Карнаухова, 44; Коргуев, 21; Рудченко, II, 29; Драгоманов, 21; Чубинский, 102, 103, 104; Чмыхало, 4; Яворский, 36; Сухобрус, стр. 185—193; Добровольский, 34.

Сам с ноготок — существо дерзкое, злое, неблагодарное и коварное. Несмотря на свой ничтожно малый рост, он обладает огромной физической силой, перед которой может устоять только главный герой сказки (см. раздел «Три брата-богатыря»).

БАБА-ЯГА

Как мы говорили, Баба-Яга — образ крайне противоречивый. Ягишни, входящие во вторую из намеченных нами групп и играющие отрицательную роль, могут быть сведены к следующим типам: 1) Баба-Яга — воительница, 2) Баба-Яга — мстительница, 3) Баба-Яга — обладательница чудесных (одушевленных и неодушевленных) предметов, 4) Баба-Яга — злая чаровница, 5) Баба-Яга — коварная доброжелательница, злая советчица и разлучница, 6) Баба-Яга — похитительница детей.

1. БАБА-ЯГА — ВОИТЕЛЬНИЦА

«Три царства: золотое, серебряное, медное» (Андреев, 301).² Баба-Яга — обитательница подземного мира. Для богатырей (Усыни, Горыни и пр.), поочередно варящих в избушке обед, ее появление неожиданно: «Вдруг закутилось-замутилось, в глаза <Усыни> зелень выступила — становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга, костяная нога, ж... жилиная, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрѣхивает» (Афанасьев, 141; ср.: там же, 142).

Подобно мужичку Сам с ноготок, она дочиста съедает приготовленную младшими богатырями пищу, остается недовольной приемом и расправляется с ними (бьет, вырезает со спин ремни, таскает за волосы по полу, забивает под лавку да еще придавливает камнем). Усмирить Бабу-Ягу удастся только главному герою (Ивашке-Медведке и пр.). Он до полусмерти избивает ее, вырезает с ее спины ремни, сажает ее под замок в чулан, а затем привязывает веревкой за ноги и вешает на воротах (Афанасьев, 141), таскает за седые космы и еле живую выкидывает из избы (Афанасьев, 142). В конце концов Баба-Яга спасается бегством под камень в подземелье, куда вслед за ней спускается герой.³

² Здесь и далее в сказках, следующих за подзаголовком, даются ссылки на номер сюжета по «Указателю»; в подстрочных примечаниях перечисляются сказки с участием Бабы-Яги, разрабатывающие этот сюжет; дополнительные сюжеты, входящие в сказки, отмечаются в скобках после номера (страницы) сказки со знаком «+». — Афанасьев, 141, 142, 161; Колосов, стр. 190—196 (+ (303), +300 А, *В, +519); Ончуков, 241; Никифоров, Ск., 109; Китайник, 7 (+300 А); Романов, III, 14; Добровольский, 6.

³ Китайник, 7 — герой Иван-дурак следует в подземелье за девятиголовым Идолищем, укравшим из царского стада вола. Ончуков, 34 (Андреев, 650 А, 1071, 1072, 1130, (301 В)) — борьба богатырей с Бабой-

Спуску героя в подземелье может предшествовать другая драматическая ситуация, связанная с борьбой богатырей против Бабы-Яги-золотой (железной) ноги и ее войска — «рати-силы несметной» (Афанасьев, 161), такой силы, которая «как бы оболочка катится на краю неба» (Колосов, стр. 190—196; ср.: Романов, III, 14).⁴ Богатыри побивают войско Бабы-Яги, а она сама проваливается в нору (Романов, III, 14), уходит под чугунную или белую плиту «на нижний свет» (Афанасьев, 161; Колосов, стр. 190—196), спускается в «провалье» (Записки, II, 13).⁵

В подземелье герой встречается с работниками, изготавливающими для Бабы-Яги войско. Это кузнецы (ковали), портные, ткачи, сапожники. Кузнец раз стукнет молотком о кувалду — солдат, еще стукнет — другой (Романов, III, 14; ср.: Колосов, стр. 190—196); портной (швея) — «раз кольнет к себе и от себя иглой — солдат с конем» (Романов, III, 14) или «взмахнет <девушка, шьющая «в пятах»> иглой — выскочит богатырь» (Колосов, стр. 190—196; ср.: выскочит казак с пикою — Афанасьев, 161); ткачиха (девушка, ткающая кросна), «как бросит утöцину — выскочит богатырь» (Колосов, стр. 190—196) или «махнет чилнаком, так и выскочит салдат с тисаком» (Добровольский, 6); сапожник — «шилом кольнет, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится» (Афанасьев, 161).⁶

Герой отсекает головы всем работающим на Бабу-Ягу,⁷ а затем встречается с девушкой-красавицей (тремя девушками — Афанасьев, 141),⁸ которая сообщает ему, что нужно сделать, чтобы извести или победить в бою Бабу-Ягу:⁹ сонной отрубить ей

Ягой дается в качестве заключительного эпизода сказки: Иван-Медвежье Ушко схватывает ее, бросает об пол, ударяет мечом и убивает («и жизни не стало ейной»).

⁴ См. также сказку «Тарх Тарахович» (Записки, II, 13), по на сюжет «Верный слуга» (Андреев, 516): тучка — это войско Бабы-Яги; ударит Иван-царевич палицей «целый стог людей валится».

⁵ Манжура, стр. 14—18 (сочетание разнообразных сказочных мотивов, пригл. Андреев, 516) — Иван-царевич и Билый Полянин воюют с Бабой-Ягой, которая «у пущах» жила, и преследуют ее, «а вона ускочыла у свій дворець, а чавунны двери и замкнулись». Неизвестный «голос» дает совет богатырям, как убить Бабу-Ягу: подпилить «чавунны ворота, вонь упадут тай самы йни и вбють». Богатыри так и постушают. Ворота на-смерть придавливают Бабу-Ягу.

⁶ Записки, I, 13 — мужики молотят, парни «шариком играют», девушки кросна ткут — Бабе-Яге «силу копят».

⁷ Исключение: девушка-дарительница (Добровольский, 6). Записки, II, 13 — Иван-царевич отсекает мечом головы мужикам, парням и девушкам-ткачихам, каждый раз заявляя: «У нас на Руси как ударят молотилом «чалыгут» шариком, «бросят челноком», так три «два-три» солдата с ружьем на войну готовы».

⁸ Дочерьми или дочерью Бабы-Яги (Афанасьев, 141, 142, 161; Записки, II, 13), ее пленницей (Колосов, стр. 190—196), барышней-забранкой (Романов, III, 14).

⁹ Такими девушками-советницами и помощницами ограничиваются все встречи героя в подземном царстве в некоторых сказках (Афанасьев,

мечом (ее же мечом-кладенцом) голову (Афанасьев, 141, 161), но чаще — убавить у нее силу посредством перестановки сосудов с сильной (живой) и бессильной (мертвой) водой (вином).

Во время единоборства с Бабой-Ягой, действующей молотом в 100 пудов (Колосов, стр. 190—196), герой так и поступает, и она, испив бессильной воды, погибает.

В подземном царстве Баба-Яга — воительница может выступать в роли владелицы земельных угодий и соседствовать со стариком-богатырем, у которого она «выкопала» глаза за то, что его скот как-то потравил ее поле. Старик предупреждает героя о своей грозной и опасной соседке,¹⁰ но тот берется погнать его коров (быков, скот) и, вопреки совету старика, загоняет их в «самую средину пшеницы» (на поляну, в поле) Бабы-Яги.¹¹ Баба-Яга или сама выезжает на расправу с дерзким пастухом, или посылает своих дочерей: посмотрела Баба-Яга в подзорную трубу, села на коня — и в поле. А Иван-царевич укрылся и как только она подъехала к нему, ударил ее палицей — сбил с нее сразу все девять голов, а «тулово» ее разрубил (Записки, II, 13).

В сказке «Палфил-медвежий сын» (Никифоров, Ск., 109) Баба-Яга дважды является в ступе к пастуху Палфилу. Первый раз она лишь предупреждает его о том, что пасти быков на ее поле нельзя, второй — навязывает ему бой. Первый удар сабли героя Баба-Яга воспринимает не более, как комариный укус («Эх, как русские комарики покусывают!»), второй — как укус оводов («Эх, как русские оводы покусывают!»); третий удар Палфил наносит по ступе, при этом Баба-Яга обертывается женщиной, он запикивает ее в мешок и затаптывает ногами.

Дважды посылает Баба-Яга своих младшую и старшую дочерей верхом на лопате «тряхнуть» Ивана. Иван отрывает у них головы, «как пуговицы», бросает под лавку, а на вопрос деда, что это такое, каждый раз говорит, что это — клубок бересты для лаптей. Саму же Бабу-Ягу, примчавшуюся к нему на ухвате, Иван заставляет побегать, а затем привязывает ее к дубу цепью, каждое звено которой весит тридцать пудов, сечет ее железными прутьями до тех пор, пока она не соглашается указать, где

141 и 142). Записки, II, 13 — дочь вместе с матерью Бабой-Ягой набрасываются на Ивана-царевича, он выпивает сильной воды, убивает и сжигает их.

¹⁰ В сказке «Тарх Тарахович» (Записки, II, 13) встреча героя со стариком-богатырем обставляется такими бытовыми подробностями: провалившись сквозь землю и пролетев двенадцать дней и двенадцать ночей, Иван-царевич попадает на Сянскую гору, видит «дворец топится, из него дымок идет; заходит он во дворец, в нем жил слепой богатырь. Сидит он, кашку хлебает; Иван-царевич взял ложку, вместе начал хлебать».

¹¹ В сказке, записанной на Урале (Китайник, 7), старик наказывает Ивану-дураку: «Иди паси стадо, на восток гоняй, а на запад, на север и на юг не гоняй». Иван гонит туда, куда старик не велел.

находится «дедовы глаза». Вернув деду зрение, Иван до смерти засекает Бабу-Ягу (Ончуков, 241).

В другой сказке (Китайник, 7) Иван-дурак, выгнав на запретное место скот, ставит самовар и начинает чаевничать. Поочередно к нему являются три Ягишних-сестры с вопросом: «Что за невежа расположилась на моем приволье?», и требуют напоить их чаем. Иван беспрекословно наливает им один, второй стакан, а на требование налить третий грубо заявляет: «Рыло ожгешь». Возмущенные таким ответом Яги лезут в драку, за что и расплачиваются своими головами, из которых герой изготавливает «чашку» в подарок деду.

Воительницей выступает Баба-Яга и в сказке «Полкан-богатырь» (Коргуев, 38), очевидно, заимствованной из лубка и представляющей собой сплав мотивов из различных сказок, в том числе сказки о «Трех царствах». Коргуевская Баба-Яга обладает клюкой, от удара которой «никакой богатырь не может на свете жить». На положении раба при Бабе-Яге постоянно находится бурый черт. Она бьет и наказывает его немилосердно (даже все рога у него поломала). Расправиться же с Полканом-богатырем, наделенным волшебной силой, Бабе-Яге, несмотря на все ее ухищрения, не удается.¹²

2. БАБА-ЯГА — МСТИТЕЛЬНИЦА

«Бой на калиновом мосту» (Андреев, 300 *В).¹³ Баба-Яга — мать¹⁴ трех змеев (Чуда-Юда, Идолица, Издолица; у белор. Цмок, Юда-антиюда). Количество голов у них постепенно возрастает от первого до третьего и встречается в таких сочетаниях: 3, 6, 9; 3, 6, 12; 6, 9, 12 и 9, 12, 15 (Романов, VI, 29). У Бабы Яги — три невестки¹⁵ (по количеству сыновей). Герой (обычно

¹² В ступе вместе с Бабой-Ягой навстречу герою Ковалю устремляется Кащей (Сержпутровский, 72, пригл. Андреев, 400 А — «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену»). Коваль бьется с Кашеем, при этом разбивает ступу, ломает толкач и чуть было не ударяет булавою Бабу-Ягу, но ее подхватывает на «баремс» Кашей и они «утекают». К этой же сюжетной группе (Андреев, 400 А) условно можно отнести и сказку «Чудовище» (Смирнов, 341), где Иван по совету копы поднимает «чугунную западню», топит печь; когда же появляется Баба-Яга и грозно вопрошает: «Как ты смеешь топить мою печь?», он схватывает ее и бросает в огонь, а пепел ее сгребает в мешок. Для поединка Баба-Яга «выдувает ток» («Баба дунула уво усе четыре стороны — здзелався чистый ток: коувет познасила, — ў сё»), но вбитая силой удара Казака Михайла по шее в землю, гибнет от его руки. Михайла отрубает ей голову, туловище палит, а пепел развеивает (Романов, VI, 5 — Андреев, 302, 554).

¹³ Зеленин, Пермск., 9 — сестра.

¹⁴ Худяков, 6; Садовников, 1 (+313); Смирнов, 150; Манжура, стр. 24—26 (+*313,); Романов, III, 15 в соединении с сюжетом «Шесть чудесных товарищей» (Андреев, 513 А); Ончуков, 27; Зеленин, Пермск., 9; Смирнов, 304; Романов, III, 16; VI, 29.

¹⁵ Романов, III, 15, VI, 29 — дочери; Садовников, 1 и Манжура, стр. 24—26 — невесток нет.

один из трех чудесным образом родившихся богатырей-братьев — Иван-кошкин сын, Иван Быкович и пр.) поочередно сражается с тремя Змеями (и пр.) и убивает их. Баба-Яга вместе с невестками (дочерьми) обдумывает коварный план мести богатырям. Она советует невесткам или поддерживает их намерения — одной обернуться «краваткой тисовой и периной пуховой», другой — колодцем, «ключёвой водой и чарочкой золотой», третьей — «кустиком раkitным и ягоды изюмны». Прикосновение к этим предметам и должно погубить богатырей, разорвать, раздробить «на мелки маковы зёрнышка» (Ончуков, 27; ср.: Худяков, 6; Зеленин, Перск., 9; Смирнов, 304; Романов, III, 16, VI, 29). Сама же Баба-Яга задумывает выйти на дорогу, раскрыть рот — «одна губа по земле, другая губа по поднебесью, тогда он «Запечный Искр» от меня не уйдет» (Смирнов, 304), или: оборотиться свиньей, один «лыч» которой будет «рыть у неби, а другой у земле; я их «богатырей» погоню, то их усих и прожру — зьем!» (Романов, VI, 29; ср.: Романов, III, 16), обернутся кошкой величиной «с сенную кошну» и разорвать Ивашку Белую рубашку (Садовников, 1). Герой, обратившись в kota (мушку, голубя), подслушивает разговор Бабы-Яги с невестками и растраивает их злые козни.¹⁶

В сказке (Романов, VI, 15) Баба-Яга представляется в образе Змеи. Иван-сучкин сын — золотые пуговицы побывает не только ее сынов — змей о трех, шести и двенадцати головах, но и их жен, о чем старуха горько сожалеет: забил, причитает она, моих трех сынов, «як соколов, трех дочушек, як зозюлек!». Баба-Яга (Змея) гонится за героем, чтобы его съесть, но он, запасшись тремя «бухонами» хлеба, по особому способу приготовленным доброй Ягой (наполовину из соли, наполовину из муки), спасается. Бросая в «мялицу» Бабы-Яги (Змеи) по «бухону», Иван-сучкин сын — золотые пуговицы трижды заставляет ее возвращаться к озеру, чтобы утолить жажду (первый раз она выпивает половину озера, второй — почти все озеро, оставляя воды «только две ямочки», третий — все озеро). Последний «бухон» дает ему возможность благополучно добежать до кузни и надежно укрыться у коваля. То же самое предельвает с Бабой-

¹⁶ Манжура, стр. 24—26 — подслушивания нет; при погоне Баба-Яга «запускает» одну губу «по пид небесамы», другую по земле «волоче». Смирнов, 150 — после каждого сраженья со Змеем Вол Волович встречается с «котищем, вытращи глазища», который грозит его съесть; хватает kota за ноги, бьет о камень, снимает с него шкуру и одевает ее на себя. В избушке на «курьей голяшке» застаёт сидящую Ягу Ягнишну, Авдотью Кузминишну, у которой «нос в потолок, титьки чрез порог, сопли чрез грядку, языком сажу загребают» (ср.: Зеленин, Пермск., 9). Она спрашивает, где кот побывал, и узнает в нем Вол Воловича. Сбросив шкуру, Вол Волович трижды разрушает избушку; бьется с Бабой-Ягой на мосту; узнает от нее о ее намерении с помощью невесток-оборотней погубить его и его товарищей-богатырей; вновь сражается с Бабой-Ягой и, когда та, утомленная, засыпает, убивает ее, разрушает на части и «затапывает в тину».

Ягой Удовин сын (Романов, III, 16), но бросает ей трижды в рот «пяць пудов сыру и пяць пудов соли».¹⁷ Запечный Искр (Смирнов, 304) погоню Бабы-Яги сдерживает тем, что бросает в ее огромный раскрытый рот стог сена, а затем целую поленицу дров.¹⁸ Занятая прожевыванием, проглатыванием и выбрасыванием изо рта «пищи», Баба-Яга упускает жертву. Другой герой — Таратурка-собачий сын (Романов, VI, 29) подговаривает пастухов, пасущих быков (волов) и табун в «две тысячи коней и полторы тысячи жеребцов-сивцев-бурцев, вещей каравульцев», не говорить страшной свинье (Бабе-Яге) о том, что здесь проходили богатыри. Пастухи выполняют наказ Таратурки, а быки, волы и кони прогоняют ее («Як пыдняли <свинью> волы-полы и быки кочарасы на рогах своих — она ходу»).

Традиционный способ погони Бабы-Яги в ступе мы встречаем лишь в отдельных вариантах (Худяков, 6; Ончуков, 27), но и здесь конечной цели своей (съесть, проглотить главного героя) она не достигает.

Во всех сказках (исключение: Смирнов, 150) убежищем героя является кузница, а спасителем кузнец (коваль) или кузницы (ковали).¹⁹ Кузница может быть железной (Ончуков, 27), она может иметь железный тын, медные ворота и подворотню из рыбьей кости (Романов, VI, 29). Примчавшись сюда бурей, посрывавшей тес «со многих крыш» (Зеленин, Пермск., 9), Баба-Яга требует выдачи героя. Кузнец обещает, но с условием, чтобы она языком с трех раз двери (ворота, стену) пролизала (Зеленин, Пермск., 9 — трижды лизнула горячую наковальню). Баба-Яга следует советам кузнеца, кузнец (иногда вместе со своими двенадцатью помощниками и самим героем) ловит ее за язык раскаленными клещами (щипцами) и нещадно бьет молотом (Ончуков, 27 — железными прутьями) до тех пор, пока она не превращается в кобылу (Зеленин, Пермск., 9; Смирнов, 304; Романов, III, 16, VI, 29),²⁰ коня (Садовников, 1; Романов, II, 15), не отрыгнет двух братьев Ивана Кошкина, проглоченных ею во время погони (Худяков, 6).²¹

Перековывание («сбивание») Бабы-Яги на кобылу (коня) в некоторых сказках совершается не за один, а за два-три раза, т. е. до полного удовлетворения определенных условий. Например, объехать на коне вокруг света (тына, кузницы) и чтобы

¹⁷ Ср.: Манжура, стр. 24—26 — Марко Сучченко бросает Бабе-Яго «лантух коржив».

¹⁸ Ср.: Садовников, 1 — Ивашка Белая рубашка бросает преследующей Бабе-Яге «черкасско седло», а затем коня, которых она разрывает и съедает.

¹⁹ Манжура, стр. 24—26 — Кузьма-Демьян — божий коваль.

²⁰ Ончуков, 27 — Баба-Яга молит Ивана Быковича пощадить, тот пожалел и «овернул» ее кобылой.

²¹ Манжура, стр. 24—26 — Бабу-Ягу ловят клещами за язык двенадцать кузнецов, но не бьют ее, а сразу же впрягают в плуг.

«жменька льна» не сгорела (Романов, III, 15; ср.: Смирнов, 304; Романов, VI, 29), чтобы сам конь не развалился (Садовников, 1). В дальнейшем судьба Бабы-Яги-кобылицы (коня) складывается по-разному: ее проигрывает герой в споре («Кто кого обгонит») встречному старику (Ончуков, 27), одноногому царю Постояльцу (Романов, III, 16); ею завладевают (ввиду нарушения героем запрета) или ее сын «Олёшка корбетька ножка» (Зеленин, Пермск., 9), или муж-черт — «стар-старичок, сам с покоць, борода з локоць, вусы по сажню, вочи по ложки ня выдзюць ни крошки» (Романов, III, 15); наконец, Баба Яга случайно гибнет в схватке Таратурки с необыкновенным дедом. Сидит этот дед на сосне в тридцать обхватов, сам он — «с ноготок, борода с локоток, калита двенадцать яловиц влизайть; меить ён при сабе пушку-свистушку-смылянушку, двенадцать сажон дылина, и ўся гвоздям всажина острыми». На приветствие Таратурки отвечает: «А это ты, Таратурка-сучий сын. Ты мне много урону наделав: звёв мою усю хамилию: сынов, жану и дочок и я тибе со свету звяду!». «Пальнул» дед пушкой-свистушкой с сосны, не попал в Таратурку, а попал в кобылу и перерубил ее пополам, «як траву» (Романов, VI, 29).

В тех из отмеченных нами случаях, когда Яга-кобылица переходит в другие руки, герой стремится вернуть ее, для чего взамен берется высватать для нового ее хозяина жену: дочь царя Побегая, деда Сивовая Марья-царевну (Романов, III, 15), одну из дочерей другой Бабы-Яги (Зеленин, Пермск., 9) или бабы Карготы (Романов, III, 16).²²

«Мертвая царевна» (Андреев, 709).²³ Девушка вместе со своими семью братьями, проклятыми матерью, живет в лесу.

²² Романов, VI, 29 — Таратурка разыскивает невесту для себя. Смирнов, 304 — по наговору завистников царь собирается казнить Запечного Искра и перед виселицей разрешает ему «шутку спутить». Запечный Искр ударом кнута превращает кобылицу в «страшную Бабу-Ягу», отчего «весь народ испугался и убежал со двора, остался только царь да Запечный Искр с Бабой-Ягой». В подстрочных примечаниях (Романов, III, 15) приводится вариант окончания, где Иван Христофор пашет на Змее (Яге), запряженной в соху, выкованную ковалями. Запустив соху в землю так, что «бургон» поднимается «аж на сажень у вышки», он доводит борозду до моря и топит в нем Змея (Ягу). Ср. также окончание у Манжуры (стр. 24—26): кузнецы запрягают Бабу-Ягу в плуг и «кладут межу»: «оралы воны через болота, через лиса, через горы, аж до самого моря». В море Яга стала воду пить и пила до тох пор, пока не лопнула, а как лопнула пошла из нее «всяка печисть»: гадюки, жабы, ящерики, пауки, «пуголовки», черви и «всяке таке». В некоторых сказках и легендах роль Яги исполняют другие персонажи, преимущественно Змей или Змеиха-мать, при этом в качестве «божжих ковалей» часто выступают Кузьма-Демьян или Борис и Глеб; сама борозда, проведенная по земле «от моря до моря» («от Киева до моря Кавстрийского» и пр.), именуется «Змиевым валом» (см., например, статью М. А. Максимовича в «Русской беседе», 1856, III, стр. 74; Афанасьев, 75, 76, 85).

²³ Сухобрус, стр. 146—155,

Охотясь, братья убивают дикую козу — дочь-оборотень Бабы-Яги. «Поганая баба» мстит им. Она продает девушке «корали», и та, повесив их себе на шею, падает замертво. Оживляют ее братья. Второй раз Баба-Яга отравляет девушку подброшенным в хату «червоне яблуком». Оживляет ее царевич.

В других немногочисленных вариантах этой сказки роль отравительницы, как правило, исполняет злая мачеха.

3. БАБА-ЯГА — ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА ЧУДЕСНЫХ (ОДУШЕВЛЕННЫХ И НЕОДУШЕВЛЕННЫХ) ПРЕДМЕТОВ

а) Баба-Яга — обладательница волшебного коня. Такая роль Бабы-Яги характерна для части сказок на сюжеты «Кощева смерть в яйце» (Андреев, 302), с той существенной поправкой, что смерть Кащея (царя) в большинстве из них наступает не от яйца, а от коня,²⁴ и «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (Андреев, 400, А).²⁵

О том, где и каким образом достать чудесного коня, герой узнает от освобождаемых им женщин, в свою очередь хитростью выпытывающих эту тайну у своего насильника Кащея, от братьев, свояков и т. п. Преодолев долгий и сложный путь, Иван-царевич (Иван Иванович-кузнецкий сын и пр.) попадает в расположение Бабы-Яги (Азадовский, Верх., 30 — Бабы Ягишны, Луки Лукипишны).²⁶ Ее жилищем может быть хата (Чмыхало, 8; Романов, VI, 12, 25), дворец (дом), тыном огороженный, на каждой тычине по голове и только на одной головы нет (Азадовский, Верхн., 30; ср.: Афанасьев, 159; Комовская, Пред., 90), традиционная избушка «на козьих ножках, на бараньих рожках» (Зеленин, Пермск., 6; ср.: Зеленин, Вятск., 86).

Баба-Яга — мать трех (Афанасьев, 159; Чмыхало, 8; Романов, VI, 5), девяти (Романов, VI, 35), десяти (Зеленин, Пермск., 6), двенадцати (Азадовский, Верхн., 30; Зеленин, Вятск, 86; Романов, VI, 25), ста (Романов, VI, 12) дочерей-оборотней. Их-то, обращенных в кобылиц (коров — Зеленин, Вятск., 86) и должен по договору с Бабой-Ягой пасти герой герой трое суток, чтобы за

²⁴ Афанасьев, 159 (+552, +554); Эрленвейн, 31 (+552), +554); Зеленин, Пермск., 6 (+552), +554); Комовская, Пред., 90 (+552); Романов, VI, 5 (+554); 12 (+518, +554); 35 (+554). Исключения: Азадовский, Верхн., 30 (+552, +554); Романов, VI, 25 (+554) — герой на добытом коне отправляется за смертью (душой) Кащея.

²⁵ Зеленин, Вятск., 86 (+552, +554); Чмыхало, 8 (+554).

²⁶ Местопребывание Яги сказки рисуют по-разному: «за тридцать земель, в тридесятном царстве, за огненной рекой» (Афанасьев, 159), «за степной рекой», которую можно перейти только с помощью чудесного платка (Комовская, Пред. 96), «за тридцать земель, в тридесятном царстве» (Зеленин, Вятск., 86; ср.: Романов, VI, 5, 12, 35).

это получить в награду чудесного (Зеленин, Вятск., 86 — восьминогого) коня.²⁷ «Не упасешь», — угрожающе заявляет старуха, — «будет и твоя голова, как других, на колу висеть» (Романов, VI, 25).

В течение этих трех суток, по утрам герой трижды²⁸ выгоняет в поле кобылиц и каждый раз в полдень засыпает после того, как поест «сыру сонливого, хлеба дранливого» (Романов, VI, 35),²⁹ которые ему злонамеренно дает в дорогу Баба-Яга. «Выгныв у зялёные луги, у шавкóвые травы, на крынышныя воды, и сам разослав свою свиту и лёг. Полежав трохи, да пырог зьев, уснул» (Романов, VI, 5). Воспользовавшись этим, кобылицы разбегаются, прячась по мхам и болотам, в лозняке, в дремучих лесах, на поле, в воде (на дне моря), в земле.³⁰ Разыскать и вновь согнать их в табун герою помогают пощаженные им в свое время животные (волк, волчица, медведица, заяц, журавль, щука, рак, пчелы, осы и т. п.). Баба-Яга остается крайне недовольной неумением дочерей справиться с ее заданиями. Когда табун целый и невредимый пригоняется по вечерам домой, она отправляет дочерей в баню (во двор) и там нещадно сечет их железными прутьями,³¹ иногда с приговором, вроде следующего: «Ох, вы такие-секие! Знаете, мать давно руссково мяса не едала! Не могли убежать от нево!» (Азадовский, Верхн., 30).

Однако жестоко избивая дочерей, Баба-Яга преследует не только цель их наказания: она это делает и для того, чтобы переклЮчить (передать) их силу и энергию своему сыну — чудесному жеребенку. «А есть у нас брат», — доверительно сообщает герою одна из кобылиц, — «в конюшне лежит в гною и на ём шкура сосмула, — ну нас баба-яга бьё и силу вынимая, а яму укладая» (Романов, VI, 25; ср.: там же, 12, 35).³²

²⁷ Зеленин, Пермск., 6 — Иван-царевич пасет десять кобылиц и одиннадцатого жеребца-оборотня. Азадовский, Верхн., 30; Романов, VI, 12, 25 — герою ставится дополнительная задача — сосчитать (посеять и пр.) маковые зерна.

²⁸ Дважды (Романов, VI, 25).

²⁹ Булку, «испеченную со сном» (Романов, VI, 25), «сонные ладки» (Романов, VI, 12), пирога (Романов, VI, 5).

³⁰ Зеленин, Пермск., 6 — на вторые и третьи сутки кобылицы обращаются сначала в уток, затем гусей; Романов, VI, 5 — кобылицы «скидываются» в первые сутки — волчицами, во вторые — зайцами, в третьи — рыбницами.

³¹ Тремя прутами медными, тремя железными, тремя оловянными (Азадовский, Верхн., 30), бьет кочергой (Чмыхало, 8), расходует на сечение три вяза железных прутьев (Романов, VI, 5).

³² Это безусловно архаический мотив, сохранившийся в белорусских текстах и утраченный в русских и украинских, где битье дочерей преподносится только как одна из мер наказания. Исключение: Чмыхало, 8 — мотив прибавления силы одному из жеребцов, родившихся от трех кобылиц: Баба-Яга «із двох лошанків силу выбрала і в одного вложила»; те жеребята, у которых силу выбрала, «срібна шерстинка, золота шерстинка,

Несмотря на то что герой успешно выполняет условия, предложенные Бабой-Ягой, последняя не торопится отдавать ему неказистого на вид, но дорогого для нее коня. И когда герой, подогреваемый советами своих доброжелателей (среди них может находиться и невестка Бабы-Яги, которая в противоположность своей свекрови, как говорится в сказке Романова, VI, 35, «в бога верила»), настаивает на своем и выбирает жеребенка, она даже выговаривает ему: «Який ты человек худый, нябразованный, — взяв такого коня!» (Романов, VI, 35; ср. там же, 5).

В сказках «Марья Моревна» (Афанасьев, 159) и «Про Коцея» (Комовская, Пред., 90) герою ничего не остается делать, как по совету волчицы (и пр.) украсть коня. Баба-Яга преследует похитителя в ступе («пестом погоняет, метлой след замечает»), чтобы отобрать коня, но, доехав до огненной реки и не будучи в состоянии ее преодолеть, сторает в ней.

б) Баба-Яга — владелица двух чудесных источников воды. «Слепой и безногий» (Андреев, 519).³³ Верный слуга Ивана-царевича богатырь (дядька Катома), по навету царевны (королевы) лишенный ног и изгнанный, живет вместе с товарищем — слепым богатырем и похищенной ими девицей (купеческой дочкой и пр.) в лесу. В то время как богатыри охотятся, в избушку к девице является Баба-Яга — «древняя старуха — лицо злющее, волоса длинные, седые»,³⁴ заставляет ее в голове у себя искать, а сама белые груди у нее сосет (Афанасьев, 198; ср.: Колосов, стр. 190—196; Соколовы, 143), высасывает кровь из сердца (Романов, VI, 47). Девица с каждым днем чахнет и худеет. Наконец, она раскрывает тайну богатырям. Богатыри ловят Бабу-Ягу, собираются сжечь ее на костре или бьют ее³⁵ до тех пор, пока она не попросит пощады: «Не убейте до смерти, а оставьте душу на покаяние» (Соколовы, 143). Тогда богатыри требуют, чтобы она достала им «целящей» («живой молодой») воды.

В ряде сказок (Афанасьев, 199; Зеленин Пермск., 7) эпизод

срібній копытец, золотой копытец», а тот, которому вложила, «завалий і поганій, лежить тільки стогне» (ср.: Романов, VI, 5 — Баба-Яга приказывает старшей и средней дочерям-кобылицам «корхать» по три жеребца и чтобы были они «голос у голос, волос у волос, золотая шарсьцинка, сребраная шарсьцинка», младшей — двух, а «посьлія коросьливого жеребца, в который и вкладывает силу, «выбранную» из всех восьми жеребцов).

³³ Афанасьев, 198, 199 (без указания на места записи); Колосов, стр. 190—196; Зеленин, Пермск., 7; Соколовы, 143; Романов, VI, 47 (+513 А).

³⁴ «Да ще к тому у яе язлезна нога, на язлезной ступи ездить, язлезными товкачами погоняеть, и нукаеть и понукаваеть» (Романов, VI, 47).

³⁵ «У язлезную ступу усадили у гэтую, што ина ехала, да й давай товчи» (Романов, VI, 47).

посещения Бабой-Ягой девицы отсутствует. В первой сказке безногий и слепой братья приходят в «дремучий лес», попадают в избушку, где находят еду и «небольшой свисток», под звуки которого все пускается в пляс: изба стол, лавки посуда. Является Баба-Яга. «Ах, вы, бродяги бездомные!», — кричит она. — «Доселева тут птица не пролётывала, зверь не прорыскивал, а вы забрались, все кушанья приели, все горшки перебили. Хорошо же, вот я с вами разделаюсь!». На что братья отвечают: «Молчи, старое стерво! Мы и сами сумеем разделаться». Один взял Бабу-Ягу в охапку, «стиснул крепко накрепко», другой уцепился за косы и давай по избе возить. Баба-Яга умоляет о пощаде и обещает достать «целящей и живущей воды».

Во второй сказке три брата (безногий, безрукий и слепой) специально направляются к Бабе-Яге, чтобы просить у нее целебной воды.

В других сказках интриги Бабы-Яги однообразны. Стараясь провести богатырей, она вместо колодца с целительной водой приводит их к колодцу с мертвой водой, в котором гибнет все живое. Брошенные в такой колодец воробей (птичка) разрывается на части (Колосов, стр. 190—196; Соколовы, 143), а ветка дерева вспыхивает огнем (Афанасьев, 198) или высыхает (Романов, VI, 47). За обман богатыри избивают Бабу-Ягу, и тогда она вынуждена указать им истинный источник избавления, в котором мертвый голубь (птичка) оживает, а ветка ростки пускает, зеленеет и цветет.

Исцеленные богатыри не оставляют проделки Бабы-Яги безнаказанными: в одном случае они сбрасывают ее в колодец с мертвой водой (Афанасьев, 198; Колосов, стр. 190—196), в другом — нагнув осину, пихают ее под вывороченные корни и, опустив осину, придавливают ее (Соколовы, 143), в третьем — ловят Бабу-Ягу за длинные волосы и зацепляют их в пень, а затем, когда она, вырвавшись, убегает в подземное царство, они спускаются туда и учиняют над ней окончательную расправу: «Ну, да й груд там осиновый был такой, ведомо у леси. Яны запалили, яе на груд ускинули; яна й згорела» (Романов, VI, 47).

В сказке «Безногий и слепой богатыри» (Афанасьев, 199) Баба-Яга сразу же без хитрости называет богатырям истинный источник исцеления, за что они ее благодарят и отпускают домой. По-иному рисует картину исцеления и связанную с ней обстановку сказочник А. Д. Ломтев (Зеленин, Пермск., 7). После того как два брата Мишки Котомы (слепой и безрукий) излечились, в колодец он спускается сам, наказав им держать Бабу-Ягу. Но, говорится в сказке, «Яга-Ягишна была сильная, этих двух молодцов по чашше ташшыла и бйла». Когда поги у Мишки Котомы «срослись», он догнал Ягу и учинил над ней расправу: «брал её за волосы, где об сосну её бйл, где об землю.

Подгашшыл ее к своему терему, поднял у ей терем, взял её под угол полбжил. самоё её».

«Неверная жена» (Андреев, 315 *В).³⁶ Солдат спасает из огня девицу-змею, за что получает от нее в вознаграждение «безопасную рубашку». Королева, на которой он женится, убивает его, а рубашку отдает своему любовнику принцу. Чтобы оживить солдата, девица-змея отправляется «за тридеветь земель, за тридеветь озёр» к Бабе-Яге, «одной ногое», «за живой водой за молодой». Из указанных Бабой-Ягой трех родников только последний оказывается с настоящей живой водой, в чем девица-змея убеждается, бросая в каждый из них по разорванной птице (из первых двух родников птица не вылетает, из последнего вылетает целой и невредимой).

«Брат спасает от змея (и т. п.) сестру и братьев» (Андреев, *312 I).³⁷ Ларокопей-царевич побеждает Ворон Вороповича, убившего двух его братьев, и отправляется за живой водой к Бабе-Яге, чтобы воскресить их. Баба-Яга встречает его в избушке «на куричьей голяшке», хочет его съесть. Ларокопей-царевич не просит, а требует у нее живой воды и угрожает: «ежели не дашь, я тебя кончу». Она указывает колодец, он берет ее за косы и идет с собой: «если ложно покажешь, тогда я тебя тут же убью!». Баба-Яга сразу же указывает ему колодец с живой водой: разорванный и брошенный туда голубь исцеляется.

Кроме чудесных коней и двух источников воды, Баба-Яга владеет и другими необыкновенными предметами. Они встречаются при разработке популярных сюжетов «Красавица жена» (Андреев, 465)³⁸ и «Конек-горбунок» (Андреев, 531)³⁹ и связаны с выполнением героем трудных задач царя. К числу таких предметов относятся: гусли-самогуды (Чубинский, 8); «самы грають, самы скачуть, самы песьни пляють, як только их потисьнеш!» (Романов, VI, 31); «гусли-мысли, сами пляшут, сами песни играют» (Записки, I, 36); «гусли самы-гранны — самы йграюць, самы скачуць!» (Романов, III, 37); «золотая маковка» на терему у Ягишни (Записки, I, 36); певень, который на крыльце у Бабы-Яги сидит — «косы до зямлі, а як крикня, дак голос на ўвесь свет ідзе!» (Романов, III, 37); меч-самосеч (Чубинский, 8); «сам рубить, сам сячать и головы вместе кладеть» (Романов, VI, 31).

Успех похищения чудесных предметов в ряде случаев ставится в прямую зависимость от соблюдения определенных правил, подсказываемых конем: «дїжу-самонічку» следует брать только правой, а не левой рукой, меч-самосеч класть только на левое, а не на правое плечо, в гусли-самогуды не играть (Чубинский,

³⁶ Соколовы, 140.

³⁷ Жив. ст., стр. 259—262.

³⁸ Записки, I, 36 (+327 В, +569); Романов, III, 37 (+327 В).

³⁹ Чубинский, 8 (+327 В, +518); Романов, VI, 31 (+327 В).

8; ср.: Романов, VI, 31). Последнее правило герой обычно нарушает, иногда сознательно: взял гусли, вышел из хаты, «сев и запев» (Романов, VI, 31; ср.: Чубинский, 8), иногда по неосторожности: «Дернул их <гусли> Иван, сдернул Ягишну с кровати, дернул другой раз, до порога удернул, дернул в третий раз, за порог выдернул, а Ягишна все храпит, не слышит; взял он гусли-мысли, сел на коня и поехал, прыгнул через ворота, за одну симочку задел, вот поднялись все, гуси закричали, собаки залаяли, звери заревели, колокольца зазвенели» (Записки, I, 36). Баба-Яга пускается догонять героя.

4. БАБА-ЯГА — ЗЛАЯ ЧАРОВНИЦА

«Два брата» (Андреев, 303).⁴⁰ В ловушку Бабы-Яги вместе со своей «охотой» попадает один из братьев, а если их было трое, то два — старших.⁴¹ Драматизм положения, в котором пребывает герой, есть результат его неумемного удальства, пренебрежения к уговорам и добрым советам жены — царской дочери или какого-либо другого лица (деда-перевозчика, рыбаков и пр.) не ездить на гору (Яворский, 316), в близлежащие «чистое поле» (Добровольский, 13), лес (Ончуков, 152), пуцу-дремущу (Романов, VI, 42), «нисходящую пуцу», где царствуют «вяликия халады и лютэя марозы» (Добровольский, 14), на ту сторону «великого моря», берег которого каменный и все находящиеся на нем тоже каменное — «и люди, и звери, и дерева, и птицы — все» (Манжура, стр. 30—33).⁴²

Перед героем Баба-Яга предстает по-разному. Она может выглядеть бедной и боязливой деревенской старушкой, невзначай набредшей на огонек костра, разложенного в лесу героем. Ходила-де по грибы и заблудилась, дай переночевать около огня — умоляет она Микиту Игривича (Романов, VI, 42; ср.: Куприяниха, 11; Добровольский, 14). Герой охотно приглашает ее к костру, но старуха упрямится, заявляя, что боится его «охоты» и просит для «обороны» дать ей, в одном случае «лясиночку» (весом в тридцать пудов!), в другом — по волоску со своей головы и с каждого животного, в третьем, — связать «охоту»: «Ина якхватила ляску, якмахнула по ўсих, так уси кáминим и стали» (Романов, VI, 42); «Ина як дунула <на волоски>, так Иван Иванович и яго ахота акамянела» (Доброволь-

⁴⁰ Ончуков, 4, 152 (+307); Куприяниха, 11 (+300А); Манжура, стр. 30—33; Яворский, 316 (+567); Романов, VI, 42; Добровольский, 13, 14.

⁴¹ См.: Ончуков, 152; Добровольский, 14.

⁴² Федор Водович после мытья в «парной бане» купается со своими «рабочими людьми» в озере, видит золотую птичку, гонится за ней; она заманивает его на противоположный берег к Бабе-Яге (Ончуков, 4); без предупреждения с чьей-либо стороны, на охоте в погоне за золотым зайцем встречается с Бабой-Ягой и Иван Водыч (Куприяниха, 11).

ский, 14); «Взял <Иван Водыч> да связал. Она закаменела, вся его охота» (Куприяниха, 11).

В том же обличье смиренной старушки встречается Баба-Яга героя и в сказке «Солдатские сыны-богатыри» (Манжура, стр. 30—33). На вопрос его: «Чого це тут усе скамьянило?», она обещает дать ответ после того, как «ложечкы побанит», и, пока их «банит», он весь и его охота каменеют.

Но Баба-Яга может быть и воинственно настроенной старухой, которая, выскочив из избы вслед за влетевшей туда золотой птичкой, хлопает пестом по голове Федора Водовича, приговаривая: «Быть ты, Федор Водович, серым камнем, лежать от ныне и до веку» (Ончуков, 4; ср.: Ончуков, 152; Яворский, 316).⁴³

Чем же объясняется столь враждебное отношение Бабы-Яги к герою? Прямой ответ на этот вопрос содержится лишь в единичных вариантах сказки: она мстит ему за убийство своих любимых сыновей — многоголовых змеев (Куприяниха, 11; Романов, VI, 42).

Освобождение героя от чар и наказание Бабы-Яги осуществляет его младший брат. Он силой заставляет колдунью указать источники (кряницы) с живой и мертвой (чоющей) водой (Манжура, стр. 30—33; Яворский, 316; Романов, VI, 42; Добровольский, 13)⁴⁴ или применить для оживления брата другие средства.⁴⁵ Указывая источники, Баба-Яга обычно злонамеренно путает их, за что дополнительно наказывается. Вообще же наказания, которые несет Баба-Яга, сводятся к тому, что ее разрывает на мелкие куски «охота» (Манжура, стр. 30—33; Яворский, 316; Добровольский, 13), разрубают на части (Куприяниха, 11), спаливают на огне (Добровольский, 14), превращают (наговором) в «серый горючий камень» (Ончуков, 4), обращают (спрыскиванием чудесной водой) сначала в змею, затем в лягушку, которая, надувшись, лопается и становится «небольшим камушком» (Ончуков, 152).⁴⁶

⁴³ Добровольский, 13 — один из братьев Иван Ивановичей сражается с Бабой-Ягой, которая «лазовым прутом» перерезает его на две половины. Мотив превращения Бабой-Ягой царевича в камень имеется в сказке (Сержпутовский, Ск., 72), которая, однако, по содержанию ближе к сказкам на сюжет «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (Андреев, 400 А).

⁴⁴ Ончуков, 4 — Иван Водович самостоятельно достает живую и мертвую воду, уже после окончательной расправы над Ягой; в другой сказке того же сборника (№ 152) чудесную жидкость, добытую у одной из убитых волшебниц, вручает младшему брату его помощник.

⁴⁵ Баба-Яга дует на кампи и они оживают (Добровольский, 14), «охота» ловит перевоплотившуюся в сороку колдунью и кровью ее оживляют Ивана Водыча (Куприяниха, 11).

⁴⁶ Романов, VI, 42 — Баба-Яга после избиения и возвращения жизни Миките Игривичу волшебством вызывает город («Выльмила чатыри лясны, обклала як хату вянец рубють: лес пошов у землю, а город выжив»), в котором Микита Игривич становится царем, его же брат Иван — главным министром, а затем сама проваливается «скрось землю».

5. БАБА-ЯГА — КОВАРНАЯ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНИЦА,
ЗЛАЯ СОВЕТЧИЦА И РАЗЛУЧНИЦА

а) Баба-Яга — вероломная теща (тетка и пр.): «Мальчик-с-пальчик у великана» (Андреев, 327 В),⁴⁷ «Кашеева смерть в яйце» (Андреев, 302);⁴⁸ «Чудесное бегство» (Андреев, 313 А);⁴⁹ «Бычок-спаситель» (Андреев, *314 I),⁵⁰ «Чудесные дары» (Андреев, 563),⁵¹ «Баба-Яга и семь сестер» (Андреев — параллели не указаны),⁵² «Людоед (людоедка)» (Андреев, *333 I).⁵³

б) Баба-Яга — подменщица невесты (жены, матери) царевича или царской дочери: «Подменная невеста (жена)» (Андреев, 403 А, В),⁵⁴ «Мать-рысь» (Андреев, 409),⁵⁵ «Братец и сестрица» (Андреев, 450),⁵⁶ «Верный слуга» (Андреев, 516).⁵⁷

в) Баба-Яга — царская (Смирнов, 37 — купеческая) повитуха: «Чудесные дети» (Андреев, 707).⁵⁸

г) Баба-Яга (-Егибиха) — жена-клеветница: «Безручка» (Андреев, 706),⁵⁹ «Талань» (Андреев — не зарегистрирована),⁶⁰ «Сестра просела» (Андреев, *722).⁶¹

д) Баба-Яга — злая советчица и пр.: «Царь-девица» (Андреев, 400 * В),⁶² «Обманутый муж» (Андреев — не зарегистрирована),⁶³ «Пойди туда, не знаю куда» (Андреев, 465 А).⁶⁴

⁴⁷ Афанасьев, 105; Худяков, 403 (+531); Записки, I, 36 (+465), (569); Коргуев, II, стр. 522—535 (+531); Чубинский, 8 (+518, (531); Романов, III, 37 (+465), VI, 31 (+531).

⁴⁸ Карнаухова, 141 (+516).

⁴⁹ Садовников, 1 (+300*В); ср.: Красноженова, 19 (Андреев, 222*В, 313 В, С).

⁵⁰ Худяков, 79; Садовников, 20; Иванецкий, 635; Акимова, 362.

⁵¹ Худяков, 8.

⁵² Потявин, 12.

⁵³ Смирнов, 151.

⁵⁴ Андреев, 403 А: Смирнов, 32; Ончуков, 218; Рождественская, 9; Коргуев, 41. Андреев, 403 В: Никифоров, Ск., 80 (+451).

⁵⁵ Афанасьев, 101 (+403 А, +551); Смирнов, 41 (+511); Зеленин, Вятск., 14.

⁵⁶ Ончуков, 128; Садовников, 65; Цейтлин, 11; Зеленин, Вятск., 11; Смирнов, 43; Карнаухова, 64.

⁵⁷ Карнаухова, 141 (+302).

⁵⁸ Афанасьев, 284; Худяков, 84; Записки, I, 35, 53, 59; Смирнов, 37, 134; Цейтлин, 9; Карнаухова, 69; Китайник, 10, стр. 198—203; Романов, VI, 18.

⁵⁹ Записки, II, 1; Цейтлин, 12; Никифоров, Ск., 39.

⁶⁰ Рождественская, 23.

⁶¹ Афанасьев, 114 (+327 А), +*313 I); Ончуков, 44 (+*313 I), 71 (+*313 I); Карнаухова, 70 (+*313 I); Куприяниха, 12 (+*313 I).

⁶² Жив. ст., стр. 365—386.

⁶³ Манжура, стр. 51—52.

⁶⁴ Афанасьев, 212.

«Ивашка (Жихарка и пр.) и ведьма» (Андреев, 327 С).⁶⁵ Сказки на этот сюжет в репертуаре восточных славян представлены многочисленными вариантами. Все они сравнительно небольшого размера, часто с песенно-стихотворными вставками, бытуют преимущественно в детской аудитории (рассказываются или самими ребятами, или взрослыми — детям).

Жертвой Бабы-Яги оказывается мальчик (паренек, хлопец), носящий в ряде сказок имя, производное от названия материала, из которого он чудесным образом произошел: Липунюшка (от липы), Лутонюшка (от лутошки — лычки, с которой содрано лыко), Глинышек (от глины) и пр.

Нельзя не заметить, что Баба-Яга — похитительница детей наряду с общими и типичными для нее чертами, такими, например, как людоедство, обладает и специфическими. Что это за черты? Прежде всего на всем ее облике, действиях и поступках заметно выступает печать деревенской обыденности. Начать хотя бы с того, что живет она ни невесть где, за тридевять земель, на краю света белого, а совсем недалеко от людского поселения: на берегу реки, в близлежащем лесу, куда герои запросто отправляются за грибами и пр.

Иначе, чем в сказке, где действуют другие типы Бабы-Яги, выглядит жилище Бабы-Яги — похитительницы. Это уже обычная деревенская изба с русской печью, на которой любит погреть свои старческие кости хозяйка и в которую неудачно пытаются ее дочери и она сама втолкнуть мальчика, чтобы зажарить его и съесть.

Жизнь Бабы-Яги — похитительницы протекает не в одиночестве, а в окружении дочерей и в соприкосновении с местным населением (по крайней мере она держит его в постоянном страхе). В отдельных сказках Баба-Яга изображается владелицей большого яблоневого сада (Зеленин, Вятск., 97), репного поля (Записки, II, 4) и вообще существом, обладающим богатством, которое в конце концов переходит к герою.

Баба-Яга — похитительница — это не мудрая, вещая и всемогущая женщина. Она, правда, хитра и коварна, но вместе с тем и сверхнаивна, глупа, что, между прочим, позволяет умному и сообразительному мальчику сравнительно легко провести ее.

Мы уже говорили о людоедстве как общей черте Ягишен. Характерно, что в данной группе сказок оно осуществляется на

⁶⁵ Афанасьев, 106, 107 (+ *61 II), 111; Записки, I, 41; II, 4 (+1653); Жив. ст., стр. 319—320; Ончуков, 73; Зеленин, Пермск., 86; Зеленин, Вятск., 87 (+ *61 II), 97, 115; Смирнов, 40, 120, 143, 234, 250 (+ *61 II), 343; Карнаухова, 74; Ск. Сар. обл., стр. 141; Коргуев, 76; Акимова, 367; Чернышев, 59; Потявин, 9; Никифоров, Ск., 45, 64, 70; Левченко, 465; Добровольский, 16 (+1653).

деле (поедание Бабой-Ягой своих дочерей), тогда как во многих преподносится исключительно как угроза.

Близкими по духу этой группе сказок оказываются сказки на сюжет «Мачеха и падчерица» (Андреев, 480),⁶⁶ в части которых начальным мотивом также служит похищение мальчика Бабой-Ягой. Среди традиционных черт портрета Бабы-Яги и образа ее жизни здесь особенно оттеняется скаредность, доходящая до жестокости, от которой в первую очередь страдают слуги. В отношении своих слуг злая старуха-людоедка действительно ведет себя как завзятый эксплуататор, преследующий во всем и везде собственную материальную выгоду.

Ряд схожих черт и ситуаций со сказками из группы «Мачеха и падчерица» имеют сказки на сюжет «Царевич-волк» (Андреев, 428),⁶⁷ где также испытываются личные качества героини (ее доброта, трудолюбие, смелость, исполнительность).

«В большинстве сказок, — пишет В. П. Аникин, — Баба-Яга принимает на себя роль дарительницы»⁶⁸ и доброй советчицы. Однако обращение к конкретному материалу, как русскому, так и — шире — восточнославянскому, не подтверждает этого вывода. По нашим наблюдениям, положительная роль Бабы-Яги зафиксирована не более чем в трети всех сказочных текстов с ее участием; в остальных она — противник и гонитель героев. Поэтому заключение П. В. Владимирова о том, что Баба-Яга встречается в сказках чаще как существо, враждебное герою, остается в силе.⁶⁹

Баба-Яга с ее характерно-традиционными атрибутами (избушкой на курьей ножке, ступой и т. п.) наиболее полно и последовательно изображается в сказках первой группы (Яга — помощница героя). В сказках второй группы (Яга — противница героя) ее «типовой» портрет, за немногим исключением (например, в сказках «Ивашко и ведьма», — Андреев, 327 С), несколько тускнеет, стирается или обрастает чертами, во многом свойственными другим сказочным персонажам, которых она нередко замещает (например, мачеху в сказке «Царские дети» — Андреев, 707).

Отношение Бабы-Яги к герою, определяющее ее положительную или отрицательную роль в сказке, не исключает трактовки

⁶⁶ В вариантах: Андреев, 480 А: Эрленвейн, 9; Никифоров, Ск., 63. Андреев, 480 *В: Афанасьев, 102. Андреев, 480 *Е: Афанасьев, 103 (+*313 I, + (428)); Худяков, 12, 13; Карнаухова, 87; Романов, III, 3 (+315 А); Ястребов, 19, вариант 1 (+*313 I), 2. В сборниках: Зеленин, Пермск., 77 (Андреев, 480 В) и Смирнов, 42 (Андреев, 480* С) Ягой (Егишней) именуется злая мачеха. Карнаухова, 85; Рождественская, 34 — развивается аналогичная тема, но по действующим персонажам (кроме Бабы-Яги) относятся к циклу сказок о животных (Андреев, 123 «Волк и козлята»).

⁶⁷ Садовников, 16; Зеленин, Вятск., 27; Смирнов, (141); Рождественская (39).

⁶⁸ В. П. Аникин. Русские народные сказки. М., 1959, стр. 131.

⁶⁹ П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 164.

ее образа в целом как образа, олицетворяющего собой враждебные и злые силы природы и человеческого общества. Следует подчеркнуть, что ни один из сказочных персонажей не концентрирует в себе столько людских пороков, сколько Баба-Яга. И недаром в быту имя Бабы-Яги сделалось укорительным.⁷⁰ Она — воплощение лжи, зависти, хитрости (и вместе с тем глупости), скупости, жестокости, вероломства и коварства.

Все эти и другие моральные качества Бабы-Яги особенно проявляются во второй группе сказок.

Помимо этого, она — исконная людоедка, похитительница детей. Можно утверждать, что ни в одном из отрицательных персонажей сказки не выражаются с такой отчетливостью и постоянством каннибальские черты, как в Бабе-Яге. Эти черты проступают не только в сказочных сюжетах, где Баба-Яга противопоставляется положительным героям, но и там, где она им покровительствует.

В представлении народа, что нашло известное переломление в сказках, Баба-Яга — это та же ведьма, колдунья, которая или находится в постоянном контакте с нечистой силой, или сама является одним из ее представителей: «Потом приходит вот эта самая Егѣбиха, — рассказывает сказочница Н. И. Безрукова и поясняет, — нечѣсти-то вот эти самые: в озерах живут, в лесах живут» (Зеленин, Вятск., 115).

Следует, очевидно, считать поздним явлением проникновение образа Бабы-Яги в некоторые сказки о животных, повеллистические (бытовые), сказки о глупом черте (великане и пр.), сказки-небылицы и анекдоты, где она неизменно предстает то воровкой, то злой, упрямой и привередливой женщиной.⁷¹

⁷⁰ О том, что имя Бабы-Яги уже в начале XIX в. сделалось укорительным и как таковое было зафиксировано в Рязанской, Владимирской, Вологодской и других губерниях (например: «Настоящая Яга-баба!» или «Ни дать, ни взять баба-Яга!», писал М. Н. Макаров (см.: М. Н. Макаров. Из словаря особенных речений и пр. «Вестник Европы», 1827, ч. 154, № 10, стр. 149).

⁷¹ Кроме тех сказок, которые мы упоминали по ходу изложения, см.: Андреев, *176 — «Человек, волк, медведь и пр. варят в озере пиво» (Жив. ст., стр. 269—270; Смирнов, 247), 884* В — «Василиса-Поповна» (Афанасьев, 316; Чубицкий, 30; Смирнов, 260), 1164 — «Злая жена в яме» (Худяков, 24), 1165 — «Баба хуже черта» (Господарев, 59), без указания на параллели (Манжура, стр. 123—124 — «Як мы з дидом богатилы, а батька ше на свити небуло»; Записки, II, 24 — напоминающая начало сказки о Коньке-горбунке, где в качестве вора подвизается Баба-Яга, а ловит ее третий сын мужика — дурак) и некоторые другие.

Среди новеллистических сказок нам встретилась одна, оканчивающаяся на сюжет волшебной сказки с участием Бабы-Яги. Это сказка «О разбойниках и крестьянской дочери» (Записки, II, 20), механически контаминирующая «Девушка и разбойники» (Андреев, 956 В) и «Бегство (от Бабы-Яги и т. п.) с помощью бросания чудесных предметов» (Андреев, *313 I; ср.: Тамб., 18). Характерные черты Бабы-Яги этой сказки: сидит и «в ступе людей толчет»; увидела девушку, «зубы оскалила: — Я тебя в ступе истолку». На пути преследователя девушка создает препятствия — лес, горы, речку, через которую Баба-Яга не может перейти.

Что касается внешнего портрета Бабы-Яги, то в народной волшебной-фантастической сказке он представлен значительно ярче, чем все остальные персонажи, но не настолько подробно, как это мы видим, например, в «Повести о дворянине Заолешанине, богатыре, служившем князю Владимиру». Здесь о Бабе-Яге говорится, что она — «пресмуглая и тощая, семи аршин ростом, у которой на обе стороны торчали, равно как у дикой свиньи, зубы аршина полтора длиной; притом же руки ее украшали медвежьи когти».⁷²

Анализируя образ Бабы-Яги — дарительницы и советчицы, В. Я. Пропп пришел к заключению, что генетически этот сказочный образ тесно связан с древнейшим обрядом инициации и представлениями о загробном мире. Баба-Яга — мертвец. Она исполняет роль «охранительницы прохода в тридесатое царство»,⁷³ т. е. царство мертвых.

Среди доводов, приводимых автором в пользу выдвинутой гипотезы, мы остановимся только на тех, которые в свете специального изучения восточнославянской сказочной традиции нуждаются, на наш взгляд, в некоторых дальнейших разысканиях и дополнениях.

Прежде всего о слепоте Бабы-Яги. Действительно ли она слепая? «Хотя в русской сказке, — пишет В. Я. Пропп, — этого никогда не говорится, но все же можно установить, что она слепая, что она не видит Ивана, а узнает его по запаху».⁷⁴ Слепоту Бабы-Яги исследователь пытается установить косвенным путем, для чего приводит такой пример: «В сказке „Баба-яга и Жихарь“ яга хочет похитить Жихаря и прилетает к нему в тот момент, когда его приютители и сожители, кот и воробей, ушли за дровами. Она начинает считать ложки: „Это — котова ложка, это — воробьева, это — Жихарькова“. Жихарько не мог утерпеть, заревел: „Не тропь, яга-баба, мою ложку!“ Яга-баба схватила Жихаря, потащила... Итак чтобы узнать, где Жихарько, яга должна услышать его голос. Она не высматривает, она в ы с л у ш и в а е т, так же как она в ы н ю х и в а е т прищельца».⁷⁵

Изложенный таким образом отрывок из сказки, к сожалению, не проясняет, где же все-таки пребывает в избе Жихарько, когда Яга в нее прилетает? Держится ли он открыто перед ней, помятуя, что она все равно не видит его, или все же прячется от ее глаз?

В сказке «Ослепление одноглазой Яги» (Никифоров, Ск., 92, см.: Андреев, 1137) Баба-Яга — одноглазая старуха, в лесную избушку «на куриных ножках» которой забредает кузнец. «Я одним глазом крива, так мне скуй глаз», пристаёт она к кузнецу. Хитрый кузнец ударяет по здоровому глазу старухи, ослепляет ее, а потом в вывороченной шубе, смешавшись со стадом баранов, благополучно выбирается из избушки.

⁷² [В. А. Левшин]. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие, оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения, ч. V. [СПб.], 1783, стр. 31.

⁷³ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Изд. ЛГУ, 1946, стр. 68.

⁷⁴ Там же, стр. 58.

⁷⁵ Там же, стр. 59.

Обращение непосредственно к сказке показывает, что Жихарько после ухода кота и воробья скрывается («садится») от Бабы-Яги «на печку за трубу» (Афанасьев, 106) и делает он это несомненно для того, чтобы она не могла его рассмотреть. Следовательно, если бы Баба-Яга была слепая, то зачем, спрашивается, сказочному герою, который наперед знает все уловки и качества противника, прятаться от нее?

Действительно, Баба-Яга выслушивает или вынюхивает свою жертву, неизменно произнося при этом характерное «фу-фу-фу», но ведь точно так же поступают и многие другие сказочные персонажи (например, Змей, Ворон Воронович и т. п.), и все же о них никак не скажешь, что все они слепые. Кроме того, в целом ряде сказок дочь (служанка, девица и пр.) Бабы-Яги, спасая от нее героя, обращает его в различные предметы (булавку и пр.). Само собой разумеется, что если бы страшная старуха действительно была слепа, то вряд ли понадобилось это делать. Наконец, как мы видели, есть сказки, содержащие формулы, которые прямо указывают, что Баба-Яга не только слышит и чувствует, но и видит героя.

Кроме Бабы-Яги, сказка, по словам В. Я. Проппа, сохраняет также «некоторые следы слепоты» самого героя. Признаки этой слепоты — в жалобах его на свои глаза: «Дай-ка мне наперед воды глаза промыть, напои меня, накорми, да тогда и спрашивай» (Афанасьев, 171), или: «Глаза надуло» (Афанасьев, 93). Эти два примера, с нашей точки зрения, являются неудачными. В первом примере речь явно идет об умывании лица героя («глаза промыть»), во втором — герой вовсе не «жалуется» на глаза, а на вопрос солнечной сестры: «Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?», отвечает: «ветром в глаза надуло» (в действительности же герой проливает слезы при виде своего разрушенного дворца, и потому его приход к солнечной сестре с заплаканными глазами получает вполне рациональное объяснение).

Известно, что прищельца Баба-Яга встречает вопросом: «Дело пытаешь или от дела лытаешь?». Прищелец, прежде чем ответить на ее вопрос, требует, чтобы она его накормила, напоила (а иногда и в баньку сводила), спать уложила. Мотив встречи Яги с героем В. Я. Пропп интерпретирует в подразделе, озаглавленном «Напоила-накормила» (стр. 53—56). Исследователь точно отмечает, что еда, угощение — «постоянная, типичная черта яги» и что герой «отказывается говорить, пока не будет накормлен».⁷⁶ Но что это за еда? Зачем герой ее употребляет? Почему он требует ее? «Еда, — отвечает В. Я. Пропп, — имеет здесь особое значение... Приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, прищелец окончательно приобщается к миру умерших. Отсюда запрет прикасания к этой пище для живых. Мертвый не только не чувствует отвра-

⁷⁶ Там же, стр. 54.

щения к этой еде, он должен приобщиться к ней, так как подобно тому, как пища дает живым физическую силу и бодрость, пища мертвых придает им специфическую волшебную, магическую силу, нужную мертвецам.

Требую еды, герой тем самым показывает, что он не боится этой пищи, что он имеет право на нее, что он „настоящий“. Вот почему и яга смиряется при его требовании дать ему поесть». ⁷⁷

Итак, «мотив угощения героя ягой на его пути в тридцатое царство сложился на основе представления о волшебной пище, принимаемой умершим на его пути в потусторонний мир». ⁷⁸

Нам представляется, что мотив «напоила-накормила» мог сложиться и на гораздо поздней стадии исторического развития, отразив в себе вполне реальные бытовые черты, наблюдаемые в повседневной жизни. В самом деле, о чем, как не о питье-еде, сне, парной бане должен напомнить усталый и изголодавшийся путник, случайно встретивший на длительном и трудном пути хозяйку одинокой, затерявшейся среди дремучих лесов, избушки. Еду и прочее, герой требует от яги, но не потому, что «он не боится этой пищи», а потому, во-первых, что он на самом деле «холодный и голодный» и, во-вторых, усматривает в поступках Яги прямое нарушение элементарных правил гостеприимства, которых придерживаются до наших дней некоторые народы.

Ко всем выказанным замечаниям нам хотелось бы присовокупить еще одно, относящееся к пограничному положению избушки Бабы-Яги. В сказках эта избушка стоит на краю леса (поляны и пр.), и формула, приводимая В. Я. Проппом: «За этой степью — дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка» (Афанасьев, 140), как нельзя лучше характеризует ее «географическое» положение. Вместе с тем исследователь приводит другую формулу, которая не является ни типичной, ни традиционной, поскольку зафиксирована только один раз и, по всей видимости, вымышлена самим сказочником.

«Стоит избушка, а дальше никакого хода нету — одна тьма крошечная, ничего не видать» (Афанасьев, 272).

Но если эта формула у В. Я. Проппа фигурирует в качестве одного из примеров, оттеняющих пограничное положение избушки, то у В. П. Аникина она уже принимает обобщающий характер как формула, воспроизводящая традиционное сказочное представление о царстве смерти: «Стоит изба бабы-яги на лесной опушке, а дальше для героя никакого хода нет — одна крошечная тьма, ничего не видно. Живой человек встречает ягу-мертвеца в том крае, куда и ворон костей не заносит. Это царство смерти». ⁷⁹

Не отрицая роли первобытных институтов и, в частности, обряда инициации в сложении образа Бабы-Яги, мы тем не менее

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 56.

⁷⁹ В. П. Аникин. Русская народная сказка, стр. 131.

хотим еще раз подчеркнуть, что изучение этого сложного и противоречивого образа не мыслимо без тщательного и всестороннего учета и анализа всех составляющих его многообразных деталей, какими бы малыми и незначительными они с первого взгляда ни казались. В образе Бабы-Яги, возможно, как ни в каком другом сказочном персонаже, причудливо и своеобразно отложились многовековые культурные напластования, разобраться в которых задача не из легких, но крайне необходимых.

Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые из двух сказочных Ягишен-антиподов, наиболее архаичным типом считают Бабу-Ягу — дарительницу. Мифологическая сущность доброй Бабы-Яги не подлежит сомнению. Она всегда изображается в сказках всемогущей, мудрой и вещей старухой, полновластной «хозяйкой леса», грозной повелительницей зверей, птиц, гадов и насекомых. В ее чудесных возможностях — защищать невинно гонимых и обездоленных, награждать смелых, храбрых и решительных, жестоко наказывать злых, жадных, завистливых, эгоистичных, ленивых и коварных.

Есть основание предполагать, что генетически образ Бабы-Яги восходит к эпохе матриархата, где она, по-видимому, почиталась всеильным божеством — покровителем женского рода. В самих сказках содержатся лишь намеки на этот счет, а именно: во-первых, Баба-Яга нередко приходится близкой родственницей (родной теткой) матери, жены или невесты героя; во-вторых, ей одной ведомо, где они пребывают и с помощью каких средств их можно разыскать; и, наконец, в-третьих, она выступает бдительным стражем границ чудесного «девичьего государства», во главе которого стоит красавица-царевна (Царь-девица).

Преклонение перед вещей старухой и ее почитание, с одной стороны, и одновременно страх, внушаемый людям ее всемогуществом, — с другой, породило то двойственное отношение к ней, которое нашло отражение в сказках. Нам представляется, что на переосмысление сказочного образа Бабы-Яги, паделение его отрицательными свойствами решающее воздействие оказала эпоха острой и продолжительной борьбы между матриархатом и патриархатом, эпоха становления и укрепления отцовского права.

ЗМЕЙ

Змей, как древнейший и популярнейший образ мирового фольклора, получил достаточно обстоятельное освещение в исследовании В. Я. Проппа.⁸⁰ Установленные автором характерные чер-

⁸⁰ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 197—259 (гл. «У огненной реки»).

ты Змея по русским сказкам⁸¹ остаются верными также для сказок украинских и белорусских.

Змей (укр. — Змій, белор. — Смок или Цмок)⁸² — почти всегда существо многоголовое. Герой сказки попеременно борется обычно с тремя Змеями — один другого сильнее. Первый Змей имеет три или шесть голов, второй соответственно шесть или девять, третий девять или двенадцать; встречаются Змеи и с таким количеством: три, девять (шесть), двенадцать. Отступление от этой традиции — явление сравнительно редкое.⁸³

Если брат Змея вне зависимости от сюжета, т. е. абстрагироваться от конкретных ситуаций, в которых он действует, то многоголовье явится, пожалуй, единственной постоянной чертой его внешнего облика. «Все другие черты, — как справедливо утверждает В. Я. Пропп, — упоминаются лишь иногда, иногда они и не приводятся».⁸⁴ Так, в отдельных сказках Змей имеет: руки — «отож туди пливить! — показав <Змей> рукою» (Рудченко, I, 47; ср.: Афанасьев, 134); хобот — «жогнул <Змей героя> своим хоботом» (Никифоров, 7); хоботы, ноги, глаза, зубы, челюсти — «Змий о двенадцати головах и двенадцати хоботах ногами топает, глазами хлопает, зубами скрэхчет» (Садовников, 1); хвост — «он <Змей Горыныч> махнул хвостом — опять шесть голов на нем» (Куприяниха, 11); хохол — «тоды ён <герой> яго <Змея> за хохол, страханув (встряхнул), косци выкинув сорокам» (Романов, III, 17).

Иное дело Змей в рамках определенного сюжета и ситуации. Например, черта Змея-всадника оказывается устойчивой только для Змея в сказках на сюжет «Бой на Калиновом мосту» (Андреев, 300 *В).

По характеру функций В. Я. Пропп намечает четыре разряда сказочных Змеев: 1) Змей-похититель; 2) Змей, занимающийся поборами («поборы змея»); 3) Змей-охранитель границ и 4) Змей-поглотитель.

В роли похитителя женщин Змей фигурирует во многих сказках, в том числе: «Три царства: золотое, серебряное и медное» (Андреев, 301), «Кащеева смерть в яйце» (302), «Брат спасает от Змеев и т. п. сестру и братьев» (*312 I), «Муж ищет исчезнув-

⁸¹ Там же, стр. 197—203.

⁸² Хотя в некоторых украинских и белорусских сказках Змей и живет в горах (например, Драгоманов, 9; Романов, III, 9), Змеем Горынычем он, по нашим наблюдениям, называется только в русских сказках (Афанасьев, 204, 209; Худяков, 68; Садовников, 2, 15; Записки, II, 37; Карнаухова, 159, 169; Куприяниха, 1, 11, 16; Приб., 36; Магай, 5; Воронежск., 1, 7; Рождественская, 56; Китайник, 11).

⁸³ Четыре Змея о трех, шести, девяти и двенадцати головах (Афанасьев, 138; Добровольский, 6, 8), три Змея об одной, двух и трех головах (Драгоманов, 14), о шести, семи и девяти головах (Афанасьев, 134), о восьми, девяти и двенадцати головах (Афанасьев, 176), о четырех, семи и двенадцати головах (Романов, VI, 36) и пр. Афанасьев, 155 — все три Змея о двенадцати головах.

⁸⁴ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 197.

шую или похищенную жену» (400 А). Свою жертву Змей либо внезапно схватывает и уносит к себе, либо, как это мы видели в сказках о Покатигорошке, хитростью заманивает в свое логово. Основная роль Змея-похитителя дублируется Кащеем, особенно в тех сказках, где он погибает от коня.

Змей, занимающийся поборами, особенно типичен для сказок о двух братьях (Андреев, 303) и Незнайке (532). Такой Змей обычно появляется из моря (реже — озера, реки)⁸⁵ и, угрожая разорить, спалить все царство, требует себе на съедение (или в замужество) царскую дочь.⁸⁶

О большом несчастье, постигшем царство, герой догадывается сразу же, как только вступает в его пределы: «В том государстве печаль великая: домá черным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются» (Афанасьев, 155); «Приходит до одного міста, міста в жалобі, чорным сукном обгорнено» (Драгоманов, 9); «черным трóбуром все пути-дороги повысланы» (Добровольский, 13); «В городе всё обколочено трауром» (Никифоров, 7); «Утром просыпается, — что-то жáлобные флаги вывешены» (Господарев, 2); «и пошел в город гулять и увидел над городом вьетца чёрное знамя» (Никифоров, 4); «Пошел он по городу, увидел красное знамя и бьют барабаны, играют музыки» (Никифоров, 5); «потру слышит, в барабаны пробили, из пупки выпалили» (Записки, II, 29); «Наутро встал Иван-царевич, в этаким государстви сильно тусклый звон» (Чернышев, 45); «во ўсём городи ўсё темно, и ўсё смутные люди, нема вясёлага ничего» (Романов, VI, 6); «Вот он куды ни пойдет — все люди такие кручинные и плачут» (Афанасьев, 171).⁸⁷

У встречной старушки⁸⁸ (в пути или в ее бедной и дряхлой избушке, стоящей на самом краю города) герой осведомляется:

«Старая старушка, мать моя ронная, почему тусклый звон?», и та отвечает: «Вот, дорогой мой молодой человек. Я ня знаю, как по ими отечеству назвать вас. В нашего государя три дóчки отказаны змею на съедение. И возить па взморьё» (Чернышев, 45).

Явившись на выручку обреченной царевны, герой застаёт ее в одиночестве и глубокой печали (в слезах) на берегу моря (озера, реки), на камне, у скалы или в башне, беседке, избушке,

⁸⁵ Исключения: из горы (Худяков, 68), из-под скалы (Драгоманов, 9), из каменной норы (Романов, III, 9), из-под камня (Романов, III, 17).

⁸⁶ Афанасьев, 162 — змеи требуют у царя на съедение коров: трехглавый — три коровы, шестиглавы́й — шесть и двенадцатиглавы́й — двенадцать.

⁸⁷ Ср.: Афанасьев, 204: «шел, шел, приходит в большой, знатный город; видит — половина народа веселится да песни поет, а другая горючими слезами заливаётся».

⁸⁸ Хозяина гостиницы (Господарев, 2; ср.: Никифоров, 7), мальчика (Никифоров, 8), кручинных людей (Афанасьев, 171; ср.: Драгоманов, 9), мещанина (Записки, II, 29).

тереме, крепости: «Заходит Фёдор Водович в избушку, сидит царевна в избушке слезно плачет. Говорит Фёдор Водович: „Здравствуй, царевна, зачем сидишь, плачешь?“. — „Как же мне не плакать, я съезена змею на съеденье“. — „Примай, царевна, меня в товарищы“. — „Примать тебя, тебя змей съест не за чь, а мне-ка жеребий выпал“. — „Примай, царевна, может, оба спасемся“. — „Милости прошу, молодец!“. — Лёг Фёдор царевич на лавку, положил голову на голени. „Ты, царевна, ищи в моей головы, когда змей подымитчя с моря, буди меня.“ — Стала царевна ему в головы искать» (Ончуков, 4).

Эта сцена типична для многих сказок с мотивами змеборчества и прежде всего для сказок на популярные сюжеты «Победитель змея» (Андреев, 300 А) и «Два брата» (303).

В том же неизменно традиционном духе царевна будит героя при возникновении опасности. Причем он просыпается только от того, что горячая слеза ее падает на его лицо и обжигает его: «Выпол из моря змей троиглавый, тогда царевна стала будить доброго молодца. Молодец заснул, захрапел, как порог зашумел, разбудить его не может, колоть жалко и расплакалась над ним слезно. Укάνула слеза ей гореча Фёдору Водовичу на личо, тогда скакал Фёдор Водович скоро на резвы ноги: „Ах, царевна, ты меня ужгла“» (Ончуков, 4).

Само появление Змея во многих сказках сопровождается изменениями в природе, иногда спокойными и мягкими, но тревожными: «Соньцё закатилась и заря зазарила. Вышел поганой издолишчю из синя моря песьтиглавой змеей» (Никифоров, 1); большею же частью — бурными и взволнованными, связанными главным образом с состоянием водной стихии: «вдруг видит сине море расходилося, волна ходит с краю на край на море» (Никифоров, 3); «Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалося» (Афанасьев, 155); «Вдруг море всколыхалось, на жолты пески вода зливалась» (Ончуков, 8); «моря волнуйтца, у мора узымайтца уже нячистая сила» (Романов, VI, 40); «Сделалось на мори сильняя буря, погода» (Ончуков, 4); «Вдруг море всколыхалось» (Записки, II, 29); «Кипит море», «Вдруг сволновалось синее море», «Вдруг синее море заколыбалось» (Никифоров, 11); озеро «закипело», «Вдруг заволновалось», «сколыхнулось» (Никифоров, 4, 7, 8); «Вдруг озеро взволновалося — всколыхнулося» (Афанасьев, 204); «па ту пору паднилася буря, и стала тресца зимля» (Добровольский, 17); «Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба» (Афанасьев, 149); «Вдруг поднялся сильный ветер, все кругом засвистело, затрещало» (Чернышев, 82); «Вдруг змий и начал выходить, воды за ним хлынуло на три аршина» (Афанасьев, 125); «Полнеба загорелось» (Машкин, 1а).

Все эти лаконичные, но выразительные пейзажные штрихи дополняют общую картину напряженной обстановки, предшест-

вующей грозному поединку героя со страшным и могущественным противником.

Определение «охранитель границ», какое дает Змею В. Я. Пропп, является неточным. Дело в том, что восточнославянская сказка почти не изображает его в этой роли. На самой пограничной огненной (широкой) реке он пребывает редко, а его нахождение (жительство) под мостом через эту реку нами отмечено только в одной из сказок лубочного издания: «Там есть широкая река, через реку калиновый мост, под тем мостом живет 12-главый змей. Не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает» (Афанасьев, 562).

Почти во всех без исключения сказках на варту (вахту, сторожку, караул) отправляется под мост герой, который и поджидает Змея, чтобы вступить с ним в бой. В отличие от предыдущего (водяного Змея) Змей сказок типа «Бой на калиновом мосту» изображается всадником,⁸⁹ стремящимся на коне проехать по мосту. При его поездке (полете) «земля дрожит, мост дребезжит, вода ходуном ходит» (Карнаухова, 163), «колоколы звинять» (Романов, VI, 28), «зимля стонить, лес вянуть, а дуба лисья валютца — вужась шипко едить» (Романов, VI, 29), на реке воды волнуются, на дубах орлы кричат (Афанасьев, 137).

О приближении Змея герой нередко узнает на расстоянии нескольких верст или миль, количество которых увеличивается соответственно увеличению голов каждого из трех змеев, действующих в сказке. Так, «богатырский стук» Змея о 3 головах слышится за три версты, о 6 головах — за шесть верст, о 12 головах — за двенадцать верст (Чернышев, 2).⁹⁰

Таким образом, действия героя носят сугубо оборонительно-охранительный характер, тогда как Змей является нападающей стороной. Подобная расстановка сил находит подтверждение в ряде сказочных текстов.

Если бы Змей преследовал цель защиты, а герой — нападения, то, естественно, прямая задача последнего заключалась бы в том, чтобы сбить противника и расчистить для себя и своих братьев путь в его царство. Однако победители исключительно редко используют предоставившуюся возможность. Их переход или переход одного героя через мост после боя с наибольшей отчетливостью обозначен в только что упомянутой нами лубочной сказке: «Сам пошел через мост на другую сторону» (Афанасьев, 562; ср.: Карнаухова, 43 — «И поехали через Калинов мост»); в других не-

⁸⁹ Афанасьев, 136 — Змей вылезает из моря и вызывает коня Сивку-бурку, на котором и пытается проехать по калиновому мосту.

⁹⁰ Ср.: Никифоров, 12; Романов, III, 17 — Смок не на коне приезжает к мосту, а прилетает, давая о себе знать огненным дыханием за одну, две и три версты. См. также: Чубинский, 69, но здесь Змей-всадник о двенадцати головах «пекельным огнем папшить» не за двенадцать, а за двадцать миль.

многих вариантах он смягчен, например: «Переспали оне сутки, двое, и поехали дальше: кто еще впереди живёт?» (Коргуев, 13). Вообще же о направлении дальнейшей поездки братьев сказка говорит или очень неопределенно (в большинстве случаев): «Тады и публижали яны з этово города вон» (Романов, VI, 29); «Оны поехали» (Чернышев, 2); «Пообедали и поехали в путь в дорожку» (Афанасьев, 136); «посидали на коней та й поїхали до коваля Кузьмы-Демьяна» (Чубинский, 68), или, напротив, подчеркивает, что все они устремляются обратно к родительскому дому: «уси и едут к батьку» (Романов, VI, 27; ср.: там же, 28, 36, 37); «Собрались три брата и поехали домой» (Афанасьев, 137).

Есть сказки, в которых появление Змея на мосту объясняется его стремлением перейти на другую сторону огненной реки с целью набега на соседнее государство: «И прыходзяць яны <Покатигорошек и его товарищи> у горад и являюцца царю. „Какие вы людзи есць?“ — „Мы сильно-магущи багатыры“. — „Ци не можно вам сей горад защициць? Унадзиуся змей и губиць много народу; треба яго победзиць!“. „На штош мы называемсе сильно-магущи багатыры, штобы яго не пабедзили?“ — Прыходзиць самая паунач, и пашли яны пад калиновы мост, на огненну реку» (Афанасьев, 134; ср.: Соколовы, 37).

О чудо-юдах (Змеях) как захватчиках сообщает Ивану Быковичу и Баба-Яга: «Они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати» (Афанасьев, 137).⁹¹

Итак, Змея у калинового моста, на наш взгляд, нельзя безоговорочно отнести к числу охранителей границы. Черты активного захватчика, общие для Змея как отрицательного сказочного персонажа, пробиваются в нем довольно отчетливо. Он не столько охранитель, сколько злостный нарушитель границы.

В традиционный эпизод о змеборчестве включаются следующие мотивы: а) словесная перепалка; б) выдувание тока для боя; в) боевая схватка (поединок); г) победа героя.

Остановимся на каждом из этих мотивов в отдельности.

Словесная перепалка. Зачинщиком ее выступает Змей. Похваляясь и кичась своей силой и неуязвимостью, он бросает в лицо героя обидные, оскорбительные и унижительные слова, угрожает расправой. В свою очередь не остается в долгу перед своим грозным противником и герой.

О резкости пререканий поединчиков можно судить хотя бы по следующей формуле: «Прилетел змей с двенадцати голов и говорит: „Ты что здесь, блоха рубашная, толкаешься?“ — „А ты что, гнида головная, сюда прилетаешь, только народ поедает?“ — „Я и тебя съем!“ — „Нет, давай-ка могучими богатырскими плечьями побарахтаемся!“» (Афанасьев, 176).

⁹¹ Ср.: Добровольский, 8: «У самую пойныч едить Чуда-Юда-Биззаконный, апалаянить силу безвинную».

При всем сходстве перепалки между водяным Змеем и Змеем-всадником с героем, заключенной в традиционную формулу, есть и некоторое различие. Для Змея-всадника, например, характерно обращение к сопровождаемым его животным (коню, соколу и т. п.), предчувствующим неминуемую беду,⁹² и самоуверенность, что нет ему равных по силе противников. Водяной же Змей прежде всего угрожает съесть героя, и потому радуется, когда видит перед собой не одну, а две или три «жертвы» (героя вместе с царевной и конем).

Вот эти типичные формулы, звучащие почти неизменно в устах русских, украинских и белорусских сказочников.

Для Змея-всадника: «Прибегає змії на міст — кінь споткнунуся. „Стій, пся стерво, не спотыкайся, ты, бурсуча шерсть, не подымайсь, ты, соколе, не тхіли, ты хорте, не вый! Тут твой рівні нема. Десь-не-десь єсть Сучченко молодець, али ёго ворон кості сюда не донесе“» (Чубинский, 69).⁹³

Для водяного Змея: «Да, государь милостивый: я требовал одну, а он прислал трое. Будет выпить и закусить» (Господарев, 2).

Ответ героя Змею-всаднику: «„Брешиш, він сам добрый молодець с під мосту вийде“. — „Чи будем бытьця, чи будем мырытця?“ — „Шоб я погани тварі та мырыв! Будем бытця!“» (Чубинский, 69); «Врешь, Иуда, поганые твои губы! Давай поле» (Худяков, 6); «Не хвались, нечистая сила. Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра мблодца, нечего хулить его. А давай лучше пробовать: кто одолеет, тот и похвалится» (Афанасьев, 137).

Ответ героя водяному Змею: «Может закусишь, а может подавишься!» (Господарев, 2); «Врешь, дьявольщина, и одним подавишься» (Записки, II, 37).

Выдувание противниками тока (моста, поля, полянки) для боя. Ток может выдуваться по требованию одного из

⁹² Само по себе сопровождение Змея-всадника животными позволяет дополнить некоторыми штрихами портрет его, а саму поездку сделать более выразительной и живописной: «Летит змей, конь под змеем спотыкается, сокол стрепехается, собака лает» (Худяков, 6).

⁹³ Конь (лошадь) в этой формуле обязателен, остальные животные не постоянны: вместо барсука и сокола могут быть хорты (собаки), ястреб или ворон. Афанасьев, 136 — Змей обращается только к коню. Наиболее подвижна вторая часть формулы, в которой нередко раздается непосредственная угроза герою вроде: «Шот на свете со мной ни здроника, ни спорника. Есть один спорник Иван Кошкин, и того я на мелкие части расшибу» (Худяков, 6), или: «Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый мблodeц, еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокрeнько будет» (Афанасьев, 137; ср.: Романов, III, 13). Ср., например: Афанасьев, 134 и 135 (белор.), 136, 138; Худяков, 6; Ончуков, 27; Смирнов, 153, 183 (белор.), (249), 304; Чубинский, 68; Левченко, 477; Романов, III, 16; Добровольский, 5, 8.

противников или попеременно и тем, и другим в порядке состязания. Размер тока или его качества (а иногда и то, и другое вместе) нередко находятся в прямой зависимости от того, с каким по счету Змеем вступает в борьбу герой. Так, в борьбе с трехглавым Змеем выдувается ток на три версты: «Змей як дунув — дзе были мхи, болоты, оржавиньни, потопы — стало гладко, як яйцо, на три вярсты». Последующие же два подобных тока — один на шесть, другой на двенадцать верст — выдуваются соответственно шести и двенадцатиглавыми змеями.⁹⁴ При этом герой Сучкин сын — золотые пуговицы каждый раз вслед за змеями, «як дунув» все «позолачивает, а бережки позаворачивает» (Романов, III, 15).

Токи обычно выдуваются из различных материалов, причем последние в ряде случаев даются в известной градации. Если, например, первый Змей выдувает чугунный ток (мост), второй — медный, а третий — серебряный, то герой в состязании с первым змеем выдувает медный ток, со вторым — серебряный и с третьим — золотой (Романов, III, 10).⁹⁵

Герой, как и змеи (чудо-юды), может выдувать одинаковый по величине серебряный мост (ток) с той лишь разницей, что его мост украшают, как того требовали условия, серебряными веточками. «Чуда-Юда дунуў и вымыстїў сяребриный мост на двинадцять верст, а ветычик ни паставїў. Иван Кабылин сын дунуў и вымастїў сяребриный мост на двинадцять верст, а пу бакам сяребриныя ветычки» (Добровольский, 6).⁹⁶

Боевая схватка (поединок). Герой попеременно обычно борется с тремя сильными и надменными змеями. С первыми двумя он справляется сравнительно легко: за один-два богатырских взмаха сбивает с них головы. С третьим — самым могущественным — бьется долго и упорно.⁹⁷ Трижды сходятся противники друг с другом. При первой и второй схватках герой срубает у Змея по несколько голов, а Змей вбивает его в землю — сначала «по косточки», затем «по колени». При третьей решающей схватке, несмотря на то что Змей вбивает героя «по пояс»

⁹⁴ Ср.: Романов, III, 16, 17 — Цмок как дунет, «на сем верст лесу поломиў», а Иван-кобылин сын, «дунув поле, як сикнув яму гольцу (гололедица), дак яму стаць нияк нельзя». См.: Афанасьев, 176 — ледяной мост «по морю» выдувает Змей; Никифоров, 8 — Змей «фёрснул... поле как карта сьделалось».

⁹⁵ Ср.: Романов, III, 13, 18.

⁹⁶ Ср.: Добровольский, 5.

⁹⁷ В отдельных сказках (например, Афанасьев, 176) и с третьим змеем, как с двумя предыдущими, герой справляется также без особых осложнений. Записки, II, 34 — наоборот, подробно говорится о бое с первым трехглавым Змеем, а о бое с другими змеями лишь бегло упоминается: «На другой день Иван Сучич убил шестиглового змея, а на третий — девятиглавого».

в землю, последнему удается окончательно расправиться с противником (см., например: Романов, III, 15).

В борьбе со змеями герой опирается не только на свою чудесную физическую силу и помощь верных друзей — животных (во многих случаях — коня), иногда — братьев; но нередко прибегает к хитрости, обману могучего, но недалековидного и несколько глуповатого Змея. Перед боем, например, герою (или его доброжелателям) удается поменять местами бочки с «сильной» и «бессильной» водой, так что Змей пьет «бессильную» воду и ослабевает, а герой — «сильную» и увеличивает свои силы (см., например: Романов, III, 13),⁹⁸ выпросив у Змея кратковременную передышку в бою («Цари-короли бьются и то передышку делают, а мы с тобой бьемся-деремся и не отдохнем»),⁹⁹ герой использует ее на то, чтобы сигнализировать своим помощникам о наивысшей опасности (бросает в избу, где пребывают братья, перчатку, шляпу, снятый с ноги сапог);¹⁰⁰ направляет внимание Змея на явно ложный объект и, когда тот оборачивается, сбивает у него головы;¹⁰¹ наконец, бросает в глазищи Змея горсть земли и на время ослепляет его (Афанасьев, 137).

Таким образом, нам представляется весьма патким положение тех исследователей, которые видят различие между героями новеллистической и волшебного-фантастической сказок в том, что первые наделяются умом и хитростью, а вторые — исключительно волшебной силой.

Примечательно, что в описании боевой схватки почти ни в одной сказке не говорится, каким образом удается Змею вбить героя в землю. Очень редко встречается в сказках и огнедышащий Змей.¹⁰² Напротив, средства борьбы героя конкретизируются: он, как воин и богатырь, действует непомерно тяжелой палицей (булавой) или реже мечом-кладенцом, тесаком. Главный же его помощник конь забивает Змея копытами и разрывает зубами, выбивает из седла и т. п.

Победа героя. При каждой победе над змеями герой, как правило, туловище Змея сбрасывает в море (озеро, реку), сжи-

⁹⁸ См. раздел «Три брата-богатыря».

⁹⁹ Ср.: «Кошка мышку валочить — и то дает ат трех раз атдышку» (Добровольский, 5). Инициатором такой передышки в ряде вариантов может являться и Змей (см., например: Романов, III, 15).

¹⁰⁰ См. раздел «Три брата-богатыря».

¹⁰¹ Например: «Иван-кобылин сын уж из силы выбился и говорит: „Змей проклятый, оглянись назад: твое царство горит!“. Он оглянулся. Иван-кобылин сын с него все двенадцать голов и срубил» (Худяков, 5). Вместо «твое царство горит» может быть: «он два брата моих бьжат до мене на поміч!» (Чубинский, 69), «жонка твоя идзэць» (Романов, III, 15), «за собой много силы ведешь» (Ончуков, 4) и др.

¹⁰² Так, в сборнике Афанасьева из 29 сказок, в которых участвует Змей как отрицательный персонаж, только в одной (№ 155) действует огнедышащий Змей; в сказке № 137 — Змей имеет лишь огненный палец,

гает на костре, закапывает в землю, а голову или языки кладет под приподнятые огромный камень,¹⁰³ угол дома (прячет языки в карман),¹⁰⁴ для того чтобы впоследствии эффектно продемонстрировать, что именно он, а не кто иной учинил расправу над змеями.¹⁰⁵

В некоторых сказках родные змеев (их жены, мать или сестры) пытаются отомстить герою за гибель близких им существ, но безуспешно.¹⁰⁶

Схему змееборчества, которую мы воспроизвели, можно считать типической. Она выдерживается многими сказочниками, хотя имеются тексты и с пропусками тех или иных моментов (чаще всего выдувание тока).¹⁰⁷ Встречаются также сказки, где очень сокращенно и упрощенно разрабатывается сцена поединка героя со Змеем.

Вряд ли может быть выделен в один из основных разрядов Змей-поглотитель только на том основании, что он угрожает съесть, поглотить свою жертву, поскольку угроза эта может исходить от любого из змеев, независимо от того, к какому разряду он относится. Но этот разряд сохраняет свою полную силу, если принять во внимание наличие в сказках Змеихи-поглотительницы (матери Змея), в образе которой нередко выступает Баба-Яга.¹⁰⁸

К этим основным четырем разрядам змеев, установленным В. Я. Проппом, следует, как нам кажется, добавить пятый — Змей-соблазнитель (сестры, матери героя), характерный для сказок «Звериное молоко» (Андреев, 315). Это — хитрое и коварное существо. Змей может свободно принимать обличье «доброго молодца»,¹⁰⁹ скрываться, превращаясь в различные предметы быта (иглу, веник и пр.) и животных. Примечательно, что для него смертельную угрозу представляет не сам герой, а его верные помощники — звери; их то он и пытается изолировать, но безуспешно. Освобожденные из плена, они в самый критический момент ввязываются в бой со Змеем и разрывают его на части.

Сказочный Змей (иначе Чудо-юдо, Юдо, Идолище, Издолище и пр.)¹¹⁰ в своем историческом развитии трансформируется в та-

¹⁰³ Под златырь камень (Никифоров, 1), под камень «сями тысячах пудоў» (Добровольский, 17).

¹⁰⁴ В отдельных сказках вынимает из каждой головы Змея по «самоцветному камню» (Ончуков, 8).

¹⁰⁵ См. раздел «Незнайка».

¹⁰⁶ См. раздел «Баба-Яга — мстительница».

¹⁰⁷ Мотив выдувания тока при змееборчестве охотнее всего разрабатывается белорусскими сказочниками.

¹⁰⁸ См. раздел «Баба-Яга — мстительница».

¹⁰⁹ В сказках типа «Аленький цветочек» (Андреев, 425 С), напротив, добрый молодец под воздействием злых чар временно принимает вид Змея (и пр.).

¹¹⁰ См. Афанасьев, 136, 137; Ончуков, 4; Романов, III, 16, VI, 29, 31; Добровольский, 5, 6, 8, 12, 14. Романов, VI, 29 — Юда-ангюда — бизаконная голова; Карнаухова, 163 — Поганое Далище, у которого «кажна голова

кое фантастическое существо с явно антропоморфными чертами, как Кащей Бессмертный. Однако Кащей Бессмертный не единственный заместитель Змея. Им может быть: богатырь (великан), нередко стоящий во главе вражеского войска, само войско, разбойник, «царь другой земли» (Рудченко, I, 47) и т. п. Подобная замена в сказках происходит, по нашим наблюдениям, тогда, когда противник героя (Змей) начинает восприниматься сказочником как социальная сила, преследующая цель агрессии и порабощения. Эта тенденция, выраженная в целом ряде текстов, — одна из характерных для сказочного творчества, в целом чуждающегося аллегорического изображения. Поэтому утверждение, что «в змее-людоеде можно узнать черты не только иноземного захватчика, но и „своего“ царя-душителя или боярина-угнетателя»¹¹¹ звучит чересчур прямолинейно и никак не может быть принято в столь категорической форме.

Никак не могут быть признаны надежными и отдельные толкования образа Змея, содержащиеся в некоторых других теоретических работах. Показательной в этом отношении является книга К. С. Давлетова «Фольклор как вид искусства». К образу Змея автор обращается для того, чтобы, как он говорит, «представить конкретно разницу между тем, какой характер носит фантастическое в героическом эпосе и в сказке, какими специфическими функциями оно обладает в этих жанрах». Иными словами, установить особенности эпической и сказочной фантастики.

В чем же заключается особенность эпической фантастики?

На этот вопрос дается такой ответ: «Героический эпос представляет нам змея как гиперболизированное олицетворение реальной опасности (вначале как олицетворение животного мира, с которым боролся первобытный человек). Змей в эпосе — угроза физическая и конкретная, побеждается он „силой богатырской“, часто при помощи огромной палицы. Здесь фантастика формальна, она используется для внешней характеристики змея. Содержание же образа вполне реально. Такое понимание образа и развитие его реалистической сущности давало возможность легко и свободно трансформироваться ему в змея-завоевателя, змея-нахвалящца и чужеземщину».¹¹²

Об особенностях сказочной фантастики говорится: «Иное содержание несет змей сказочный. Эпический змей иногда превращается в обыкновенную, хотя и многоверстную змею. Сказочный змей — обязательно (разрядка наша, — Н. Н.) огнедышащий. И, видимо, прав В. П. Аникин, когда он связывает эту особенность

своим ясаком поет»; Королькова, стр. 45—49 — чудовище: «голова у него с пивной котел, всех оно пожирает».

¹¹¹ А. П. Белик. Этические и эстетические мотивы в русской народной сказке. М., 1965, стр. 309.

¹¹² К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства, стр. 135.

змея с огнепоклонничеством. Змей нередко становится колдуном и оборотнем. Чтобы победить сказочного змея, нужна не простая палица, а волшебный меч-кладенец». ¹¹³

Основываться на таких примерах для установления разницы между эпической и сказочной фантастикой — значит заведомо ориентироваться на неискушенного читателя, незнакомого ни с эпосом, ни со сказкой. По сути дела, те признаки, которые автор стремится выделить как якобы специфические для сказочных или эпических змеев, в действительности являются для них не отличительными, а общими. И в эпосе, и в сказке Змей выступает «как гиперболизированное олицетворение реальной опасности» и как «угроза физическая и конкретная»; огнедышащий Змей встречается и в эпосе, в сказке же — отнюдь не обязательно (пожалуй, правильнее было бы сказать — очень редко), наконец, в сказке, как и в эпосе, Змей часто побеждается «силой богатырской» и также при помощи «простой» и «огромной палицы», а не только волшебного меча-кладенца. Мы согласны с тем общеизвестным положением, что в сказке «отлет фантазии от реальности оказывается более полным», чем в эпосе. ¹¹⁴ Однако пониманию различий между сказочной и эпической фантазией менее всего помогают противопоставления.

Большие сомнения вызывает также предположение К. С. Давлетова о звероящерах как реальных прототипах фольклорных змеев. ¹¹⁵ Из рассуждений автора следует, что чем меньше фольклорный образ связан с действительностью, тем он получает «более ясную и определенную характеристику», ибо, как далее поясняется, «выдумать можно все очень точно». Змей, по К. С. Давлетову, в народном творчестве такой характеристики «почти» не получает, свойства его путаются, ¹¹⁶ следовательно, он ближе к действительности, чем, скажем, Баба-Яга, полет которой народ описывает «с крайней наглядностью и осязательностью: она в ступе скачет, пестом путь расчищает, помелом след замечает». ¹¹⁷

¹¹³ Там же, стр. 135—136.

¹¹⁴ Там же, стр. 140.

¹¹⁵ В сущности предположение К. С. Давлетова не отличается оригинальностью. Ср. у М. Горького: «Скелеты птерозавров и летящий ящер — „дракон воланс“ — как прототип дракона Змея Горыныча» (М. Горький и О литературе. М., 1963, стр. 639).

¹¹⁶ Фольклор, по словам К. С. Давлетова, «словно стремится вспомнить, что же это за змеи делали: летали они или прыгали, или плавали в воде? Если учесть, что звероящеры, в общем похожие друг на друга по многим своим признакам, делали и то, и другое, и третье, то колебания фольклора станут весьма понятными» (К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства, стр. 139). Такие резкие и частые «колебания», о которых говорит К. С. Давлетов, фольклору и, в частности, сказке не присущи. Змей в сказке почти всегда изображается летающим или едущим на ковре.

¹¹⁷ Там же, стр. 139.

Но сказать, что Змей «почти» не описывается, значит заведомо сказать не все и главное — умолчать о таком постоянном внешнем его признаке, как многоголовье. К тому же, если описание полета Бабы-Яги признать «крайне наглядным и осязательным», то, спрашивается, чем уступает ему традиционное описание въезда Змея-всадника на Калиновый мост?

Говоря о «нарочитой скупости» в обрисовке сказочного Змея, К. С. Давлетову следовало бы посчитаться также и со специфической рассматриваемого жанра, вообще избегающего сколько-нибудь подробных характеристик персонажей.

Никто не будет отрицать, что в основе образа сказочного Змея лежит реальная действительность (как, между прочим, эта действительность лежит в основе и всех других сказочных образов), однако столь прямолинейное сближение образа фольклорного Змея с допотопным звероящером вряд ли кого может убедить. Поэтому нам представляется, что ближе к истине находится В. Я. Пропп, усматривающий в образе крылатого (летающего) Змея синтез представлений о змее и птице. Именно путем причудливого сочетания (соединения) в одном лице признаков различных существ воображение древних творило фантастические образы, в числе которых как классический пример назовем сфинкса и кентавра.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Кащей (или Кощей) Бессмертный (или Бессмёртный) — самое распространенное прозвище одного из популярных персонажей восточнославянской волшебной-фантастической сказки. Наряду с ним встречаются и другие: Кащ, Кащá, с эпитетом Бессмертный или без него, с эпитетом «поганый» (Романов, VI, 1, 12, 15, 25, 36, 57), Костей, Коцей (Романов, VI, 23; Левченко, 512; Записки, I, 45; Карнаухова, 42), Костий Бездушный (Чубинский, 64), Кошшуй Бессмертный (Соколовы, 53, 144, 152; Записки, II, 27), Кощей (Коцель) царь Бессмертный (Гуревич, 7; ср.: Магай, 3), Кот Бессмертный (Садовников, 61), Козел Бессмертный (Романов, VI, 26, вариант, стр. 245—246), Козьолок Бессмертный (Левченко, 474), Корчун Бессмёртный (Господарев, 8), Корачун (Тамб., 5).

В отдельных вариантах функции Кащея выполняют Змей (Афанасьев, 162; Романов, VI, 26, вариант, стр. 246—247), Змей-Горыныч (Приб., 36), Нечистик (Романов, VI, 26), Окоянный (Эрленвейн, 1), Яга-Ягишя (Олчуков, 14; Азадовский. Сиб., 14), волшебница (Худяков, 82), старик-волшебник (Чернышев, 77), царь (Воронежск., 9).

Само слово Кащей, очевидно, заимствованное из тюркских языков, встречается в некоторых древнерусских письменных памятниках в значении отрока, мальчика, младшего отрока княже-

ского, пленника, раба.¹¹⁸ Значительно позднее, в XVIII—начале XIX в., оно довольно широко употребляется в быту, проникает в лубочную и художественную литературу. Здесь Кащей по преимуществу выступает прежде всего носителем человеческих пороков — непомерной скупости и лицемерия.

В книге М. Попова «Славянские древности, или Приключения славянских князей»¹¹⁹ Кащей именуется Карачуном и характеризуется как злой чародей и оборотень, который по своему желанию может принимать различные виды: огня, человека, «семиглавой гидры» (семиглавого змея), «гнуснейшего и ужаснейшего страшилища». Карачун — «весьма влюбчивое и корыстолюбивое» существо: «всех прекрасных женщин похищал он в свой сераль, а дорогие и редкие вещи собирал отовсюду в свои сокровища». Гибнет Карачун во время погони за героем, на помощь которому приходят змеи.

Все сказки с участием Кащея Бессмертного можно разделить на три группы: 1) на сюжет «Смерть Кащея в яйце», 2) «Смерть Кащея от волшебного коня» и 3) сказки, не связанные между собой определенной тематикой, где Кащей сплошь и рядом выступает дублером какого-нибудь другого отрицательного персонажа сказки.¹²⁰

Ведущее место в основном тематическом ряду принадлежит группе «Смерть Кащея в яйце». Она же определяет и наиболее характерный тип сказки о Кащее Бессмертном, варианты которой многократно записывались на всем протяжении XIX—начала XX в. и отмечены в репертуаре многих современных, преимущественно русских сказочников, в том числе таких, как О. Винокурова, А. Барышникова (Куприянича), М. Коргуев, Ф. Господарев, Е. Сороковиков (Магай) и др.¹²¹ Что касается территориального распространения данной сказки, то оно необычно широко.

Первую краткую запись такой сказки из уст народного исполнителя произвел в России А. С. Пушкин в конце 1824 г. в Михайловском, по всей видимости, от Арины Родионовны.¹²²

¹¹⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, стр. 1307—1308.

¹¹⁹ М. Попов. Славянские древности, или Приключения славянских князей, чч. I—II. СПб., 1770—1771.

¹²⁰ В указателях сказочных сюжетов Н. П. Андреева и В. Я. Проппа сказки о Кащее Бессмертном находятся в одной рубрике «Смерть Кащея в яйце» (№ 302), куда отнесены как сказки, непосредственно отвечающие данной теме, так и сказки, имеющие к ней косвенное (смерть Кащея от коня), а то и просто формальное отношение (смерть в яйце, но не Кащея, а положительного героя, например: Коргуев, 14).

¹²¹ Впервые народная сказка о Кащее Бессмертном в литературной обработке, но с сохранением многих типических традиционных черт, прикля в печать в XVIII в. через сборник «Дедушкины прогулки» («Сказка о весьма чудных и прекрасных гусях-самогудах», стр 2—26), издававшийся в 1791, 1805, 1815 и 1819 гг.

¹²² См.: Сказки XIX в., 12.

Поэт зафиксировал следующие характерные черты сюжета: 1) героиня выпытывает у Кащея о его смерти; 2) герой идет за смертью и на пути падает животных; 3) животные помогают ему добыть яйцо; 4) Кащей занемогает.

Как видно, обычное начало сказки (герой отправляется на поиски невесты) и ее окончание (смерть Кащея) в пушкинской записи отсутствуют.

Этот сюжет в виде отдельной сказки, кроме сказки Пушкина, встречается лишь в сборнике Афанасьева, 157 (зап. в Архангельской губ.); во всех остальных он разрабатывается в контаминации с другими сюжетами, не выходящими, впрочем, за рамки сказок волшебного-фантастического характера, а именно в следующих сюжетах: «Мышь и воробей» (Андреев, 222 * В);¹²³ «Три царства: золотое, серебряное и медное» (301 А, В), «Чудесное бегство» (313), «Притворная болезнь» (315 А), «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (400 А, *В), «Царевна-лягушка» (402), «Царевич-козел» (430), «Верный слуга» (516), «Обманутые лешие» (518), «Иван-царевич и серый волк» (550), «Животные зятя» (552), «Благодарные животные» (554), «Иван-Медвежье Ушко» (650 А).

В каждом отдельном варианте сказки с темой «Кащеева смерть в яйце» используются от одного до трех сюжетов (не считая основного),¹²⁴ причем, следует сказать, в большинстве случаев не полностью, как это имеет место при их самостоятельных обработках в отдельные сказки, а лишь частично.

Как правило, вводимые сюжеты, за очень небольшим исклю-

¹²³ В «Указателях» Андреева и Проппа этот сюжет находится в отделе «Сказки о животных»; фактически же в русской и вообще в восточнославянской сказочной традиции он самостоятельно не разрабатывается и выступает исключительно в качестве начала некоторых волшебного-фантастических сказок, обычно типа 313.

¹²⁴ Восточнославянские сказки на тему «Кащеева смерть в яйце» образуются при следующей контаминации сюжетов: 302 (Афанасьев, 157; Сказки XIX в., 12), 222*В+302 (Азадовский, Верхн., 1), 301 А+302 (Коргуев, 11; Башк., 14), 301 В+302 (Ончуков, 107), 302+301 В, А (Романов, VI, 36), 400 А+302 (Записки, II, 15; Чернышев, 35), 400*В+302 (Садовников, 61), 430+302 (Рождественская, 10), 516+302 (Афанасьев, 158; Карнаухова, 141; Романов, VI, 1), 518+302 (Волог., 9), 552+302 (Ончуков, 167; Романов, VI, 26, вариант, стр. 245—246; Красноженова, 20; Азадовский, Верхн., 30), 650 А+302 (Карнаухова, 42), 302+301 А (Афанасьев, 156), 301 В+302+313 С (Записки, I, 43), 400*В+552+302 (Жив. ст., стр. 365—386), 402+400 А+302 (Афанасьев, 269; Калинин, 6; Куприяниха, 25; Тамб., 5; Господарев, 8; Акимова, 372), 532+300 А+302 (Никифоров, 11), 550+518+302 (Гуревич, 7; Сказки, 20; Башк., 18), 552+400 А+554+302 (Завьяловский, стр. 85—95; Романов, VI, 25), 552+554+302 (Зеленин, Пермск., 6), 650 А+301 В, А+302 (Романов, VI, 15), 650 А+302 (Левченко, 474), 400*В, А+313+516+302 (Эрленвейн, 12), 550+518+532+302 (Никифоров, Ск., 98), 650 А+301 В+400 А+302 (Комовская, Пред., 96), 650 А+351 А+301 В, А+302 (Романов, III, 8), 650 А+Победа над раком В1ром+301 В+302 (Чубинский, 64).

чением,¹²⁵ предшествуют основному ядру повествования — добытванию яйца — смерти Кащея — и нередко выступают в качестве довольно устойчивой завязки сказки (таковы, например, «Лягушка-царевна» и «Животные зятья»).

Единственным яблоком раздора между героем сказки и Кащеем является женщина. Острая борьба за обладание ею составляет основной драматический конфликт произведения. Сказка знает две категории подвластных Кащею женщин: в одном случае это его родные дочери (Ончуков, 107; Записки I, 43; Сказки XIX в., 12; Чубинский, 64; Романов, III, 8, VI, 15), в другом — пленницы, нередко принужденные находиться на положении его сожительниц.

Дочери Кащея могут быть простыми и трудолюбивыми девушками, день-деньской проводящими за «пялушкой точеной, иголкой золоченой» (Ончуков, 107), но могут быть существами необыкновенными, оборотнями, наделенными сверхъестественной физической силой.

Женщины — пленницы Кащея — составляют главный и в сущности единственный предмет его хищений. Однако нужно сразу оговорить, что желания Кащея в этом отношении безграничны. Напротив, он стремится овладеть только одной женщиной, к которой сохраняет удивительное постоянство, привязанность и доверие и от которой стремится добиться также ответного внимания и благосклонности.¹²⁶

В отдельных вариантах сказок вопрос о том, каким образом героиня попадает к Кащею, не освещается (Карнаухова, 42; Левченко, 474; Романов, VI, 36); в других лишь бегло констатируется: «И у ево <Кащея> была купческа дочь украдена» (Азатовский, Верхн., 1), или (герою сообщает Ягая баба): «Она вышла за Ката Бессмертного замуж» (Садовников, 61); в третьих — излагается как один из обязательных эпизодов в общей цепи сказочного повествования.¹²⁷

Непременным содержанием такого эпизода является вынужденный переход героини под власть Кащея. Этот переход может совершиться:

а) без какой-либо даже внешней мотивировки: откуда ни возьмись, вдруг, налетает Кащей Бессмертный и насильно отбирает облюбленную им жертву (Афанасьев, 156; Эрленвейн, 12;

¹²⁵ Афанасьев, 156; Романов, VI, 36 — рассказ о коварстве братьев (Андреев, 301 «Три царства») идет после того, как герой расправляется с Кащеем.

¹²⁶ Намек на сожительство Кащея с тремя женщинами нам встретился только в одном варианте сказки — Романов, VI, 36.

¹²⁷ Сюда же, очевидно, отчасти можно отнести и сказку «Кащей Бессмертный» (Афанасьев, 156), в которой герой освобождает свою мать и попутно царскую дочь, неизвестно каким образом очутившуюся у Кащея.

Карнаухова, 141; Коргуев, 11; Гуревич, 7; Комовская, Пред., 96; Сказкин, 20; Никифоров, Ск., 98; Романов, VI, 26, вариант, стр. 245—246);

б) по непредвиденным обстоятельствам (героя и героиню лошади случайно заносит прямо в дом Кащея — Романов, VI, 1);

в) во время богатырского сна героя после тяжелого боя (Афанасьев, 156; Записки, II, 15) или утомительного пути (Рождественская, 10; Чернышев, 35; ср.: Башк., 18), сна, вызванного волшебными средствами недругов (Жив. ст., стр. 365—386);

г) в результате нарушения какого-либо запрета, преимущественно со стороны главного героя.

Мотив запрета занимает существенное место в сказке на сюжет «Кашеева смерть в яйце» и встречается во многих ее вариантах. Запрет может быть связан с категорическим требованием жены (невесты) к мужу (жениху), отца к сыну не заходить в определенное помещение (подвал, лавку, комнату, хижину, кладовую). Нарушение этого запрета влечет за собой избавление Кащея из заточения и насильственный захват им жены, невесты, матери героя (Ончуков, 167; Зеленин, Пермск., 6; Азадовский, Верхн., 30; Красноженова, 20; Завьяловский, стр. 83—95; Волог., 9; Башк., 14; Романов, VI, 25).

Другой популярный вид запрета — это запрет на сжигание (до истечения определенного срока) кожи заколдованной или проклятой жены-лягушки (Афанасьев, 269; Калинин, 6; Куприяника, 25; Господарев, 8; Акимова, 372). Муж сжигает эту кожу, и жена, время освобождения которой должно скоро наступить, вынуждена удалиться к Кащею (Корчуну) Бессмертному. Вот как об этом говорится, например, в сказке «Про царевну-лягушку» (Акимова, 372): «Кончился бал, идут в зал. Смотрит <царевна-лягушка>, — шкурки нет. „Ты, что же, Иван-царевич, зачем мою шкурку сжег?“. — „Хотел я такую жену иметь“. — „Ну, дорогой мой, наверно, нам расставаться с тобой. Так не могу я больше здесь жить. Пойду я к Кащею Бессмертному“. — „Почему?“. — „Да вот осталось полгода шкурку носить. Эта шкурка обречена матушкой мне своей родной. Она меня проклала. И вот остается мне теперь идти к Кащею Бессмертному“».

В единичных вариантах запрет распространяется на снятие с руки кольца (Иван-царевич снимает с руки кольцо, и Елена Прекрасная исчезает — Тамб., 5), на сжигание кожуха Козелка-мужа (Марьюшка сжигает кожух Козелка-Ивлевые глазки, золотые рожки, и ее забирает Кащей Бессмертный — Рождественская, 10), на освобождение от физического наказания должника (Иван-царевич выкупает за большие деньги Булат-молодца и через это лишается своей жены Василисы Кирбитьевны — Афанасьев, 158).

Что же это за существо Кащей Бессмертный, столкновение с которым положительных героев порождает и обостряет драма-

тизм сказочного действия, составляет основной конфликт произведения?

Бесспорно, Кащей Бессмертный принадлежит к отрицательным персонажам восточнославянской волшебной-фантастической сказки, к ее темным, враждебным силам, существам демоническим, подобным Змею и Бабе-Яге-похитительнице. Однако, ставя Кащея Бессмертного в один ряд со Змеем и Бабой-Ягой, нельзя не видеть в каждом из них определенно сложившийся в народном сознании художественный тип, со всеми присущими ему специфическими чертами.

Кащей Бессмертный сказочного эпоса — это прежде всего оборотень и чародей. Сила его волшебства огромна, но не беспредельна. При определенных обстоятельствах она может быть подавлена и даже уничтожена. Возможность укрощения Кащея уже подчеркивается в начале некоторых сказок и реализуется в заключительной части всех без исключения сказок на рассматриваемый сюжет.

Кащей-пленник. Пребывание его в заточении сказка рисует в фантастическом свете, непременно при случае оттенить жестокость обращения с ним его хозяев. Заходит герой в запретное помещение и видит: «в лавки на одной только волосинки висит Кощей Бессмертный» (Ончуков, 167); «стоит старичок на огненной доске» (Зеленин, Пермск., 6); «висит на двенадцати цепях Кашшей бессмертный» (Азадовский, Верхн., 30); сидит «на цепях тридцать шесть лет Кощей бессмертный» (Красноженова, 20), «сильный огонь горит, и в огне поганый Кощей на цапах висит» (Романов, VI, 25; ср.: Башк., 14); сидит «в кипящем котле Кощей Бессмертный, прикованный к стенам двенадцатью цепями и замкнутый двенадцатью замками» (Завьяловский, стр. 83—95).

Отдельные варианты сказки называют виновника и причины заточения Кащея, раскрывают некоторые подробности обращения с ним в неволе его недруга: «Ты зачем здесь? — спрашивает изумленный Иван-царевич, заглянув в тринадцатую комнату, где на двенадцати цепях висит Кащей Бессмертный, и слышит ответ: «Я твоей жене шил башмаки, да оммалил. Она меня посадила и хочет голодной смертью уморить» (Азадовский, Верхн., 30).

Существуют и другие ответы Кащея на аналогичный вопрос: «За приступки <очевидно, назойливое ухаживание, приставание> за мое», признается он герою, «повссила мяне жена твоя Марья Кирбитовна» (Романов, VI, 25), или: «Ведь тридцать шесть лет твоя жена держит меня здесь и не дает ничего» (Красноженова, 20).

Освобождение Кащея из неволи происходит или моментально, стоит только вошедшему чуть дотронуться до волоска, на котором тот висит (Ончуков, 167), или это сопровождается целой процеду-

рой, выражением сочувствия героя к узнику («Ах, дедушка, тошно тебе стоять на огненной доске!» — Зеленин, Пермск., 6), просьбами Кащея за вознаграждение выполнить его желания: «Сказал старик: „Если, молодец, ты меня спустишь с доски, я тебе два века ешо прибавлю! (ты будешь жить три века)“. Иван-царевич сужалел, оборвал у ево цепи, вывел старика из этой конюшни. Старик ударился об землю, поддел Елену Прекрасную из саду и увез» (Зеленин, Пермск., 6).

Тот же собственно эпизод, но в более ярком освещении, с традиционными тоекратными повторениями передается в сказке «Марья Кирбитовна»: «„Ну прошу тебя, — умоляет Кащей Ивана Ивановича — Испусьги мяне! Ну я тебе згоджуся на ўсе ўримина“. — „А як тебе отпусьтить?“ — „Иди приняси три видра горелки и три булки хлеба, и три полени дров ольховых и три полени дров осиновых!“ Ен принёс яму три видра горелки, три булки хлеба, три полени дров ольховых и три полени дров осиновых. Ен тоды выпивав одно ядро горелки и закусавав одну булку хлеба, брав еты полены и бив по цапах. Выпивав другая ядро горелки, закусавав другим хлебом и бив палками по цапах. И одбив уси цапы, только один остався — што з низу у горло. Третья ядро выпивав и булкою закусавав. И усё цапы оторвав от сябе и сам с огня выскাকাвав. Вот жа, говоря: ни видать табе жаны Марьи Кирбитовны во век! поганый Кащей говоря. Поднявся, полятев, только ветир зашумев» (Романов, VI, 25).

Данный эпизод в своих вариантных разветвлениях (Азадовский, Верхн., 30; Красноженова, 20; Башк., 14) закрепляет за Кащеем такие отрицательные черты, как хитрость и вероломство. Жалким и беспомощным существом он выглядит в заточении; наглым и неблагодарным — на свободе. Впрочем, обещания Кащея продлить жизнь своему освободителю (на два-три века) он соблюдает до тех пор, пока последний в третий раз не пытается вызволить от него свою жену или невесту.

Первая встреча и первые столкновения героя с Кащеем могут протекать и в иных условиях, отличных от только что описанных.

1. Ивашко-Медвежье Ушко и его богатыри — спутники Гор Горовик и Дуб Дубовик поочередно варят обед. К каждому из них является Кащей — «Сам с кокоток, борода с локоток»,¹²⁸ требует: «отчинить» дверь, пересадить через порог, усадить на лавку, накормить. Гор Горовик и Дуб Дубовик все его требования беспрекословно выполняют. Кащей бесперемонно съедает все заготовленное ими на обед, выкраивает с их плечей «полосы» и улетает. Ивашко-Медвежье Ушко не подчиняется требованиям Кащея и учиняет расправу над ним: он хватает его за бороду, тащит в лес, рассекает дуб и бороду зажимает в трещине. Через

¹²⁸ Коргуев, 11 — «Старичок с ноготок, борода с локоток».

некоторое время Кашей бежит, оставив свою бороду в дубе (Романов, VI, 36).¹²⁹

2. Иван Златовус и его три товарища — богатыри Ирви-дуб, Камяник и Вярни-гора, захватив дочек Кашей, устраивает с ними «баль». Четырежды к ним является слуга от Кашей, заявляя: «Кошей ужо три дни як ня ев; идзице, готуйце яму есци!», и каждый раз Иван Златовус отвечает: «Нехай нам уперадзи Кошей послужиць, а ня мы яму!» — Кашей сердится и выставляет против богатырей сначала один, потом два и, наконец, три полка чертей. Ирви-дуб, Камяник, Вярни-гора поочередно с ними расправляются, а затем, вообразив, что одного Кашей им «лацьвей забиць» по одному отправляются к нему и погибают.

Ирви-дуб «як удариць яго дубом — тэй и не схилився. Дык як дась «Кашей» Ирви-дубу у грудзи — тэй и ноги задрав. Кошей забив яго и ўкинув у огняннуу раку». Камяник «як кинець у яго камянем — камянь отскочив от Кошей и ничего яму ня здзельв. А Кошей як дась Камянику — одним шавком и забив, и ўкинув у огняннуу раку». Вярни-гора «и шибнув ў яго «Кашей» горой с каменями и с пяском. А Кошей вочи заплюснув и ничо́го яну Вярни-гору́ ня здзельв».

Против Ивана Златовуса Кашей уже выставляет не войско, а является сам, бьется с ним целый день, забивает и бросает на поле на растерзание диким зверям (Романов, III, 8).

Таким же неуязвимым и могучим изображается Кашей и в других трех вариантах сказки — русской (Ончуков, 107), белорусской (Романов, VI, 15) и украинской (Чубинский, 64). Например, в белорусской сказке от одного только дыхания Кашей спутники-богатыри Ивана-Подвоя «як комары полетели», сам же он, ударив Кашей сзади по голове, подумал «уснетъ зразу», а тот промолвил: «ах... нешто у мяне дрыжак». Когда же второй раз герой ударил его, то Кашей воскликнул: «„Ось якое лихо! розочка по носу ударила“». Отвернулся назад: «„ох, говорит, Иван! ня сто́ило было со мпой чапатца!“. Отвяцувся, шавком у лоб, — Иванушка уснув».

В двух русских вариантах борьбу с богатырями, овладевшими кашеевыми дочками, Кашей ведет волшебными средствами (срубает головы мечом Сам-самосском — Комовская, Пред., 96; превращает силачей-спутников Ивана Сосновича в камень — Коргуев, 11).

Где же обитает Кашей? Какой образ жизни он ведет? Как обращается он со своими пленниками и домочадцами? Одним словом, какие дополнительные черты обнаруживаются в положении,

¹²⁹ Комовская, Пред., 96 — вместо Кашей в этом эпизоде действует старуха. Она избивает Дубодера и Горноса и просит пощады у Ивана Ветрова, обещая отдать замуж за него свою младшую дочь, которую сватает Кашей Бессмертный.

характере и поведении Кащея в его, так сказать, «домашней» обстановке?

Чтобы попасть к Кащею, сказка из всех путей к нему обычно выбирает самый долгий, сложный и опасный. Герою приходится отправляться в «прикрай свету, в самый конец» его (Садовников, 61), в дороге изнашивать железные сапоги, железный сюртук, железную шляпу (Эрленвейн, 12),¹³⁰ преодолевать многочисленные препятствия, обращаться за помощью к различного рода помощникам — дарителям и советчикам, вступать многократно в борьбу с сильным и коварным противником, погибать и вновь воскресать для свершения благородного подвига — освобождения из неволи любимого человека (жены, невесты, матери).

Обиталищем Кащея, куда попадает герой, может быть его царство, город, дворец, замок, большой дом, просто дом, «фатерка — золотые окна», избушка, избушка-вертушка, квартира. В зависимости от того, какое имущественное положение занимает Кащей в сказке, во многом находится и его социальная характеристика. Естественно, в отдельных вариантах он обрастает некоторыми чертами собственника — феодала, которые, отметим, больше всего обнаруживаются в текстах позднейшей записи — у О. Винокуровой, П. Большедворской (Азадовский, Верхн., 1, 30), И. Митрофанова (Карнаухова, 42), Е. Сороковикова — Магай (Гуревич, 7), М. Коргуева (Коргуев, 8).

В сказке Винокуровой, пожалуй, единственной в своем роде, Кащей характеризуется как угнетатель, который «народ весь замучил» (правда, чем и как замучил — об этом не говорится) и со смертью которого народ «весь облегчился. Пошел звон, пение, радость».

«Кащей бессмертный в ее (О. Винокуровой, — Н. Н.) изложении, — пишет М. Азадовский, — совершенно утратил всю фантастическую оболочку, он представляется скорей важным баринном, ежедневно отправляющимся на свои занятия».¹³¹

В ограниченном количестве вариантов подчеркивается наличие во дворце или замке многочисленной прислуги — нянек, мамок, служанок (Азадовский, Верхн., 30) и богатства: «Взял Иван-Ветер <у Кащея> Настасью Прекрасную, золота, серебра, скатна земчуга. Пошли домой» (Карнаухова, 42); «И собрал <во дворце Кащея> он <Иван-царевич> много самоцветных камешев, набрал он алмазы и бриллианты, и бирюзы, изумруды и жемчужины» (Гуревич, 7);¹³² Долго Иван Соснович ходил по «тем-

¹³⁰ Никифоров, Ск., 98 — железные сапоги, стальные перчатки и шапку. Никифоров, 11 — путь к Кащею («Соловью на двенадцати дубах») герою может указать только царская дочь, превращенная в утку и находящаяся в яйце. Герой добывает яйцо, и заклятая царевна указывает ему путь.

¹³¹ Азадовский, Верхн., стр. 193.

¹³² Ср. с более поздней записью (Магай, 8), где данная подробность сказочником опущена.

пому замку» Кащей, зашел в помещение с хрустальной дверью и увидел трех девушек и у них играют гусли-самогуды, а «братья роятце в золоте и нагребают себе денег» (Коргуев, 11).

Впрочем, упоминание о кашеевом богатстве или намека на него можно найти в нескольких сказках старой записи (Афанасьев, 157; Жив. ст., стр. 365—386). В подавляющем большинстве вариантов ни о богатстве, ни тем более об эксплуататорской сущности Кащей ничего не говорится и на это даже не намекается. Все внимание сказка сосредоточивает на Кащее как необыкновенном существе, выделяя и подчеркивая в то же время его реально-жизненные отношения к своей дочери или похищенной им женщине. Во многих сказках Кащей не ходит и не ездит, а летает, подобно птице или вихрю, причем его прилет «домой» иногда сопровождается резкими переменами в природе: «Вдруг гром гремит, град идет, Кощей Бессмертный летит» (Карнаухова, 141); «Только было она <царевна> его <Ивана-царевича> положила к себе на колени, листья с деревьев полетели, ветер ужасный. „Ну, — говорит, — Иван-царевич, Кащей летит!“» (Акимова, 372).

Кащей обладает удивительным чувством обоняния, и, как бы ни ухитрились его дочь или невольница скрывать своего возлюбленного, пряча по обыкновению в чулан, сундук, шкаф и т. п. или реже превращая его в какой-либо предмет бытового назначения (например, иглу), он каждый раз по запаху обнаруживает присутствие чужого человека: «Фу-фу-фу, что-то в горнице русским духом пахнет (Карнаухова, 141); «Фу-фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла» (Афанасьев, 156).

На эти восклицания Кащей жена (невеста) героя отвечает: «Летела с Руси сытая птица, уронила коску в трубу, из печи пахнет» (Карнаухова, 141); «Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится» (Афанасьев, 156).

О характере отлучек Кащей из дома (обычно в дневное время) перед приходом сюда героя-освободителя, если и говорится, то предельно кратко: летает по Руси (с какой целью, не указывается — Афанасьев, 156; Карнаухова, 141; Рождественская, 10; Романов, VI, 36), уходит или уезжает на войну (с кем ведет войну и из-за чего, не указывается — Афанасьев, 157; Чернышев, 35), удаляется на медную гору (зачем, не указывается — Жив. ст., стр. 365—386), уезжает «на добычу» (какую, не указывается — Эрленвейн, 12), летает, уезжает, уходит (куда, зачем, не указывается — Ончуков, 167; Карнаухова, 42; Красноженова, 20; Азатовский, Верхн., 1; Завьяловский, стр. 83—95; Волог., 9), летает на охоту (Афанасьев, 158), «штается по вольному свету» (Садовников, 61), отправляется «в разные стороны», «на звериную охоту» (Романов, VI, 25), «улетает на облака» (Записки, II, 15). В остальных вариантах отлучки Кащей вообще не упоминаются.

Имеются сказки, где героиня предупреждает неожиданно появившегося мужа (жениха) о том, что прилетит Кащей и его съест (Карнаухова, 141; Акимова, 372; Левченко, 474; Романов, VI, 15, 36). Однако, кроме этого устрашения, в сказке нет ничего такого, что говорило бы о людоедстве Кащея. Сам же он никогда не требует и не употребляет человеческого мяса, как это делают, например, Баба-Яга или Змей. Зарубленных противников он сбрасывает в огненную реку, оставляет лежать на поле и т. п., но не употребляет себе в пищу. Чем же питается Кащей? Большинство сказок об этом ничего не говорит или ограничивается стереотипными фразами вроде: «Налётел Косей, наелся, напился, на лавку повалился» (Карнаухова, 42); «Прилетел Кащей домой, поел, попил и лег к царь-девице на колени головой» (Красоженова, 20). Другие рисуют Кащея необыкновенным обжорой, который разом выпивает ведро, а то и бочку воды или вина, съедает ковригу хлеба, полбыка и т. п. (Азадовский, Верхн., 30).

Сказка явно намекает на то, что Кащей, несмотря на свое невероятное обжорство, употребляет в пищу те же самые продукты, что и простые смертные.¹³³ Об этом можно заключить, например, и из слов волшебного коня, который на вопрос Кащея, как скоро они догонят беглецов, отвечает: «Пашню спаши, хлеб смели, пиво навари, пирогах напеки, тыжно еще в половине дороги нагоним» (Азадовский, Верхн., 30),¹³⁴ или из действий царевны-лягушки, которая «готовила ему мясо, этому Кащею, и покормила Ивана-царевича» (Акимова, 372).

В «домашней» обстановке с наибольшей отчетливостью проявляются взаимные отношения Кащея, его дочерей и похищенных им женщин.

Как отец, он, естественно, питает к дочерям чувства привязанности и заступает за них, когда видит, что им угрожает опасность. Слыша горькие упреки и сетования дочери, он даже проникается жалостью к им же убитому Ивану-царевичу, ее мужу, и, достав живой и мертвой воды, оживляет его (Записки, I, 43). Однако дочери, как видно, все же видят в нем семейного деспота, который противится выходу их замуж за избранного человека, и потому сравнительно легко вступают в сговор с героем с целью умерщвления отца.¹³⁵

Сказка знает два типа женщин — пленниц Кащея: одни, как бы смирившись со своей судьбой, становятся его сожигательницами,

¹³³ Как исключение, может быть названа сказка «Ивашко-Медвежье Ушко», где пищей Кащею служат «горячая картечь»: «горячей картечки он наглотался, лег себе и лежит» (Романов, VI, 36).

¹³⁴ Формула эта особенно характерна для сказок на сюжет «Кащеева смерть от коня» — см. ниже.

¹³⁵ В единственном варианте (Ончуков, 107) дочь Кащея под угрозой Ивана Ветровича: «Смерть или замуж?», выбирает второе и выпытывает у отца тайну о местонахождении его смерти.

женами, хотя в душе питают к нему чувство неприязни и отвращения; другие — держатся независимо, гордо и смело отвергают любые его домогательства.

Кашей, жалуется Ивану его жена, «склоняет меня к любви. Но я все же не сдаюсь, не подпускаю его к себе» (Комовская, Пред., 96); или еще более решительно и тверже: «Я нахожусь», говорит Якута Прекрасная своему жениху Ивану-царевичу, «в страшных муках у этого злого Кашея Бессмертного, который не дает покою, принуждает меня, чтобы я вышла за него замуж и была бы верной женой. Но я не хочу быть его верной женой, а хочу принять верную смерть» (Гуревич, 7; ср.: Башк., 18).

Однако «страшные муки» угнетения, о которых упоминается в только что приведенном отрывке, нельзя считать типичными для сказки, поскольку в остальных вариантах жизнь невольниц Кашея проходит в достаточно благоприятной обстановке и при более чем благосклонном отношении к ним со стороны самого Кашея.

Пленницы пользуются относительной свободой и, судя по всему, не испытывают ни в чем недостатка. Круг обязанностей их невелик и необременителен. Чаще всего, сидя у окна в одиночестве, они прядут, шьют или вышивают, встречаются и провожают Кашея, готовят ему обед, кормят его и т. п.

Но как бы ни были благоприятны внешние условия, созданные для невольниц Кашеем, как бы хорошо он к ним ни относился, их не может удовлетворить затворническая жизнь, и они при первой же возможности, без колебаний изменяют ему. Надежным оружием, направленным против Кашея, героиня избирает женскую хитрость. Она вдруг прикидывается ласковой, нежной и любящей его женщиной, и Кашей, проникнувшись доверием к ней, попадает в коварно расставленную ловушку. Сказочники любят задерживаться на этом эпизоде, насыщают его морально-психологическими и бытовыми подробностями, как бы подчеркивая тем самым его жизненную подоплеку.

«Прилетает вечером Кошей, а Руса-Руса к нему на грудь кидается, ластится: „Кошей бессмертный, скажи мне, где твоя смерточка?“» (Записки, II, 15); «Прибегает Кошшей ввечеру. Она <Зари-Заря> доспелась весела. „Ах, ты мой любезный жепишók! Нынче мы будём вечно с тобой жить. Теперь Ивана-царского сына — золотых кудрей нету-ка, некому похитить меня. А ты своих тайностей не объясняешь“. — „Я каки тебе тайности объясню?“ он отвечает. — „Да, ты хоть свою смёрточку скажи мне, хоть бы на нее полюбовалась“, говорит» (Жив. ст., стр. 365—386); «Ну, и как он, Кашшей, патонцовался, нахлопался, натрепался, назавтра спит долго. Никогда етово у Кашшея не бывало: ей <купеческой дочери> подали чаю, она ево будит — и так ласково ево просит чай пить. Кашшей тому весьма зрадовался. То

опа ево не любила, а тут чай зовет пить с собой. И за чаем разговор с ём повела. „Што ето сколь мы с тобой, душечка, ни живем, а никовда с тобой не говаривали. И как ето охота тебе ети вечера делать, убивать себя до такой степеня, и вот ты теперь устал. А де же, душечка, ваща смерть находитца?“. Кашшею смешно стало: „Гля чеве же вам моя смерть?“. — „Какая же, — говорит, — я тебе жена буду, ковда ничево знать не буду“» (Азадовский, Верхн., 1).

Сидят Кащей и Марья Кирбитовна вечером и разговаривают. «Ай де твоя душа находитца?» — спрашивает Марья Кирбитовна своего собеседника, и, чтобы не вызвать с его стороны каких-либо подозрений прямо поставленным вопросом, продолжает: «Ну и я свою туды усажду за то, што ты мойго мужа убив; я тяперь буду жыть с тобою» (Романов, VI, 25).

Обрадованный такой разительной переменой своей возлюбленной, Кащей или сразу же раскрывает ей свою тайну (Афанасьев, 156; Акимова, 372; Комовская, Пред., 96; Волог., 9; Романов, VI, 25, 26, вариант, стр. 245—246, 36),¹³⁶ или чаще пускается тоже на хитрость и дает ложные ответы, что заметно усиливает драматизм сказки, позволяя рассказчикам как-то психологически мотивировать поступки персонажей.

Раскроем последнее на одном из ярких примеров — сказке О. Винокуровой (Азадовский, Верхн., 1). После реплики героини, которую мы только приводили («Какая же я тебе жена буду, ковда ничево знать не буду»), Кащей сообщает, что смерть его будто бы находится у пестрой коровы в рогах:

«А она <купеческая дочь> сейчас приказала ету пеструю корову занести к себе на этаж. Поставила ее на дорогой ковер, и устала ея всяким светам, и увязала ея разным лентам. Вот приезжает Кашшей, взглянул:

— Ето што ешо такое ты удумала?

— Ну, да што же ето, душенка, рази подобно твоей смерти по дворам таскатца. Ешшо могут твою смерть убить да я вдовой останусь, лутче же я сама буду содержать, ходить за ей вместо всякой прислуги.

Кашшею любо ето стало.

— Выведи, дура, не тут моя смерть.

Ну, корову угнали, светы сняли, а она заплакала:

— Што, мол, мне правды не скажешь.

А Кашшей от радости не знает, куды деватца, што злюбила ево баба».

¹³⁶ С первого вопроса Кащей раскрывает свою тайну также своим дочерям в сказках: Ончуков, 107; Записки, I, 43. В сказке «Андрей-Чимичей и Кошей Бессмертный» (Завьяловский, стр. 83—95), осложненной эпизодом добывания коня, тайну Кащей раскрывает герою старшая из двенадцати девиц-кобылиц, которую он освобождает от чар.

На утро купеческая дочь снова приступает к Кащею с тем же вопросом, и он вновь дает ей неверный ответ, будто смерть его находится у козла в рогах:

«Она сейчас приказала нести етово козла к себе на верх, на ковер поставила, увила жемчугом, золотом. Вот опять прилетат Кашшей, взглянул:

— Ето еще чо такое?

— Ну, да што же, душенька, рази хорошо твоей смерти по дворам таскатца.

А он смеетца:

— Дура ты, дура, выведи ево вон!

Потом она заплакала:

— Сейчас, как ты меня не любишь, добром правду не скажешь, я себя смерти предам. Я тебе всей душой, а ты не любишь меня, да правды не говоришь.

— Ну, развылась. — Кашшей и стал правду сказовать».

Подобная или близкая к ней манера передачи одного из центральных эпизодов сказки свойственна не только О. Винокуровой, в творчестве которой, как известно, психологические моменты играют исключительно большую роль,¹³⁷ но и многим другим сказочникам.

Вот, например, как тот же эпизод не менее колоритно излагается в другом варианте (Жив. ст., стр. 365—386).

Получив от Кащея ответ, что его смерть находится в венике, Заря-Заря и ее «обручник» Иван-царский сын — золотых кудрей пошли к «золотникам». «Голик этот озолотили, взяли полтинушку свечу, и голик этот под Святы поставили. Как ему <Кащею> притить, она засветила свечу и стала среди дворца. Он отворил дверь, а она чепыжке богу молитца. Заходит.

— Ты чиво это делаешь? — говорит.

— Да чево делаю, — твою смёртошку озолотила, под Святы поставила — на нее и молюсь, штобы ты мне любил, да долго жил, хлебом кормил.

— Ах, ты, баба-дура! Волос долог, да ум короток.¹³⁸ Правду и есь говорят: «Собацье г.но, что бабей ум», и то собацье г.но бабей ум перетягиват. Положу ли я смерть свою в голик: голик рассылетца, моя смерть уйдет, потерятца.

Она в слёзы ударилась.

— Да, так ты со мной живешь неправдой, тайнос<т>ь свою не объясняшь.

Потом в ночё лежит кручинна. Как он ее обнять — она головой вертеть.

¹³⁷ «Ее сказки, — пишет М. Азадовский, — могут быть названы по преимуществу психологическими, и в этом их своеобразное и особое место в общерусском сказочном богатстве» (Азадовский, Верхн., стр. 192).

¹³⁸ В ответах Кащея эта поговорка фигурирует: Афанасьев, 158; Записки, II, 15, 27; Азадовский, Верхн., 30.

— Ах, — говорит, — баба, ты, дура! Моя смерть у быка Пестеревскова (большой такой), у быка в правом рогу, говорит».

Отправив Кащея, Заря-Заря на утро приказала пильщикам у быка рог отпилить, озолотила его, поставила «под Святы́» с рублевой свечой и стала на него молиться. Заходит Кащей и спрашивает:

«— Што, милка моя, делаешь? — говорит.

— Вот, любезной мой, чево я делаю — твою смёртошку украшаю, всё штобы ты век дома жил, да миня поил-кормил.

— Ах ты, баба-дура! Волос долог, а ум короток: бабей ум, што кобылье г. но, и то оно перетяга́т. Ну, положу ли я свою смерть к быку в рог — бык пропадет, и должна моя смерть пропасть.

Она старе, тово тошнее заклыктовала, завыла. Он попросил у ней ужинать. Она на стол станóвит, сама слезми заливатца и унятца не может; не сяла с ним ужинать. Он — просит — по-всяко.

— Нет, — говорит, — не сяду, ты со мной неправдой живешь, никакү та́йнос<т>ь не объяснишь...

Он из терпенья вышел:

— Ну, уж, моя возлюбелиная невеста, скажу уж истинную правду».

В других вариантах сказки Кащей называет следующие предметы и животные, в которых будто бы заключена его смерть (сила и пр.): веник, дубовый тын («в венике завязана», «в дубовом тыне заделана» — Афанасьев, 157), голик, козел (Афанасьев, 158), рога быка, «баран крутые рога» (Эрленвейн, 12), кошка, веник («под порогом в венике», — Садовников, 61), голик, борзой (Записки, II, 15), баран (Ончуков, 167), корова, голик (Красноженова, 20), голик, коробка (Карнаухова, 141), рога быка (Азадовский, Верхн., 30), веник, дуб (Рождественская, 10), веник (Чернышев, 35), комин, коцюба́ (Левченко, 474), веник, козел (Романов, VI, 1).¹³⁹

Значительно слабее пронизаны психологизмом те сказки, в которых сцена выпытывания у Кащея местопребывания его смерти отсутствует, и герой получает уже добытые неизвестно каким путем сведения о ее местонахождении непосредственно от своих доброжелателей и пр. (Афанасьев, 269; Зеленин, Пермск., 6; Калинин, 6; Никифоров, 11; Куприяниха, 25; Гуревич, 7; Коргуев, 11; Господарев, 8; Тамб., 5; Акимова, 372; Завьяловский, стр. 83—95; Башк., 14, 18; Никифоров, Ск., 98).

Как бы то ни было, но момент овладения героем подлинной тайны кащесвой смерти — то ли с помощью женской хитрости и вероломства, то ли при содействии добрых советчиков и по-

¹³⁹ В ответе Кащея дочерям называются: баран, козел, веник (Сказки XIX в., 12); банный веник, деревянный латок (деревянная или глиняная посуда для молока) (Карнаухова, 42); волы, качур (Чубинский, 64); веник, помело (Романов, III, 8); гольня, белая свинья (Романов, VI, 15).

мощников — составляет кульминационный пункт развития сказки, после чего она уже стремительно и неудержимо идет к своему завершению, развязке.

Где и в чем запрятана смерть Кащея, что делает его неуязвимым и что он так заботливо хранит, как самое дорогое и сокровенное своей жизни? Смерть¹⁴⁰ Кащея находится в яйце.¹⁴¹ Запрятано оно в очень далеких краях и чрезвычайно тщательно. Отыскать его и овладеть им простому смертному практически невозможно, и это прекрасно осознает его владелец, когда самоуверенно заявляет: «Моя смерть? Разве сильный, могучий богатырь добудет мою смерть!» (Записки, II, 15); «Моя смерть за трём землям, на дикой степе, никто туды не ходит, никто туды не ездит» (Азадовский, Верхн., 1); «Моя смерть отсюда далеко, достать ее никак нельзя» (Комовская, Пред., 96); «Дочь моя милая: коли ты хочешь мою душу узнать, — яё, говорить, ня то што, дак и ворон, и тэй ня может достать» (Романов, VI, 15) и т. д.

Рассказ Кащея о своей смерти (душе, силе) в большом числе вариантов восточнославянской сказки представлен формулой, достаточно устойчивой по содержанию, композиции и стилю.

Для примера приведем следующие:

Русский	Украинский	Белорусский
На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в ут- ке — яйцо, а в яйце — моя смерть. (Афанасьев, 158).	Моя душа на морі, а на морі гострів, а на гостріві камень, а коло камня дуб, а на дубові у качкі яйце и в тым ййці аж моя душа. (Чубинский, 64)	На мори стоиць дуб, у том дуби дупло, у дупле сундук, у сун- дуке качка, у качки зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя смерть. (Романов, VI, 1)

Это не значит, конечно, что формула не варьируется. Так, вместо обычных моря или океан-моря называют: реку (Записки, I, 43), озеро (Чернышев, 35), поле, поляна (Садовников, 61; Башк., 14; Левченко, 474),¹⁴² гору (Зеленин, Пермск., 6; Коргуев,

¹⁴⁰ Душа (Чубинский, 64; Романов, VI, 15, 25), сила (Карнаухова, 42; Левченко, 474).

¹⁴¹ В ограниченном числе вариантов восточнославянской сказки в яйце заключается смерть (душа, сила, здоровье) не Кащея, а других персонажей: окоянного (Эрленвейн, 1 — смерть), Злого духа (Роздольский, VII, 44 — здоровье), Змея (Афанасьев, 162 — смерть), Змея-Горыныча (Приб., 36 — смерть), Яги (Ончуков, 14 — смерть), старика-волшебника (Чернышев, 77 — смерть), царя-завистника (Воронежск., 9 — смерть), Ивана-царевича (Худяков, 82 — смерть), Ивана Медведевича (Коргуев, 14 — смерть). В яйце может заключаться не только смерть (душа, сила, здоровье), но и нечто другое: тоска Ивана-царевича (Цейтлин, 10), любовь Царь-девицы (Афанасьев, 232).

¹⁴² Три формулы с оригинальным началом: «Моя смерть, Марья Еридьевна, в чистом поле, в широкием раздолыи. Стоит белая береза; под

11); остров именуют: Буян («На море-океане, на острове Буяне» — Сказки XIX в., 12; Карнаухова, 42, 141; Красноженова, 20; Гуревич, 7; Господарев, 8; Тамб., 5; Комовская, Пред., 96; Сказкин, 20; Никифоров, Ск., 98),¹⁴³ Микольский (Жив. ст., стр. 365—386), просто «остров» (Афанасьев, 158; Эрленвейн, 12; Ончуков, 167; Чубинский, 64, Романов, III, 8, VI, 25); сундук (ящик, короб) помещают: на дубе (в гнезде, в дупле и пр. — Сказки XIX в., 12; Афанасьев, 269; Калинин, 6; Тамб., 5; Акимова, 372; Башк., 18; Чубинский, 64; Романов, VI, 1), под дубом (Афанасьев, 156, 158; Эрленвейн, 12; Записки, I, 43, II, 15; Азадовский, Верхн., 30; Куприяниха, 25; Красноженова, 20; Гуревич, 7; Господарев, 8; Комовская, Пред., 96; Сказкин, 20; Волог., 9; Башк., 14; Никифоров, Ск., 98) и т. д.

Но, как бы ни варьировалась формула, в целом она остается неизменной в существе своего содержания, композиции, стиля — общими для русской, украинской и белорусской сказочной традиции: во-первых, смерть Кашея всегда находится непосредственно в яйце — и только в нем;¹⁴⁴ во-вторых, пребывает смерть в однотипных для подавляющего большинства вариантов одушевленных и неодушевленных предметах, сокрытых один в другом (дуб, под дубом или в дупле дуба — сундук, в сундуке — заяц и пр.); в-третьих, композиция формулы в основном строится по так называемому принципу сужения образов, характерному главным образом для народной песенной лирики,¹⁴⁵ т. е. как бы спускается по ступенькам от большего к меньшему — от моря-океана к острову, дубу, сундуку, зайцу и пр. и заканчивается самым маленьким по величине, но самым значительным для сказки предметом — яйцом;¹⁴⁶ в-четвертых, формула до пределов лако-

березой зарыт сундук, в сундуке-утка» и пр. (Садовников, 61), «иди на такую-то поляну, там растет толстый дуб, а под этим дубом есть чугунный ящик» и пр. (Башк., 14), «Моя сила — в поле, і там стоїт рота москалів, і в сириндіні ліжить камінь великий, і під камініом скриня, в тії скрині заяць» и пр. (Левченко, 474). Ср.: «выйдешь на каменную степь», на степи будет холм, на вершине холма — чугунная плита, под плитой — «золотое стойло па замке», в нем — «быстрая лань», на рогах у нее — гнездо, в гнезде птичка и пр. (Завьяловский, стр. 83—84).

¹⁴³ Остров Буян фигурирует в той же формуле и в сказке «О весьма чудных и прекрасных гусях-самогудах» (Дедушкины прогулки, стр. 2—26).

¹⁴⁴ В несколько усложненном виде: Афанасьев, 269 — на конце иглы, игла в яйце; Карнаухова, 42 — в кольце, кольцо в яйце.

¹⁴⁵ См.: Б. М. Соколов. Экскурсы в область поэтики русского фольклора. «Художественный фольклор», I, 1926, стр. 38—53.

¹⁴⁶ Лишь в трех из всех известных нам печатных вариантов формулы перечень предметов идет в обратном порядке. «Смерть его ст. е. Кашея, говорит Баба-Яга Ивану-царевичу на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кашея как свой глаз бережет» (Афанасьев, 269). Две другие формулы, почти дословно совпадают друг с другом, мы обнаружили в сборниках: Афанасьев, 157: «Моя смерть в яйце, то яйцо в утке,

нична, стилистически ювелирно отточена, произносится ритмической прозой.

Итак, признание Кащея о местонахождении своей смерти является для него роковым: он гибнет, как только герой с помощью главным образом пощажённых им животных добывает яйцо.¹⁴⁷ В числе животных-помощников называются (перечисляем в убывающем порядке их употребления в сказках): щука, собака (хорт), медведь, ястреб (коршун), рак, волк, сокол (кречет, соколица), баран, орел, ворон (крук), селезень, заяц, рыба, лиса, парсюк, кошка, сова, лебедка.

Баран, парсюк, медведь обычно валят дуб, чтобы извлечь из-под него сундук: собака (хорт), волк ловят зайца; ястреб (коршун, шуляк), орел, ворон (крук) схватывают на лету утку; щука, рак вытаскивают из воды оброненное яйцо и пр.

В некоторых сказках герой обходится без помощников (Садовников, 61; Зеленин, Пермск., 6; Никифоров, 11; Куприяниха, 25) или помощь получает от рабочих людей (Коргуев, 11), Грома-зятя (Романов, VI, 26, вариант, стр. 245—246), чудесного старика, которого стоит только помянуть, как замерзает море сразу на 12 аршин глубины, и путь на остров открыт, качка, разомлев от жары, спускается с дуба, яйцо из моря выбрасывается на берег (Чубинский, 64).

Иногда герой вызывает помощников-животных посредством сжигания медвежьей шерсти, лебяжьего пера и ершевой «колюхи», подаренных сестрами, после чего соответственно является 12 медведей, 12 лебедей и 12 ершей (Садовников, 61).

Уже одно соприкосновение героя с яйцом, находящимся на большом расстоянии от его владельца, способно воздействовать на физическое состояние последнего: он занемогает, ложится в постель, ему делается плохо (Садовников, 61; Записки, II, 15; Ончуков, 167; Жив. ст., стр. 365—386). Но такое бывает не всегда. Возвращение героя с добытым яйцом — смертью для Кащея — может быть полной неожиданностью. Тогда разыгрываются сцены, подобно следующей: «Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кощею Бессмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кощей Бессмертный сидит у окна да ругается: „А, Иван-царевич! Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть“. — „Ты сам у меня ее отнял!“, — отвечает Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и кажет Кощею: „А это что?“. У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмилел — покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на

та утка в кокоре, та кокура в море плавает»; Рождественская, 10: «У меня смерть-то у утки в яйце, утка та плавает в море — кокура».

¹⁴⁷ Герой в пути голодает, хочет убить (застрелить) то или иное животное, чтобы съесть, но каждый раз падит его, услышав просьбу: «Не бей меня, Иван-царевич (и пр.), я тебе пригожуся».

руку — Кощея Бессмертного из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на руку переключать; переключивал-переключивал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер» (Афанасьев, 157).

Эффектно разработана сцена гибели Кащея в белорусской сказке «Иван Златовус»: «Ци ты гето яйцо жив?», — обращается Кащей к Ивану Златовусу. «„Да жив-жа!“ — „Ну, дык треба цябя звесь!“ Разинув свою мялу, а ведомо — чорт больший, а яго мяла яйцо большая — и хоцея Ивана проглынуць. Вот Иван и кинув яму яйцо у мялу... Дробен мак, а Кащея яйцо дробней порвало! И згорев ён, и сымылев» (Романов, III, 8).

Смерть Кащея наступает как только герой: ¹⁴⁸

а) ломает, разбивает, раздавливает, растирает и пр. яйцо («мужик бросиў яйцо, ды сломаў яго. Кащей паў и умер» — Опчуков, 167; см. также: Афанасьев, 156, 157; Садовников, 61; Записки, II, 15; Опчуков, 167; Азадовский, Верхн., 1; Куприяниха, 25; Башк., 18; Романов, VI, 25); ¹⁴⁹

б) разбивает яйцо, ударяя им в грудь (Романов, VI, 15), но чаще всего — в лоб Кащею (Иван-царевич «вынул яйцо да как хлопнет им Кощей по лбу, тот так и пал мертвым» — Записки, I, 43; см. также: Афанасьев, 158; Эрленвейн, 12; Калининков, 6; Зеленин, Пермск., 6; Завьяловский, стр. 83—85; Акимова, 372; Комовская, Пред., 96; Волог., 9; Башк., 14; Романов, VI, 26, вариант, стр. 245—246, 36), или же просто бросая в него (Господарев, 8);

в) разбивает яйцо о камень (Гуревич, 7), о меч (Тамб., 5), о свою голову («У взяв тоє яйце, розбив собі на голові, і вся сила пішла по нім. А той <Козьолок Бессмертный> зараз умер» — Левченко, 474), молотом (Жив. ст., стр. 365—386), палицей (Коргуев, 11);

г) бросит яйцо в «мяло» Кащею (Романов, III, 8), в огонь (Иван Богдавец бросил в печь яйцо, и оно «лоп, а Костій из столца — брик и неживый став» — Чубинский, 64; ср.: Романов, VI, 1);

д) яйцо «переворачивает с одной руки на другую» (Черлышев, 35).¹⁵⁰

Если для первой группы сказок о Кащее Бессмертном центральной частью является эпизод добывания яйца, заключающего

¹⁴⁸ Иногда — героиня (Эрленвейн, 12; Сказки XIX в., 12; Романов, VI, 15).

¹⁴⁹ То же: Дедушкины прогулки, стр. 2—26; Сказки, 20 — от одной лишь угрозы героя раздавить яйцо Кащей «сразу стал сохнуть и вскоре пропал совсем».

¹⁵⁰ Никифоров. Ск., 98 — хотя герой и добывает яйцо, убивает Кащея драчун-дубинка. Сказка «Три сестры и брат» (Красноженова, 20) не доведена до конца, и о смерти Кащея не говорится; Никифоров, 11 — герой добывает яйцо, в котором находится утка — царская дочка; она указывает ему путь к Кащею.

в себе смерть Кащей, то для второй группы стержнем повествования становится добывание волшебного коня, приносящего гибель Кащею.

Количество сюжетов, используемых рассказчиками подобных сказок, совсем невелико, и почти все они уже отмечены нами в предыдущей группе. Это «Мышь и воробей» (Андреев, 222*В); «Два брата» (303); «Чудесное бегство» (313 В, С); «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (400 А); «Обманутые лешие» (518); «Животные зятя» (552); «Благодарные животные» (554); «Иван-Медвежье Ушко» (650 А).

Большинство вариантов сказок на рассматриваемую тему, несмотря на то что записаны в различное время и на территориях, удаленных подчас друг от друга на почтительное расстояние, отличаются удивительным постоянством состава. Они неизменно включают три сюжета, контаминирующиеся в такой последовательности: «Животные зятя» — «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» — «Благодарные животные» (Афанасьев, 159; Худяков, 22; Эрленвейн, 31; Коргуев, 8; Комовская, Пред., 90; Романов, VI, 23; Левченко, 512).¹⁵¹

Как и в предыдущей группе сказок, конфликт между героем (Иван-царевичем, Иваном — русским богатырем и пр.) и Кащеем возникает исключительно из-за женщины. Похищение Кащеем женщины (главным образом жены героя) составляет неотъемлемый и обязательный мотив сказки. Небезынтересно отметить, что в большом количестве вариантов героиня носит постоянное имя Марья: Марья Моревна (Афанасьев, 159; Худяков, 22; Комовская, Пред., 90), Марья Марьяна (Романов, VI, 23), Марья-царевна (Эрленвейн, 31).

Наряду с уже знакомым нам по предыдущей группе сказок способом добывания героем жены (воровство одежды у одной из купающихся девиц-оборотней, уступка чудесных предметов красавице за предоставленную возможность любоваться обнаженными частями ее тела и т. п.)¹⁵² сказки на сюжет «Кашеева смерть от коня» знают и такой, как женитьба героя на воинственной женщине-богатырке (Афанасьев, 159; Худяков, 22; Комовская, Пред., 90; Левченко, 512; Романов, VI, 23).

Сила ее настолько велика, что одной рукой или ногой она побивает целую армию (Худяков, 22). Героини панна Семійонна (Левченко, 512) и Марья Марьяна, Кипськая Королевна (Рома-

¹⁵¹ Те же сюжеты и в том же сочетании мы встречаем и в некоторых других сказках, но в них главным отрицательным персонажем выступает не Кащей, а Нячисьтык (Романов, VI, 26), Змей (Рудченко, I, 44; Романов, VI, 26, вариант, стр. 246—247), Мордовцев, стр. 370—376 — черт, но сказка представляет сочетание двух последних сюжетов.

¹⁵² Эти мотивы в рассматриваемой нами группе сказок представлены: Эрленвейн, 31; Красноженова, 19; Коргуев, 8; Потявин, 6; Романов, VI, 12.

пов, VI, 23) трижды сражаются с войсками Кащея Бессмертного, побеждают их, а самого Кащея забирают в плен. Возможно, что причиной открытого выступления женщин-богатырш против Кащея является его попытка силой овладеть ими. Недаром же Марья Марьяна, предлагая руку своему избраннику Ивану Ивановичу, говорит, что за нее Кащей сватался, да она не пожелала «за яго иттить» (Романов, VI, 23).

Незадачливое сватовство является причиной пленения Кащея и в другой сказке (Коргуев, 8), где Елена Прекрасная «зладила» его не в тюрьму, как последующих своих многочисленных женихов, а взяла, «стяпала» его в котел, под которым был разведен огонь, да и закрыла крышкою. Еще в одном варианте (Худяков, 22) сам Кащей сообщает, что он «уже здесь пятнадцать лет засажен за красоту Анастасии Прекрасной», а что это значит — рассказчик поясняет: «Она за свою красоту его посадила, значит, обманом».

Сказка «Кащеева смерть от коня» разрабатывает всего один тип запрета, нарушение которого героем ведет к освобождению Кащея — не заходить в помещение (комнату, покои, чулан, кладовую, амбар, будочку, слуп), которое или «дрянным лычком завязано», или, наоборот, заперто «за двенадцатью дверями, за двенадцатью цепями» (Афанасьев, 159; Худяков, 22; Эрленвейн, 31; Записки, I, 55; Коргуев, 8; Комовская, Пред., 90; Потявин, 6; Левченко, 512; Романов, VI, 12, 23, 35).¹⁵³

В каком же виде предстает Кащей герою, когда тот, нарушив строгий наказ жены, входит в запретное помещение?

Перед нами развертывается примерно та же картина, какую мы наблюдали в сказках первой группы: жалкое существо, внешний облик которого в большинстве случаев остается не ясным, подвергается тяжким испытаниям. Иногда один, иногда вместе со своим конем, изнемогая от голода и жажды, Кащей или висит на цепях (ланцугах), или сидит прикованный ими к слупу и т. п. (Афанасьев, 159; Эрленвейн, 31; Комовская, Пред., 90; Потявин, 6; Левченко, 512; Романов, VI, 12, 26, 35), пребывает в огне, в котле, в кипящей смоле (Худяков, 22). Только в двух по сути дела вариантах облик Кащея приобретает относительную конкретность: он — человек, сидящий в котле, накрытом крышкой, под которым горит огонь (Коргуев, 8), а в сказке «Русая Руса, тридцати братьев сестра» (Записки, I, 55) — «седой старик», «дряхлый человек»: «сидит седой старик, кипит в смоле, каждая жилка заперта на замочек; ключик лежал на окне».

Однако, как видно, старик сибирской сказки — это временное обличье Кащея, ибо стоило только герою «отворить» одну его

¹⁵³ В остальных двух вариантах (Красноженова, 19; Сергпутовский, 72) запреты отсутствуют.

жилку, чтобы «старик, обратился в Кащея бессмертного и полетел».

Сказке известны несколько способов, с помощью которых Кащей добывается своего освобождения. Одним из характерных способов для данной группы сказок является утоление жажды и голода Кащея (Афанасьев, 159; Коргуев, 8; Комовская, Пред., 90; Левченко, 512; Романов, VI, 12). Свои мольбы о хлебе и воде для себя и своего коня он иногда дополняет обещаниями спасти своего добродетеля от трех смертей:¹⁵⁴ «Так ён <Каш> и говора: „Эй, Иван Знайдён! покорми ты мяне! Я тебе три разы от смерти отрятую!“ — „Чим жа тябе кормить?“ — „А принеси мне булку хлеба!“ Ен булку хлеба пошов, принёс. Ен сам есть и коня кóрмя, сам есть и коня кормя. Булку хлеба зъев, другия прóся. Ен пошов, другую принес. Ен сам есть и коню даёт, сам есть и коню даёт. Изъев дъве булки, третьтя прося. Ен пошел и третьтя принёс. Кащ сам есть и коня кормя, сам есть и коня кормя. Подъев. Тяпер, говора, покормив, и напой. Припяси мне вядро воды! Ен принёс. Ен сам пъé и коня пóя, сам пъé и коня пой. Вядро выпив, другого прося. Ен пошов, другое принёс. Кащ сам пъé и коня пóя, сам пъé и коня пой. Выпив два вядры, третьяго прося. Ен принёс. Ен сам пъé и коня пóя, сам пъé и коня пой. Напився. Тяпер, сам оторвався, и конь оторвався» (Романов, VI, 12; ср.: Коргуев, 8; Левченко, 512).

В ответ на сочувствие и великодушную помощь героя Кащею, находящемуся в крайне бедственном положении, это вероломное существо и здесь, как в сказках первой группы, платит за это первой неблагодарностью, которая звучит и в его словах, прощизанных злой издевкой, и проявляется в его неблагоприятных поступках: «„Вот жа, говóра <Кащей>, Иван Знайдён: за твою хлеб—соль жана моя, а не твоя!“ Вó й поехав. И стрев ён жану <Ивана>, узав с собою и повёз у другие шклянныя горы» (Романов, VI, 12).

С захваченной женщиной Кащей или остается жить на месте или чаще уезжает (улетает) в «свое царство», на «шклянную гору» и пр., заставляя героя горько раскаяться в совершенной им ошибке и предпринять энергичные меры к новому освобождению своей жены.

Положение женщины в плену Кащея аналогично тому, что мы уже видели по группе сказок «Кащеява смерть в яйце»: царевну, невесту Ковалья, Кащей «запёр в трымáе ее ў камéнных пала́цах под двана́нцаю замками» (Сергпутовский, 72); Анастасия Прекрасная, хотя и живет «в огромном дворце», выглядит «как мученая все равно» (Худяков, 22); «плохая преплохая» на

¹⁵⁴ Это обещание может быть дано Кащею и без просьбы о воде и пище (Эрленвейн, 31; Потявин, 6; Романов, VI, 35). Романов, VI, 23 — за выполнение своей просьбы Кащей обещает герою «ще прибавить три таких царства».

вид и Марья-царевна (Эрлепвейн, 31); Елепа Прекрасная (Коргуев, 8), панна Семейонна (Левченко, 512), Марья Марьяна (Романов, VI, 23) выполняют черную работу: с ведрами ходят на речку за водой; то же Марье Марьяне приходится отбиваться от назойливого сватовства Кащей и т. д.

В сущности мало в чем изменяется и образ жизни Кащей. Когда герой является к нему, чтобы увести свою жену, то часто застает его в отлучке. В ту пору его «дома не случилось» или он «на охоте был» (Афанасьев, 159), улетал (уезжал) на Русь (Худяков, 22) или «неизвестно куда», «в другое царство», «в другой город» (Романов, VI, 12), гулял «в чистом поле, в широком раздолье» (Записки, I, 55).

Как правило, свои поездки Кащей совершает на вешем коне, что является уже своеобразной чертой рассматриваемой группы сказок. Именно конь трижды предупреждает своего хозяина о тайном увозе его пленницы Иван-царевичем и пр.,¹⁵⁵ трижды пускается в погоню и трижды запросто догоняет беглецов.¹⁵⁶ «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?», — спрашивает Кащей своего коня при первом увозе Иван-царевичем Марьи Моревны, и конь отвечает: «Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез».¹⁵⁷ «А можно ли их догнать?». — «Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поест, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем».

Перед второй погоней диалог между Кащейем и конем в точности повторяется, но на вопрос Кащей, «можно ли догнать их?», конь дает такой ответ: «Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!».

Перед третьей, завершающей погоней, ни вопроса, «можно ли догнать их?», ни ответа на него нет. Кащей, говорится в сказке, поскакал, догнал Ивана-царевича и уже не простил ему, как прощал до этого, припоминая его доброту, «что водой напоил», а «изрубил его в мелкие куски и покчал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез» (Афанасьев, 159;

¹⁵⁵ Худяков, 22 — об этом предупреждает «недуг, голубем обороченный»: «Что ты Кощей Бессмертный, пьешь, гуляешь, а о своих землях не знаешь! Иван — русский богатырь увез Анастасию Прекрасную»; Романов, VI, 35 — сокол, соболь, конь: «Сокол засвистав, соболь завыв, а конь зарзав».

¹⁵⁶ Потявин, 6 — Кащей догоняет беглецов на треногой козе.

¹⁵⁷ В сказке «Русая Руса, тридцать братьев сестры» (Записки, I, 55) после каждого сообщения коня об увозе Русой Русы Кащей сам определяет, где находятся беглецы, для чего приказывает: «Семерные дети! принесите мне семерные вилы, поднимите мои тяжелые брови! Посмотрю я, далеко ли едет Неугомон-царевич».

ср.: Эрленвейн, 31; Записки, I, 55; Коргуев, 8; Комовская, Пред., 90; Левченко, 512; Романов, VI, 12, 23).

Как в этих, так и в других вариантах Кащей разрубает, разрывает, снимает (срубает) голову, сжигает героя, но, попутно заметим, нигде не съедает его.¹⁵⁸

Оживление героя главным образом его зятьями (Вороном, Соколом, Орлом, и пр.) или другими доброжелателями при помощи живой и мертвой воды ничем не отличается от сказок первой группы. В дальнейшем перед ним стоит задача достать такого коня, который не только не уступал бы кащееву коню, но и превосходил бы его по силе и скорости. Выполнить эту трудную задачу герою помогают благодарные животные (волки, медведи, дятлы, пчелы и пр.).¹⁵⁹ Они трижды собирают разбредшийся в разные стороны табун чудесных кобылиц, которых по заданию Бабы-Яги (старухи-волшебницы, вдовы богатыря, тетки или матери Кащей) в течение трех дней пасет герой, получая за это от нее на выбор желанного коня или жеребенка.¹⁶⁰

В случае, если выбор падает на самого «плохенького», «паршивого», «коросьливного» коня или жеребенка, то перед тем, как вступить в битву с Кащеем этот конь или жеребенок чудесным образом преображается — делается сильным и могучим, стоит только ему попасться «зарю на ячмене, зарю на пшенице и зарю на овсе» (Романов, VI, 12), испить молока матери-кобылицы (Записки, I, 55), постоять в церкви (Худяков, 22) и т. п.

Сказка по-разному изображает гибель Кащей во время погони. Смерть его может наступить от удара в лоб копытом коня Ивана-царевича (Афанасьев, 159; Комовская, Пред., 90), от бешеной скачки, когда даже конь под ним издыхает, а у него перед кончиной «язык волочитце на аршин из глотки» (Коргуев, 8; ср.: Эрленвейн, 31), наконец, от удара о землю в результате падения с коня.

¹⁵⁸ Романов, VI, 12 — иногда герой, превратившись в невидимку, вовсе избегает расправы. Сержпутовский, 72 — мотив расправы вообще выпадает из-за своеобразного построения сказки.

¹⁵⁹ В одном случае крылатого коня дарят Ивану-царевичу его чудесные зятья (Потявин, 6).

¹⁶⁰ В сказке «Анастасья Прекрасная и Иван — русский богатырь» (Худяков, 22) эпизод добывания коня разрабатывается иначе. Анастасья Прекрасная, расточая притворные ласки, выспрашивает у Кащей Бессмертного, где такого, как у него, коня можно достать? «Есть, — говорит Кащей, — эдакая кобылица, ходит за морем, и за ней ходит двенадцать полков волков. И она только один час бывает жереба. И стоит лазоревое древо за морем. Она под это древо подбежит, все равно как ветер, сейчас ляжет, в одну минуту ожеребится, сама убежит опять. Сейчас волки: двенадцать полков волков прибегут и этого жеребенка разорвут. Только никто не может его достать!». Иван — русский богатырь отправляется на поиски этого жеребенка. С помощью благодарных бобра и пчел он добывает его. Бобер перевозит его через море к «лазоревому древу», а пчелы (их налетело «тьма тьмуцая») заставляют волков прекратить погоню за ним.

Сбрасывание Кащей с большой высоты обычно осуществляет его собственный конь, который вступает на ходу в сговор со своим родным младшим братом — конем героя:¹⁶¹ «От ён <Кашеев конь> яго <Кашея> узнёс под небеса и пусьтив яго съ сябе. Ён як лятев — ударився об сырую землю, об белый камень — рассыпався дробней горного маку!» (Романов, VI, 12).

В других вариантах при падении Кащей разбивается «на дробный мак» (Романов, VI, 35), «на порох» (Левченко, 512), «на маслёнку» (Романов, VI, 23); труп Кащей сжигается, а пепел разметаётся метлой (Худяков, 22).

В последней, третьей, группе сказок Кащей Бессмертный (или просто Кащей) выступает спорадически, подменяя собой другие, более устойчивые и популярные для определенного типа сюжетов персонажи. Он может быть злым чародеем, обернувшим дочь короля в лютую змею (Афанасьев, 270—Андреев, 401, 569); любовником жены Ивана — крестьянского сына (Записки, II, 27—315 *В); злым волшебником похитителем Светланы Прекрасной (Ковалев, 12—402, 400 А); тестем Егора Несчастливого (Соколовы, 59—465 А); противником Ивана Плешивого (Соколовы, 144—532); владельцем кувшина о двенадцати рыльцах (Соколовы, 152—315 А); Морским царем (Карнаухова, 102—313 В); Огненным щитом, Пламенным Копьем (Коргуев, 36—*650 I); любовником царской дочери — жены Ивана-купецкого сына (Магай, 3—560); царем — тестем Алеши Голопузова (Карельск. 4—1640); царем — отцом двенадцати дочерей, в том числе Елены Прекрасной (Волог., 11—707, 313); соблазнителем сестры Ивана (Романов, III, 3—315 А), наконец Рыбой-Кашеем (Романов, III, 7, вариант, стр. 66—315 А).

Во всех перечисленных нами сказках Кащей трактуется как отрицательный тип. Вообще в богатом восточнославянском сказочном репертуаре мы можем назвать лишь одну сказку, где Кащей играет положительную роль, являясь помощником героя вместо обычных Медного лба, Вихря и пр.¹⁶²

Итак, следуя за народной сказочной традицией, мы попытались на конкретном материале воспроизвести облик Кащей Бессмертного — одного из ярких персонажей восточнославянской, главным образом русской и белорусской, сказки. Мы установили, что сказки о Кащее Бессмертном делятся на три группы, из которых первая (на сюжет «Кашеева смерть в яйце») является

¹⁶¹ Потявин, 6 — Кащей садится на нарочно подставленного ему крылатого коня Ивана-царевича и падает с него, когда Иван-царевич произносит: «Эх, Конь, подними своего послушника под небеса и расшиби его вдребезги». Записки, I, 55 — конь Неугомон-царевича, поднявшись выше своего старшего брата — Кашеева коня, бьет копытом Кащей, тот падает прямо в огонь и сгорает.

¹⁶² Афанасьев, 124, вариант, 3, стр. 486 (Андреев, 502).

наиболее многочисленной и типичной на данную тему. Что касается самого имени Кащея, то оно остается твердо закрепленным за жанром волшебнo-фантастической сказки и в другие сказочные жанры не переходит.¹⁶³

К этому следует добавить, что имя Кащея Бессмертного, насколько нам известно, в сказочной традиции других народов, в том числе южных и западных славян не встречается,¹⁶⁴ хотя сам сюжет сказки носит международный характер, а ее отдельные мотивы и образы восходят к глубокой древности.¹⁶⁵

В чем же заключаются специфические черты сказочного образа Кащея? Наши наблюдения над образом Кащея привели нас к заключению, которое в ряде моментов расходится с трактовкой этого образа в трудах некоторых ученых.¹⁶⁶

1. Несмотря на то что Кащей в отдельных сказках заменяет Змея, все же такая замена сравнительно редкое явление, особенно для сказок на тему «Кащея смерть в яйце».¹⁶⁷

2. Народная сказка воздерживается от воспроизведения внешнего портрета Кащея. Лишь в исключительных случаях она характеризует его старым и седым стариком «с длинной бородой» (Чернышев, 77), с клыками, «как у борова» (Башк., 18), называет «старым псом» (слова Елены Прекрасной — Зеленин,

¹⁶³ «Сказка об Алеше Голопузом» (Карельск., 4), хотя и отнесена в указателе к отделу анекдотов (№ 1640), по своему характеру она все же представляет, на наш взгляд, одну из разновидностей волшебнo-фантастической сказки пародийно-сатирического характера. Кроме волшебнo-фантастических сказок, имя Кащея знает былина об Иване Годиновиче. Здесь Кащей (Кощей, Коцег) — сын Трипетовича — отбивает у Ивана Годиновича жену Марью Дмитриевну и погибает от собственной стрелы, пущенной в вещего ворона, который предсказывает, что владеть Марьей Дмитриевной все же не Кащею, а Ивану Годиновичу (см.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1861, № 33).

¹⁶⁴ За исключением польской сказки (K. Erbin. Slovanská čítanka. Praha, 1865), где Košciej nieśmiertelny заступает место морского царя (см.: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I. Изд. 3. М., 1897, стр. 227). Попутно заметим, что Кащея, как и Бабу-Ягу, Лёвису оф Менар относил преимущественно к персонажам русских сказок (см. его предисловие к сборнику «Russische Volksmärchen». Jena, 1914).

¹⁶⁵ См.: Д. А. Сперанский. Из литературы древнего Египта. Вып. I. Рассказ о двух братьях. СПб., 1906.

¹⁶⁶ Об этом см.: П. В. Новиков. О специфике образа в восточнославянской сказке (Кащей Бессмертный). В сб.: Русский фольклор, X, изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 171—173.

¹⁶⁷ Это не значит, конечно, что все функции Кащея в сказке принадлежат только ему одному и являются для него исконными специфическими, многие из них приписываются и другим сказочным персонажам (Змею, Чудо-юду, Лешему и пр.), например, похищение женщины, смерть от волшебного коня, пребывание в запретном помещении и освобождение из него и т. п. (см.: В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки). Но если между действиями Кащея и других сказочных персонажей наблюдается известный параллелизм, то по своим качествам, атрибутам Кащей остается колоритной фигурой восточнославянской сказки.

Пермск., 6), представляет «Сам с поготов, борода с локоток» и т. п.¹⁶⁸ Однако он может выглядеть и иначе — молодым, могучим, под стать богатырю, способным поднимать меч в «пятьсот пуд», сражаться с противниками один на один и побеждать. В большом же количестве вариантов судить о внешности Кащея не представляется возможным — это эфемерное существо, которое летает, висит на одном волоске, горит и не сгорает в огне и т. п.

3. Кащей как сказочное существо воплощает в себе хитрость, вероломство, коварство, неблагодарность. В то же время его натура, как не трудно заметить, сложна и противоречива. Скорее всего он — трагический персонаж восточнославянского сказочного эпоса. Драматизм положения Кащея заключается в том, что он, доверившись близкой и любимой женщине и не подозревая с ее стороны вероломной измены, выдает ей сокровенную тайну своей жизни и гибнет.

4. В Кащее, как нам кажется, очень устойчиво сохраняются его мифологические и демонические черты, идущие от глубокой древности. Однако образ его, вопреки мифологической теории (Афанасьев и др.), не статичен. Он развивается, в своем развитии становится олицетворением не только стихийных сил природы, но и в какой-то мере социальных сил общества, враждебных трудовому человеку.

5. Имея в виду, что многие действующие лица сказки получают имена и прозвища в зависимости от их реального положения и образа действия в рамках самого сказочного повествования, мы имя Кащея склонны объяснять его положением раба, пленника, в котором он, действительно, очень часто пребывает в самом начале сказочного действия.¹⁶⁹

¹⁶⁸ Впрочем, имеются две сказки — «Светлана Прекрасная» (Ковалев, 12) и «Жар-птица» (Сказки, 20), где действительно внешность Кащея очерчена достаточно определенно: «Карачун ударился о землю и превратился в Кощея Бессмертного, старого, худого, высокого, длинноногого, горбоносого, а колени были вместе» (Ковалев, 12); «А был он «Кащей Бессмертный» совершенно безобразный, очень из себя большой, со щетинистой длинной бородой и крючковатым посом. И на нем надета была очень длинная одежда и остроконечный колпак» (Сказки, 20). Но, во-первых, сказка Ковалева не имеет прямого отношения к двум основным группам сказок о Кащее Бессмертном, которые мы разбирали (в «Указателе» сказка зарегистрирована под № 402, 400 А), и, во-вторых, обе сказки принадлежат современным рассказчикам-грамотеям, на творчество которых, как это отмечают исследователи (Э. В. Гофман, С. И. Минц, Н. Д. Комовская) большое воздействие оказала книга.

¹⁶⁹ Мысль о возможной тождественности сказочного Кащея и Кощея в «Слове о полку Игореве» (т. е. в его древнерусском значении как пленника, раба, слуги) в свое время высказал П. Мелиоранский в статье «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“» («Известия Отделения русского языка и словесности АН», 1902, т. VII, кн. 2, стр. 292).

В литературе имеются и другие объяснения этимологического происхождения имени Кащея. Так, по Далю, Кащей (Кощей) — это «сказочное

Традиционная устойчивость сказки и помогла донести до наших дней это архаическое для современного языка имя в его древнерусском значении.

ЦАРЬ, БАРИН (ПАН) И ДР.

Постоянное соприкосновение волшебной-фантастической сказки с исторической действительностью, с жизнью народа приводит к тому, что на определенном этапе общественного развития в нее входит сатира. Безусловно, наличие сатиры, юмора и вообще комического в сказке во многом зависит от характера самого сказочника, от состава и настроения аудитории, но и здесь решающее значение для возникновения и развития этих компонентов имеет общенародная поэтическая традиция.

По мере ослабления веры народа в чудесное и фантастическое, сказка как «складка», как художественное произведение все более и более обрастает бытовыми деталями; ярче, социально заостренней и целеустремленней становится ее сатира. Многие волшебные-фантастические сказки, подобно другим произведениям народного творчества, превращаются в действенное идейное оружие борьбы трудовых масс против своих врагов, в средство борьбы с различного рода отрицательными явлениями в быту и жизни самого народа. Конечно, нельзя преувеличивать сатирический элемент в волшебных-фантастических сказках, не считаясь со спецификой их содержания и художественной формы, но нельзя и недооценивать его. Вообще нужно сказать, что редко в записках XIX—XX вв. можно встретить волшебные-фантастические сказки, которые не заключали бы в себе в той или иной мере сатирический элемент, усиливающий их социальное звучание и тем самым возбуждающий к ним повышенный интерес у слушателей.

Сатирическое осмеяние и осуждение отрицательных явлений жизни в волшебных-фантастических сказках достигается путем

лицо, вроде вечного жида, с прилагательным бессмертный, вероятно от сл. „кастить“, но переделано в Кошей от кости, означая изможденного непомерно худобой человека, особенно старика, скрягу, скупца и ростовщика, корпящего над своею казною» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 101). На родственность слова «Кошей» (в той форме, в которой оно употребляется в народной речи) с корнем глагола «кастить», т. е. позорить, посрамлять, указывал также Д. А. Сперанский, но интерпретировал его по своему: «В этом (т. е. в значении позорить, посрамлять) как будто отражается намек на искаленное состояние самой природы евнуха-Кошея». Тот же исследователь имя Кащей исторически связывал с легендарным князем Битиу — сначала правителем области Каушу (т. е. Эфиопии), а затем — фараоном древнего Египта (Д. А. Сперанский. Из литературы древнего Египта, стр. 119—120). В. П. Аникин имя Кащей производит от слова «Кош», понимая под ним старшего, главного в семье (В. П. Аникин. Русская народная сказка, стр. 149).

максимальной концентрации определенных физических и нравственных качеств (хитрости, глупости, коварства и пр.) отдельных персонажей. Для нее характерны перенесение этих персонажей в обстановку, резко контрастирующую с той, в которой они обычно находятся, а также исполнение ими ролей и поручений, «несвойственных» их высокому положению, званию и чину.

Н. Г. Чернышевский утверждал, что «безобразное становится комическим только тогда, когда усиливается казаться прекрасным», «оно возбуждает смех наш своими глупыми притязаниями, своими неудачными поступками». ¹⁷⁰

Сатира как в русских, так украинских и белорусских волшебных-фантастических сказках в основном направлена на обличение пороков и недостатков эксплуататорских классов общества. Причем критика этих пороков и недостатков ведется с позиций широких масс трудового народа и в целом носит активный характер. Сказка осуждает и зло высмеивает внешних насильников и внутренних поработителей трудящихся.

С первого взгляда может показаться, что от насмешек народ не уберег и своих положительных героев, что он потешается и трунит над ними. Но в каком бы «смешном» и «невыгодном» свете ни выставлялись положительные герои сказки, какими бы «отрицательными» чертами они ни наделялись — все это лишь видимость, внешняя, так сказать, показная их сторона. В сущности же своей они всегда прекрасны и идеальны. Замечательное искусство сказки, на наш взгляд, в том и состоит, что она, раскрывая перед слушателями лучшие качества героя, проявляемые им в борьбе, в столкновениях, в острых конфликтах, тщательно скрывает и маскирует их до поры до времени от окружающих его лиц. Если, например, для окружающих Незнайка, как мы видели, просто-напросто дурак, трус и лежебока, то для слушателей сказки это подлинный герой, которого волшебный конь за доброту, прямоту и честность наделяет чудесными способностями, богатырской силой, мужеством, умом и красотой. Симпатия и любовь слушателей всецело на стороне героя — с самого начала и до конца сказки. И потому они смеются и потешаются не над его причудливой одеждой, речью и поведением. Объектом их обличительного смеха являются все те, кто противостоит герою, кто, презрительно и свысока относясь к нему, всячески его третировает и оскорбляет, но кто из-за своей ограниченности не в состоянии разглядеть его настоящего лица и кого так умно и ловко он проводит. В образе положительного героя слушатели сказки не видят ничего сатирического, ничего такого, что можно было бы разоблачить и зло высмеять.

¹⁷⁰ Н. Г. Чернышевский. Возвышенное и комическое. Полн. собр. соч., т. II, Гослитиздат, М., 1949, стр. 185—186.

На пути к достижению конечной цели положительные герои волшебнo-фантастических сказок встречаются с различными фантастическими существами-чудовищами, олицетворяющими собой или силы природы, или социальные силы общества (Змей, Баба-Яга, Кащей Бессмертный и др.). Пристально вглядываясь в эти и другие гиперболические образы сказок, созданные богатой народной фантазией, нетрудно заметить, как в них сквозь оболочку древнейших представлений доклассового первобытного общества явно проступает (пусть подчас в слабой, зачаточной и неразвитой форме) сатирико-комический элемент и черты гротеска в их внешности и поступках, относящихся, несомненно, к более позднему историческому этапу развития человечества.

Рядом с фантастическими существами, представленными подчас в гротескно-сатирическом свете, в сказке живут и действуют отрицательные персонажи, выхваченные непосредственно из самой жизни и придающие сказке ярко выраженную социально-политическую остроту и сатирическую окраску. Из таких типов отрицательного свойства наиболее колоритно представлены образы царя и его приближенных, барина (пана, помещика), значительно реже духовного лица (попа, ксендза). Как и многие сверхъестественные существа (чудовища), они противостоят герою сказки, являются его антиподами и почти всегда изображаются в сатирическом и гротескно-сатирическом плане.

Социальная и бытовая сатира — один из замечательных признаков восточнославянских волшебнo-фантастических сказок. Однако в сказках она распределяется далеко не равномерно. В одних сатира пронизывает все повествование от начала до конца, играет существенную роль в развитии сюжета, в другие она врывается эпизодически, придавая лишь отдельным сказочным ситуациям и образам жизненную остроту и злободневность. По силе сатирического обличения многие волшебнo-фантастические сказки не уступают бытовым (новеллистическим), а по широте охвата объектов изображения даже превосходят их. Так, в орбиту сатиры сказок вовлекается царь, к которому, как говорил М. Горький, народ проявил «насмешливое отрицательное отношение».¹⁷¹

Однако, приводя слова М. Горького, следует иметь в виду, что под обстрел народной сатиры попадал не просто царь, а «плохой» царь; его-то и бичевала сказка, выставляя на всеобщее осмеяние. Крестьянство, как известно, долгое время находилось в плену «царистских» иллюзий и мечтало о «хорошем», «добром», «своем» царе. Эти настроения и мечты выражены в волшебнo-фантастических сказках, в которых герой из народа, преодолев многочисленные препятствия, в конце концов добивается руки

¹⁷¹ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 98—99.

царской дочери, заступает на царство и устанавливает в стране мир и справедливый порядок.

Царистские настроения крестьянства проявились и в том, что не во всех сказках (даже на один и тот же сюжет) царь рисуется как отрицательный, сатирический персонаж. В этом нельзя не видеть прежде всего отражения противоречий крестьянской психоидеологии. Следует не забывать и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно традиционную устойчивость образа идеального царя, который сохраняется в сказке в силу специфики ее жанра, подчас наперекор мировоззрению сказочника и слушателей. И ведь не случайно сказочница А. А. Слепая уже в наше время на просьбу собирательницы рассказать сказку заявила: «Ну, это, милая ты моя, опять про чары. Как хошь! Хошь пиши, а нет — не надо. Теперь чари не в почёт пошли, а только так я в старину слыхала».¹⁷²

«До бога высоко, до царя далеко» — так гласит народная поговорка. Пословица устанавливает действительно существовавшую дистанцию огромного размера между мужиком и царем. И только в мечте, только в сказке мужик мог невозможное делать возможным, недостижимое — достижимым. Народная фантазия наперекор реальности без смущения вводит героев сказки — всех этих иванушек-дурачков, крестьянских и солдатских сынов — в царские дворцы, предоставляет им возможность общаться с царями и царедворцами, жениться на царских дочерях, восходить на троны. Простор народной фантазии в этом отношении поистине безграничен. Однако само представление об образе жизни царя, его занятиях, поведении в быту у народных сказочников подчас весьма туманно и наивно и не выходит за пределы ассоциаций, связанных с обычной деревенской действительностью. «Чудесный мир волшебных существ, — писал Б. М. Соколов, — царей и королевичей, богатых бояр и купцов изображается в меру крестьянских представлений и воззрений».¹⁷³ Вот почему царь в сказках во многом напоминает зажиточного человека деревни, того же помещика (барина, пана), с которым русское, украинское и белорусское крестьянство находилось в непосредственном соприкосновении в течение столетий и жизнь которого ему достаточно хорошо была известна.

В круг обязанностей царя входят такие обыденные заботы, как осмотр хозяйства: «Пришов цар на ток» (Романов, III, 39); поездка на базар: «Пойхав він <царь> на базар, — от як би и у нас у Корсуні; поторгував він, що йому треба було. И мав той царь собі мужицьку натуру: купив собі рибу солону и пойхав з базару до дому» (Рудченко, I, 49); топка печи: «Стават царь-чернокнижник поутру рано, затоцляет печку» (Ончуков, 2) и даже

¹⁷² Карнаухова, 2.

¹⁷³ Б. М. Соколов. Русский фольклор, вып. II. М., 1930, стр. 81.

пастыба кур: «Царь ходит кур караулит» (Никифоров, Ск., 97). Вмешиваясь в мелкие хозяйственные дела, царь, например, самостоятельно отдаёт распоряжение водовозу Ваське привезти воды на кухню (Добровольский, 17), сына посылает в лес по дрова (Карнаухова, 42) и т. д. Подобно барину или зажиточному мужику, он принимает посетителей на кухне: «Обождал он <Иван Рогуен> полчаса. Государь выходит на кухню. Допросил он этого мужика, зацем мужицек явился» (Ончуков, 72), царь лично выслушивает доклад скотницы (Афанасьев, 136) и пр.

Подчас очень скромно обставляется и быт царя: «Жил был царь, у его была служанка и царь приказал служанке купить щуку. Эту щуку сварили, съели царь с царицей и служанка, а помой вынесла быку» (Ончуков, 27), или: «Государь отправился домой, а Федька слуга впереди его. Подал ему самовар и спрашивает: „Ваше царское величество, что вам невеста сказала?“» (Соколовы, 7); «Государь сидел под окном, чай кушал» (Записки, II, 27).

Все это, однако, не означает, что образ царя в сказке «не выражает истинного отношения народа к царю и царской власти» и что сказочный царь — «такой же фантастический персонаж, как Кощей Бессмертный, Морозко, Морской царь».¹⁷⁴

Никто, конечно, не будет отрицать фантастические черты в образе сказочного царя, его известную историческую условность и поэтическую традиционность. Но нельзя не видеть в нем и черт, идущих непосредственно от реальной действительности. Как бы ни была далека царская власть от народа, последний все же мог по конкретным делам в государстве, по слухам и толкам, изобилующим в каждую эпоху, судить о реальных царях, их ближайшем окружении и свое обобщенное суждение как-то преломлять в сказочном творчестве.

Наглядным примером того, как под влиянием роста классового сознания и развития революционной борьбы трудовых масс происходит снижение и развенчивание образа сказочного царя, могут служить записи сказок, произведенные на протяжении XIX—XX вв. Как в русском, так и в украинском и в белорусском фольклорном репертуаре содержится значительное количество волшебнo-фантастических сказок, в которых царь — отрицательный персонаж. Отрицательные качества царя с наибольшей рельефностью выделяются при его столкновениях с героем. В этом мы могли убедиться на примерах Незнайки и Емели-дурака. Это же подтверждается и другими сказками, особенно типом «Красавица жена» (Андреев, 465 А, В).

Несмотря на разницу в разработке отдельных эпизодов и сцен, общим и типичным для сказки на данный сюжет является

¹⁷⁴ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 87.

недвусмысленное осуждение и высмеивание царя. Сказка снимает с царя ореол святости и «неприкосновенности». Она рисует царя завистливым, несправедливым, ограниченным и жестоким.

«Обзарившись» на «невиданную красоту» жены солдата (стрельца, сиротчика, купеческого сына и пр.) и задумав силой завладеть ею, он изыскивает все средства, чтобы погубить солдата, для чего посылает его на выполнение трудных задач.¹⁷⁵ Герой с помощью жены-красавицы и волшебницы выполняет обычно три задачи — одна другой сложнее: достает чудесные предметы (гусли-самогуды, невидимку и пр.) или отправляется с поручением на тот свет.¹⁷⁶

Итак, конфликт между героем и царем является главным и определяющим моментом сказки типа «Красавица жена» и разрешается он всегда в пользу героя: царь за свое вероломство посрамляется и наказывается. Расправу над царем герой учиняет или самолично, или прибегает к помощи добытых фантастических существ и чудесных предметов.

«Довго ня думаючи», взяли Нещастный Егар и его жена царя, «на штыхи подняли» да и бросили в воду (Романов, III, 86). В сказке «Солдат Данила» (Господарев, 3) герой перед тем как срубить царю голову, упрекает его в том, что тот чужим умом жил, много солдат понапрасну загубил, что сам Данила через него, дурака, много мук принял.

«Государь стал просить: „Ты мне прости, солдат Данила, что я так делал, я до тебя касаться не буду“. — „А ты мне прощал, царь? Ты же меня не прощал. То я тебе не прощу. Я дожидал этот случай давно, чтоб тебе голову снять. Вот твоя кончина тут и будет сейчас“. — „Так пусти меня попрощаться с семейством“. — „А ты меня отпускал?“ — „Нет“. — „Ну, и я нет. Ну вот, собаке собачья смерть будет“.

Повернул свою пашку, срубил ему голову. И тогда все солдаты крикнули „ура“».

Не менее ярко воспроизводится в сказке сцена расправы героя над царем, осуществляемой с помощью чудесных существ и предметов: «„Ну, — спрашивает царь солдата, вернувшегося с выполнения третьей задачи, — принес?“ — „Принес“, говорит

¹⁷⁵ Возможно, что замена царя другими персонажами (например, барипом или паном), особенно наблюдаемая в белорусских и украинских сказках дореволюционной записи, а также некоторое смягчение и затушевание отрицательных черт в его характере объясняется стремлением собирателей или самих сказочников избежать цензурных и полицейских недоразумений и гонений (см.: Зеленин, Пермск., стр. 361; Романов, III, стр. XI—XII). Впрочем, подмена царя барипом встречается и у некоторых советских сказочников (см., например: Королькова, стр. 49—55). Причина этого, по всей видимости, кроется в местной традиции.

¹⁷⁶ Задачи часто подсказывают царю его приближенные, так как сам он до них додуматься не может (см., например: Карнаухова, 7; Романов, III, 86).

солдат и отворил сундуцёк и повернул дубинку. Выскоцили богатыри, и спрашивают солдата: бить ли, губить ли, живком ли копать в землю? „Не бить, не губить, — говорит солдат, — а только возьмите царя и главново сенатора и роздвиньте на шесть цестей“. Роздвинули. И на этой самой гозье весь синод подписал: быть цярём солдату-ефлетору, а жене ёво царицей» (Колосов, стр. 197—204).

Иван-царевич приводит к царю Чудо-Диво, которое «глазá не любит человечески»: «Царь выхóдит смотреть. Как увидело Чудо-Диво царски глазá, тут ево <царя> и разорвало» (Зеленин, Вятск. 32). В сборнике Афанасьева (216, вариант 2) вместо Чуда-Дива выступает Волк-самоглот: «Дурак взял гусли, идет дорогою, а за ним Волк-самоглот, словно собака, бежит. Приходит к царю, а у царя князья и бояре собраны. Посмотрел царь на гусли-самогуды и говорит: „Штука славная, да что толку в ней! Мне жена его всего в свете дороже. Рассудите, князья и бояре, что теперь делать?“. Князья и бояре присудили отрубить дураку голову. Царь взялся было за меч, а Волк-самоглот разинул пасть — и проглотил его самого».

Явная издевка и глумление над царем и его приближенными происходит в заключительной сцене сказки «Солдатик, Марья-царевна и Нехороший» (Смирнов, 36). Здесь фантастическое существо Филипко вместе с героем солдатом является в комнату, где сидят царь и генералы. «Солдат сказал: „Филипко, сдерни с них головы“. Филипко сдернул. Солдат велел надеть. Филипко надел. Царь и генералы заругались, за что они сняли головы. Солдат сказал Филипку: „Сними с них головы и брось за окошко и пойдём“, и пошли домой».¹⁷⁷

В сказке «Купленная девушка» (Смирнов, 4) сказочник нарочито медленно разворачивает заключительный эпизод, стремясь тем самым увеличить драматическую напряженность развязки. Возвращается герой в царские «белокаменные палаты» с «чудо-дивом». Хитрый царь встречает его ласково, величает братцем назвапым, крестовым, просит показать добытое диво. В конце концов герой удовлетворяет любопытство царя, достает ширинку и на четвертый взмах ею вызывает войско, которому и «сметы

¹⁷⁷ Очень редко герой примиряется с царем (Худяков, 95; Садовников, 9; Смирнов, 310; Записки, I, 36) или вместо царя наказывається подстрекатель: воевода (Афанасьев, 215), генерал (Худяков, 69). Однако и здесь не обходится подчас без сатирико-комических зарисовок. Так, в «Иване-крестьянском сыне» (Записки, I, 36) читаем: «Проснулся царь, смотрит в окошко. Что такое делается, откуда взялся этакий дворец; посылает своих слуг справиться, какая невежа смела без спросу поселиться на царском лугу? Слуги пошли, сказывают, что царь к себе требует. Нейдет Иван. „Скажите, говорит, царю, если хочет, пусть сам идет“. Слуги вернулись к царю: нейдет, говорят; пусть царь сам, если хочет, придет. Нечего делать, велел царь оседлать себе лошадь, поехал».

нет». Царь пугается, умоляет: «„Названный крестовый брат! Закрой ширинку бога ради!“ — „Нет, брателко, не закрою! Моё войско иди и голову руби, кто на меня зло думат“. Войско пришло и первую голову смахнуло царю, а кто на его зло думал, тех начали рубить и крестить».

В сказке «Мудрая жена» (Афанасьева, 216, вариант 1) герой расправляется с царем при помощи гуслей-самогудов: «Добывши гусли-самогуды, дурак приходит к царю; гусли начинают играть, а царь плясать пошел. Уж он плясал, плясал, пот с него градом льет, ноги приустиали, руки примахались; рад бы остановиться, да не может... И до тех пор играли гусли-самогуды и до тех пор плясал царь, пока совсем не умер...».

В сказке «Слуга Егерь» (Ончуков, 151) расправу над царем и знатью учиняет дубинка. «Дал волю им <царю и сенаторам>. Егерь повеселился, а потом приказал дубинке: „Ну-ка, дубинка, гони гостей домой!“». Начала дубинка гостей хлестать, и гости разбежались».

Как видно, наказание царя и его приближенных носит различный характер и в подавляющем большинстве случаев разрабатывается в сатирико-комическом плане.

Насмешливое, отрицательное отношение народа к царю пронизывает и другие волшебные сказки. В них царь выводится обычно дряхлым, слабым, трусливым, нерешительным и неуравновешенным стариком, пасующим перед трудностями. «Царь устарел и глазами обнищал» (Афанасьев, 171). Уносит вихрь царицу «неведомо куда» — царь «печалится — кручинится, не ведает, как ему быть» (Афанасьев, 129); при опасном положении «у него ноженьки дрожат» (Садовников, 60); он даже выйти «за ворота боится» (там же); рассказ сыновей о своем путешествии настолько его пугает, что он «со страстей» падает со стула и убивается (Смирнов, 150).

Во многих сказках царь изображается грубым, деспотичным и жестоким. В сказке «Купеческая дочь и служанка» (Афанасьев, 127) царь, узнав от купца, что у него «дочка хороша», решает немедленно на ней жениться. Не стал он «часа часовать», «написал письмо и скричал своим господам жандармам: „Ступайте вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!“», а в письме написано: «Убирайся венчатца». Для царя ничего не стоит: приказать «жандармам» вырезать у пленного солдата глаз (Афанасьев, 127); бросить в чугунный котел с кипятком стрельца-героя (Афанасьев, 169); пнуть «несчадно ногами своими» служанок (Зеленин, Пермск., 10); рассердиться, наскочить на героя и собственноручно «отпустить» «ему двадцать пять плетей» (Записки, I, 4); при гибели же своего войска воскликнуть: «Нех ни буди жадного мужа, аби йа тілько здрау буу» (Роздольский, VII, 38). Ставя перед героем трудные задачи, царь за невыполнение их обычно угрожает жестокой расплатой: «Мой меч, твоя го-

лова с плеч» (Афанасьев, 169), или: «С живого голову сниму» (Садовников, 60).

Наивность и легкомыслие царя высмеивается в сказке «Бухтан Бухтанович» (Афанасьев, 163).

Иронизируя над царем, сказочники ставят его в положение, которое никак не соответствует его высокому официальному званию и тем самым вызывают законную улыбку слушателей. Требуется, например, царь через слуг своих, чтобы герой немедленно явился к нему, а тот с чувством собственного достоинства отвечает: «Пусть царь сам, если хочет, придет» (Записки, I, 36); «если вам меня желательно, нам пожалуйста подо всяко всяк свою карету, тогда я поеду» (Записки, II, 29); «Ня хвор ён <царь> и сам приехать!» (Романов, III, 20, вариант);

По превратности судьбы некогда грозный, своенравный и вероломный царь вынужден сам выполнять такие унижительные работы, как пастьба свиней, получая за это «фунт хлеба, кружку воды да три розги в спину» (Афанасьев, 199), или нищенствовать: «тим тільки й живе, що випросить шматок хліба. Ночує — де бог дасть: часом де в бур'яні, або так де під тином. До того дожився!» (Рудченко, II, 36).

Явно на потеху слушателям сказочник заставляет царя обращаться к Бабе-Яге со словами: «живи у меня Яги-баба, постелю стели, пол мети, щи вари, а кашу будём варить оба» (Смирнов, 131).

Иногда герои сами нелестно отзываются о царе. Так, в сказке «Три царства: медное, серебряное и золотое» (Афанасьев, 130, вариант) солдат прямо и смело заявляет: «Правду-матку сказать: и царь-то глуп».

Случается, что к прямой характеристике царя прибегают и сами сказочники: «Царь был скупой, жадный до золота» — повествуется, например, в сказке «Морока» (Чубинский, 24а) и добавляется в связи с его смертью: «Вот до чего зависть-то человеческая доводит», или: «Жив собі цар, да такой гордый, такой гордый, що не превиди господи! Хто б йому що ни радив, щоб ни казав — нікого не послухає, а робить усе тільки йому на думку упаде — и ніхто йому перечити не смій!» (Рудченко, II, 36).

Едкая сатира, пронизывающая концовки сказок на сюжет «Красавица жена», присущи и целому ряду других волшебных сказок. Между прочим, очень распространен в сказочном эпосе сатирический мотив «купания» царя в кипящей смоле (молоке, воде). Афанасьев приводит вариант к сказке «Летучий корабль» (144), где царь дает герою-дураку такую задачу: «вырыть глубокую яму, налить ее горячею смолою и поверх натянуть веревку. Говорит дураку: „Пройди взад и вперед“. — „Я не сумею; покажи, как делать“. Царь стал на веревку, а дурак выхватил меч и перерубил ее; царь повалился в горячую смолу».

В белорусской сказке «Удовин сын» (Романов, III, 16) «дзегеліну», по которой вслед за героем пытается пройти царь Постоянец над ямой с кипящей смолой, выдергивает «дзевка», усмотрев, что «ён сусім некрасів — ничуць, нязванья, што з ім жыць ня можна».

Особенно характерен мотив «купания» царя с целью «омоложения» для сказок типа «Конька-горбунка» (Андреев, 531).¹⁷⁸

Целиком уводя сказку в доисторические времена, мифологи (А. Н. Афанасьев) усматривали в главных действующих лицах ее не что иное, как олицетворение юного витязя-громовника и богини весны, которые, купаясь в молоке, «обретают творческие силы, а старый владыка, суровый царь зимы, погибает под ударом палицы». ¹⁷⁹ Это было, конечно, превратное, антинаучное толкование, исключаящее наличие в сказке даже намека на реальную действительность. На самом же деле древнейший по происхождению мотив «купания» в изложении сказочников XIX—начала XX в. приобретает особую окраску: в нем четко выступает природа комического, как «глупые притязания», «неудачные попытки», «безобразного» (старого и привередливого царя) усиливаться «казаться прекрасным».

Вполне жизненно оправданы поступки героини (Елены Прекрасной, Василисы-царевны, Марьи-Марьянки и пр.), которая, не имея никакого желания выйти замуж за царя-старика, под разными предлогами, откладывает день свадьбы. Она знает, что не царь добыл ее, не царь выполнил и ее поручения. Все это сделал добрый молодец, которому она перед его купаньем в кипящих котлах — со смолой, молоком и водой, признается: «Ты ездил и страдал — я, быть мбже, твоя буду» (Садовников, 60).

Благополучное купание героя в котлах совершается с помощью Конька-горбунка. Сказка рассказывает: «Ванюшка подошел к котлам — Елена Прекрасная стоит рядом с царем, на краю. Царь дожидается, когда Ванюшка мырнет. Ванюшка перекрестился — бултых в смолу! Весь, как головешка, оттоль вымырнул, черный! Как в молочко мырнул — побелее стал, а водой обмылся, стал добрый молодец ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Вот Елена Прекрасная посылает царя: „Мырйай за ним!“. Он думает себе: „Ванюшка мырйал и мне надо“. Как в смолу мырнул и теперь там сидит» (Садовников, 60).

Царь, увидев, что из котла герой-стрелец вылез красавцем, «захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту же минуту обварился» (Афанасьев, 169; ср.: Смирнов, 324; Драгоманов, 25; Романов, III, 38, 41).

¹⁷⁸ Физическая и, как правило, жестокая расправа над «плохим» царем характерна для сказок и на другие сюжеты. См., например: Бирюков, стр. 238—243; Урал, стр. 146—149 (Андреев, 513 А).

¹⁷⁹ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, II. М., 1868, стр. 128.

Насмешка и глумление над царем, а заодно и над его дочерью, похитителями чудесных вещей, встречается в сказках на сюжет «Рога» (Андреев, 566). Например, Иван-рыбак с помощью золотых яблок превращает царя в козла, а царскую дочь (свою вероломную жену) — в козу. «Ну, начальство увидзели, — говорится в сказке, — што ў дворце цара найплись козёл и коза, и министра приказав их выгнаць в обору до скоту. И были яны уси в безпокои, што не стало цара ў покои. И раздумались яны, што гето верно причина, што цар — козёл, а йна — коза. И приказали слугам, каб возварнуць назад гетых коз. Стали лячиць их, пользоваць, ну ниякой помочи не було. Тоды Иван-рыбак говориць: „Эй! лекарй! не знаеце, як вылечиць козу и козла. Прикажице-тка вытопиць лазню и завести козу и козла, ды наготовце молодого дубничку, тоды я буду лечиць гетых коз“. Сичас усё и сповнено: и лазня стошлена, вода нагрета, и дубинки напараны. И вялев ен поставиць сторожу, каб ниhto не подходиць под лазню. Пошов сам у лазню, а там уже приведзены козы. От, ен и став их лячиць дубинами: б'ець, колодиць, шерсьць ирв'ець, за бороды дзяр'ець... Козы кричаць: „мэ-мэ-мэ“. А ен кажець: „не, не мэ, а й мне було зле“. Отойдзётца на три шага, да й опять хващиць за рогй. Козел крущиць головой, а он жариць дубиной. „Вот так вом сподманиваць рыбака!“ И лупиць дубиной бока».

В конце концов герой вновь обращает царя и царскую дочь в людей, а сам, получив обратно чудесные вещи, возвращается к себе домой (Романов, III, 24).

Осмеяние царя в сказке достигается также путем наделения их разными обидными прозвищами (Горох, Лукопёр, Дорода, Чубара, Прожор, Тресцит и пр.) и «окарикуатуривания» их внешнего облика. Так, у царя Дорода одна нога короче другой и потому стоит и поворачивается он только на одной ноге (Садовников, 1); царь Постоялец и того хуже: он «с одним боком, с одним воком, с одною ногою, с одною рукою, и половина головы и половина бороды» (Романов, III, 16).

В восточнославянских волшебнo-фантастических сказках настойчиво подчеркивается, что герой, часто выходец из народных низов (Иван-крестьянский сын, Иван-солдатский сын, Иван-дурак и пр.), по своим личным качествам намного превосходит знатных и богатых женихов царской дочери и вполне достоин ее руки. Но сказка не останавливается на этом. Она идет дальше и в ряде случаев развенчивает и царскую дочь, изображая ее вероломной и подлой, недостойной быть женою героя. Тип такой женщины чаще всего встречается в сказках на популярные у восточных славян сюжеты «Неверная жена» (Андреев, 315 *В), «Волшебное кольцо» (560), «Рога» (566), «Чудесная птица» (567).¹⁸⁰

¹⁸⁰ Два последних сюжета нередко контаминируются: Худяков, 52; Садовников, 22; Иваницкий, 625; Зеленин, Пермск., 3; Зеленин, Вятск.,

В основе такого рода сказок, как правило, лежит социальный конфликт, вызванный неравенством в общественном положении жены и мужа. Характер самого конфликта не оставляет сомнения в том, что он мог проникнуть в сказку и занять в ней важное место только с установлением достаточно развитых классовых отношений.¹⁸¹

О том, в какой среде рассказываются подобные волшебные сказки и как чутко и живо реагирует на них аудитория, прекрасно передано в очерке В. Г. Короленко «В пустынных местах». Здесь в качестве сказочника выступает бурлак Ефрем, а слушателями являются его товарищи по работе. «Вахлак женится на царской дочери, — излагает Короленко, вслед за Ефремом содержание сказки, — но и с ней тоже не очень церемонится. Собирается он навестить в деревне своего брата... Царь-тестюшко приказывает запрячь золотую карету. „Не надо, — говорит, — пешком пойду! Жена, проводи меня за околицу!“ Царевна не смеет послушаться и покорно следует за мужем. Вышли за околицу... Вахлак хлопнул ее по бедру, сказал слово... и стала из царевны... кобыла.

Радостный смех... отдается от берега...».¹⁸²

Из приближенных к царю лиц в сатирическом плане сказка также показывает бояр, дворян, сенаторов, генералов, офицеров и вообще «господ». Все они знатны, но недалеко, глуповаты, трусливы и завистливы, неспособные ни на что, кроме мелких дворцовых интриг и обманов. Ограниченность их ума обнаруживается, например, в том, что они не в состоянии придумать по требованию царя третью трудную задачу для героя и потому вынуждены обратиться за помощью к голи кабацкой, промеж себя рассуждая, что «с пьяниц дужо вумные бывають!» (Романов, III, 86), или: «Вельможы потіють и пекак не могут догадатысь, какіє у царевны заветныє волосы» (Жив. ст., стр. 249—255); «В сенат царь ходил, и то не рассудил» (Садовников, 13; ср.: Афанасьев, 136).

Наряду с слабоумием царедворцы нередко проявляют трусость, перешительность, бессилие, стремясь под разными предлогами уклониться от выполнения царских просьб и поручений.

Снится царю сон о трех кольцах и чудесном коне. Большая награда обещается тому, кто этот сон «рассудит и коня того достанет». «Собрались на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали — никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать» (Афанасьев, 138), или: «Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спра-

134; Соколовы, 54, 94; Смирнов, 177; Азадовский, Сиб., 2; Господарев, 12; Карельск., 18.

¹⁸¹ Е. А. Тудоровская. Волшебная сказка. В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 312—334.

¹⁸² В. Г. Короленко, Собр. соч., т. III, М., 1954, стр. 120—121.

пивать, не возьмется ли кто разыскать его дочерей? Кто это дело сделает, за того любую королеву замуж отдаст и богатым приданным на всю жизнь наделит. Раз спросил — бояре молчат, в другой — не отзываются, в третий — никто ни полслова! Залился король горячими слезами» (Афанасьев, 140).

Таков групповой сатирический портрет приближенных царя. Этот портрет дополняется сенаторами-клеветниками и министрами-завистниками (Худяков, 84 и прилож. № 1, стр. 271—273; Записки, I, 38; II, 29; Карнаухова, 7, 53). Сказка «Иван-дурак» (Записки, I, 38) типична в ряду сказок с их участием (Андреев, 592). Хитростью и обманом сенаторы и министры стараются расстроить женитьбу Ивана-дурака на царской дочери. Однако герой ловко их проводит и в довершение всего наказывает: «Завел он их в лес, в боярышник, вынул флэечку и начал наигрывать. Вот сенаторы и заплясали в боярышнике, изорвались все, исцарапались, кровь бежит с них, сами в лохмотьях». Еще круче обходится с сенаторами богатырь Федот Нестерыч: он их просто всех передавливает (Худяков, прилож. 1, стр. 271—273).

В одном из вариантов сказки «Красавица жена» («Поручение на тот свет») (Афанасьев, 216) центр комедийного перенесен на злых советчиков короля — бояр. Король дает их герою-дураку в провожатые на тот свет. Очутившись на том свете, все они видят, как на покойном отце короля черти дрова возят да железными прутьями погоняют. «Стой!» — закричал дурак. Черти подняли рогатые головы и спрашивают: «А тебе что надобно?» — «Да мне нужно слова два перекинуть вот с этим покойником, на котором вы дрова возите». — «Ишь что выдумал! Есть когда толковать! Эдак, пожалуй, у нас в пекле огонь погаснет». — «Небось, поспеете! Возьмите на смену этих двух бояр, еще скорей доvezут». Черти отпрягают покойного короля, впрягают бояр и отправляются в пекло. Возвращаясь оттуда, они кричат: «Но-но! Эх, какая пара славная! Дай нам еще разок на ней прокатиться». А бояре просят дурака: «Смилуйся, не давай нас; возьми, пока живы!». Наконец, все они приходят к королю: «он глянул и ужаснулся: у тех бояр лица осунулись, глаза выкатились, из спины, из боков железные прутья торчат».

Сказка любит останавливаться на отдельных представителях дворцовой знати, например, генерале, которого крестьянские сыны, одетые в солдатские шинели, не только «боятся... пуще царя» (Худяков, 75), но ненавидят, презирают и осмеивают. В «Злой невестке» (Смирнов, 3) генерал покушается на честь царевны и, встретив с ее стороны отпор, приказывает солдатам «бросить ее в воду». Царевну спасает солдат. Прodelки генерала разоблачаются. Тогда «генерал бу-бух бросился в окно, прямо на штыки и закололся».

С едкой иронией описывается сцена неудачного ухаживания двух генералов-гуляк и волокит за волшебницей невестой Ивана-

царевича, проживающей в городе под видом царской просвиры («О Жар-птице и Царе-ироде», Смирнов, 5). Генералы поочередно приходят к ней, чтобы «попить, погулять», а она — одного с помощью волшебного топора, другого с помощью волшебной жорновы — заставляет целую ночь проработать. «Просвирия дала ему <первому генералу> топор; инерал побежал дрова колоть. Просвирия наказала топору: „До утра не отпускай“. Тот колет и колет, весь припотел; сертук скинул, до того достряпал. Солнышко высоко, просвирия проспалась, вышла и говорит: „Гли-ко, инерал, солнышко высоко, Иван-царевич гулять пошел“. Бросил инерал топор на отпашку да-й увеси бог ноги». Со вторым генералом-волокитой разыгрывается такая сцена: «Инерал побежал за печку к жорнову. Она жорнову сказала: „До утра не отпущай инерала“. Сама спать повалилась, а инерал мелет, только трескоток идет. Вот те и гулять! Солнышко взошло, просвирия скричала: „Инерал! Иван-царевич гулять пошел“. Тот от жернова скорее отмахнул да-й бог ноги; и тот сертук оставил».

В сказке «Три царства: медное, серебряное и золотое» (Афанасьев, 130, вариант) изобличаются генералы-казнокрады, которые, откликнувшись на зов царя отыскать царевну, «забрали царской казны несчетное число и уехали неведомо куда». О них герой-солдат с язвительной насмешкой отзывается: «„Хороши генералы! Царскую казну огребли, из столицы ушли, засели в чужестранном городе и кутят себе с утра до вечера, да по трактирам денежки переводят. Правду-матку сказать: и царь-то глуп! Ну, как таким плутам поверить было? Если б он догадался да пожаловал мне хоть десятую часть этих денег, так я бы ему давным-давно отыскал царицу“. — „Что ж ты хвастаешь? — говорит ему царь, переодетый в одежду простолюдина, — пошел бы во дворец, явился бы государю и доложил все, как следует...“. — „Э, любезный! Куда нам грешным к праведникам? Во дворец меня на сто шагов не подпустят; а пойдешь — шею наkostenяют, да, пожалуй, еще под суд попадешь!“».

В «Иване Турпыгине» (Садовников, 2) генерал выступает в качестве мнимого жениха и избавителя царевны. Ложь генерала разоблачается и его вешают.

Сказка XIX—начала XX в. имсет дело с «блюстителеми» внутреннего «спокойствия и порядка» в государстве — полицейскими и жандармами, которые предстают перед слушателями как ротозей и держиморды. Ивана-царевича, появившегося в одном королевстве под видом купца (Чудинский, 16), признают за «мошенника», немедленно посылают в полицию и засаживают «под самый строгий караул». Он выдает себя за фокусника, делает птицу и на ней улетает из окна тюрьмы, легко обманув глухих полицейских. «Полицейские туды-сюда, ахать, охать, — как же, мол, это так? — Да делать-то нечего, — что с возу упало, то, должно быть, навсегда пропало».

Не избежали народного порицания царские чиновники и судьи. Так, в одном из вариантов сказки «Правда и кривда» (Андреев, 613) спорящие обращаются с вопросом к судье и тот, не задумываясь, отвечает им: «В наше время лучше жить кривою» (Афанасьев, 117).

В волшеббно-фантастической сказке популярный персонаж барин (пан) неизменно наделяется теми же отрицательными чертами, что и в сказке сатирико-бытовой. Барин-хвастунишка со странным и смешным прозвищем Поддергайко выступает в качестве мнимого змеборца в «Иване-царевиче и Марфе-царевне» (Афанасьев, 125). Вызвавшись спасти царевну, он вместе с ротой солдат при появлении змей о трех, шести и девяти головах каждый раз прячется в лес, а затем выдает себя за победителя. Как «виноватого» (победителя змей) его посылают к Водяному царю. «Вдруг навстречю им корабль — как птица летит, только и кричат: „Виноватова! виноватова!“ и пробежал мимо. Немного отплыли, другой корабль: навстречю, и опять кричат: „Виноватова! виноватова!“». Иван-царевич «подлинный змеборец» указал на барина; уж его били-били до полусмерти! Проехали». Когда приехали на место, Водяной царь приказал натопить «добрасна чигунну ли, железну ли баню» и виновного туда посадить. «Барин перепугался, душа в пятки ушла! смертенка приходит!» — выручил Иван-царевич. Но «виноватова опять потребовали, теперь уж к самому Водяному царю; барина увели. Уж его ругал-ругал, бил-бил Водяной царь и велел прогнать». Возвратился домой барин и «пущше ешшо стал гордиться», домогаться руки царевны. Наконец, царь дал согласие на брак. «Барин — где поднялся! рукой не достанишь! никто близко не подходи!». В день свадьбы обман обнаруживается, солдаты в один голос подтверждают, что барин при появлении змеев «был еле жив» и что на борьбу с ними он «не годён». Тогда барина «разжаловали и послали в ссылку».

Сказка «Как на том свете работник скупова барина вызволял» (Жив. ст., стр. 302—304) примыкает к циклу сказок «Красавица жена». Однако в качестве главного отрицательного персонажа в ней действует не царь, а барин «скупердяй», который отсылает работника, честно выполнившего все условия найма, на выполнение трудных задач, стремясь тем самым уклониться от обещанного: выдать за него замуж одну из своих крестьянок. Обличение скупого барина и его наказание происходит после выполнения героем последней самой сложной задачи. Вместе с управляющим, который вместо умершего старого барина, побывал в упряжке чертей, он возвращается с «того света» и требует от барина половины обещанного клада. «Зависть забрала барина, ня хочя отдавать половину добра, а в сундуках веклянь царвонно золото набито. А работник бая: „спроси управляюшшава“. — „Да где ж ён“. — „Да глянь!“ Ажно обомлел барин. Посылал жирного, с брюхом, а таперя мошпа машшэй. „Вот, бая, барин, один часок церти

поездили, да и то высох. А каково было твоему батюшки? ох, чижало там скупяряям“»).

Острый конфликт между бедными крестьянами — стариком и старухой — и баринком лежит в основе сказок на сюжет «Петух и жорновцы» (Андреев, 715). Чудесные жорновцы, которые как повернешь, «ан блин да пирог, блин да пирог» (Афанасьев, 188), или: «а блин, да пирог, да каши горшок» (Смирнов, 166), крадет (забирает) у старика со старухой барин.¹⁸³ Кочеток «золотой гребешёк» летит за баринком и разоблачает его воровскую проделку криком: «Отдай, барин, жорновча» (Зеленин, Вятск., 78), «барин, барин! подай наши жорновки» (Иваницкий, 642) или более требовательно и с угрозой: «Косой барин, отдай мои жорнова! Не отдашь, беду заведу!» (Худяков, 25) и т. п. Желая во что бы то ни стало освободиться от назойливых преследований кочетка, барин приказывает бросить его в воду (пруд, колодец и т. п.), в огонь, в хлев к скотине и т. д., но из всех этих бед кочеток постоянно выходит целым и невредимым и в конце концов вынуждает барина возвратить похищенные им жорновцы. «И барин приказал ему кочетку отдать жорнов взадь» (Соколовы, 73; ср.: Иваницкий, 642; Смирнов, 158). В сказке «Петух и жорновцы» (Афанасьев, 188) кочеток забирает жорновцы после того, как от его крика гости убегают из дома, а хозяин (барин) пускается догонять их.

Более заостренную сатирическую форму принимают концовки сказок в сборниках Садовникова, Зеленина и Смирнова, в которые вводится эпизод наказания глупого барина. В одной из них, например, рассказывается, что после того, как петух благополучно залил водой огонь, «барин велел зажарить петуха. Барин съел петуха. Петух выскочил из брюха барина и опять закричал: „Отдай, барин, жорновча!“». «Тогда барин осерчал и закричал: „Ташшите, слуги, топор: отсеком ему голову!“». — Как хотели по голове петуха шваркнуть, да угадали по барину и засекали барина. Петух и вылетел» (Зеленин, Вятск., 78).

С ярко выраженным сатирико-юмористическим оттенком передается заключительный эпизод и в «Сказке о жорновках» (Смирнов, 166): «Вышел барин из себя и приказал зажарить петушка. Зажарили петушка и подали барину. Всего до косточки съел его барин. Съел да и думает: „Ну, теперь, негодий, не будешь больше кричать!“». А петушок вдруг и закричал в барском животе благим матом: „Барин, барин, подай мои жорновка!“». Рассвирепел барин и приказал лакеям зарубить петушка. Не смели лакеи ослушаться барского приказания и давай рубить топорами по барину, чтоб достать петушка. Разрубили барина, а петушок выпрыгнул из него, схватил жорновка да и был таков».

В некоторых сказках барин выглядит не только глупым и завистливым, но и жестоким человеком. За отказ крестьянского

¹⁸³ Тумилевич, 2 — царь.

сына Гриши рассказать, «что во сне видел», он надевает на него медвежью шкуру, вывозит в поле и «ну травить собаками» (Чудинский, 14).

Из служителей церковного культа чаще всего объектом сатиры является поп (ксендз).

Царская цензура немало потрудилась над тем, чтобы не допустить сатирической обрисовки его в литературе. Известно, например, что при напечатании сказки Пушкина о попе и его работнике Балде Жуковскому пришлось заменить попа купцом. Примерно то же самое произошло и со сказкой «Правда и кривда» (Афанасьев, 115), где цензура изъяла попа и на его место поставила приказчика.¹⁸⁴

Советские ученые восстановили по сохранившейся рукописи подлинный текст сказки, и обычный эпизод обращения двух спорящих мужиков к встречным с вопросом: как лучше жить — правдой или кривдой, превратился здесь, как справедливо отмечают исследователи, в «яркую социальную сатиру: барский мужичок говорит о том, как у них господа „бесперечь... дни атпимают, работать на себя некогда“, купец заявляет: „Нас абманывають и мы абманываем“, и, наконец, поп утверждает: „Вот, слыш, нашли о чем спрашивать! Знама дела, што кривдой. Какая нонча правда? За правду, слыш, в Сибирь угадишь, скажут: кляузник. Вот, хоть, к примеру, гаварит, сказать вам не солгата! В приходе-та у меня разя десятая доля на духу-та, слыш, бывает, а знама дела мы, слыш, всех записываем. За то, слыш, и нам павальготнея; ин раз и молебен заместа абедни“».¹⁸⁵

«Батрак» (Худяков, 73) относится к сказкам типа «Балда» Пушкина, стоящим на грани между сатирико-бытовыми и волшебными сказками. В ней в точности сохраняются все характерные мотивы и эпизоды, присущие этой группе сказок: заключение договора о службе между батраком и попом, отсылка батрака к чертям для сбора оброка, угроза батрака морщить озеро веревкой, состязание батрака с чертом (кто выше бросит, кто кого поборет и перегонит, кто сильнее свистнет) и т. п. (Андреев, 1000—1029).

Сатирико-комический элемент сказки во многом выигрывает от принесения в нее чудесного предмета — дудки, с помощью которой батрак наказывает жадного и глупого попа. Поп заметил, что овцы день ото дня худеют. Решил подсмотреть, что с ними в поле делает батрак. И, когда рано утром овцы двину-

¹⁸⁴ Под давлением цензуры и Худякову пришлось вместо попа действующим лицом сказки «Работник» (Худяков, 93) сделать хозяина. См. его указания, напечатанные в 3-м выпуске сборника «Великорусские сказки» (М., 1862), на допущенные «погрешности» 1-го выпуска (М., 1860).

¹⁸⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Под ред. М. К. Азодовского, Н. П. Андреева и Ю. М. Соколова, т. I. Изд. «Academia», Л., 1936, стр. 584 (Комментарии).

лись на пастбище, «поп присел между ними» и пошел «среди них». «Батрак будто не замечает, гонит овец; нет, нет, да и стегнет их кнутом, да все норовит прямо попу в голову. Выгнал батрак овец в поле, вынул дудку и заиграл на ней, овцы заплясали, вскочил поп из середины и начал плясать в присядку; умучился бедный поп; пот градом течет с него, а батрак все играет. Стал поп просить батрака, чтобы перестал играть, а он и не слушает. Перестал батрак играть, поп выскочил из стада, пустился бежать домой». Прибежал поп домой и рассказал обо всем попадье. Попадья не поверила, стала его бранить, что «он дурак, плясал нарочно». Но все же решила сама попросить батрака сыграть на дудке. Тогда поп стал умолять попадью посадить его в короб да короб привязать на чердак к перекладине, «чтоб не слышно было». Вечером пригнал батрак с поля овец и по просьбе попадьи «вынул дудку, заиграл. Дело то было под праздник; попадья в это время пироги месила, да как было у ней на руках тесто, так и пошла плясать, переваливает тесто с руки на руку. Услыхал поп на чердаке; тесно ему там плясать в коробе; вот он нет, нет да стук об крышку головой, сорвался с перекладины со всем коробом, убился больно, прошиб головой крышку, выскочил из короба и начал на чердаке вприсядку плясать. Устала попадья плясать и тесто вывалилось у ней из рук, а батрак не перестает играть. Бросил батрак играть, пошел на двор. Повалилась попадья среди полу, охает от усталости. Пришел поп с чердака; от усталости духу не переведет; повалился тоже на пол и отдыхали они до самого свету».

Из лиц духовного звания сказка высмеивает не только попа, но и дьячка. Так, например, в «Старике» (Худяков, 105) дьячка заманивает в репейник крестьянин и там заставляет его плясать под чудесную дудку: «дьяк заплясал, весь репьем искололся, плачет да скачет».

Все это, а также сцена на эшафоте, когда под дудку героя все так заплясали, что «от усталости попадали на землю», живо напоминает приведенную выше сказку с участием министров и сенаторов.

Заметное место в волшебной сказке отводится бытовой сатире с ее острыми и меткими зарисовками, обнажающими и высмеивающими общечеловеческие пороки — жадность, трусость, стяжательство, зависть и т. п. Вот сказка «Солнце, Месяц и Ворон — зятья» (Андреев, 299 — о старике, который, подражая своим чудесным зятьям — Солнцу, Месяцу и Ворону Вороновичу, оказывается в смешном и глупом положении (Афанасьев, 92). Подобно солнцу он заставляет старуху на себе жарить оладьи;¹⁸⁶ как ме-

¹⁸⁶ «Сам сел на пол и велит ставить на себя сковородку с оладьями». Старуха сомневается в успехе, а старик свое ладит: «Ничего... ставь, испекутся!». Старуха поставила, но сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли».

сяц лучом, так он пальцем, просунутым в щель, пытается осветить баню, в которой по его же настоянию ночью парится старуха. Наконец, в гостях у Ворон Вороновича старик забирается на насест под крыло своего чудесного зятя и, заснув, они оба падают и убиваются.¹⁸⁷

Элементы бытовой сатиры также заключаются в обширном цикле сказок на сюжеты: «Мачеха и подчерица» (Андреев, 480), «Чудесные дары» (563 и 564), «Сумка, шляпа и рожок» (569) и др.

Итак, сатирическая окраска русских, украинских и белорусских волшебных-фантастических сказок является одним из проявлений их тесной связи с исторической действительностью, повседневной жизнью трудового народа. Сатира эта — прежде всего сатира социальная, направленная на обличение и высмеивание как внешних, так и внутренних врагов народа и в этом отношении она движется в русле всей народной поэзии, выражая определенные социально-политические тенденции.

Особенность сатиры волшебных-фантастических сказок состоит в том, что она тесно переплетается с фантастикой и развивается в строго ограниченных рамках фантастического сюжета. Отрицательные образы ее, обладая в целом устойчивостью и постоянством социального обобщения, внутри вариантов, сравнительно свободно перемещаются, заменяя и подменяя друг друга. Так мы видели, например, в популярнейшей сказке на сюжет «Поручение на тот свет» главным отрицательным персонажем в одном случае является царь (король), в другом — барин (пан), спутниками героя на тот свет выступают то бояре, то управляющий барским имением и т. д. Известного разнообразия в этом отношении достигает сказка на сюжет «Чудесные дары» и «Сумка, шляпа и рожок», где в качестве главных отрицательных персонажей на равных правах фигурируют то царь, то барин, то поп.

Место и роль сатиры в той или иной волшебной сказке неодинаковы и зависят от характера самой сказки, ее содержания, композиции, действующих лиц и т. п. Особой остроты сатира достигает в тех волшебных-фантастических сказках, в основе развития которых лежит социальный конфликт, рельефно обозначается социальное неравенство между действующими лицами.

Проникновение сатиры в волшебные-фантастические сказки вносит некоторые изменения в их язык, стиль, манеру изложения, хотя далеко не всегда ломает их каноническую структуру. Чаще всего сатира уживается с традиционной сказочной эпикой и обрядностью и развивается внутри их.

Сатира волшебной-фантастической сказки, как, впрочем, сатира других видов и жанров народного творчества, исторически ограничена в своем содержании: осуждая представителей господ-

¹⁸⁷ Ср. «Про ворона» (Жив. ст., стр. 280).

ствующих классов, она не поднимается до осознания эксплуататорского строя в целом, до осознания необходимости радикальной его переделки. Сказка видит конкретных врагов трудового народа, обличает и высмеивает их, но она не в состоянии сделать революционные выводы и обобщения.

В дореволюционных записях сказок только как исключение можно обнаружить мотивы осознанной борьбы с классом эксплуататоров, а не с отдельными его представителями (например, Сержпутовский, 48). В русле старой традиции движется в основном и сказочное творчество в наши дни, хотя следует сказать, что в целом социальные конфликты в нем, как правило, принимают более обнаженные и резкие формы. Новые веяния заметнее всего оказывают воздействие на окончание сказок, где в ряде случаев герой, расправившись со своим врагом (царем, паном и пр.), добровольно отказывается от трона и учреждает народное правление, делит власть с народом, освобождает народ от царского ига и т. п.¹⁸⁸

В свете всего сказанного о царе и его окружении более чем странным кажется утверждение К. С. Давлетова о том, что «в волшебной сказке (и по этому поводу же не раз высказывалось удивление) оказывается представленным из господствующих сословий только царь. В волшебной сказке нет ни бояр, ни дворян.¹⁸⁹ В ней говорится в самой общей форме о царских слугах. И появление других социальных образов (барина, попа, царских генералов и т. п.) знаменует собою переход к другому этапу развития сказки». И далее: «... в волшебной сказке общественные противоречия концентрируются внутри крестьянской семьи. Творцов сказки волнуют и занимают именно эти, а не какие-нибудь другие социальные противоречия».¹⁹⁰

Как можно было видеть из нашего анализа, сказочный царь обычно действует не один, а в окружении близких и дальних родственников, слуг (мамушек и нянюшек), царедворцев, среди которых мы, вопреки К. С. Давлетову, находим и бояр. Вообще бояре довольно часто фигурируют в волшебнo-фантастических сказках, что подтверждается хотя бы сборником Афанасьева. Они, например, дают (а иногда по своему слабоумию отказываются дать) советы, как известить героя (Афанасьев, 175, 213), призываются для отгадывания царского сна (138), присутствуют на царских званных сборах (179), пытаются (вместе с генералами) погубить героя-солдата (237) и т. п.

¹⁸⁸ См., например: Магай, 3; Господарев, 2, 11; Королькова, стр. 24—29, 49—55; Потявин, 17.

¹⁸⁹ Двумя страницами ниже эту мысль автор выразит словами о том, что рядом с царем в сказке «не дается никакого собственного государственного, официального окружения».

¹⁹⁰ К. С. Давлетов. Фольклор как вид искусства, стр. 151—152.

Не спорим, появление новых социальных образов в сказке (царских министров и генералов, барина, попа и др.) «знаменует собой переход к другому» этапу ее развития, однако мы не находим никаких оснований провозглашать, как это делает К. С. Давлетов, что появление их в сказке будто бы полностью разрушает «весь созданный ею мир» и даже ведет к «возникновению нового сказочного жанра».¹⁹¹

На самом же деле жанр волшебнo-фантастической сказки никак не изменяется от того, действует ли в ней царь или барин, Иван-царевич или Иван-крестьянский (солдатский и пр.) сын и т. д. В связи с изменением исторических условий бытования сказки смена действующих лиц в ней протекает плавно, причем новые персонажи приходят на смену старым, органически воспринимая от последних присущие им качества. Вместо «идеального царя» появляется не менее «идеальный купец»; царь (король) в отрицательной роли (например, в сказке «Красавица-жена», Андреев, 465) нередко заменяется барином (паном и даже попом), на смену боярам-думщикам приходят министры, генералы и пр. Вообще следует сказать, что свои симпатии и антипатии к тем или иным действующим лицам сказки народ (крестьянство) выражает очень твердо и последовательно. Нельзя согласиться с тезисом К. С. Давлетова, что в волшебнo-фантастической сказке «общественные противоречия концентрируются внутри крестьянской семьи» (и только!) и что «творцов сказки волнуют и занимают именно эти, а не какие-либо другие социальные противоречия».

Можно привести ряд сюжетов народных сказок, в которых общественные противоречия концентрируются в иной среде, например, в царской (королевской) семье, и они нисколько не меньше увлекают и волнуют сказочников. Классическим примером в этом отношении может служить сказка о «Царских детях» (Андреев, 707).

Вообще, как в этом мог убедиться читатель, волшебнo-фантастические сказки разносторонне отразили социальные противоречия, отнюдь не ограничиваясь «крестьянской семьей», но и захватывая семьи других классов и прослоек общества (купечества, духовенства и т. п.). Социальный конфликт, причем в очень острой форме, может также развиваться и вне семьи, например, между героем, с одной стороны, и деревенской общиной или боярскими детьми, царем, барином и т. п. — с другой.

¹⁹¹ Там же, стр. 160.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восточнославянская волшебнo-фантастическая сказка в записях и публикациях XIX—XX вв. представляет богатейшее культурное наследие трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Уходя своими корнями в глубокую древность, она несет следы различных исторических эпох. Эти следы отражаются как на ее художественной форме, так и на ее идейном содержании и на системе образов.

Среди многоликого и красочного мира сказочных образов-персонажей центральное место занимают идеальные герои — носители и проводники социальных, этико-моральных и эстетических идеалов трудового народа.

В роли главного героя сказки всегда выступает человек, наделенный чудесными способностями. И, хотя все внимание сказка сосредоточивает на биографии героя, последняя никогда не освещается ею полностью. В жизни героя сказку интересует исключительно период его молодости, простирающийся часто от рождения до женитьбы. После получения героем руки царской дочери-красавицы и царского престола (царства или полцарства) как высшей награды за совершенные им подвиги сказка, если и возвращается к его дальнейшей судьбе, то говорит о ней сухо и лаконично, отделяваясь буквально двумя-тремя заключительными фразами вроде следующей: «А Иван-царевич поехал с царевной из золотого царства венчаться; обвенчались и стали жить-поживать, добра наживать» (Афанасьев, 130).

Являясь композиционным стержнем сказки, главный герой присутствует в ней постоянно: с ним начинается, продолжается и кончается сказка; другие персонажи — его помощники и противники — вводятся в повествование эпизодически и только в тесной связи с деятельностью ее главного героя.

В работе мы старались на конкретных примерах показать, с помощью каких художественных средств и приемов создается тот или иной сказочный образ. Нельзя было не заметить, что и здесь, как и во всем, относящемся к волшебнo-фантастической сказке, огромная роль принадлежит традиции. В распоряжении

восточнославянских сказочников имеется целый набор клише, состоящий из готовых формул, общих мест, эпитетов, сравнений и пр., многие из которых они, как мы видели, применяют исключительно для характеристики действующих лиц сказки. На одной из таких формул нам хотелось бы задержаться несколько подробнее, поскольку она, на наш взгляд, нуждается в дополнительной интерпретации.

Известно, что сказка избегает сколько-нибудь подробного описания внешности своих положительных героев. «Домысливать» их портреты она предоставляет самим слушателям. Никто не будет, например, сомневаться во внешней идеальной красоте ни Марьи-царевны, ни Елены Прекрасной, ни Ивана-царевича, ни многих других сказочных персонажей. Однако уловить по сказкам их красоту, выражаемую общеизвестной у восточных славян формулой «ни в сказке сказать, ни пером описать» невозможно.

Наряду с такой формулой существуют и другие, с более или менее значительными следами индивидуальной обработки, но и они также не выходят за грань традиционной краткости, отвлеченности и статичности. Например, о герое сказки говорится: «и такой ли сделался молодец: здрел бы глядел, с очей не спушшал, епо лучше старова» (Зеленин, Пермск., 23); «сделался красивой молодець: как он был, так втроё Краси́фше стал» (Зеленин, Вятск., 28); были царские сыны, «як соколи» (Рудченко, II, 28).

Красота сказочной героини характеризуется словами: «Очинно хороша» (Ончуков, 169), «тыкая прыгожая, што и сказаць ня-можно» (Романов, III, 39), «такая раскрасавица, что и в свете не сыщешь» (Карнаухова, 42), «дужа красивыя дзеука» (Шейн, 20), «дивчына гарна-гарна» (Гринченко, I, 168), «така красива, шо и зглянуть неможно» (Манжура, стр. 28—30), «така гарна, цо як глянешь, то аж на души стане весело» (Левченко, 72) и т. п.

В обрисовке внешности персонажей наблюдается некоторое сходство между сказкой и литературными памятниками древней Руси, где характеристика внешности, по словам исследовательницы, гораздо чаще дается «в двух-трех словах» и сводится «к общим эпитетам».¹ Красота лица героя, например, как в сказке, изображается предельно лаконично и трафаретно: «леп и красен лицемь», «взором красен», «лицем леп», «лицемь красен», «образом леп».²

¹ А. Б. Никольская. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 192.

² Там же, стр. 195. — Приводимые автором примеры заимствованы из Ипатьевской, Лаврентьевской, Тверской и Никоновской летописей.

Собственно традиционные приемы использует сказка и при описании внешнего сходства между отдельными действующими лицами — будь то братья-близнецы, дочки Бабы-Яги, Оха, Морского царя и т. д. Это сходство также обозначается весьма устойчивой формулой: «И они <братья> были оба волос в волос, голос в голос» (Господарев 2, ср. также: Романов, III, 17), к которой отдельные сказочники иногда добавляют: «лицо ў лицо» (Романов, III, 37, 626), «лицо ў лицо, и плячо ў плечо» (Романов, III, 16), «нога ў ногу и одзѣжа в одзѣжу» (Романов, III, 216), или: «И была у яго <царя> зроду одна дочар: матчин голос, матчин и волос, матчина краса, матчин рост» (Романов, III, 64).

Сравнивая приемы описания внешности предметов, действующих лиц и явлений в сказке и былине, невольно обращаешь внимание на то, что они неодинаковы: сказка опускает многое из того, что как раз использует былина. Для сказки, например, вполне достаточно о богатой одежде героя сказать так: «в цветно платье нарядился: сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать» (Афанасьев, 182); «Одежда притворилась <на Иванушке> хороша и сам сделался красивый» (Рождественская, 71); «І одежда стала на нїм <Иванке-дурне>, як на якїм великому пановї» (Левченко, 490); «на им одежа, што у сьвети ня можно сыскаць такея» (Романов, VI, 53).

Былина этим удовлетвориться не может. Ее интересуют детали, красочность, своеобразие одежды. Ярким примером в этом отношении может служить былина о Чуриле, который, «справляясь-убираясь»,

Обувае сапожки зелен сафьян,
Круг носочка носочка ячко кати,
Пятка о пятку — туды воробей летел,
Туды воробей летел сам крылом не задел.
Одевае он платьнца цветныи,
Одевае он шапоньку в пятьсот рублей,
Ай ушисту, пушисту, завесисту,
И спереди не видно личка белого,
И сзади не видно кудер жолтых.³

Ничего подобного ни в одной подлинно народной сказке отыскать нельзя.

Уклоняясь от подробных характеристик внешности действующих лиц, сказка, естественно, непосредственно обращается, как мы говорили, к собственной фантазии слушателей, мобилизуя ее на дорисовку «недорисованных портретов». И само собой разумеется, что «портреты» эти в их, так сказать, конкретно чувственной форме, каждый из слушателей создает по своему разумению

³ Гильфердинг, I, 8 («Смерть Чурилы»). Ср. также подробное и красочное описание одежды Дюка, а в исторических песнях — «сынка» Степана Разина.

в зависимости от личного жизненного опыта, вкусов, наклонностей и идеалов. Сказка дает лишь толчок и общее направление воображению, приобщая тем самым слушателей к активному сотворчеству.

Сказка, писал Чернышевский, «наполовину, — и больше чем наполовину, создается вами самими и оттенки ее красок — легкие, играющие перламутровые оттенки, всех цветов радуги, но только скользящие в ваших собственных грезах по белому фону сказки. Вот в этом смысле эфирны все главные действующие лица хороших сказок, и азиатских, и европейских: это существа воздушные, создаваемые не столько самою сказкою, сколько вами самими».⁴

В отличие от идеальных героев внешность отрицательных персонажей сказки очерчивается зримее. Особенно это касается портрета Бабы-Яги, который по своим подробностям может быть сравним только с описанием внешности некоторых из ирреальных — злых и добрых — существ («нечистых духов»), представленных в славянском фольклоре многочисленными бывальщинами. Например, лесовика, выступающего то в облике длинноволосого, курчавого и непричесанного мужика, с колпаком на голове и ростом с дерево или верстовой столб,⁵ то «старого старика», который в месячные ночи сидит «на пеньке, лапти поковырывает, да на месяц поглядывают»⁶ и пр., или водяного — также «старого старика», к тому же горбоносого, у которого «волосы до пят, вложены, бородаща по пояс, глаза так и искрятся, словно звезды: то потухнут, то опять загорятся»⁷ и т. п.

Для волшебного-фантастических сказок всех трех восточнославянских народов несомненным и характерным является наличие общих образов-персонажей. Это образы-персонажи сплошь и рядом имеют одинаковые имена (прозвища), совершают однотипные действия и поступки, заключают в себе сходные или родственные признаки. В то же время, взятые отдельно, они отличаются друг от друга не только тем, что действуют в «разнообразных фабульных схемах» и испытывают «различные приключения», но имеют свой типовой облик и манеру поведения, которые и позволяют народу безошибочно отличить Ивана-Медвежье Ушко от Ивана Ветровича, Покатигорошка от Незнайки и т. п. Сохраняя за персонажами их имена-прозвища, восточнославянская сказка закрепляет за ними и определенные сюжеты или группу сюжетов. Там же, где имя-прозвище героя почему-либо утрачивается или подменяется таким «универсальным», как например Иван-царе-

⁴ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в 15 томах, т. XII, Гослитиздат, М., 1949, стр. 132.

⁵ См.: Ив. Хрущов. Заметки о русских жителях берегов реки Оять. «Записки РГО», отд. этногр., т. II, СПб., 1869, стр. 65—67.

⁶ Садовников, 68 г.

⁷ Там же, 68 з.

вич, собирательный тип героя от этого несколько не меняется, что, как нам кажется, вполне подтверждается материалами настоящего исследования.

Как и сюжет, тип сказочного героя передается сказочникам по наследству. В своих существенных гранях этот тип остается неизменным, поскольку неизменными остаются его функции, составляющие самый устойчивый компонент сказки.⁸ Однако для изучения сказки важны не только традиционные функции героя, но и конкретное их проявление. Важно не только то, что делает герой, но и кто делает, как делает, во имя чего делает и в какой обстановке. Для идейного содержания сказки совсем не безразлично, является ли действующим лицом Иван-царевич, или Иван — крестьянский сын (и пр.), какой характер носит конфликт между героем и средой, кто является противником героя — Змей или вполне реальная сила (например, войска чужеземного царя) и т. п.

Есть безусловно своя закономерность в том, что феодальная эпоха преимущественно на ранней и средневековой ступени своего развития дает сказке такие персонажи, как царь (король), царевич (королевич), которые, возможно, приходят на смену князю и князевичу (впрочем, последние в записях сказок XIX—XX вв. почти не фигурируют), боярин, стрелец, а позднее — барин (пан), солдат, сенатор, министр, генерал.

Реалистические приметы сказки выступают не только на ее поверхности в виде исторических и бытовых отложений. Они покоятся в ее глубине и проявляются во взаимоотношениях ее действующих лиц, их поведении и поступках, продиктованных жизненными обстоятельствами.

Избегая прямолинейных нравоучительных сентенций, сказка в то же время как бы изнутри ставит и решает множество этических и других вопросов, идущих из глубин народной жизни. Она отвергает господствующую в феодальном обществе мораль, основанную, как и любая мораль эксплуататорских классов, на подчинении, принуждении и грубом насилии. О ценности человека сказка судит не по внешним его признакам, не по тому знатен или богат он, не по его официальному положению в обществе, а по его личным качествам, заслугам, достоинствам и недостаткам.

В этом отношении она особенно резко противостоит господствующим взглядам раннего русского средневековья, когда в литературе общественное положение человека было «как бы поднято на высоту художественного идеала», когда авторское внимание строго распределялось «сообразно с положением героев — большее

⁸ А. И. Никифоров. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки. Сб. отд. русск. яз. и сл. АН, т. СІ, № 3, 1928, стр. 173—177; В. Я. Пропп. Морфология сказки. Л., 1928.

внимание уделено большому феодалу, меньшее — меньшему, народ изображен лишь как фон, на котором выразительно выступают действия основных героев литературных произведений — феодалов и видных церковных деятелей», когда «все действия героев соизмеряются с тем, как они должны были бы поступить согласно своему официальному положению на лестнице феодальных отношений».⁹

Сказка взламывает социальные перегородки, существующие в действительной жизни. Она открывает путь к управлению государством не только царевичу, но и простому мужицкому сыну, человеку «из низов», утверждая мысль, созвучную той, которую впервые в литературе выскажет А. Н. Радищев о бурлаке, могущем «многое... решить доселе гадательное в истории российской».¹⁰

Волшебнo-фантастическая сказка весьма почетную роль отводит женщине-героине. По своим достоинствам — силе, храбрости, красоте и уму (мудрости) — она не только не уступает главному герою, но и в ряде случаев превосходит его. Женщина-героиня выручает своего жениха (мужа, сына, брата) от неминуемой гибели, решая за него многотрудные задачи. Взгляд на женщину как на сильную и свободную личность, верного и преданного друга и помощника мужчине, установившийся, по всей видимости, еще в эпоху матриархата, сказка пронесла сквозь века бесправия и гнета вопреки ханжеской морали, усиленно насаждаемой церковью и представителями класса эксплуататоров-феодалов.

Отношение к труду как к одному из основных источников жизни на земле является для сказки важным критерием оценки деятельности героя, его поведения и поступков. В образной форме она раскрывает облагораживающую роль труда в жизни человека. Правда, сказка подчас охотно наделяет «иронического удачника» гипертрофированной ленью, но эта лень, подобно другим его качествам — слабоумию, безразличию к окружающим, внешней неопрятностью, оказывается в конце концов не чем иным, как показной стороной, ширмой, за которой скрывается глубоко жизнедеятельная и героическая натура.

Нравственные принципы, заключенные в восточнославянской волшебнo-фантастической сказке, в основном отражают сравнительно развитые формы общественных отношений, при которых понятие о добре и зле, красоте и уродстве, правде и кривде, справедливости и несправедливости, благе, долге, чести, достоинстве и счастье выступают с достаточной четкостью и определенностью.

⁹ Д. С. Лихачев. У предисточков реализма русской литературы. «Вопросы литературы», 1957, № 1, стр. 76.

¹⁰ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 230.

Казалось бы, сказка вращается в узком и замкнутом, так сказать, «семейном» кругу интересов героя, где стремление достичь личного счастья и благополучия превалирует над всем остальным и где общественные идеалы — в противоположность былинам и думам — стоят на самом последнем месте. Слов нет, в былинах и думах, как специфических жанрах народного творчества, вдвинутых в определенные рамки истории, четче и энергичнее выражаются общественные устремления, патриотические мотивы, но сказать, что волшеббно-фантастическая сказка их вовсе не касается или равнодушно проходит мимо них, было бы заблуждением.

Уже сама идея свободного брака, брака по выбору и любви, заключенная в сказке, не могла не вызывать большого общественного резонанса, особенно в эпоху феодализма с ее патриархальными отношениями и неограниченными родительскими правами. Этот резонанс несомненно усиливался от того, что сказка в вопросе брака начисто отменяла сословные предрассудки. Вопреки установившимся правилам, в ней умные и трудолюбивые крестьянские девушки выходили замуж за царевичей-королевичей, а крестьянские парни женились на царевнах-красавицах.

А разве не чувство гуманизма и патриотизма движет героем сказки, когда он один на один вступает в смертельную схватку с могучим и коварным врагом, освобождает из неволи и порабощения людей и целое государство? Девиз служить «добрым людям», быть их защитником (Афанасьев, 134) остается главным во всей его деятельности. Примечательно, что на подвиг герой подчас отправляется наперекор родительской воле, тем самым нарушая одну из незыблемых заповедей патриархального мира. «Нет, батюшка, благословишь — поеду, и не благословишь — поеду», — решительно заявляет он отцу.

Забота об общенародном благе, о счастье и спокойствии родных и близких занимает далеко не последнее место в подвигах сказочного героя — будь-то сильно-могучий богатырь или «иронический удачник».

Это, конечно, не значит, что сказка во всем и везде отражает только передовые взгляды и настроения. На протяжении многих веков творцом и активным носителем ее, как известно, являлось крестьянство, которое, с одной стороны, питая жгучую ненависть к угнетателям, стремилось к «новым формам общежития», с другой — не могло найти ответа на многие жизненно важные вопросы, в том числе и такие, «каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе».¹¹ Отсюда — царистские иллюзии, мучительные поиски «хорошего» царя — мотив, достаточно широко представленный в сказочном творчестве; отсюда — реминис-

¹¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 211.

ценции проповеди смирения, покорности, долготерпения, отмеченные в образах отдельных сказок (например, из цикла «Мачеха и падчерица»); отсюда — надежды и упования на чудесные силы, как единственное средство достижения конечной цели; отсюда — и некоторая расплывчатость и незавершенность самого социального идеала сказки.

Однако как бы ни была исторически ограничена волшебнo-фантастическая сказка в своем содержании, ведущая тенденция в ее противоречивом процессе развития всегда сохраняется за трудовой, прогрессивной, демократической идеологией.

Как сами восточнославянские сказки, так и образы их различны по времени происхождения. Одно дело, например, сказки о животных и волшебнo-фантастические, другое — новеллистические (бытовые) и анекдотические сказки. Сравнение этих групп показывает, что чем древнее сказки и их образы, тем больше обнаруживается между ними сходных черт как в рамках национальной, так и — шире — межнациональной традиции.

Эти наши выводы относительно сказки косвенно подтверждаются некоторыми наблюдениями ряда ученых (А. А. Потебня, М. Драгоманов, А. Маслов, А. Ф. Зинкевич и др.) над отдельными видами народной поэзии восточных славян и, в частности, над обрядовыми песнями, относящимися, как и сказки о животных и волшебнo-фантастические, к наиболее древнему слою славянского фольклора.

В этой же связи нельзя не привести также слова Д. К. Зеленина, обобщающие его многолетние изыскания в области восточнославянской культуры: «Чем глубже мы идем в историческую древность, тем больше видим общих элементов в культуре украинского и русского, равно как и белорусского — восточнославянских народов».¹²

Сходство сказок восточнославянских народов, их сказочных образов и образной системы в целом обуславливается прежде всего общностью происхождения и исторических судеб русского, украинского и белорусского народов, родственностью их языков и культуры, длительностью политико-экономических связей и существованием в границах единого государства. Неоспоримо огромную роль в деле закрепления и развития единой восточнославянской сказочной традиции сыграла Киевская Русь (X—XI вв.), когда «сложилось то общее в языке, быту, культуре, религии, морально-нравственном, психологическом укладе, что определило собой кровные, тесные связи, объединившие все три славянских народа Восточной Европы в единое, неразрывное целое».¹³

¹² Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. «Советская этнография», № 3, 1940, стр. 25.

¹³ В. Мавродин. Древняя Русь. (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). ОГИЗ, 1946, стр. 310.

Татарское нашествие и длительная, упорная совместная борьба с ним русского, украинского и белорусского народов (XIII—XIV вв.), объединение русских земель и укрепление русской государственности (XV—XVI вв.), дальнейшее углубление и усиление феодального гнета во многом способствовали, с одной стороны, развитию и углублению общей героико-патриотической темы в восточнославянском сказочном эпосе, с другой — усилению в нем мотивов социальной борьбы крестьянства против своих внутренних поработителей (прежде всего — боярства).

Эти два важных фактора (особенно последний) и определили в основном ту тождественную изменчивость в сказках русских, украинских и белорусских, которая наблюдается на всем протяжении их исторического развития.

Большую роль сыграл также факт широкого, постоянного и долговременного общения между русским, украинским и белорусским населением, факт взаимопроникающего влияния культур этих братских народов.

Поиски лучших условий жизни, временных заработков, солдатчина и другие обстоятельства нередко заставляли большие массы людей перемещаться из конца в конец огромной территории бывшей Российской империи. Нередко украинца судьба надолго, а то и навсегда забрасывала в далекую Сибирь, а сибиряка — на Украину, белоруса можно было встретить в центральных губерниях, на юге и севере России и т. д. Естественно, среди такого рода переселенцев оказывались и сказочники. Отправляясь на военную службу, на сезонные и кустарные работы, в извоз и т. п., они несли с собой и запас сказок, который, с одной стороны, передавался новым слушателям (и, следовательно, имел перспективу дальнейшего распространения), с другой — пополнялся и обогащался сказками, услышанными от других рассказчиков, что в свою очередь не могло пройти бесследно для местной традиции, в случае возвращения сказочника к себе на родину.

Если тип героя восточнославянской волшебной-фантастической сказки един, если в нем гораздо больше совпадений, чем различий, то спрашивается, в чем же тогда выражаются национальные особенности сказок русских, украинских и белорусских? Эти национальные особенности с наибольшей силой, на наш взгляд, проявляются прежде всего в языке сказки и, следовательно, непосредственно отражаются на ее стиле, а также в описании той окружающей бытовой обстановки, в которой действуют сказочные герои.

Специфический национальный колорит придает сказке также ландшафт, который, как правило, вписывается в нее не отдельными компактными и законченными зарисовками, а разрозненными элементами, и общая типичная картина его создается лишь в результате учета и обобщения всех этих элементов, разбросанных не в одном, а в комплексе сказочных текстов, записанных

на определенной территории. Например, в украинских и южно-русских сказках на первое место выступает степной пейзаж, в белорусских и севернорусских — пейзаж, в котором отражается суровая природа этих краев: лесные дебри (тайга), многочисленные озера и речки, непроходимые болота.

Поэтому проблема национальной специфики сказки может быть решена лишь при изучении всех ее (сказки) компонентов, особенно стиля, что уже выходит за пределы нашей темы и должно составить предмет специального исследования.

ТАБЛИЦА РАЗНОЧТЕНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ НОМЕРОВ
СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ (ТИПОВ) «УКАЗАТЕЛЯ»
Н. П. АНДРЕЕВА, УПОМИНАЕМЫХ В НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЕ,
С НОМЕРАМИ «УКАЗАТЕЛЯ» С. ТОМПСОНА

Андреев	Томпсон	Андреев	Томпсон
*61 II	61 B	333 *B	2028 (ср. 333)
161	161 A	*333 I	333 B
176	1147	400 A	400
222*B	313 B	400*B	400
*299	552 B	*410 I	410*
300 A	300	480 A, *B, *E	480
300 *B	300 A	480 F	480 B*
*312 I	312 D	*485 A	485
313 I	313 H	530 A	530
313 II	313 J	530 *B	530 A
314 I	314 A	552	552 A
315 A	315	*722	313 E*
315 *B	318	*1006 I	1006*
327 C	327 F	1165	1353

а) *Русские сборники*

Азадовский, Верхн. — Верхнеленские сказки. Сборник М. К. Азадовского. Иркутск, 1938.

Азадовский, Сиб. — Сказки из разных мест Сибири. Под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928.

Акимова — Фольклор Саратовской области. Книга первая. Составлена Т. М. Акимовой. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.

Анисимова — Песни и сказки Поимского района. Составитель А. П. Анисимова. Ред. и предисловие В. М. Сидельникова. Пенза, 1948.

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 томах, тт. 1—3. Подготовка текста и примечания В. Я. Проппа. М., 1957.

Бардин — Фольклор Чкаловской области. Составил А. В. Бардин. Чкалов, 1940.

Башк. — Русское народное творчество Башкирии. Составители: С. И. Минц, Н. С. Полещук и Э. В. Померанцева. Под общей ред. Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957.

Бирюков — Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936.

Василенко — Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области. Ред., подготовка текста и составление В. А. Василенко. Омск, 1955.

Волог. — Сказки и песни Вологодской области. Составили С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, 1955.

Воронежск. — Песни и сказки Воронежской области. Сборник составили: А. М. Новикова, И. А. Оссоветский, А. В. Мухин, В. А. Тонков. Под ред. Ю. М. Соколова и С. И. Минц. Вступ. статья Н. П. Гринковой. Воронеж, 1940.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, тт. I—III. Изд. 4. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949—1951.

Господарев — Сказки Ф. П. Господарева. Запись текста, вступ. статья и примечания Н. В. Новикова. Общая ред. и предисловие М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941.

Громов — Народное творчество Дона, кн. I. Ред., вступ. статья, комм. П. Т. Громова. Ростов-н/Д., 1952.

Гуревич — Русские сказки Восточной Сибири. Сборник А. Гуревича. Иркутск, 1939.

Дедушкины прогулки — Дедушкины прогулки, содержащие в себе 10 русских сказок. СПб., 1786.

Завьяловский — Предания и сказки Оренбургских степей. Составил П. Завьяловский. Ред. В. Сидельников. Чкалов, 1948.

Записки — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отд. Русск. геогр. общ. по этногр., т. I, вып. I, под ред. А. В. Адрианова Красноярск, 1902; вып. II, под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1906.

Зеленин, Вятск. — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Записки Русск. геогр. общ. по отд. этногр., т. XVII, Пгр., 1915.

Зеленин, Пермск. — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Записки Русск. геогр. общ. по отд. этногр., т. XLI, Пгр., 1914.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Подготовка текстов, вступ. статья и примечания Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Калинников — И. Ф. Калинников. Сборник сказок Орловской губернии (печатание приостановлено на первых листах, 1918).

Карельск. — Русские сказки в Карелии. (Старые записи). Подготовка текстов, статья и комм. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края. Запись, вступ. статья и комм. И. В. Карнауховой. Предисловие Ю. М. Соколова. Изд. «Academia», 1934.

Китайник — Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.

Ковалев — Сказки И. Ф. Ковалева. Записали и комм. Э. Гофман и С. Минц. Ред. Ю. М. Соколова. Летописи Гос. лит. музея, кн. 41, М., 1941.

Колосов — М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия. Сборник Отд. русск. яз. и сл. АН, т. XVII, 3, СПб., 1877.

Комовская, Пред. — Предания и сказки Горьковской области. Запись и ред. текстов, вступ. статья и примечания Н. Д. Комовской. Горький, 1951.

Коргуев — Сказки М. М. Коргуева. кн. I и II. Запись, вступ. статья и комм. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.

Королькова — Сказки А. Н. Корольковой. Запись, вступ. статья и комм. В. А. Тонкова. Воронеж, 1941.

Красноженова — Сказки Красноярского края. Сборник М. В. Красноженовой под общей ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л., 1937.

Куприяниха — Сказки Куприянихи. Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и комм. А. М. Новиковой и И. А. Оссовета. Вступ. статья и общая ред. И. П. Плотникова. Воронеж, 1937.

Лекарство от задумчивости — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. СПб., 1786.

Леонтьев — Печорский фольклор. Предисл., ред. и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.

Магай — Сказки Магая (Е. И. Сорокиной). Запись Л. Элиасова и М. К. Азадовского. Под общей ред. М. Азадовского. Л., 1940.

Машкин — Материалы по этнографии Курской губернии. Приготовил к печати В. И. Резанов. Ч. III. Сборники А. С. Машкина. Курский сборник, вып. IV, 1903.

Никифоров — А. И. Никифоров. Победитель змея (из севернорусских сказок). «Советский фольклор», № 4—5, 1936, стр. 143—242.

Никифоров, Ск. — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961.

Озаровская — О. Э. Озаровская. Пятиречь. Л., 1931.

Ончуков — Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. Записки Русск. геогр. общ. по отд. этногр., т. XXXIII, СПб., 1908.

Парилов — Русский фольклор Нарыма. Составил И. Г. Парилов. Новосибирск, 1948.

Потявин — Народная поэзия Горьковской области, вып. I. Составитель и редактор В. Потявин. Горький, 1960.

Приб. — А. В. Гуревич и Л. Е. Элиасов. Старый фольклор Прибайкалья, т. I. Вступ. статья и примечания А. В. Гуревича. Улан-Удэ, 1939.

Ровинский — Русские народные картинки, кн. I—V. СПб., 1881. Собрал и описал Д. Ровинский.

Рождественская — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Запись текстов, вступит. статья и комм. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. Записки Русск. геогр. общ. по отд. этногр., т. XII, СПб., 1884.

Сказки XIX в. — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. Составление, вступ. статья и комм. Н. В. Новикова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961.

Сказкин — Сказки М. А. Сказкина. Вступ. статья, запись и ред. текстов, примечания Н. Д. Комовской. Горький, 1952.

Сказки русские Тимофеева — Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собраны и изданы Петром Тимофеевым. М., 1787. Ск. н. кр. — М. В. Красноженова. Сказки нашего края. Предисловие и ред. С. Ф. Савинича. Красноярск, 1940.

Ск. Сар. обл. — Сказки Саратовской области. Сборник составили Т. М. Акимова и П. Д. Степанов. Саратов, 1937.

Смирнов — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. I и II. Издал А. М. Смирнов. Записки Русск. геогр. общ. по отд. этногр., т. XLIV, Пгр., 1917.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Старая погудка — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок, чч. I—III. М., 1794—1795.

Тамб. — Тамбовский фольклор. Сборник составлен коллективом фольклорной экспедиции МИФЛИ в составе студентов: Г. И. Терентьева, И. И. Гришина, В. Е. Гусева, Л. П. Копиной и С. Г. Лазутина. Вступ. статья Г. Терентьева. Ред. и предисл. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов, 1941.

Тонков — Фольклор Воронежской области. Составил В. А. Тонков. Воронеж, 1949.

Тумилевич — Сказки казаков-некрасовцев. Запись, вступ. статья и комм. Ф. В. Тумилевича. Ростов-н/Д., 1945.

Тумилевич, Ск. — Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Собраны Ф. В. Тумилевичем. Ростов-н/Д., 1958.

Урал — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издание подготовили В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. Отв. ред. В. Г. Базанов. Изд. «Наука», 1964.

Цейтлин — Г. Цейтлин. Поморские народные сказки. Архангельск, 1911.

Чернышев — Сказки и легенды пушкинских мест. Записи 1927—1929 гг. Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. Подгот. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

Чудинский — Е. А. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864.

Эрленвейн — Народные сказки, собранные сельскими учителями Тульской губернии. Издание А. А. Эрленвейна. М., 1863.

Яросл. — Песни и сказки Ярославской области. Под общей ред. Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.

б) Украинские сборники

Гринченко — Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях Б. Д. Гринченко, вып. I, Чернигов, 1895; вып. II, Чернигов, 1897.

Данилевский — Г. П. Данилевский. Из Украины. Сказки и повести, ч. III. СПб., 1860.

Драгоманов — Малорусские народные предания и рассказы. Свод М. Драгоманова, Киев, 1876.

Калин — Закарпатські казки Андрія Калина. Запис текстів і вступна стаття П. В. Лінгура. Книгу упорядкував Г. Ігнатович. Ужгород, 1955.

Kolberg — Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił O. Kolberg, t. IV, Kraków, 1889.

Кравченко — Этнографические материалы, собранные в Волинской и соседних с ней губерниях В. Г. Кравченко. Тр. общ. исследователей Волины, XII, Житомир, 1914.

Левченко — Казки та оповідання з Поділля в записях 1850—1860-их рр, вып. I—II. З передмовою акад. А. М. Лободы. Упорядкував М. Левченко. У Києві, 1928.

Максимович — М. А. Максимович. Дни и месяцы украинского селянина. «Русская беседа», 1856, III.

Малинка — А. Н. Малинка. Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов, 1902.

Манжура — Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губернии И. И. Манжурою. Сб. Харьковского историко-филолог. общ., т. II, вып. 2. Харьков, 1890.

Moszyńska. — J. Moszyńska. Bajki i zagadki ludu ukraińskiego. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej w Krakowie, t. IX, 1885 (отд. III).

Роздольский — О. Роздольский. Галицькі народні казки. Етногр. збірник, т. I, Львов, 1895; т. VII, Львов, 1899.

Rokossowska. — Z. Rokossowska. Bajki (skazki, kazki), ze wsi Jurkowszczyzn powiatu zwiahelskiego gubernii wolynskiej. Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne, wydawane staraniem Komisji antropologicznej Akademiei Umiejtnosci w Krakowie, t. II, 1897 (отд. II).

Рудченко — Народные южнорусские сказки, вып. I—II. Издал И. Рудченко. Киев, 1869—1870.

Сухобрус — Українські народні казки. Автор вступ. статті Г. С. Сухобрус. Київ, 1953.

Чмыхало — Оповідання Р. Ф. Чмыхало. Зібрав В. Лесевич. Етногр. збірник видає етногр. комісія наук. тов. им. Шевченка, т. XIV, у Львові, 1904.

Чубинский — П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. II. СПб., 1879 («Сказки мифические»).

Яворский — Ю. А. Яворский. Памятники галицко-русской народной словесности. I. Легенды. II. Сказки. III. Рассказы и анекдоты. Вып. I. Записки Русск. геогр. общ. по отд. этногр., т. XXXVII, вып. I. Киев, 1915.

в) *Белорусские сборники*

Добровольский — Смоленский этнографический сборник, ч. I. Составил В. Н. Добровольский. СПб., 1891.

Романов — Е. Р. Романов. Белорусский сборник. Т. I. Вып. III, Витебск, 1887; вып. IV, Витебск, 1891; вып. VI, Могилев, 1901.

Сержпутовский — А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белорусо-польшук. СПб., 1911.

Сержпутовский, Слуцк. — А. Сержпутоўскіі. Казкі і апавяданні беларусау з Слуцкага повета. Л., 1926.

Federowski. — M. Fedorowski. Lud bialoruski na Rusi litewskiej t. I, Kraków, 1897; t. II, Kraków, 1902; t. III, Kraków, 1903.

Шейн — Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. II. Собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Сб. отд. русск. яз. и сл. АН, т. LVII, СПб., 1893.

Предисловие	3
Введение	7
Глава I. Героя-богатыри	27
Покатигорошек (28). Медвежье Ушко (43). Три брата-богатыря (52). Иван Зорькин (53). Иван Сучич (56), Иван-царевич (67). Женщины-богатырши. Царь-девица (70).	
Глава II. Иронические удачники	79
Незнайка (79). Иванушка-дурачок (104). Емеля-дурак (116).	
Глава III. Помощники героя	131
Жена (невеста) героя (131). Баба-Яга (133). Встречные богатыри (великаны) (146). Чудесные искусники, Невидимка и др. (152).	
Глава IV. Противники героя	158
Баба-Яга (159). Змей (180). Кащей Бессмертный (192). Царь, барин (пан) и др. (219).	
Заключение	240
Таблица разночтений	249
Список сокращений названий фольклорных сборников	250

**Николай Владимирович
Новиков**

**ОБРАЗЫ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ
ВОЛШЕБНОЙ
СКАЗКИ**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
и Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства В. А. Браиловский

Художник Л. А. Яценко

Технический редактор Н. Ф. Виноградова

Корректоры Г. А. Мошкина и Г. И. Суворова

Сдано в набор 1/Х 1973 г. Подписано к печати 12/III
1974 г. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Печ.
л. 16 = 16 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.55. Изд. № 4149.
Тип. зак. № 619. М-37530. Тираж 5400. Цена 1 р. 41 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатана</i>	<i>Следует читать</i>
11	6 снизу	litewskij	litewskiej
119	14 »	szczyupakówa	szczupakówa
194	3 »	351 A	315 A
253	11 »	Akademrei	Akademii

Зак. 619

